

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

РУСЬ И ОРДА

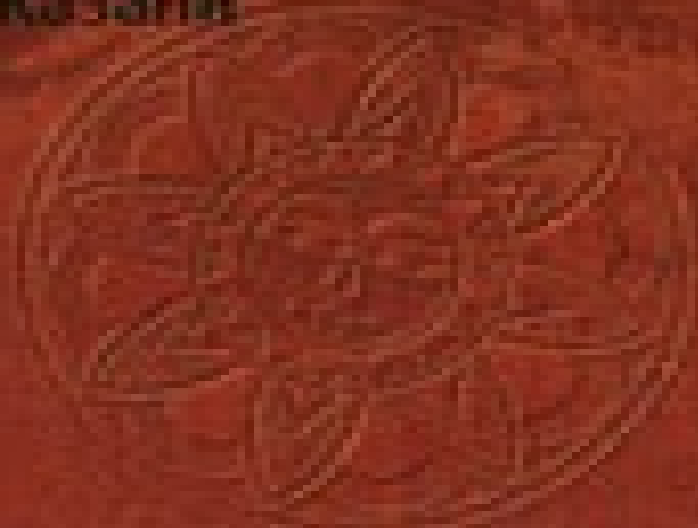

Русские князья
в Золотой Орде

Россия
и Крымское
ханство

Осада и падение
Казани

**АЛЕКСАНДР
ШИРОКОРАД**

Annotation

Книга известного военного историка А.Б. Широкограда представляет собой обзор русско-татарских отношений со времен Золотой орды и до присоединения Крымского ханства к России. Кроме того, в книге приведены малоизвестные факты о роли крымских татар в Крымской войне, а затем в Гражданской и Великой Отечественной войнах. Рассматриваются такие темы, как "монголо-татарское иго", причины возвышения Москвы, политика удельных и великих князей, татарский вектор в российской внутренней и внешней политике. Автор ставил своей целью не критику мэтров отечественной истории, а создание объективной картины сложных политических процессов, уход от идеологических штампов и замалчивания негативных моментов нашей истории.

- [А.Б. Широград](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Заключение](#)
- [Приложение](#)
- [Список использованной литературы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)

- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)

- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)

- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)

- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)

- [266](#)
 - [267](#)
 - [268](#)
 - [269](#)
 - [270](#)
 - [271](#)
 - [272](#)
 - [273](#)
 - [274](#)
 - [275](#)
 - [276](#)
 - [277](#)
 - [278](#)
 - [279](#)
 - [280](#)
 - [281](#)
 - [282](#)
 - [283](#)
 - [284](#)
 - [285](#)
 - [286](#)
 - [287](#)
 - [288](#)
 - [289](#)
 - [290](#)
 - [291](#)
 - [292](#)
 - [293](#)
 - [294](#)
 - [295](#)
 - [296](#)
 - [297](#)
-

А.Б. Широкоград
Русь и Орда

Глава 1

Кровавый пролог

Весной 1223 г. к галицкому^[1] князю Мстиславу Мстисла-вовичу Удалому приехал зять, половецкий хан Котян. Уже много десятилетий южные русские княжества вели, по выражению С. М. Соловьева, «бесконечную и однообразную» войну с половцами. Войны кончались миром, совместными пирами, и несколько половецких «принцесс» стали женами князей Рюриковичей. Так и дочь Котяна, получившая при крещении имя Мария, стала женой Мстислава Удалого.

Русские князья часто использовали половцев в качестве союзников в борьбе со своими родственниками-конкурентами, а иногда помогали половецким ханам в их сварах. Поэтому Мстислава не удивила просьба зятя помочь ему войсками в борьбе с другими кочевыми племенами. Удивил лишь страх Котяна перед неизвестными племенами, которых половцы называли татарами. Котян подарил зятю множество коней, верблюдов, буйволов, а также прекрасных невольниц, и обещал еще больше после победы.

Испуганный хан требовал: «Нашу землю нынче отняли татары, а вашу завтра возьмут, защитите нас. Если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы — завтра».

И вот князья Рюриковичи съехались в Киев на совет. Здесь были трое старших князей: Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославович Черниговский и Мстислав Мстисла-вович Галицкий (Удалой). Из младших князей прибыли Даниил Романович Волынский, Всеволод Мстиславович, сын киевского князя, и Михаил Всеволодович, племянник черниговского князя. Мстислав Удалой стал уговаривать князей помочь половцам. Он говорил: «Если мы, братья, не поможем им, то они предадутся татарам, и тогда у них будет еще больше силы». После долгих раздумий и обсуждений князья согласились идти на татар. Они говорили: «Лучше нам принять их на чужой земле, чем на своей».

Южнорусские князья обратились за помощью к сильному владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, но тот отказался — дела дальние, его Владимира степные разборки никогда не касались. Да еще припомнил Мстиславу Удалому давние обиды.

Дружины южных князей собрались сравнительно быстро и пошли на

юго-восток. Всего у русских и половцев насчитывалось около 80 тысяч ратников. Силы же татар составляли от 20 до 30 тысяч всадников.

Татарские полководцы Субэдэй и Джэбэ провели в 1222 г. три тумена^[2] через Кавказ. Грузинский царь Георгий Лаша вышел им навстречу и был уничтожен со всем своим войском. Татарам удалось захватить проводников, которые указали им путь через Дальялское ущелье (современная Военно-Грузинская дорога). Татарское войско вышло к верховьям реки Кубань, в тыл половцам. Здесь татары столкнулись с аланами. При виде татар аланы попросту разбежались, а татарам достались отличные кони и продовольствие. Половцы тоже не решились дать бой и очень быстро, но организованно откочевали к русским границам.

На правом берегу Днепра у города Заруба русскую рать встретили татарские послы. Они заявили русским князьям: «Слышали мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили. Пришли мы попущением божиим на холопей своих и конюхов, на поганных половцев, а с вами нам нет войны. Если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда, и добро их себе берите. Слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда бьем».

Князья не пожелали вступать в переговоры, а приказали перебить послов, посчитав, что они могли быть просто лазутчиками.

Русское войско шло несколько дней вдоль Днепра, наблюдая на левом берегу татарские разъезды. У острова Хортица, там, где позже возникнет знаменитая Запорожская Сечь, Мстислав Удалой скрытно переправился через Днепр с тысячью лучших всадников и стремительно атаковал передовой отряд татар. Галичане окружили татар, занявших оборону на половецком кургане, и перебили их. Татарский начальник, некий Гемебек, был пленен и отдан половцам, которые его немедленно убили.

Затем через Днепр переправилось все союзное войско. Восемь дней союзники шли на восток, углубляясь в половецкую степь. Передовым отрядам удалось захватить стада крупного рогатого скота, но боевых столкновений с татарами не было. Небольшая стычка произошла на восьмой день пути у маленькой речки Калки (современное название Кальчик), которая сливается с рекой Кальмиус у самого ее впадения в Азовское море. Татары были разбиты и бежали. Русские перешли Калку и разбили лагерь на ее левом берегу.

Рано утром 16 июня 1223 г. Мстислав Удалой выехал на передовой пост и увидел приближавшееся татарское войско. Мстислав решил справиться с татарами в одиночку. Он поднял по тревоге только свои полки,

не предупредив других князей. Во главе передового полка на врага рванулся восемнадцатилетний князь Даниил Романович.^[3] Он получил сильный удар в грудь, но от смерти был спасен прочными доспехами. На выручку Даниилу кинулся его дядя, луцкий князь Мстислав Ярославович Немой. Татары бежали перед дядей и племянником, а также перед дружиной Олега Курского.

Но тут бросились бежать половцы. Толпы обезумевших от страха половцев налетели на стоявшие в боевом порядке полки остальных князей. В итоге русские потерпели поражение, какого, по словам летописца, «не бывало от начала Русской земли».

Киевский князь Мстислав со своим зятем Андреем и дубровицким князем Александром, видя беду, стояли на горе над Калкой и не двинулись с места. Полки его огородились кольем и три дня отбивались из этого укрепления от татар, которых осталось только два отряда под начальством Чегиркана и Ташукана. Остальные же бросились в погоню к Днепру за отступавшим русским войском.

Вместе с татарами сражался и большой отряд бродников, то есть всякого сброду, шатавшегося в степях. Большинство из них считали себя православными. Предводитель бродников Плоския вступил с русскими в переговоры и поцеловал крест Мстиславу, поклявшись, что если русские сдадутся, то татары не убьют их, а отпустят за выкуп. Князья поверили, сдались и были задавлены: их положили под доски, на которые сели пировать знатные татары.

В ходе преследования остатков русских войск к Днепру татары убили шесть князей — Мстислава Черниговского с сыном, Святослава Яневского, Изяслава Ингваревича, Святослава Шумского и Юрия Несвижского.^[4] Кроме того, был убит знаменитый богатырь Александр Попович.

Мстиславу Удалому с юным Даниилом Романовичем и несколькими другими князьями удалось переправиться через Днепр. После этого Мстислав, опасаясь татарской погони, приказал уничтожить все лодки в районе переправы. Но татары дошли до Новгорода Святополкского и повернули назад. Жители русских городов и сел выходили им навстречу с крестами, но татары их убивали. По словам летописца: «Вопли и вздохи раздавались по всем городам и волостям. Не знаем, откуда приходили на нас эти злые татары Таурмени и куда опять делись? Некоторые толковали, что это, должно быть, те нечистые народы, которых некогда Гедеон загнал в пустыню и которые пред концом мира должны явиться и попленить все страны».^[5]

На самом деле это были этнические монголы, а татарами я их называю, поскольку они так именуются в русских летописях и для удобства читателей. Предки же современных татар, живущих в Татарстане, не только не участвовали в битве, но и, наоборот, активно сопротивлялись монголам Субэдэя, когда те пытались форсировать Волгу у южных границ Булгарии. Как писал арабский историк XIII века Ибн ал-Асир, болгар «в нескольких местах устроили им засады» и, заманив, «напали на них с тыла» и перебили множество воинов. Уцелевшие монголы через степи Казахстана вернулись в Монголию.

Глава 2

Падение Рязани

«Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Игоревичу^[6] Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский о нашествии безбожного царя Батые, и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батые или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Игоревичем Муромским, и за князем Глебом Ингоровичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батые с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батые, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батые, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, князе, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить

благодарного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

Но один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, уцелел и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благодарной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благодарного князя Федора Юрьевича.

Благодарная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме свои и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти...»^[7]

Так гласит «Повесть о разорении Рязани Батыем». Рязанские князья в 20 — 30-е годы XIII века ухитрились поссориться и с великим князем владимирским, и с черниговским князем. Кроме того, соседние русские князья не оценили угрозы татарского нашествия и поначалу воспринимали его только как набег на Рязань.

В итоге против татар вышла одна лишь рязанская рать под началом рязанского князя Юрия Игоревича. Битва состоялась у реки Воронеж, «... была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреодолимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами».^[8]

Рязанское войско было разбито. В битве пал Юрий Игоревич и его родичи — племянники Давыд (удельный князь муромский) и Глеб (удельный князь коломенский) Ингваревичи и внучатый племянник Всеволод Михайлович (удельный князь пронский). Согласно «Повести...» погибло и все войско.

16 декабря 1237 г. татары осадили Рязань. Она была сравнительно хорошо укреплена. Город площадью около 10 гектаров был построен на крутых холмах. Городской вал, даже простояв столь длительное время (с XII века), представлял собой мощное сооружение высотой до 10 м и шириной у основания более 20 м. По всей длине вала тянулся ров, достигавший в некоторых местах большой глубины. В ряде мест вал прерывался — тут находились крепостные ворота. При раскопках вала выяснилось, что он представлял собой не только грандиозную насыпь, но и

сложное оборонительное сооружение из земли и деревянных крепостных стен. В верхней части вала были открыты остатки сплошной деревянной стены из продольно положенных бревен, перевязанных поперечными бревнами. Кроме того, имелось несколько внутригородских валов. В городе было не менее трех больших каменных церквей. «Царь Батый... осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекли... И храмы божий разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши».^[9]

Сейчас ряд историков^[10] склонны видеть в «Повести...» преувеличения. Однако археологические раскопки подтверждают уничтожение подавляющего большинства горожан.

Вот что пишет археолог В.П. Даркевич: «Систематические раскопки братских могил жертв монгольского нашествия наша экспедиция провела в 1977–1979 гг. на подоле вблизи Оки и около бывшего усадебного дома Стерлиговых у южной околицы деревни Фатьяновка.

Изучение антропологических материалов показало: из 143 вскрытых погребений большинство принадлежит мужчинам в возрасте от 30 до 40 лет и женщинам от 30 до 35 лет. Много детских захоронений, от грудных младенцев до 6 —10 лет. Это ря-занцы, которых завоеватели истребили поголовно, многих уже после взятия города. Юношей, девушек и молодых женщин, оставшихся в живых, вероятно, разделили между воинами. Найден скелет беременной женщины, убитый мужчина прижимал к груди маленького ребенка. У части скелетов проломлены черепа, на костях следы сабельных ударов, отрублены кисти рук. Много отдельных черепов. В костях застряли наконечники стрел. Жителей городов, оказавших упорное сопротивление, ожидала жестокая расправа. За исключением

ремесленников и обращенных в рабство, остальных пленных зарубали топором или обоюдоострой секирой. Массовые казни происходили методично и хладнокровно: осужденных разделяли между сотниками, те же — поручали каждому рабу умертвить не менее десяти человек. По рассказам летописцев, после падения Рязани — мужчин, женщин и детей, монахов, монахинь и священников уничтожали огнем и мечом, распинали, поражали стрелами. Пленникам рубили головы: при раскопках А.В. Селивановым Спасского собора обнаружены скопления из 27 и 70 черепов, некоторые со следами ударов острым оружием». ^[11]

Через некоторое время после взятия Рязани в разрушенный город прибыл рязанский князь Ингварь Ингваревич, который во время нашествия находился в Чернигове у князя Михаила Всеволодовича. Как сказано в «Повести...»: «Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый». ^[12]

Ингварь Ингваревич собрал уцелевших окрестных жителей и захоронил убитых (или по крайней мере часть их). Раскопки подтверждают «Повесть...»: «В братских могилах Рязани погибших похоронили без гробов, в общих котлованах до 1 м глубиной, причем смерзшуюся землю разогревали кострами. Их положили по христианскому обряду — головой на запад, с руками, сложенными на груди. Скелеты лежат рядами, вплотную друг к другу, местами в два — три яруса». ^[13]

Некоторые историки считают, что Ингварь Ингваревич восстановил Рязань. Это они обосновывали той же «Повестью...»: «Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего Ингваря Свя-тославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал». ^[14]

Но в «Повести...» говорится не о городе, а о земле Рязанской. Археологи однозначно доказали — Рязань более не восстанавливалась, и культурного слоя после 1237 г. не обнаружено. Лишь в одной части города найдены остатки усадеб XVII века. Рязанский князь сделал своей столицей город Пе-реяславль Рязанский, который с середины XIV века стал именоваться Рязанью.

В «Повести...» рассказывается, что русский боярин Евпатий Коловрат, находившийся в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, отправился на помощь Рязани с «малой дружиной». «И помчался в город Рязань, и

увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, и иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, был их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился». ^[15]

Царь Батый «послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и разведцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — со тьмою. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатиево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им». ^[16]

Татары уничтожили не только Рязань, но и разорили все княжество. Они взяли Пронск, в татарский плен попал князь Олег Ингваревич Красный. Автор «Повести...» утверждает, что в Пронске Ингварь

Ингваревич собрал «рассеченные части тела брата своего... Олега Ингваревича». Но это не соответствует действительности. Татары держали в плену князя Олега до самой смерти рязанского князя Ингваря Ингваревича в 1252 г. и лишь тогда отпустили на Русь. Умер Олег Ингваревич в декабре 1258 г. и был погребен в Переяславле Рязанском в храме Святого Спаса.^[17]

Татары буквально стерли с лица земли город Белгород Рязанский.^[18] Больше он уже не восстанавливался, и сейчас неизвестно даже его точное расположение. Тульские историки идентифицируют его с городищем у села Белородица на реке Полосне в 16 км от современного города Венева.

Погиб и рязанский город Воронеж.^[19] Несколько столетий стояли безлюдными развалины города, и лишь в 1586 г. на его месте построили острог для защиты от набегов крымских татар.

Уничтожен был татарами и довольно известный город Де-дославль. Ряд историков идентифицируют его с городищем у села Дедилово на правом берегу реки Шат.

Однако подавляющее большинство десятков городов (городищ), уничтоженных татарами в 1237–1238 гг., как на Рязанщине, так и по всей Руси, историкам и археологам идентифицировать не удастся. Города эти так и остаются безымянными. Объединяют их лишь следы пожара, братские могилы без гробов, а то и просто хаотически лежащие останки людей со следами насильственной смерти, детей и взрослых, спрятавшихся в подполах, печках и иных укрытиях и нашедших там свою смерть.

Глава 3

Разорение Северо — Западной Руси

От Рязани войско Батыея двинулось вверх по Оке и подошло к Коломне, а там татар ждали дружины владимирского князя Юрия Всеволодовича и остатки рязанской дружины во главе с князем Романом Ингваревичем. Замечу, что сам великий князь владимирский Юрий Всеволодович с войском не пошел, а отправил своего старшего сына Всеволода с воеводой Еремеем.

Татары окружили русских. В битве погибли Роман Ингваревич и воевода Еремей с большей частью войска. Юрию же Всеволодовичу удалось убежать к отцу во Владимир. Коломна была взята татарами и разграблена.

От Коломны отряды царевича Гуюка по льду Москвы-реки подошли к городу Москве. Взятие Москвы описано в русских источниках коротко и неясно. Во всяком случае, деревянный кремль был взят штурмом. Воевода Филипп Нянька (Нянко)^[20] был убит, а молодой князь Владимир Юрьевич (третий сын Юрия Всеволодовича) взят в плен. Царевич Гуюк забрал с собой плененного Владимира Юрьевича и голову павшего в бою Филиппа Няньки и отправился к городу Владимиру.

3 февраля 1238 г. основные силы татар во главе с Батыеем подошли к Владимиру. Великий князь владимирский Юрий Всеволодович бежал из столицы. Во Владимире он оставил жену Агафью и двух старших сыновей Всеволода и Мстислава с воеводой Петром Ослядюковичем и частью дружины.

Юрий же с основным войском двинулся на северо-запад и, перейдя Волгу под Угличем, разбил свой лагерь на реке Сить, примерно в 30 км к западу от Волги. Вместе с великим князем были три его племянника — сыновья князя Константина Всеволодовича Василько, Всеволод и Владимир. Призвав своих братьев Ярослава и Святослава, Юрий Всеволодович, очевидно, собирался занять оборонительные позиции с участием всех имевшихся дружин Суздальской земли и использовать реки Волгу и Мологу как естественные оборонительные линии с востока и с севера.

Как гласит Тверская летопись: «Беззаконные же татары пришли к Владимиру... Привели они с собой Владимира Юрьевича к Золотым

воротам, спрашивая: «Узнаете ли княжича вашего?» Братья его, воевода Ослядюкович и все люди проливали обильные слезы, видя горькие мучения князя. Татары же отошли от городских ворот, объехали город, а затем разбили лагерь на видимом расстоянии перед Золотыми воротами. Всеволод и Мстислав Юрьевичи хотели выйти из города против татар, но Петр-воевода запретил им сражаться, сказав: «Нет мужества, и разума, и силы против божьего наказания за наши грехи»». ^[21]

Пока часть татарского войска обносила Владимир частоколом и готовила осадные машины, остальное войско 5 февраля совершило молниеносный набег на Суздаль и в тот же день сожгло город.

Штурм Владимира начался утром 7 февраля. Как гласит та же Тверская летопись: «Утром увидели князя Всеволод и Мстислав и епископ Митрофан, что город будет взят, и, не надеясь ни на чью помощь, вошли они все в церковь святой Богородицы и начали каяться в своих грехах. А тех из них, кто хотел принять схиму, епископ Митрофан постриг всех: князей, и княгиню Юрия, и дочь его, и сноху, и благочестивых мужчин и женщин. А татары начали готовить пороки, и подступили к городу, и проломили городскую стену, и заполнили ров наломанными ветками и так по примету вошли в город; так от Лыбеди вошли они в Иринины ворота, а от Клязьмы в Медные и Волжские ворота, и так взяли город и подожгли его. Увидели князя, и епископ, и княгини, что зажжен город и люди умирают в огне, а других рубят мечами, и бежали князя в Средний город. А епископ, и княгиня со снохами, и с дочерью, княжной Феодорой, и с внучатами, другие княгини, и боярыни, и многие люди вбежали в церковь святой Богородицы и заперлись на хорах. А татары взяли и Средний город, и выбили двери церкви, и собрали много дров, обложили церковь дровами и подожгли. И все бывшие там задохнулись, и так предали души свои в руки господя; а других князей и людей татары порубили»». ^[22]

Следует заметить, что три сына князя Юрия Всеволодовича погибли при осаде. Владимир, Всеволод и Мстислав ныне считаются местными святыми города Владимира.

Разобраться в последующих действиях татар по русским летописям довольно трудно. Так, в Лаврентьевской летописи говорится, что в феврале 1238 г. было захвачено шесть крупных городов Суздальской земли, после чего 4 марта на реке Сить разгромлено войско Юрия Всеволодовича. Новгородская Первая летопись перечисляет уже восемь городов Суздальской земли (причем только два из них совпадают с перечисленными в Лаврентьевской летописи) и сообщает, что они были взяты после битвы

на Сити. Никоновская летопись XVI века добавляет к ранее упомянутым городам еще два города. Никаких подробностей захвата какого-либо из названных в разных источниках четырнадцати городов в летописях не приводится. Рассказ о взятии и разграблении Суздаля, которому посвящено больше места, чем всем остальным, составляют фрагменты, заимствованные летописцами из ранних текстов. К примеру, из описания разграбления Киева половцами в 1203 г., и вряд ли этому описанию можно верить. Не нашлось места даже для рассказа о разрушении Ростова, собственная летопись которого была позднее включена в летопись Владимира (то есть в Лаврентьевскую). Создается впечатление, что летописцы Владимира и Новгорода просто перечислили основные города Суздальской земли без всякого представления о том, на какие из этих городов татары напали, какие разграбили, а какие обошли стороной.

Л.Н. Гумилев утверждает: «Жители богатого торгового Углича, например, довольно быстро нашли общий язык с монголами. Выдав лошадей и провиант, угличане спасли свой город; позже подобным образом поступили почти все поволжские города. Более того, находились русские, пополнявшие ряды монгольских войск. Венгерский хронист называл их «наихудшими христианами».^[23]

Профессор Казанского государственного педагогического университета Зуфар Зайниевич Мифтахов считает, что «уцелела Кострома, Тверь, Ярославль — все города по Волге уцелели именно потому, что они заключили мир с татарами и монголами».^[24]

По моему же мнению, вопрос о Костроме следует считать открытым, но Тверь была уничтожена татарами, и в 1240 г. князь Ярослав Всеволодович фактически основал новый город на левом берегу Волги в устье реки Тверцы. А старая Тверь была в полутора километрах на правом берегу Волги у впадения в нее реки Тьмаки.

Тут следует заметить, что татары после взятия Владимира двигались не единым войском, а отдельными ударными группами. Некоторую ясность вносит Мифтахов. Он утверждает, что вместе с войском Батые двигалось от 11 до 12 тысяч бул-гарских войск под началом эмира Гази Бараджа. Отдельный болгарский отряд Бояна, сына болгарского царя Алтынбека, действовал на севере в отрыве от татарских сил. Бояну удалось захватить город Устюг. Бывший нижегородский монах Ас-Азим, служивший некоторое время попом в городе Биляре и посланный Гази Бараджем в поход вместе в Бояном, уговорил местного воеводу сдать город без кровопролития.

После взятия Рязани татарами войско эмира Гази Бараджа двинулось на Нижний Новгород. Ко времени подхода бул-гарских войск князя в городе не было, а нижегородские бояре сами открыли ворота Гази Бараджу. Мифтахов утверждает, что к войску эмира присоединилось около 4 тысяч пеших русских воинов из Нижнего Новгорода и Ростова.

К началу марта 1238 г. на реке Сить собрались дружины нескольких князей северо-восточной Руси во главе с Юрием Всеволодовичем. Среди них был его родной брат переяславский князь Святослав Всеволодович и три племянника Василь-ко, Всеволод и Владимир Константиновичи. Больше ни один князь не пожелал присоединиться к великому князю владимирскому. Брат Ярослав Всеволодович в 1236 г. захватил Киев и стал великим князем киевским. Наши верноподданные историки утверждают, что Ярослав очень хотел помочь брату Юрию и спешил на Сить, но вот немного не успел. На самом деле хитрый Ярослав и не думал воевать с татарами, а вот после смерти Юрия он действительно поспешил и быстро прибежал княжить во Владимир.

Юрий Всеволодович оказался крайне бездарным полководцем. Вполне возможно, на него и его окружение напал панический страх перед татарами. Он не удосужился даже организовать разведку и наблюдение за татарским войском. В результате русские дружины были внезапно окружены татарами. 4 марта в ходе жестокой сечи русские были наголову разбиты, а князья Юрий Всеволодович и Всеволод Константинович пали в бою. Как гласит Тверская летопись: «А Василька Константиновича Ростовского татары взяли в плен и вели его до Шерньского леса, принуждая его жить по их обычаю и воевать на их стороне. Но он не покорился им и не принимал пищи из рук их, но много хульных слов изрек на их царя и всех их. Они же, жестоко мучив его, умертвили четвертого марта, в середину Великого поста, и бросили его тело в лесу».^[25] Позже князей Юрия Всеволодовича и Василько Ростовского причислили к лику святых.

Сражение происходило между современными деревнями Игнатово и Ревякино Городище Ярославской области, примерно в 16 км выше впадения реки Сить в Рыбинское водохранилище. Археолог Н.П. Сабанеев обнаружил в этом районе могилы погибших воинов. Увы, неблагодарные потомки не удосужились поставить не то что памятник, а хотя бы какой либо знак, указывающий на место битвы.

Любопытно, что Мифтахов утверждает, будто татаро-монголам в битве на Сити участвовать не пришлось, а с войском Юрия Всеволодовича сражались болгары и 4 тысячи русской пехоты из Нижнего Новгорода и

Ростова. Сам же великий князь владимирский в битве участия не принимал. «Еще в 1229 г. он был «ранен в зад, отчего с тех пор не мог ездить на лошади» (Гази Барадж. Летопись Гази Бараджа. 1229–1246 годы. Бахши Иман. Свод болгарских летописей. Том первый. Оренбург, 1993. С. 165). Поэтому Юрий Всеволодович оставил поле боя не на коне, а на возке. Он убежал по дороге на Новгород. Однако отъехать далеко не удалось: попал в засаду, устроенную Кул Буратом. Охранный отряд был быстро уничтожен болгарскими лучниками. Великий князь соскочил с возка и побежал в сторону леса, но увяз в глубоком снегу. К нему подскакал сын покойного тархана Бачмана Нарык и отсек голову. Затем Нарык насадил его голову на древко своего боевого знамени и отправил к эмиру Гази Бараджу».^[26]

Мифтахов приводит и совсем другую версию смерти князя Василько Константиновича, которого он, правда, по ошибке называет рязанским князем. «Через несколько дней после этого (битвы на реке Сити. — А.Ш.) произошло неожиданное событие. На новгородской дороге встретились два конных разъезда: разъезд Кул Бурата и разъезд князя Ярослава Всеволодовича. Этой встрече предшествовали следующие события.

Прежде чем оставить г. Владимир и свою семью на произвол судьбы, великий князь отправил в Новгород на 50 возах государственную казну. Обоз сопровождали младший брат великого князя Ярослав Всеволодович, рязанский князь Василько Константинович и его сын Борис. Когда конный разъезд князя Ярослава столкнулся с разъездом отряда Кул Бурата, обоз повернули на юг. Однако спасти государственную казну не удалось: неожиданно обоз наткнулся на разъезд отряда Гуюка. Встреча была столь неожиданной, что возникла сумятица. Этим воспользовался Борис, ехавший в конце обоза. Ему удалось развернуть десять возов и незаметно уехать с места встречи. Борис прибыл в расположение отряда Кул Бурата и был препровожден к Гази Бараджу. (Гази Барадж. Летопись Гази Бараджа. Т. 1. С. 178–179).

По свидетельству участника этих событий Гази Бараджа, князь Ярослав передал 40 возов с ценностями казны Гуюку и при этом сообщил, что князь Василько Константинович отправил своего сына Бориса с 10 возами к Гази Бараджу (Гази Барадж. Летопись Гази Бараджа. Т. 1. С. 179).

Историк С.М. Соловьев писал о том, что будто бы «татарам очень хотелось, чтоб Василько принял их обычаи и воевал вместе с ними; но ростовский князь не ел, не пил, чтоб не оскверниться пищею поганных» (Соловьев С.М. Об истории Древней России. М., 1992. С. 159). По свидетельству Гази Бараджа, дело было вовсе не в «пище поганных», а в

том, что князь Ярослав «оклеветал бедного Васыла, сказав Гуюку, что тот нарочно направил своего сына ко мне с десятью возами из пятидесяти. Это была ложь. Но напрасно Васыл говорил, что ничего не знал о содержании возов и не склонял Борыса к побегу. Гуюк мучил его страшными пытками и, не заставив бека обогатить сына и меня, в ярости убил» (Гази Барадж. Летопись Гази Бараджа. Т. 1. С. 179).

Споры и раздоры по поводу десяти возов привели к ухудшению отношений между Гази Бараджем и царевичами Гуюком и Бату. Гуюк в категоричной форме потребовал от эмира выдачи Бориса (по-булгарски Борыс). К тому времени Гази Барадж уже отправил Бориса под охраной отряда Нарыка в Волжскую Булгарию. От беды Гази Бараджа спасло лишь заступничество царевича Мунке и полководца Субетая. Субе-тай сказал царевичам, что нельзя тратить время на споры и раздоры, а необходимо «поскорее выполнить указ великого хана» (Гази Барадж. Летопись Гази Бараджа. Т. 1. С. 179) Лишь после этого стали готовиться к продолжению похода». ^[27]

В версии Мифтахова и, соответственно, в болгарской летописи есть несколько ошибок. Младший брат великого князя Владимирского Ярослав Всеволодович был далеко — в Киеве или в районе Киева. Его Гази перепутал, видимо, с Ярославом Всеволодовичем, шестым сыном Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. У Васильке Константиновича, галицкого князя, действительно был сын Борис, но тому тогда исполнилось лишь 7 лет. ^[28] В остальном же болгарская версия весьма похожа на правду.

Пока часть татарских (булгарских) войск шла к реке Сить, другая часть осадила город Торжок. В Торжке не оказалось ни князя, ни княжеской дружины, и оборону возглавили «Иванко посадник Новоторжский, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михаило Моисеевич», то есть верхушка купеческого посадского населения. Жители Торжка заблаговременно обратились за помощью к Господину Великому Новгороду, который периодически бывал сюзереном Торжка. Замечу, что в Новгороде в 1237–1238 гг. князем ^[29] был молодой Александр Ярославович, будущий Невский. Новгородские власти и Александр могли вместе или порознь (в этом вопросе они были независимы друг от друга) оказать помощь Торжку, но они и пальцем не пошевелили.

Как говорит Тверская летопись, татары окружили весь город тыном, «так же, как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех —

и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки господя месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина».^[30]

И вот уже 200 лет историки спорят, кто помимо сил небесных спас Новгород. Так, С.М. Соловьев пишет, что татары, «не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку на степь».^[31]

И эта осторожная фраза вскоре превратилась в каноническую версию и вошла в наши школьные учебники. Кто-то говорит, что в боях с русскими татары были обескровлены и побоялись идти на Новгород.

Историк В.В. Каргалов утверждает, что татары вообще не собирались брать Новгорода, а до Игнатьева креста дошел лишь небольшой татарский отряд, преследовавший беглецов из Торжка.

Булгарские же летописи дают весьма четкое и недвусмысленное объяснение. Дело в том, что еще в конце 1237 г. в Новгород была прислана грамота с печатью Великого хана с обещанием не разорять город, если новгородцы не будут помогать великому князю владимирскому. Князь Александр Ярославович, городские и церковные власти (три независимые силы Новгорода) дали согласие и действительно держали строгий нейтралитет, пока татары громили северо-восточные русские земли.

Точных сведений о движении татарского войска назад в степи нет ни в русских, ни в восточных летописях. На мой взгляд, наиболее достоверным является путь, указанный в «Атласе истории средних веков» под редакцией академика Е.А. Косминского, (Москва, 1955. С. 24). Видимо, действительно центр армии шел по линии Вязьма — Козельск, при этом была ли Вязьма разорена или сдалась на милость победителям — не ясно.

Какой-то правофланговый отряд татар подошел к Смоленску и стал в 25 верстах от него на Долгомостье. Дальнейшие события известны лишь из жития святого мученика Меркурия Смоленского. Ночью у княжеского

дружинника по имени Меркурий было видение Богородицы, которая повелела ему напасть в одиночку на татар. Той же ночью Меркурий сел на коня и отправился в татарский стан в Долгомостье. Никем не замеченный, он прошел стражу и среди неприятельского стана увидел великана. Оградясь крестным знаменем, Меркурий воскликнул: «Пресвятая Богородица, помоги мне!» и убил гордого и надменного исполина, а затем истребил еще множество врагов. Сын убитого татарского великана, желая отомстить за смерть отца, напал сзади на Меркурия и нанес ему смертельный удар. Но внезапно непонятный ужас охватил врагов, и, бросая оружие, они бежали от города, гонимые неведомой силой из пределов Смоленской земли.

По моему мнению, в житии правда перемешена с вымыслом. Скорее всего, имела место удачная вылазка смоленской дружины князя Святослава, сына смоленского князя Мстислава Старого. Татарский отряд был разбит и ушел на юг в степь. Возможно, в битве погиб и князь Святослав Мстиславович, поскольку известно, что в 1238 г. вместо него смоленский стол занял его младший брат Всеволод.

Упорное сопротивление в течение 7 недель оказали жители небольшого города Козельска на реке Жиздре (ныне г. Козельск Калужской области). В Козельске удельным князем был какой-то младенец Василий.^[32] С.М. Соловьев так пересказывает русскую летопись: «Жители Козельска решились не сдаваться татарам: «Хотя князь наш и молод, — сказали они, — но положим живот свой за него; и здесь славу, и там небесные венцы от Христа бога получим». Татары разбили наконец городские стены и взошли на вал, но и тут встретили упорное сопротивление: горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки и убили 4000 неприятелей, пока сами все не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось с князем Василием, неизвестно; одни говорят, что он утонул в крови, потому что был еще молод. С тех пор, прибавляет летописец, татары не смели называть Козельск настоящим его именем, а называли злым городом».^[33]

По болгарской же летописи Козельск держался не 7 недель, а 7 дней. Причем штурм крепости не удавался не столько из-за отчаянного сопротивления жителей, сколько из-за атак конной дружины, укрывшейся в лесу недалеко от города. Как только татары начинали штурм, с тыла их атаковала конная дружина. На седьмой же день конная дружина, находившаяся в Козельске, на рассвете пошла на вылазку. Татары проспали

атаку, и большая часть дружинников из Козельска ушла в Чернигов. Козельск же был взят и по приказу Бату-хана (Батые) сравнен с землей. По болгарской летописи в боях за Козельск татары потеряли убитыми 7 тысяч воинов.

Таким образом, потери татарам под Козельском были нанесены не простыми горожанами (как это принято было говорить советскими историками), а сильными черниговской и козельской дружинами. Если верить болгарской летописи, то это был первый пример тактически грамотных действий русских в войне 1237–1238 гг.

После взятия Козельска татарское войско направилось в степи, в Половецкую землю, где Батый разбил хана Котяна, который с 40 тысячами своего народа ушел в Венгрию, где получил земли для поселения.

Глава 4

Походы Татар В 1239–1241 Гг

В 1239 г. татары совершили два похода, а точнее, набега на Русь. На северо-востоке татарский отряд завоевал Мордовские земли, прошел по Клязьме, сжег город Гороховец, а затем повернул обратно.

Другой, более сильный отряд двигался с юга. Татары взяли и сожгли Переяславль Южный, половину жителей истребили, а остальных увели в плен. Далее они двинулись на Чернигов. Возможно, это была месть за участие черниговской дружины в обороне Козельска.

Черниговский князь Михаил, сын Всеволода Святослави-ча Черного, сразу по отъезде из Киева князя Ярослава Всеволодовича захватил Киев и объявил себя великим князем киевским. Из-за этого ему, видимо, и недосуг было защищать Чернигов. Этим занялся его двоюродный брат Мстислав Глебович. Но в битве у Чернигова дружина Мстислава Глебовича была разбита, а сам князь бежал в Венгрию.

Татары взяли и сожгли Чернигов, однако пожалели местного епископа и часть клира. Уже тогда хан начал заигрывать с православной церковью.

По взятии Чернигова племянник Батия, сын Угедая Менухан приехал к Песочному городку на левый берег Днепра, чтобы посмотреть на Киев, раскинувшийся на другом берегу. По словам летописца, татарин удивился красоте и величию Киева и отправил послов к князю Михаилу Всеволодовичу и к киевлянам, чтобы склонить их к сдаче города.

Князь Михаил Всеволодович приказал перебить татарских послов. Позднейшие наши историки пытались выгородить будущего святого: «Кажется, это случилось против воли самого Михаила, потому что вскоре после убийства он, не дожидаясь осады, бежал в Венгрию».^[34] Так поэтому Михаил и сбежал, опасаясь мести татар.

Свято место пусто не бывает, после бегства Михаила в Киев из Смоленска прибыл князь Ростислав Мстиславович и объявил себя великим князем киевским. Но княжить ему пришлось недолго.

К Киеву подошла рать Даниила Романовича Галицкого и захватила город. Ростислав Мстиславович был взят в плен. Но оставаться в Киеве Даниил не пожелал и оставил в качестве наместника своего тысяцкого Дмитра.

Между прочим, Михаил Всеволодович, убегая из Киева в Венгрию,

потерял по пути жену и бояр. Они были захвачены дружиной князя Ярослава Всеволодовича. Узнав об этом, Даниил Галицкий послал ему сказать: «Отпусти ко мне сестру, потому что Михаил на обоих нас зло мыслит». Ярослав исполнил просьбу Даниила и отправил черниговскую княгиню к брату.

В Венгрию Михаил Всеволодович прибыл с сыном Ростиславом, которого он надеялся сосватать за дочь венгерского короля Белы IV. Иметь зятя изгнанника король не пожелал и велел отцу и сыну убраться восвояси. Михаил и Ростислав с горя отправились в Польшу к князю Конраду I Мазовецкому — своему дяде.^[35] Но ляхи были заняты своими сварами, и им было не до Киева. И пришлось Михаилу каяться перед Даниилом и Васильке Романовичами.

Отписали они им грамоту: «Много раз грешили мы перед вами, много наделали вам вреда, и обещаний своих не исполняли; когда и хотели жить в дружбе с вами, то неверные галичане не допускали нас до этого; но теперь клянемся, что никогда не будем враждовать с вами».

Романовичи простили Михаила, отпустили к нему свою сестру и самого привели к себе из Польши. Мало того, они пообещали отдать ему Киев, а его сыну Ростиславу — Луцк. Но Ростислав, боясь татар, не шел в Киев, а ходил по волости Романовичей, которые надавали ему много пшеницы, меду, быков и овец.

Князья Даниил и Михаил не зря боялись оставаться в Киеве. Осенью 1240 г. татарские рати появились под Киевом. Командовал ими по-прежнему Батый. Как и в 1237–1238 гг., в составе татарского войска было несколько тысяч болгар под началом Гази Бараджа.

Татары установили многочисленные осадные орудия перед юго-восточными Лядскими (Польскими) воротами Киева, где лесистый склон обеспечивал хорошее укрытие. Через несколько дней ворота были разрушены, и татары ворвались в Киев. Свыше суток бой шел внутри города. Последние защитники дрались насмерть у Десятинной церкви в самом центре Киева. 6 декабря татарам удалось, используя пороки (тараны), разрушить церковь, и сотни горожан погибли под ее обломками.

Киев горел. Позже археологи раскопали несколько сгоревших домов со скелетами внутри, причем среди скелетов были и «монгольские».^[36]

Тысяцкий Дмитр был взят в плен татарами. Согласно русским летописям, он, видя гибель земли русской, сказал Батыю: «Будет тебе здесь воевать, время идти на венгров. Если же еще станешь медлить, то там земля сильная, соберутся и не пустят тебя в нее».

Падение Киева навело панический страх на русских князей. Михаил Всеволодович вместе с сыном Ростиславом побежал в Польшу к князю Конраду Мазовецкому, а Даниил Романович с сыном Львом — в Венгрию. Следует заметить, что и часть населения Юго-Западной Руси также спасалась бегством в эти страны.

Даниил попытался в Венгрии женить своего сына на дочери короля Белы IV, но тот отверг это предложение. Тогда Даниил со Львом отправились к мазовецкому князю Болеславу, который принял их довольно радушно и дал «в кормление» город Вышеград.

Князь же Михаил Всеволодович, испугавшись татар, решил бежать дальше — в Шленску (Силезия). Однако между Вроцлавом и Легнице на него напали немецкие купцы. Они перебили свиту и ограбили обоз, и Михаилу с сыном едва удалось бежать обратно в Мазовию.

После Киева татары двинулись по Волыни. Первым они осадили город Ладыжин^[37] на Буге. Город был хорошо укреплен. В течение нескольких дней 12 пороков безуспешно долбили в его стены. Тогда татары начали льстивыми словами уговаривать горожан сдать Ладыжин, те поверили, сдались и были все истреблены. Потом татары взяли Каменец, Владимир, Галич и ряд других городов. Уцелела лишь одна неприступная крепость Кременец.

Далее татары разделили свое войско на две армии. Большая часть войска вошла в первую армию во главе с ханом Батыем. Второй армией командовали царевици Орду (Хорду-Ичана) и Байдар, с ними шли и болгары Гази Бараджа.

Первой в поход в январе 1241 г. двинулась армия Орду. По мнению наших и польских историков, по атласу 1955 г. часть войска Орду пошла на Люблин, а часть — на Берес-тье (Брест) и далее к Мариенбургу в пределы Тевтонского ордена.

Булгарская же летопись утверждает, что Орду двинулся для начала к Смоленску, но не только не стал разрушать его, а наоборот, там к татарам присоединилась дружина смоленского князя Михаила^[38] числом в 10 тысяч человек. Там же в Смоленске к татарам присоединился и какой-то литовский князь по имени Аскал.

В конце января 1241 г. армия Орду взяла Люблин, а в начале февраля — Сандомир. 13 февраля татары разгромили войско малопольских князей в битве под Турском.

10 марта 1241 г. татары переправились через Вислу у Сандомира, оттуда отряд под командованием Кайду отправился в направлении

Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Прикрывая путь на Краков, польские краковские войска воеводы Владимежи и сандомирские воеводы Паковлава пытались остановить татар, но 18 марта под Хмельником были разбиты. Сам воевода Владимежа был убит, а войска бежали. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княжной Гремиславой Ингваревной, и другими домочадцами бежал из столицы в Венгрию.

28 марта 1241 г. татары штурмом взяли Краков, а затем двинулись к Вроцлаву. Под Вроцлавом поляки собрали большие силы под командованием князя Генриха Благочестивого. На помощь к ним прибыли немецкие рыцари и французские тамплиеры.

9 апреля соединенные войска сразились с татарами у Легни-цы и были наголову разбиты.^[39] В письме аббата бенедиктинско-го монастыря Мариенбурга в Вене от 4 января 1242 г. говорится о более чем сорока тысячах павших. Великий магистр Понсе д'Обона писал французскому королю Людовику IX, что тамплиеры потеряли под Легницей 500 человек. Погиб и сам князь Генрих, а татары надели на копье его отрубленную голову.

Батый, в это время находившийся с главными силами в Венгрии, приказал войску Орду отрезать чешские войска, бывшие к северу от Дуная. Байдар 16 апреля отошел от Рацибужа и направился в Моравию.

При прохождении через Моравию войско Орду остановилось в окрестностях города Ольмюц (Ольмоуц), расположенного на правом берегу реки Морава. Ночью чешско-немецкое войско под командованием воевод Иосифа и Ярослава из Штернберга внезапно напало на татар. Им удалось вырезать до 10 тысяч татар (монголов и кипчаков). Погиб и царевич Байдар. Однако болгары и смоляне контратаковали противника и обратили его в бегство. Согласно болгарской летописи было убито до 12 тысяч чехов и немцев.

Далее армия Орду^[40] двинулась к Дунаю. Но на правом берегу их ожидал в засаде семитысячный отряд из венгров и немцев. Тогда татары пошли на хитрость и имитировали переправу прямо на глазах противника. Двести всадников добровольцев переправились через Дунай, и тут же их окружили венгры и немцы. Все смельчаки были перебиты. А тем временем основная часть войска Орду переправилась через Дунай в другом месте. На рассвете следующего дня татары напали на венгров и немцев и истребили их всех. Теперь армии Орду был открыт путь к озеру Балатон, где в это время находилась основная армия Батыя.

Путь Батия к берегам озера Балатон был длинным, сложным и кровавым. Первая армия в апреле 1241 г. вторглась в пределы Венгерского королевства. Она быстро разбила венгерские отряды под руководством Дионичия, охранявшие Ман-качский и Унгвариский проходы Карпатского хребта, и вторглась в Венгерскую равнину.

Вступив в пределы Венгрии, Батый отправил к венгерскому королю послов, но Бела IV приказал убить их. По приказу короля в Пеште начался сбор войска. Туда пришли отряды из разных городов: из Секешфехервара, Эстрегрома и других, сюда же привел хорватское войско герцог Кальман, брат Белы IV. В начале апреля 60-тысячное (по другим данным 65-тысячное) войско Белы IV выступило из Пешта.

Решающее сражение произошло 12 апреля 1241 г. у реки Шайо (Сайо), правого притока Тисы. Объединенные хорвато-венгерские войска расположились сомкнутой массой на небольшом участке. Увидев с горки диспозицию противника, Батый радостно воскликнул: «Эти не уйдут из моих рук, так как они сгруппировались в одну кучку, как в овчарне».^[41]

После удара татарских войск с флангов часть рыцарей бросилась бежать. Лишь только войска герцога Кальмана и колочского архиепископа Уголина дрались упорно и отошли в порядке. При этом двухдневный путь их отступления к Пешту был, по словам хрониста Рогериуса, устлан телами убитых. Погибли и видные князья церкви — архиепископы — эстергомский Матиас, колочский Уголин, епископ трансильванский Рейнольд, епископ Нитры Яков и др. Сам герцог Кольман был серьезно ранен и вскоре скончался. Король Бела IV бежал в Хорватию, а Батый отправил за ним вдогонку царевича Кодана.

После сражения у реки Шайо основные силы татар в ходе трехдневных боев овладели Пештом и разграбили его. Венграм удалось отстоять лишь цитадель Пешта, которую занял воевода испанец Симеон.

После упорных боев войскам Кодана удалось захватить Ва-радин, Арад, Перег, Егрес, Темешвар и Дьюлафехервар. Пройдя Словению и Хорватию, отряд Кодана захватил крепость Клисса (недалеко от современного города Сплита). Так татары вышли к побережью Адриатического моря.

Западную Европу спасла от татарского нашествия смерть Великого монгольского хана Угедея (Огодая), которая произошла по одним данным 11 ноября 1241 г., а по другим — в начале декабря. Временной правительницей была назначена его старшая жена Туракина (Туракинхатун).

Известие о смерти великого хана Батый получил в марте 1242 г. В это

время он находился в городе Джуре. На военном совете было принято решение о прекращении похода и выводе войск из стран Восточной Европы. Местом сбора войск определили устье Дуная.

Татарские войска при отступлении не имели сильных противников и, чтобы обеспечить себе лучшее пропитание и большую добычу, шли несколькими отрядами через Венгрию, Сербию и Болгарию. Собрались они вместе, как и было запланировано, в степях Нижнедунайской низменности. После нескольких недель отдыха татары двинулись через причерноморские степи в низовья Волги. Осенью 1242 г. войско подошло к Волге. Все царевицы Чингизиды отправились дальше на восток в столицу Каракорум. На Волге остался лишь Батый с собственным войском. Свой отказ ехать в Монголию он объяснил болезнью ног. На самом же деле Батый получил от своих осведомителей в Каракоруме сведения о том, что Туракина хочет возвести на престол своего сына Гуюка, с которым у Батыя были весьма неприязненные отношения.

Батый остановился между Волгой и Ахтубой (там сейчас стоит село Селитренное) на развалинах города Саксин-Булгар, разрушенного в 30-х годах XIII века. Мастера из Булгарии и других стран спешно приступили к строительству нового города, получившего название Сарай.

Интересно, что Батый не утратил привычек кочевника. Зимой он с большей частью войска кочевал в районе современного Пятигорска, весной приезжал в Сарай, а осенью опять уходил кочевать.

Ни европейские, ни русские историки никак не хотят признать, что татары ушли из Венгрии из-за смерти Великого хана. Поляки утверждают, что именно они спасли Европу от Батыя. Чехи превозносят воеводу Ярослава из Штернберга, утверждая, что именно он наголову разгромил Батыя. «Так ты, выходит, татарин? — обратился храбрый солдат Швейк к русскому пленному. — Тебе повезло. Раз ты татарин, то ты должен понимать меня, а я тебя. Гм! Знаешь Ярослава из Штернберга? Даже имени такого не слышал, татарское отродье? Тот вам наложил у Гостина по первое число. Вы, татары, тогда улепетывали с Моравы во все лопатки. Видно, в ваших школах этому не учат, а у нас учат».^[42]

Русские и особенно советские историки дружно пытались доказать, что покорение Руси обескровило татар, а в 1241 г. опять же на Руси вспыхнули антитатарские восстания, и бедный Батый страшно испугался. Но, увы, никаких достоверных доказательств тому нет. Правда, за неимением оных, приводятся доказательства на уровне Швейка. Ну и в школах подобное утверждение проходят уже как аксиому, не хуже, чем в школах Австро-Венгрии.

Глава 5

Александр Невский — Миф и реальность

Князь Александр Ярославович Невский был канонизирован православной церковью, а усилиями русских и советских историков стал одной из главных фигур русской истории. Говоря о нем, невольно хочется вспомнить известное изречение: «Миф, повторенный тысячу раз, становится правдой». И, как говорил В.В. Маяковский, «если звезды зажигаются, значит это кому-то нужно».

А Невский нужен был всем. Московским князьям, начиная от Ивана Калиты, был нужен святой и великий предок для обоснования своих претензий на владение Русью. Петру I он понадобился для обоснования войны со Швецией и строительства Санкт-Петербурга. А для чего понадобилось снимать в 1938 г. фильм «Александр Невский», а через 6 лет учреждать орден его имени, вряд ли нужно объяснять.

Спору нет, эти мифы выполнили свою роль, но одновременно они крайне запутали историю России XIII века. И чтобы разобраться в ней, нам придется опираться только на достоверные источники и очевидные логические рассуждения.

Итак, Александр Ярославович родился или в 1219, или в 1220, или в 1221 году. Вступать в споры историков о точной дате рождения мы не будем. Александр был вторым сыном князя Ярослава Всеволодовича (около 1191–1246) и Ростис-лавы-Феодосии, дочери Мстислава Мстиславовича Удалого. Дедом по отцовской линии был Всеволод Юрьевич Большое Гнездо.

Старший брат Александра Федор родился в 1218 или 1219 г. В 1228 г. братья Федор и Александр были поставлены отцом княжить в Новгороде. Но в феврале 1229 г. собрали новгородцы вече и отослали обоих братьев домой, или говоря языком того времени, «показали им путь». Вместо них новгородцы пригласили князя Михаила Всеволодовича Черниговского.^[43] Тут имела место довольно хитрая интрига. Так, Михаилу помогал великий князь Юрий Всеволодович, родной брат Ярослава.

Но 30 декабря 1230 г. Ярослав Всеволодович с дружиной вновь явился в Новгород. Побыв там всего две недели, он оставил княжить опять Федора и Александра, а сам уехал княжить в Переяславль-Залесский. Читатель может удивиться: бросить большой и богатый Новгород Великий ради

какого-то Переяславля? Но я уже говорил о различных статусах князя в Новгороде и на остальной Руси. В вольном Новгороде Ярослав мог быть лишь министром обороны, которого в любой момент может прогнать вече, а в Переяславле он был «и бог, и царь, и воинский начальник».

В 1233 г. по приказу отца Федор должен был вступить в брак^[44] с Феодулией, дочерью Михаила Всеволодовича Черниговского. Детали сделки двух претендентов на княжение в Новгороде установить не удалось. Но 5 июня 1233 г., за день до свадьбы, Федор внезапно умирает. Погребли его в Юрьевском монастыре в Новгороде. Невеста Феодулия постриглась в одном из суздальских монастырей (почему не в Новгороде?), а после своей смерти в сентябре 1250 г. стала святой Ефросинией Суздальской.

Любопытно, что все упомянутые родственники в разное время становились святыми. О святом Александре мы уже говорили, скоро поговорим и о святом Михаиле Черниговском, а вот Федор Ярославович станет святым в 1614 г. Но расскажу я об этом лишь в главе, посвященной XV веку. Дело в том, что с Федором произойдет целая серия почти детективных историй в XV, XVII и XX веках. Так что, читатель, наберись терпения!

Как уже говорилось, и Ярослав Всеволодович, и его сын Александр заняли, мягко говоря, странную позицию во время Батыева нашествия 1237–1238 гг. Согласно летописи, узнав о гибели великого князя, старший после него брат, Ярослав Всеволодович, приехал княжить во Владимир. Он очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями: брату Святославу отдал Суздаль, а брату Ивану — Стародуб (Северный).

Тут я предлагаю читателю взять в руки обычную географическую карту и калькулятор. Татары взяли Владимир 7–8 февраля 1238 г. Битва на реке Сить произошла 4 марта. Риторический вопрос: сколько могли лежать в столице Северо-Восточной Руси неубранные трупы? Некому убирать было? Так кого же тогда приехал «утешать» Ярослав?

Резонно предположить два варианта. По первому Ярослав приехал во Владимир до битвы на Сити или через неделю после нее, то есть в середине марта. В таком случае он вообще не собирался ехать на Сить, а ехал занимать великий стол.

Второй вариант: Ярослав из-за каких-то неотложных дел задержался и узнал о битве на Сити в Киеве или по дороге. Но и тогда встает вопрос, а как он доехал до Владимира? Ведь по летописным данным татары повернули у Игнатьева креста в апреле 1238 г. Да и без летописи ясно, что распутица в 100 км от Новгорода раньше апреля не начинается. Так что в

районе Козельска татары были в мае, а то и в июне.

А теперь посмотрим на карту. Козельск расположен почти по прямой Киев — Владимир, причем от Киева он в полтора раза дальше, чем от Владимира. Татарское войско было велико и по Руси шло завесой. Так как мог Ярослав в марте-июне 1238 г. проехать эту завесу насквозь из Киева до Владимира? Да и зачем ехать в разоренный город, бросив огромный богатый Киев, к которому летом 1238 г. могли подойти татары?

А может, Ярослав приехал во Владимир осенью 1238 г., когда татары ушли в степи? Но тогда почему всю весну и лето лежали во Владимире неубранные трупы? Жизнь в разоренном городе обычно возобновляется спустя несколько дней после ухода врага. Вспомним Москву в 1812 г. после ухода французов, хотя бы в замечательном описании Л.Н. Толстого.

Вывод напрашивается один, пусть нам неприятный, но единственный, способный снять все вопросы, — Ярослав как-то договорился с татарами. Он знает, что они не пойдут на Киев и его не задержат татарские отряды по пути во Владимир. Тогда становится понятным, почему Ярослав по прибытии во Владимир и пальцем не пошевелил, чтобы организовать отпор татарам, а занялся административно-хозяйственной деятельностью.

А чем занимался Александр в Новгороде весной 1238 г.? Тоже повседневной военно-политической учебой дружины. Ну ладно, не помог на Сити дяде Юре, с которым у отца сложились плохие отношения. А почему не помог Торжку? Ведь, как показывает история, новгородцы и их князья насмерть дрались с любым «низовым» князем, посягнувшим на Торжок. Видимо, прав болгарский летописец: и тут был договор с татарами.

В 1239 г. в Новгороде Александр Ярославович изволил жениться на Александре (по другой версии Параскеве) Брячиславовне. Происхождение ее неизвестно. [\[45\]](#)

А вот новый великий князь владимирский Ярослав Всеволодович в том же 1239 г. отправился в Булгар с большой казной. Замечу, год еще 1239-й, Киев еще не взят, никакой Золотой Орды нет, практики выдачи ордынских ярлыков русским князьям нет, я уж не говорю о том, что Ярослав сел абсолютно законно на место своего старшего брата. Наконец, татары еще никакой дани не установили.

И вот великий князь Ярослав приезжает в Булгар к татарскому наместнику Кутлу-Буга. Привезенную Ярославом дань поделили между собой Гази Барадж и Кутлу-Буга: три четверти взял посол-наместник, а четверть — эмир.

Профессор З.З. Мифтахов иронизирует по сему поводу: «Кто заставил Ярослава привезти такое огромное количество дани? Никто. Эмир Гази

Барадж даже очень удивился такой прыти, такой степени покорности. Еще более удивился и посол, и эмир тому, в каком виде явился великий князь. По свидетельству очевидца Гази Бараджа, Ярослав «явился с обритыми в знак покорности головой и подбородком и выплатил дань за три года». Возникает резонный вопрос: кто заставил великого князя в знак покорности сбрить голову и бороду? Это он сделал по своей инициативе, ибо и эмир Волжской Булгарии, и посол-наместник великого хана Монгольской империи были поражены увиденным. Так началось развитие того явления, которое впоследствии стало называться *игом*. Как известно, в мир русской историографии термин «иго» запустил Н.М. Карамзин (1766–1826). «Государи наши, — писал он, — торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров». *Необходимые пояснения*: слово «выя» означает «шея», а «иго» — «хомут», а также то, чем скрепляют хомут.

Итак, Н.М. Карамзин утверждал: «Наши государи добровольно отреклись от прав народа независимого и склонили шею под хомут варваров». Сказано образно, сказано верно! Действительно, великий князь Ярослав Всеволодович по своей инициативе заложил фундамент новых отношений между Северо-Восточной Русью, с одной стороны, Монгольской империей и Волжской Булгарией, с другой». ^[46]

Как русскому человеку, мне обидно читать такое, но чем возразить? Разве тем, что, видимо, эти деньги Ярослав считал платой татарам и Гази Бараджу (участнику похода) за то, что они не схватили его по пути во Владимир и дали возможность сесть на владимирский престол. Вполне возможно, что Ярослав не думал, что таким способом он устанавливает «иго».

Второй раз Ярослав Всеволодович поехал в Орду в 1242 г. По одним летописям он отправился по приглашению хана Батые, по другим — опять в инициативном порядке. Но в любом случае, Батый, по словам летописца, принял Ярослава с честью и, отпуская, сказал ему: «Будь ты старший между всеми князьями в русском народе».

Вслед за великим князем владимирским в Орду чуть ли не толпой двинулись кланяться и другие князья. Так, в 1244 г. туда явились Владимир Константинович Углицкий, Борис Василькович Ростовский, Глеб Василькович Белозерский, Василий Всеволодович, а в 1245 г. — Борис Василькович Ростовский, Василий Всеволодович, Константин Ярославович, Ярослав II Всеволодович, Владимир Константинович Углицкий, Василько Ростовский со своими обоими сыновьями — Борисом и Глебом и с племянником Всеволодом и его сыновьями Святославом и

Иваном.

Но вот в 1246 г. в Орде впервые был убит русский князь — Михаил Всеволодович Черниговский. Наши церковники, а затем и историки раздули и мифологизировали этот инцидент. Поэтому нам придется рассмотреть его поподробнее.

После ухода Батыя на Волгу Михаил Всеволодович решил вернуться из путешествия по Европе. Он приехал в Киев и решил там покняжить. Однако Киев был разорен, и взять с немногих уцелевших жителей оказалось просто нечего. Сын же Михаила Всеволодовича Ростислав в конце 1241 г. затеял войну с Даниилом Галицким, потерпел поражение и бежал в Венгрию. Там ему в 1243 г. как-то удалось заполучить руку и сердце принцессы Анны, дочери Белы IV. Узнав об этом, Михаил срочно отправился в Венгрию. Надо ли говорить, что в сей вояж он пустился не для того, чтобы поздравить новобрачных, а за венгерским войском, которое должно было захватить ему какой-нибудь русский удел.

Однако не только сват Бела IV, но и сын Ростислав не поддержали Михаила. Замечу, что Ростислав отказал отцу не из-за патриотизма (мол, жалко Русь подводить под мадьярские мечи), а потому, что видел в отце конкурента. В 1245 г. Ростислав с венгерским войском все же вторгся на Русь, но был разбит Даниилом Галицким. Через некоторое время он вновь вторгся в Галицкие земли, но на этот раз не только с венгерским, но и с польским войском. В битве под городом Ярославлем на реке Сан вся компания была вдребезги разбита, причем Даниил Галицкий велел казнить часть венгерских пленников и всех русских изменников.

Урок пошел впрок, и к Даниилу Галицкому явились венгерские послы с предложением заключить мир, скрепленный родственным союзом. Даниил согласился, и в 1250 г. Констанция, дочь Белы IV, стала женой Льва, сына Даниила Галицкого.

После поражения на реке Сан Ростислав Михайлович навсегда забыл дорогу на Русь. Бела произвел его в сербские баны.^[47] В 1258 г. Ростислав выдал свою дочь Мачву за болгарского царя Михаила Асеня, а за сестру царя — Марию выдал своего сына бана Михаила. В 1259 г. царь Михаил Асеня был убит своим братом Коломаном. Тогда Ростислав Михайлович вторгся с венгерским войском в Болгарию и провозгласил болгарским царем своего сына Михаила. Кстати, вторая дочь Ростислава, Кунута, вышла замуж за чешского короля. Сам же Ростислав Михайлович умер в 1264 г. (по другим сведениям — в 1262 г.) сербским баном.

Но вернемся к Михаилу Черниговскому. Обиженный сватом и сыном, он вернулся в Киев и увидел там... дружинников великого князя

владимирского. Пока Михаил вояжировал в Пешт, Киев занял Ярослав Всеволодович, который оставил там в качестве наместника своего боярина Дмитро Еиковича.

В житии Михаила Черниговского утверждается, что-де хан Батый вызвал в Орду князя Михаила Всеволодовича. Риторический вопрос, а зачем он был нужен хану? Ему что, не доставало десятков русских князей, законно владеющих своими княжествами? А тут авантюрист без удела, без дружины, большую часть жизни мотавшийся по чужим странам.

Наоборот, Михаил поехал в Орду в инициативном порядке — жаловаться на князей-конкурентов. Батю он явно не был нужен, а князя Ярослав Всеволодович и Даниил Романович видели в нем врага.

По житию хан Батый ласково встретил Михаила, но попросил его пройти «сквозь огонь и поклониться кусту и онге-ви и идолом их». Князь же гордо отказался и заявил: «Не хочу только именем зватися христианин, а дела творити поганных». Хан-де приказал убить князя Михаила и его боярина Федора, причем убийство совершил русский — некий Роман из города Путивля.

Судя по всему, убийство Михаила было организовано конкурирующим кланом князей, скорее всего кланом Ярослава Всеволодовича. Замечу, что еще в XII веке имела место жесткая борьба младших Мономаховичей (Юрьевичей), суздальских князей, с черниговскими князьями — потомками Олега Святославовича.

Итак, 1243–1246 гг. следует считать временем установления так называемого «татаро-монгольского ига». Почему «так называемого»? Да потому, что за два века наши горе-историки не только не договорились, было ли татаро-монгольское иго на Руси, но даже не сформулировали, как понимать термин «иго».

Любопытно, что термина «иго» нет ни в многотомной Военной энциклопедии,^[48] ни в «Большой советской энциклопедии», ни в энциклопедических словарях и т. д. Таким образом, нет ни правового, ни исторического термина «иго». Термин «татарское иго» был придуман русскими историками в XVIII — начале XIX века. В первые годы советской власти его стали именовать «татаро-монгольским игом», а с 1960-х — 1970-х годов — «монголо-татарским игом». Сделано сие было, дабы не раздражать население Татарской АССР. Согласно БСЭ, монголо-татарское иго — система властвования монголо-татар-ских феодалов над русскими землями в XIII–XV веках.

В «Советском энциклопедическом словаре» говорится: «Монголо-татарское иго на Руси (1243–1480), традиционное название системы

эксплуатации русских земель монголо-татарскими феодалами. Установлено в результате нашествия Батыя. После Куликовской битвы (1380) носило номинальный характер».^[49]

Как видим, оба определения несколько противоречивы, как, впрочем, и все труды официальных советских историков по данной проблеме. Нашествие Батыя было в 1237–1238 гг., ну а если учесть поход на Киев, то до 1240 г. А при чем тут 1243 год? Составители словаря сами себя высекли, правильно поставив начальную дату «ига» — 1243 год. Таким образом, «иго» было установлено в ходе визита Ярослава Всеволодовича в Орду в 1243 г. Отмечу, что никакой системой отношений «иго» не было. Отношение Орды к русским княжествам постоянно менялось, то есть было функцией времени и географического положения княжеств. Так, «иго» по отношению к Владимиро-Суздальской Руси принципиально отличалось от «ига» по отношению к Киевской и Волынской Руси, Смоленску, Пскову и Новгороду.

Полемизировать же с официальными историками о том, было или не было «иго» на Руси, без определения, что это такое, бессмысленно. Прочитав до конца книгу, каждый может сделать свой вывод.

Однако в определении ига, данном Словарем, есть одно стоящее словосочетание: «традиционное название». В таком смысле термин «иго» можно и принять как обозначение периода русско-татарских отношений с 1243 по 1480 г. Короткое слово «иго» очень удобно как метка. Кстати, и я, грешный, ряд традиционных, но неверных исторических терминов использую как метки. Например, говоря о Московской Руси, у нас все без исключения историки пишут: «древний боярский род», тех же Романовых, на самом деле это так же неверно, как и «древний генеральский род». Если папа был генералом, то карьера его сына вполне может кончиться чином капитана — убьют или за пьянство со службы выгонят. Так и сын боярина вполне мог закончить свою карьеру в чине стольника или окольничего. Боярин — это высший чин при дворе князя. Таким образом, под «боярским родом» следует понимать группу родственников, служивших при дворе князя, среди которых несколько человек получили боярство. А главное, очень удобно термин «боярский род» использовать как понятную простому читателю метку.

А сейчас на время отойдем от термина «иго» и вернемся к деяниям князя Александра Ярославовича. Еще до прихода татар на Западе появилась страшная угроза Руси — Рим. Католическая церковь решает подчинить себе Русь, используя для этого немецких и шведских феодалов. Сразу замечу, римский папа желал не столько обращения язычников в

христиан, сколько стремился получить новые страны, платящие десятину Риму. Если бы лишь религиозное рвение вело крестоносцев на Восток, то русские князья могли бы стать их естественными союзниками в обращении язычников и мусульман на севере, востоке и юге.

Нашим «западникам» раз и навсегда следует усвоить: никогда не было религиозного соперничества между православной и католической церковью, как, например, позже между протестантами и католиками в Европе в годы Реформации. Русская православная церковь никогда не пыталась мирно или войной отторгнуть у Рима его верующих. С XII века и до сих пор идет один и тот же процесс — агрессия Рима против православной церкви.

Во второй половине XII века миссионеры с немецкими рыцарями высадились в устье реки Западная Двина,^[50] где обитали племена ливов, платившие дань полоцким князьям.

В 1200 г. епископ Альберт основал при устье Двины город Ригу. Но мало было основать город, его надо было заселить, и Альберт сам ездил в Германию набирать колонистов. Но одного города, населенного немцами, было недостаточно. Население не могло предаваться мирным занятиям, так как должно было вести непрерывную борьбу с ливами, следовательно, нужно было военное сословие, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться с коренным населением. Для этого Альберт стал вызывать рыцарей из Германии и давать им замки в ленное владение. Но рыцари ехали крайне неохотно. Тогда Альберт решил основать орден «воинствующей братии» по образцу военных орденов в Палестине. Папа Иннокентий III одобрил эту идею, и в 1202 г. был основан орден рыцарей Меча, получивший устав Храмового ордена. Рыцари ордена носили белый плащ с красным мечом и крестом, вместо которого после стали нашивать звезду. Первым магистром ордена был Винно фон Рорбах.

В 20-х годах XII века княжество Мазовия (Польша) вело длительную войну с языческими племенами пруссов. Мазовецкий князь Конрад принял христианство и, поверив рассказам попов о бескорыстии и прочих добродетелях военно-монашеских орденов, в 1226 г. решил подарить Тевтонскому ордену Кульм-скую и Лебодскую волости. Наивный Конрад надеялся, что рыцари будут защищать его от набегов языческих племен.

К тому времени предложение князя Конрада обрадовало и Рим, и руководство ордена. Арабы выставили крестоносцев из Палестины, и гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц перебрался в Венецию.

В 1228 г. большая часть рыцарей Тевтонского ордена вместе с гроссмейстером Германом фон Зальцем прибыла в Мазовию. Рыцари

быстро завоевали земли пруссов. Большая часть населения была истреблена, а оставшиеся обращены в рабство. В Пруссию хлынул поток немецких переселенцев. Тевтонские рыцари построили в Пруссии несколько укрепленных городов, первый из которых, Торн, был заложен в 1231 г.

В 1234 г. Тевтонский орден получил от римского папы права на владение всей Прусской и Кульмской землей за обязательство платить дань лично папе, который таким образом стал сюзереном ордена. Дань орден платил исправно, но власть папы оставалась номинальной, и фактически орден был независим в своей внешней и внутренней политике.

У нас как-то принято считать рыцарями хорошо воспитанных мужественных и честных людей, особенно широко это заблуждение распространено среди прекрасной половины. Увы, оба этих Ордена представляли собой шайки негодяев и разбойников. Боюсь расстроить милых дам, но рыцари-монахи не считали зазорным насиловать всех молодых женщин как во взятых городах, так и просто встреченных на пути. При этом они совсем не чурались и «содомского греха». Так что нравы рыцарей-монахов в художественных фильмах «Александр Невский» и «Крестоносцы» не только не очернены, а скорее приукрашены, поскольку даже сегодня в кино нельзя показать всех мерзостей, которые творили монахи-рыцари. И это касается не только орденов Тевтонского и Меченосцев. Вспомним, сколько гнусных преступлений рыцарей-монахов было выявлено на процессе ордена Тамплиеров во Франции в 1307–1314 гг.

Но, прежде чем скрестить мечи с Ливонским орденом, Александру Ярославовичу, княжившему в Новгороде, пришлось заняться шведами. В Швеции в начале XIII века разгорелась война между готским и шведским владетельными домами. В середине 20-х годов XIII века эта борьба закончилась усилением властных кругов феодалов, между которыми первое место занимал род Фолькунгов, владевший наследственно достоинством ярла. Могущественный представитель этой фамилии Биргер, побуждаемый папскими посланиями, предпринял в 1249 г. крестовый поход против Руси. Замечу, что в 1239 г. папа Гонорий призвал рыцарей-крестоносцев соединиться со шведами в борьбе с Русью и финскими племенами.

Достоверные данные о силе шведского войска отсутствуют, хотя в трудах наших историков и появляются некоторые числа. Так, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев^[51] пишут о пятидесяти тысячах войска и 100 кораблях ярла Биргера.

Согласно «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» Биргер, прибыв с войском в устье Невы, отправил в

Новгород своих послов заявить князю: «Аще можеши противитися мне, то се семь уже zde, пленяя землю твою». Это, по-видимому, интерполяция составителя «Повести о житии...», поскольку внезапность нападения зачастую была решающим фактором в сражениях на севере.

На самом деле шведов заметила новгородская «морская охрана». Эту функцию выполняло ижорское племя во главе со своим старейшиной Пелугием. По версии «Повести о житии...» Пелугий-де, был уже православным и имел христианское имя Филипп, а все остальное племя оставалось в язычестве. Мор-

екая стража ижорцев обнаружила шведов еще в Финском заливе и быстро сообщила о них в Новгород. Наверняка существовала система оперативной связи: устье Невы — Новгород, иначе само существование морской стражи становится бессмысленным. Возможно, это была оптическая система связи — огни на курганах, возможно — конная эстафета, но, в любом случае, система оповещения срабатывала быстро.

В дальнейшем морская стража вела скрытое наблюдение за шведскими кораблями, вошедшими в Неву. В «Повести о житии...» это описано следующим образом: «Стоял он (Пелугий) на берегу моря, наблюдая за обоими путями,^[52] и провел всю ночь без сна».

Князь Александр, которому было около 20 лет, быстро собрал дружину и двинулся на ладьях по Волхову к Ладоге, где к нему присоединилась ладожская дружина.

Ярл Биргер находился в полном неведении о движении новгородской рати и решил дать отдых войску на южном берегу Невы у впадения в нее реки Ижоры.

15 июля 1240 г. «в 6-м часу дня»^[53] русское войско внезапно напало на шведов. Согласно «Повести о житии...» Александр Ярославович лично ранил копьем в лицо ярла Биргера. Внезапность нападения и потеря командующего решили дело. Шведы стали отступать к кораблям.

С наступлением темноты большая часть шведских судов ушла вниз по течению Невы, а часть была захвачена русскими. По приказу Александра два трофейных шнека были загружены телами убитых, и их пустили по течению в море, и «потопиша в море», а остальных убитых шведов, «ископавши яму, вметавша их в ню без числа».

Потери русских оказались ничтожно малыми, всего 20 человек. Этот факт, а также отсутствие упоминаний о Невской битве в шведских хрониках дали повод ряду русофобствующих историков свести битву до уровня малой стычки. По моему мнению, гибель двадцати отборных

ратников при внезапном нападении — не такая уж и малая потеря. Кроме того, в сражении на стороне русских должна была участвовать и ижора. После битвы православных русских и язычников ижоров хоронили в разных местах и по разным обрядам. (Ижорцы кремировали тела своих соплеменников). Поэтому русские участники битвы вряд ли знали, сколько было убитых среди ижоры.

Другой вопрос, что число шведов, пришедших с Биргером, могло быть меньше, чем предполагали наши патриоты-историки. Их вполне могло быть около тысячи человек. Но в любом случае, Невская битва стала шведам хорошим уроком.

Новгородцы встретили Александра и его дружину колокольным звоном. Однако не прошло и несколько недель, как властолюбивый князь и беспокойные граждане вольного Новгорода рассорились, и Александр Ярославович вместе с дружиной отправился восвояси в Переяславль-Залесский.

Но время для «крамолы великой» и ссоры с князем Александром новгородцы выбрали явно неудачно. В том же 1240 г. рыцари Меченосцы под командованием вице-магистра Андре-аса фон Вельвена начали большое наступление на Русь. Вместе с немцами шел и перебежавший к ним князь Ярослав Владимирович.^[54] Немцы^[55] взяли Изборск. Псковское войско вышло навстречу немцам, но было разбито. Погиб и псковский воевода Гаврила Гориславович. Любопытно, что немецкие хронисты сделали из Гаврилы Гориславовича вначале Гернольта, а потом князя Ярополка, заставили его жить после смерти и сдать немцам Псков.

На самом деле немцы осаждали Псков около недели, а затем псковичи согласились на все требования врага и дали своих детей в заложники. В Псков был введен немецкий гарнизон.

Немцы не удовольствовались псковскими землями, а вместе с отрядами чухонцев напали на Новгородскую волость (Вотскую пятину). В Копорском погосте, в 16 км от Финского залива, рыцари построили мощную крепость. В 35 км от Новгорода немцы захватили городок Тесов.

В такой ситуации новгородцам потребовался князь со своей дружиной. К князю Ярославу Всеволодовичу срочно были отправлены послы просить дать в Новгород князя Александра. Однако Ярослав Всеволодович дал им другого своего сына, Андрея (более младшего). Новгородцы подумали и отказались, им нужен был только Александр. В конце концов Ярослав Всеволодович уступил и дал им Александра, но на более жестких условиях.

В 1241 г. Александр Ярославович приехал в Новгород. Для начала Александр припомнил горожанам старые обиды и повесил «многий

крамольники». Затем Александр осадил крепость Копорье^[56] и взял ее. Часть плененных немцев князь отправил в Новгород, а часть отпустил (надо полагать, за хороший выкуп), зато перевешал всю чужд из копорского гарнизона. Однако от дальнейших действий против рыцарей Александр воздержался до прибытия сильной суздальской дружины во главе со своим братом Андреем.^[57]

В 1242 г. Александр и Андрей Ярославовичи взяли Псков. В ходе штурма погибло 70 рыцарей и множество кнехтов. Согласно Ливонской хронике, Александр приказал «замучить» в Пскове шесть рыцарей.

Из Пскова Александр двинулся во владения Ливонского ордена. Передовой отряд русских под командованием новгородца Домаша Твердиславовича попал в немецкую засаду и был разбит.

Получив известие о гибели своего авангарда, князь Александр отвел войско на лед Чудского озера близ урочища Узмене у «Вороней камени». На рассвете 5 апреля 1242 г. немецко-чухонское войско построилось сомкнутой фалангой в виде клина; в Европе такой строй часто называли «железной свиньей». В вершине клина находились лучшие рыцари ордена. Немецкий клин пробил центр русского войска, отдельные ратники обратились в бегство. Однако русские нанесли сильные фланговые контрудары и взяли противника в клещи. Немцы начали отступление. Русские гнали их на расстоянии до 8 км, до противоположного Соболицкого берега. В ряде мест лед подломился под столпившимися немцами, и многие из них оказались в воде.

О Ледовом побоище 1242 г. написано множество книг, в которых приводятся подробнейшие детали битвы, карты, схемы и т. д. Однако до сих пор остается множество вопросов, среди которых наиболее важные — сколько же немцев оказалось на льду озера, где конкретно проходило сражение и, наконец, кто же стал победителем в битве?

Так, Новгородская Первая летопись сообщает, что в сражении было убито 400 рыцарей, а 50 рыцарей взято в плен, чужд же побито «без числа». Западные историки, например Джон Феннел, ставят под сомнение достоверность летописи: «Если летописец считает этих 450 человек рыцарями, тогда приводимая цифра является, несомненно, крупным преувеличением, поскольку в то время, когда произошло сражение, два ордена имели чуть больше ста рыцарей».^[58]

Ливонская хроника, написанная в последнем десятилетии XIII века, говорит, что в битве погибло только двадцать рыцарей, а шестеро попали в плен. По моему же мнению, не следует забывать, что каждого рыцаря на

войне сопровождало до нескольких десятков конных воинов в тяжелых доспехах. Видимо, летописец под рыцарями подразумевал хорошо вооруженных конных воинов. А чухонцев ни русские, ни немцы принципиально считать не хотели.

Место сражения историки ищут с середины XIX века. Причем одни считают местом битвы западный берег Чудского озера, другие — западный берег Псковского, некоторые называют разные места Теплого озера.

Из десяти историков, занимавшихся этим вопросом (Костомаров, Васильев, Трусман, Лурье, Порфиридов, Бунин, Беляев, Тихомиров, Паклар, Козаченко), только эстонец Пак-лар производил специальные изыскания на месте, остальные же пытались найти решение в тиши своих кабинетов. В итоге предполагаемые места битвы разбросаны на участке протяженностью около ста километров!

И, наконец, подойдем к самому крамольному моменту и посягнем на святая святых. Суздальская летопись отводит главную роль в Ледовом побоище не Александру, а Андрею Ярославовичу и его дружине: «Великий князь Ярославь посла сына своего Андрея в Новъгород Великийи в помочь Олександрови на немци и победиша я за Плесковым (Псковом) на озере и полон мног плениша и възратися Андреи к отцу своему с честью».

Эта информация косвенно подтверждается немецкой «Рифмованной хроникой»:

*И поскакал король Александр,
С ним много других
Русских из Суздаля.
У них было луков без числа,
Очень много блестящих доспехов.
Их знамена богато расшиты,
Их шлемы славились своим сиянием*

В хронике никто из русских, участвовавших в сражении, кроме короля Александра, не упомянут. Из текста явствует, что хронист никогда не был на Чудском озере и информацией владеет весьма посредственно. Александр и до сражения, и после был хорошо известен немцам, в отличие от Андрея. Но рыцарям, сражавшимся на Чудском озере, с рассказов которых писал хронист, запомнились не толпы новгородских мужиков из кинофильма «Александр Невский», а кованная суздальская рать.

Да и у нас нет оснований считать, что новгородские ополченцы могли

побить рыцарское войско.^[60] Дело решила суздальская рать в «блестящих доспехах». И о них долго потом помнили битые крестоносцы. Передавать же свою дружину другому князю, а самому куда-то прятаться, на Руси принято не было (о князе Дмитрие Ивановиче мы еще поговорим). Так что вести суздальцев мог только один человек — князь Андрей Ярославович.

После сражения на льду Чудского озера Александр должен был ехать во Владимир проститься с отцом, отправлявшимся в Орду. В его отсутствие немцы прислали в Новгород с поклоном послов, которые говорили: «Что зашли мы мечом, Воть, Лугу, Псков, Летголу, от того от всего отступаемся. Сколько взяли людей ваших в плен, теми разменяемся: мы ваших пустим, а вы наших пустите». Немцы отпустили также и заложников псковских. Мир был заключен на благоприятных для Пскова и Новгорода условиях.

В 1245 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодович поехал в Орду к хану Батю, а затем отправился дальше в Монголию к Великому хану Гуюку, сыну покойного Угедя. Тут я процитирую Габдрахмана Хафизова: «Гуюк, хотя и возведенный на престол хуралом, все же общего признания не получил. Бату-хан, с которым он был в ссоре еще со времен Угедя, не признал Гуюка и присяги ему не дал. Источники отмечают, что даже готовилось военное столкновение между ними. Гуюк выступил в поход против Батю, но в дороге в 1248 году умер».^[61]

Читатель помнит, что по возвращении из Венгрии Батый принципиально отказался ехать в Каракорум, ножки-де заболели. Официальные историки утверждают, что Ярослава заставили туда ехать. А вот кто его заставил? Батый? Очень сомнительно, чтобы сюзерен отправил своего вассала к своему врагу. В средние века это было не принято. Наоборот, существовал принцип: «Вассал моего вассала — не мой вассал».

Остается предположить, что Ярослав хотел как-то сыграть на внутриордынских противоречиях. На обратном пути из Каракорума Ярослав Всеволодович умирает. То ли организм не выдержал долгого пути, то ли имело место отравление — этого мы не узнаем никогда.

Когда на Руси узнали о смерти Ярослава, владимирский престол «по старинке» занял следующий по старшинству брат Святослав Всеволодович. «По старинке» означает по русскому обычаю, существовавшему со времен Рюрика, когда после смерти князя ему наследовал не старший сын, а следующий брат, и лишь когда вымирало старшее поколение, сын старшего брата мог занять престол.

Святослав начал правление «без затей». Для начала закрепил за своими племянниками уделы, которые они получили при Ярославе

Всеволодовиче. Кроме этого рутинного распоряжения, в летописи нет больше информации о деятельности Святослава в качестве великого князя владимирского.

Далее происходит не совсем понятное. В 1247 г. Святослав Всеволодович отправляется в Орду и берет с собой единственного сына Дмитрия. После этого ряд историков утверждает, что владимирский престол занял пятый сын Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит (Храбрый). Наиболее вероятно, что московский князь Михаил Хоробрит попросту убрал бездарного дядюшку Святослава с владимирского стола. Понятное дело, тот отправился жаловаться Батыю и сына взял с собой.

Княжение Михаила Хоробрита продолжалось недолго. В 1248 г. он отправился в поход против Литвы. На берегах реки Протвы в Смоленском княжестве произошла битва. Литовцы были разбиты, но и Михаил погиб.

Но мы забежали вперед, и придется вернуться в 1247 год. Тогда в Орду поехали не только Святослав с сыном Дмитрием, но и Александр Невский с братом Андреем. Зачем? В житии говорится, что его потребовал к себе Батый.

Риторический вопрос, почему позже поездки татарских послов будут отмечаться в русских летописях. Мало того, будут указываться их имена, подробные протоколы встреч и т. д. А тут что, за всеми четырьмя князьями — Святославом, Дмитрием, Александром и Андреем — в разные города приехали послы? Но тихо, без конвоя, без эскортов? Может, они вообще приехали «инкогнито» из Сарая? И почему о вызовах этих князей молчат татарские, болгарские и другие восточные источники?

Ларчик, видимо, открывался проще. Вся великолепная четверка поехала жаловаться на Михаила Хоробрита, и каждый, разумеется, мечтал получить владимирский стол. Причем, Александр с Андреем ездили даже в Каракорум. В результате Александр получил Киев и южнорусские земли, а Андрей — Владимир. Причина, почему младший брат Андрей получил намного больше старшего Александра, историкам не ясна. Так, историк В.Т. Пашуто полагал, что регентша Огуль-Гамиш, вдова хана Гуюка, была настроена враждебно по отношению к Батыю и, поскольку считала, что Александр имел слишком тесные связи с Золотой Ордой, поддержала Андрея.^[62] Выдвигались и другие гипотезы. Дошло до утверждения, что старая ханша влюбилась в красавца Андрея.

Замечу, что Святослав Всеволодович с сыном Дмитрием вернулись из Орды с пустыми руками. Далее летопись молчит об их судьбе. Известно лишь, что осенью 1250 г. Святослав вновь решил попытать счастья в Сарае, и после этого о нем сообщается только, что умер он в феврале 1253 г.

В начале 1249 г. Андрей и Александр Ярославовичи вернулись на Русь. Андрей сел на великокняжеский престол во Владимире, но Александр принципиально не захотел ехать в Киев. После Батыева погрома не было восстановлено и десятой части города. Мало того, как писал итальянский путешественник Плано Карпини, проезжавший через эти места в 1246 г., Канов^[63] стал уже татарским городом. Так что кормиться князю и его дружине в Киеве было нечем, да и в любой момент могли нагрянуть татары.

В итоге Александр Невский несколько месяцев погостил у брата Андрея во Владимире, а потом отъехал в Новгород. О пятилетнем же княжении Андрея во Владимире историки не имеют никаких достоверных сведений. Известно лишь, что зимой 1250–1251 г. митрополит Кирилл обвенчал Андрея с дочерью князя Даниила Галицкого.

Надо ли говорить, что Александру неуютно жилось в Новгороде, где его ненавидела значительная часть горожан. И вот историк С.М. Соловьев вынужден признать, что «в 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую. Андрей при этой вести сказал: «Что это, господи! покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им». Собравши войско, он вышел против Неврюя, но был разбит и бежал в Новгород, не был там принят и удалился в Швецию, где был принят с честью. Татары взяли Переяславль, захватили здесь семейство Ярослава, брата Андреева, убили его воеводу, по-пленили жителей и пошли назад в Орду. Александр приехал княжить во Владимир».^[64]

Таким образом, наш герой донес татарам на брата. Сартак послал царевича Неврюя на Русь. Войско его было невелико по сравнению с армией Батыя, от 10 до 20 тысяч человек, но опустошение от неврюевой рати было соизмеримо с Батыевым нашествием. Татары разорили десятки больших и малых русских городов. Так Александр Невский стал великим князем владимирским. Уже в конце XIX века начались попытки реабилитации Невского, ну а после 1938 г. его у нас превратили из доносчика в заступника за Андрея. Мол, к хану Сартаку он поехал не служить, а наоборот — спасти брата.

Одна беда, нет у лакировщиков истории никаких достоверных аргументов, хоть чем-то подтверждающих их точку зрения. Вот один из

таких аргументов: «Прежде всего — Андрей отправился не в Швецию, а к сыну своего мнимого врага — Василию, княжившему в Новгороде по отъезду отца... «Очевидно, — справедливо говорит Беляев, — Андрей не побежал бы к сыну своего врага, боясь, что его непременно выдадут татарам: да и в Новгороде бы его действительно схватили и отослали к хану, ежели бы в самом деле Александр был враг Андрею»». ^[65]

Увы, забыто, как новгородцы несколько раз выгоняли князя Александра из города. А через три года, в 1255 г., новгородцы выгонят прочь четырнадцатилетнего Василия, сына Александра Невского, с его небольшой дружиной.

Андрей Ярославович же приехал не к двенадцатилетнему Васе, а к Господину Великому Новгороду, где его хорошо помнили по Ледовому побоищу. Как видим, опровергнуть «изыскания лакировщиков истории» несложно, но нудно. Гораздо интереснее, на мой взгляд, был ли донос Александра на Андрея ложным? Или действительно, как полагает ряд историков, Андрей и Даниил Галицкий заключили тайный антитатарский союз и готовились свергнуть «иго»? Увы, опять огорчу читателей, никаких достоверных данных на сей счет нет. Другой вопрос, что бойцовский характер Андрея вряд ли мог мириться с подчинением Руси басурманам.

Одним из первых деяний нового великого князя владимирского Александра был поход на Новгород, жители которого выгнали его сына Васю. До битвы дело не дошло, новгородцам пришлось покориться Александру. Как гласит летопись: «Посол Александров явился на вече и объявил народу волю княжескую: «Выдайте мне Ананию посадника, а не выдадите, то я вам не князь, еду на город ратью». Новгородцы отправили к нему с ответом владыку и тысяцкого: «Ступай, князь, на свой стол, а злодеев не слушай, на Ананию и всех мужей новгородских перестань сердиться». Но князь не послушал просьб владыки и тысяцкого. Тогда новгородцы сказали: «Если, братья, князь согласился с нашими изменниками (т. е. со сторонниками князя — А.Ш.), то бог им судья и св. София, а князь без греха», — и стоял весь полк три дня за свою правду, а на четвертый день Александр прислал объявить новое условие: «Если Анания не будет посадником, то помирюсь с вами». Это требование было исполнено: Анания свергли, его место занял Михалко Степанович, и Василий Александрович опять стал княжить в Новгороде. ^[66]

В 1255 г. умер Батый. Ему наследовал болезненный сын Сартак. Он процарствовал около двух лет, и в 1256 г. Золотая Орда досталась брату Батия Берке, которому было примерно 56 лет. Одним из первых

мероприятий нового хана стала всеобщая перепись населения Руси на предмет взимания дани. Замечу, что это была вторая татарская перепись. Первая проводилась в 1246–1250 гг., но, судя по всему, прошла неудачно. И вот в 1257 г. приехали татарские численники и начали перепись в Суздальской, Муромской и Рязанской землях. Переписывали всех, за исключением игуменов, чернецов, священников и клирошан.

О татарской переписи в Новгороде узнали в начале лета 1257 г. Несколько недель город был в смятении. И вот в Новгород приехал Александр Невский с татарскими послами, которые потребовали десятины и тамги.^[67]

Новгородское вече не согласилось с требованием татар. Горожане послали богатые дары Берке ипустили послов с миром. Замечу, что даже Василий, сын Невского, княживший в Новгороде, был против дани татарам. При приближении отцовской дружины Василий бежал в Псков.

Каким-то способом Александру удалось схватить сына и отправить его в Суздаль, а потом он жестоко расправился с руководством дружины Василия. Это был единственный успех Невского, обложить же вольный Новгород данью ему не удалось.

Вначале 1259 г. перед Новгородом вновь появился Александр с войском и татарские послы — «окаянные татары сыроядцы». Появиться в городе «сыроядцы» не рискнули и стали просить Александра: «Дай нам сторожей, а то убьют нас». И Невский велел посадскому сыну и детям боярским по ночам охранять татарских послов. Но татарам вскоре наскучило ждать. «Дайте нам число, или побежим прочь», — говорили они.

Александр начал шантажировать новгородцев, и, заметим, делал он это не бескорыстно. Как писал историк Н.И. Костомаров: «Этот платеж выхода привязал его (Новгород — А.Ш.) к особе великого князя, который был посредником между ханом и князьями и русским народом всех подчиненных земель».^[68]

В конце концов новгородцы уступили, «и начали ездить окаянные татары по улицам, переписывая дома христианские». Закончив перепись, татары уехали, вскоре уехал и Александр, оставив в Новгороде своего второго сына Дмитрия.

Новгородцы подчинились силе, а не авторитету Невского. Как только он умер, Дмитрий был с позором изгнан из города. Новым князем новгородцы взяли себе младшего брата Невского Ярослава Ярославовича. Одним из достоинств нового князя была его жена — дочь новгородского боярина.^[69]

Как писал Костомаров: «Заключая договор с Ярославом, новгородцы припомнили ему, что прежний князь делал насилия Новгороду, но того вперед не должно быть. В самом деле, обращение князя с Новгородом и Новгорода с князем в это время носит признаки равенства. Ярослав, говоря с новгородцами, выражался о князьях так: «Братия мои и ваши». В 1269 году Новгород не поладил с князем за то, что он употреблял во зло право охоты около города, держал много ястребов, соколов и собак, выводил из города иноземцев и делал поборы: — вече судило его и изгнало. Напрасно Ярослав хотел примириться с вечем и присылал сына своего Святослава. — «Простите мне этот раз, — говорил он через сына: — вперед буду так поступать; целую крест на всей воле вашей». Новгородцы закричали: — «Мы не хотим тебя! Ступай от нас добром, а не то прогоним тебя, хоть тебе и не хочется идти от нас!». ^[70]

Но вернемся к началу 60-х годов XIII века. Для сбора дани на Русь начали прибывать татарские баскаки. ^[71] В 1262 г. по Руси прокатились восстания, направленные против баскаков. Так, в ходе восстания в Ярославле горожане убили баскака Изосима, бывшего монаха, принявшего мусульманство. Возможно, это был тот самый нижегородский монах Ас-Азим, который в 1237–1238 гг. был проводником у татар и болгар. Баскак Буга публично покался на вече в Устюге, вымолил прощение и принял православие.

В 1263 г. Александр Невский вновь едет в Орду. По одной версии, он хотел уговорить хана организовать карательную экспедицию на Русь в связи с восстанием 1262 г. По другой — Александр поехал для переговоров об участии русских войск в походе золотоордынцев в Персию.

Александр провел несколько месяцев у хана Берке, а затем отправился домой. По дороге великий князь заболел и 14 ноября 1263 г. умер в Городце на Волге. Перед смертью князь постригся в монахи под именем Алексея.

Тело князя было перевезено во Владимир. При встрече останков митрополит Кирилл устроил грандиозное представление, на которое собралась большая часть населения города. «Чада моя милая! — возвестил Кирилл. — Зайде солнце земли Суздальской Благоверный великий князь!» Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: «Уже погибаем!» ^[72]

Так у нас начался культ Александра Невского. Потом его забыли на сто с лишним лет. Но вот накануне Куликовской битвы московскому князю Дмитрию Ивановичу срочно потребовалась моральная поддержка. А, как известно, чудо всегда происходит, когда на то есть социальный заказ. И тут

в одну прекрасную ночь иноку владимирского Богородицкого монастыря привиделся князь Александр Ярославович. Монахи разрыли его могилу и обнаружили там нетленные мощи. Князь Александр Ярославович был канонизирован и вошел в пантеон московских святых.

В общерусский пантеон Александр Невский был введен лишь в 1547 г. Читатель помнит, что это был год венчания на царство Ивана IV (еще не Грозного). Тут тоже понадобились знаменитые и, желательно, святые предки.

В дальнейшем легко заметить, что всплески популярности Александра Невского совпадали по времени с конфликтами с нашими соседями — шведами и немцами, например, в начале XVIII века в ходе Северной войны или в конце 30-х годов XX века при обострении отношений с гитлеровской Германией.

Петру I для укрепления престижа новой столицы потребовались мощи. И вот по его распоряжению и при его личном участии мощи Александра Невского (а точнее, то, что от них осталось после пожара 1491 г.) были перенесены из заштатного Владимира в стольный Санкт-Петербург. Не считаясь с церковными традициями, Петр даже чествование Александра Невского перенес с 23 ноября (день погребения князя во Владимирском Рождественском монастыре) на 30 августа — день заключения знаменитого Ништадского мира.

Глава 6

Золотая Орда и Русь

Начну с элементарного, но очень спорного вопроса — а кто такие татары? Сейчас существует несколько теорий, кого считать татарами. Начнем с русской интерпретации этого вопроса. Так, В.Л. Егоров писал: «Население Золотой Орды с этнической точки зрения представляло собой довольно пестрый конгломерат самых различных народов. Собственно монголов здесь осталось сравнительно немного; подавляющее большинство их в 1242 г. вернулось в Центральную Азию. Оставшиеся же представляли, в основном, аристократическую верхушку общества, избегавшую смешения с другими слоями населения. Среди последнего были представители поработанных завоевателями волжских булгар, русских, буртасов, башкир, ясов, черкесов и др. Однако основную массу населения Золотой Орды составляли жившие на этой территории до прихода монголов кипчаки. Это привело к созданию своеобразной ситуации: уже в XIV в. завоеватели почти полностью растворились в кипчакской среде, утратив свой язык и алфавит. Арабский современник писа по этому поводу: «В древности это государство было страной кочевников, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх ад природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаками, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)». Исторически так сложилось, что всюду, где появлялись отряды Чингисхана и его наследников, их называли татарами. Китайский источник XIII в. относит самого Чингисхана и его сановников также к черным татарам, хотя сами они называли свое государство монгольским, а себя — монголами. Татарами же население Золотой Орды назвали и русские летописи. После ее распада этноним «татары» автоматически перешел на население новых государственных образований с соответствующим уточнением (казанские, астраханские и т. д.).^[73] Причем характерно, что население бывшей Волжской Булгарии, входившей составной частью в Золотую Орду, русские летописи в XIII–XIV вв. не называли татарами. После основания Казани в 70-х годах XIV в. и ее возвышения население

этого региона в русских источниках стало называться казанцами, и лишь позднее на него переносится этноним «татары»». ^[74]

Современный татарский историк Б.Л. Хамидуллин пишет: «В современной науке утвердились три основные, но кардинально противоположные точки зрения на проблему происхождения современного татарского народа. Первая — болгарская, согласно которой этническим костяком, основой современных татар являются болгары и, отчасти, кипчаки и тюркозированные финно-угорские этнические группы. В соответствии с этой концепцией, основные этнокультурные традиции современных татар сформировались в период домон-гольской Волжской Булгарии, а в период Золотой Орды и постзолотоордынских ханств (в первую очередь — Казанского ханства) особых этнокультурных изменений не претерпели. Эта концепция в основных чертах была сформулирована в начале XX в. в трудах Г. Ахмерова, Р. Фахретдинова, Н. Фирсова, М. Худякова и др. Позднее она разрабатывалась в трудах Х. Гимади, А. Смирнова, Н. Калинина, Г. Юсупова, А. Халикова и др.

Вторая концепция — тюрко-татарская, согласно которой этнической основой современных татар являются татары Золотой Орды и постзолотоордынских государств. Данная концепция — более «гибкая», т. к. не отрицает важной роли доордынских этнических компонентов (кипчаков (половцев), болгар, финно-угров, остатков хазарского и печенежского населения и т. д.) в этногенезе современных татар. Эта концепция в более конкретных чертах была сформулирована в начале XX в. в исследованиях Газиза Губайдуллина. Позднее ее поддержали М. Сафаргалиев, Ш. Мухамедьяров и др.

Третья концепция, в последние годы существенно утратившая свои позиции, — татаро-монгольская. Она основывается на представлении о переселении в Восточную Европу центрально-азиатских и восточно-азиатских татаро-монгольских племен, которые, смешавшись с кипчаками, создали основу татарской государственности и культуры. Данная теория была сформулирована задолго до нашего столетия и, то «затухая», то вновь «вспыхивая», встречается в трудах русских, чувашских, башкирских и других исследователей». ^[75]

У меня же лично нет никакого желания вступать в диспут по этому сложному вопросу, а для удобства читателя я буду продолжать использовать термин «татары» в широком смысле этого слова, то есть называя им потомков монголов, болгар, различных кипчакских племен и т. д.

Тут же стоит отметить и две противоположные тенденции у

современных татарских историков. Одни, как, к примеру, И.А. Гафаров, утверждают, что именно булгары вынесли основную тяжесть монгольского (татарского) нашествия и даже спасли тем Западную Европу от монголов (татар). А вот профессор З.З. Мифтахов считает булгар главной ударной силой Батые в походах 1237–1238 гг. и 1240–1241 гг. На мой взгляд, правы они оба. Другой вопрос, что в зависимости от политической конъюнктуры выгоднее выпячивать то один, то другой исторический момент.

История Золотой Орды крайне запутанная не столько из-за ограниченности письменных источников, сколько из-за позиции наших властей. Русские цари были не заинтересованы в издании истории татар. А в 1944 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б), фактически запрещавшее изучение истории Золотой Орды.

В начале 1980-х годов при посещении исторического музея в Казани я был удивлен отсутствием зала, посвященного истории Золотой Орды. Прямо от стенда, посвященного домонгольской Булгарии экскурсовод переходил к рассказу о завоевании Казани Иваном Грозным.

Первые татарские ханы основали многочисленные города, подавляющее большинство которых было расположено на Волге. Наиболее крупные из них: Сарай-Бату (Сарай ал-Мах-руса — Дворец Богохранимый), построенный в конце 40-х годов XIII века в низовьях Итиля (остатки этого города ныне известны под названием Селитряного городища примерно в 30 км севернее Астрахани), и Сарай Берке (Сарай ал-Джадид — Дворец Новый), заложенный еще ханом Берке, но окончательно достроенный при хане Узбеке. Остатки этого города, известные под названием Царевского городища, расположены на левом берегу Волги южнее Волгограда, рядом с городом Ленинском (бывшим Царевым).

Арабский путешественник и историк XIV века Ибн-Батутта писал: «Город Сарай — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать его объем. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и все это сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожних мест, ни садов».

Кроме Сараев, известны также города на Волге Бельджамин (выше Волгограда) и Увек (южнее Саратова). В устье Дона раскинулся крупный город Азак (будущий Азов), на Яике (Урале) — Сарайчяик, в низовьях Днестра — Оргив, на Северном Кавказе — Маджар.

Всего к настоящему времени археологам известно не менее 30 городов

Золотой Орды.

В свои города татары свозили тысячи высокопрофессиональных ремесленников из всех покоренных стран, среди которых, разумеется, было много русских. С конца 50-х гг. XIII века в Орде начинается чеканка золотых и серебряных монет.

Постройка двух столиц (Сараев) в Нижнем Поволжье была обусловлена целым рядом причин. Здесь пересекался водный путь по Волге с караванным путем на Восток. Немалую роль сыграло и то, что рядом с городами и узкой полоской земледельческих районов вдоль реки, была степь. Благодаря этому ханы могли несколько месяцев жить в городских условиях, а затем кочевать по степи.

Уже во время правления Батыя на территории всех монгольских (татарских) ханств нормально функционировала общеимперская почта. О почте рассказывают арабские историки Джувейни, Рашид-ад-дин и другие. Наилучшим образом почта была налажена между Каракорумом и Пекином. Рашид-ад-дин пишет, что на этом участке через каждые 5 фарсахов (25–30 км) располагалось 37 ямов (почтовых станций). На каждом яме находилось по тысяче человек как для охраны самой станции, так и для охраны проезжавших послов и гонцов. По этой дороге ежедневно в обоих направлениях двигалось около пятисот огромных телег, запряженных шестеркой волов. На этих телегах в Каракорум доставлялось продовольствие — хлеб, рис и др. На каждом яме имелись специальные амбары, куда складывалось продовольствие.

В 1255 г. сорока восьми лет от роду скончался хан Батый. Похоронили его по старинному монгольскому обычаю с участием шаманов. Власть в Золотой Орде перешла к сыну Батыя Сартаку. Престол за ним утвердил сам Великий хан Мунке, в ставке которого Сартак находился в момент смерти отца. По сообщениям итальянского путешественника монаха Гильома Рубруна и персидского историка Джузджани Сартак принял христианство. Однако это не помешало ему иметь шесть жен.

В 1256 (1257) г. на золотоордынский престол всходит Берке, третий сын хана Джучи, младший брат Батыя. Уже при жизни Батыя Берке принял ислам и впоследствии стал ревностным мусульманином.

Между тем в 1259 г. в столице Монгольской империи Каракоруме умер Великий хан Мунке. Началась кровавая война между основными претендентами — Хубибаем и Ариг-Буги, сыновьями Тулуя (Тулая), четвертого сына Чингисхана. В 1264 г. Хубибай победил. Но примерно с 1260 г. можно считать, что Золотая Орда окончательно избавилась от власти Великого хана в Каракоруме. Кстати, Хубибай перенес столицу из

Каракорума в Пекин.

Хан Берке умер в 1266 г. во время похода на Кавказ. Новым ханом Золотой Орды стал Менгу-Тимур (Темир), племянник Берке, внук Батыя. В годы его правления (1266–1282 гг.) в среде знати Золотой Орды выдвигается темник^[76] Ногай. В течение последующих четырех десятилетий Ногай играл столь важную роль в Орде, что в Западной Европе его считали независимым ханом, посылали к нему посольства и царские подарки, встречали его послов как послов царских и т. д.

Предположительно Ногай был правнуком хана Джучи. Он стал полунезависимым правителем татарских орд, кочевавших между Доном и Дунаем. В 1273 г. Ногай даже женился на Ефросинье, побочной дочери византийского императора Михаила Палеолога.

Отношения Золотой Орды и Руси называются у нас коротким и непонятым термином «иго». Целый ряд советских историков, в том числе Л.Н. Гумилев, ставили под сомнение само существование ига. С 1980-х годов появилась целая группа обличителей термина «иго». А в Татарстане ряд местных историков объявили татарское владение «эпохой расцвета на Руси» и вообще большим благом.

Так было ли иго на Руси? Да, действительно князья стали вассалами золотоордынских ханов, то есть, используя устоявшийся термин, попали под иго. Другой вопрос, что ряд русских князей использовали это иго в своих целях, и для них татары были не угнетателями, а благодетелями и спасителями.

Особенностью «татарского ига» на Руси по сравнению с западноевропейскими вассальными отношениями было полное отсутствие письменных юридических документов. Даже само завоевание Руси закончилось без заключения мира, без правового оформления актов походов Батыя в 1237–1238 гг. и в 1240–1241 гг.

В отношениях вассалов — русских князей со своими сюзеренами — ханами не было никакого порядка, никаких правил. Князья часто (иногда ежегодно), но абсолютно бессистемно ездили в Орду, как по вызову хана, так и в инициативном порядке. Все дела, ради которых князья приезжали в Орду, решались устно при личном свидании с ханом или его мурзами. Историк В.В. Похлебкин отмечает, что в летописи часто говорится, «что князья либо *оговаривали* друг друга, либо *выпросили* у хана то, что хотели, либо *клялись* своим *честным словом* или *обещали* клятвенно то-то и то-то. Никогда, ни в один период в течение двух с половиной веков летописи не сообщают, что тот или иной князь *подписал* тот или иной документ, то или иное *письменное обязательство*.

И дело было не только в том, что как многие князья, так и многие ханы были попросту неграмотными. Ведь ханы оформляли при помощи ученых писцов договоры и соглашения и с Генуей, и с Византией, и с Египтом, подписывали с этими государствами и мирные договоры, и брачные контракты, т. е. находили возможность вступать в письменные юридические канонические международные отношения с другими, уважаемыми государствами. В отношении же Руси все эти цивилизованные формы двусторонних сношений настойчиво и последовательно игнорировались, упорно не использовались. На это поразительное обстоятельство почему-то никогда не обращали внимания ни русские историки, ни юристы, изучавшие историю права». ^[77]

Размер той же пресловутой дани никогда письменно не фиксировался. Наоборот, он постоянно менялся. Во второй половине XIII века ханы попытались связать объем выплат с численностью населения конкретного княжества и несколько раз устраивали перепись на Руси, но вскоре отказались от этой затеи и стали брать по ситуации. Общая же сумма ордынской дани с русских земель, по мнению профессора В.А. Кучкина, составляла не менее 15 000 рублей в год. ^[78]

Обе стороны никогда не давали письменных гарантий друг другу. Часто князья предоставляли вещественные гарантии — посылали в Орду заложников: своих младших братьев, сыновей, племянников и т. д., либо даже сами приезжали в Орду и на несколько месяцев оставались там заложниками.

Ханы же никогда не предоставляли гарантий князьям. Хан в любой момент мог нарушить свое ранее данное обещание и потребовать дополнительную дань, отнять ярлык на княжество, а то и вызвать в Орду князя и убить его без суда и следствия.

Замечу, что позже московским князьям очень понравился такой беспредел, и именно в нем лежат истоки российского самодержавия. В Европе самодержавной властью считалась система, когда монарх по своему усмотрению вводил законы и правил в согласии с ними. А наши цари, до Николая II включительно, постоянно игнорировали законы Российской империи, введенные их же предками.

Об этом хорошо сказал тот же Похлебкин: «Между тем общий характер бесписьменных, юридически не фиксируемых и односторонне неравноправных русско-ордынских отношений коренным образом менял всю систему представлений у многих поколений русских государственных мужей о международных внешнеполитических постулатах и нормах.

Русские князья оказывались лично зависимыми от Орды, как крепостные, они привыкали к рабскому, унижительному положению, они культивировали приспособленческую психологию «двух моралей» и переносили, передавали все это уродливое и рабское в свои государства, практикуя затем на боярах, на дворянстве и особенно на своем народе те же самые приемы, которые применялись по отношению к ним в Орде.

Представления о нормах права — как международного, так и государственного, а тем более личного — на несколько столетий были совершенно исключены из системы мышления русского народа. Его систематически приучали, воспитывали в обстановке последовательного, целеустремленного бесправия...

Таков был один из важнейших исторических результатов господства Орды над Русью. Ясно, что все это создавало не только препятствия на пути развития русской государственности, придавало этому развитию уродливо-извращенные, чисто рабские черты, но и оказывало огромное негативное воздействие на формирование психологии русской нации в целом, причем как общественной, так и личной психологии». [\[79\]](#)

Говоря о татарском иге, нельзя обойти русофобские ерничанья ряда западноевропейских и прибалтийских историков, охотно поддерживаемые некоторыми нашими поэтессами, о том, что-де татаро-монголы в XIII–XIV веках изменили этнический состав населения Руси. Эстонский профессор Тийт Таде писал: «Кто такой истинный русский? Русские столетиями жили под монгольским или татарским влиянием, и поэтому русские до сих пор в этническом плане многонациональная нация... Татары и монголы вторгались в свое время в русские деревни, истребляли и захватывали в плен мужское население, насиловали русских женщин. Поэтому сегодня русский народ так смешан с теми людьми, которые когда-то насиловали русских женщин. Отсюда эта агрессивность, необходимость показать силу и выдавание чужих успехов за свои». [\[80\]](#)

Боюсь, что сей «профессор» столь же мало разбирается в истории, сколь и в женщинах. Действительно, в ходе набегов татары насиловали русских женщин, как это делали и делают солдаты любой армии. Но татары в подавляющем большинстве случаев изнасилованных женщин уводили с собой или убивали. Ну, допустим, ничтожный процент женщин был отпущен захватчиками, или им удалось бежать при отходе татар. Желали ли изнасилованные русские женщины вскармливать детей, внешность которых сразу же после рождения выдавала происхождение? Хотели ли позора юные девушки или замужние женщины?

Известен случай, происшедший в Смутное время, когда пьяные ляхи раздели донага крестьянских девушек и заставили их «ловить кур для потехи». При этом девушки даже не были изнасилованы. И что же? Все девушки пошли к реке и утопились. А нравственность в XIII–XIV веках была повыше, чем в XVII веке. Так что число детей, рожденных от татар изнасилованными русскими женщинами, заведомо «ниже погрешности вычисления», как говорят статистики.

Но это касается лишь простых русских людей, а вот российское дворянство, кичащееся своим происхождением, получило изрядную порцию татарской крови. Уже в конце XIII века десятки русских князей были женаты на татарках — дочерях золотоордынских ханов и мурз. Дальше — больше, многие князья, особенно московские, стали брать себе на службу сотни и даже тысячи татар.

Как писал крупнейший специалист в области русской генеалогии Л.М. Савелов (1868–1947): «В старину у нас был единственный титул — это князь, причем титул не жалованный, а означавший, что предки лица, носившего его, были владетельными государями, исключение составляли только татары, которые признавались князьями очень легко; достаточно было татарскому мурзе появиться на русской службе, чтобы быть признанным в княжеском достоинстве; у нас даже говорили, что если мурза появился в Москве зимой, то его царь жаловал шубой, а если летом, то княжеским титулом».^[81]

Кстати, большинство татар, принятых на службу московскими князьями, и мурзами-то не были. Но каждый джигит заявлял великому князю, что он подлинный Чингизид, и требовал титул. Замечу, что русские князья в XIII–XIV веках считали золотоордынских ханов царями, а себя — их холопами. В результате не только в XIV–XV веках, но и на пару веков позже происхождение от хана Чингизида считалось на Руси выше, чем происхождение от князя Рюриковича, и многие дворяне Рюриковичи приписывали себе в родословные Чингизидов. Увы, никто из татар так и не представил убедительных доказательств, что его предок был Чингизидом. Разумеется, всякие семейные предания не в счет. Так, к примеру, князья Юсуповы представляли свое происхождение от... пророка Магомета.

Татаризация дворянства продолжалась и в последующие века. К примеру, Екатерина II после присоединения Крыма к России росчерком пера записала в потомственные русские дворяне всех крымских мурз, а точнее, всех, кто считал себя таковыми.

Несколько слов нужно сказать и об отношении золотоордынских ханов к православной церкви. Принятие ислама не изменило отношения

ханов к православию. В 1270 г. Менгу-Тимур издал указ: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных ему архимандритов, протоиереев, иереев и т. д. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу и сами они Божьи. Да помолятся они о нас».^[82]

Позже хан Узбек еще расширил привилегии церкви: «Все члены православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто грабит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню — тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол».^[83]

Таким образом, татары зачастую с большим почетом относились к церкви, чем сами русские. Как писал известный историк церкви член-корреспондент АН СССР Н.М. Никольский: «Для местных жителей местная икона — неприкосновенная святыня, для чужих, из другой области, это предмет, не вызывающий никакого уважения. Смоляне, суздальцы и даже черниговцы, взявши Киев под предводительством Андрея Боголюбского, как бы в насмешку над прозвищем князя разграбили «монастыри и Софию и Десятинную богородицу... и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами и колоколы изнесоша все». То же самое повторилось в 1203 г. Но это факты более ранние. А вот факты XIV и XV вв.: в 1372 г. тверитяне, взяв Торжок, ободрали серебряные оклады с тамошних икон, а церкви сожгли; в 1398 г. новгородцы в Устюге «церковь соборную пречистыя пограбиша»; в 1434 г. великий князь Василий Васильевич, взяв Галич, сжег там церкви и монастыри».^[84]

Православная церковь, в свою очередь, в основном весьма лояльно относилась к татарскому игу. Нашествия татар были официально объявлены «бато́гом Божьим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния». Риторический вопрос, а можно ли бороться с бато́гом божьим? Каяться надо! Каяться побольше! В русских церквях в обязательном порядке молились за здоровье царя, то есть золотоордынского хана.

В 1261 г. стараниями Александра Невского и митрополита Киприана в столице Золотой Орды была учреждена Сарайс-кая епархия русской православной церкви. Причем, если периодически ханы устраивали кровопускание русским князьям и купцам, приезжавшим в Орду, то Саранская епархия оставалась неприкосновенной.

Отношение русских князей к Золотой Орде было неоднозначным. Многие князья, начиная с Андрея Ярославовича, не боялись выступить против татар, но, увы, среди князей было очень много и тайных прихвостней.

Вот колоритный и в чем-то характерный пример — Федор Ростиславович Чермный. Замечу, не «Черный», как пишет большинство наших историков, а «Чермный», что на древне-славянском языке означает «красивый». Федор действительно был красавцем огромного роста. Родился он примерно в 1238 г. в семье смоленского князя Ростислава Мстиславовича. После смерти Ростислава в 1240 г. на смоленский престол вступил его троюродный брат Всеволод Мстиславович.^[85] В 1249 г. Всеволод умирает бездетным, а на смоленский престол вступает старший сын Ростислава Глеб. Красавцу же Федору Ростиславовичу в том же году был выделен ничтожный удел на востоке Смоленского княжества, с городом Можайском. Естественно, честолюбивый красавец не то чтобы не желал, он просто физически не мог провести жизнь в таком захолустье.

Между тем в 1249 г. умирает ярославский князь Василий Всеволодович. Его единственный сын Василий умер младенцем, и на престол вступает его брат Константин Всеволодович, но в 1257 (1256) г. и он умирает бездетным. В таких случаях обычно призывали на княжение другого родственника мужского пола. Но по неясным причинам власть в Ярославле захватили молодая вдова князя Василия Всеволодовича Ксения. Точный возраст ее неизвестен, но в брак она вступила в 1242 г., то есть в 1257 г. ей было от 27 до 32 лет.^[86] У Ксении была дочь Мария, родившаяся между 1243 и 1249 годами.

Федор Ростиславович поехал в Ярославль сумел втереться в доверие к Ксении, и в 1260 г. состоялась его свадьба с Марией Васильевной. Вскоре у них родился сын Михаил. Но тихая жизнь в Ярославле Федору быстро надоела. В 1277 г. вместе с еще тремя русскими князьями — Андреем Городецким (сыном Александра Невского), Глебом Ростовским и его сыном Михаилом — он собирает войско и отправляется в Золотую Орду. Вместе с татарами Федор принимает участие в походе на осетин. Русские вместе с татарами разгромили осетин и взяли «славный град Тетяков» (Татян).

В 1278 г. по указанию хана Менгу-Тимура князья Федор Чермный и Михаил Белозерский^[87] устроили карательную экспедицию в Волжскую Булгарию. По данным профессора Мифтахова они разрушили 40 городов и 600 селений.^[88] Арабские источники свидетельствуют об особой жестокости воинства Чермного и Белозерского.

После ратных подвигов 1277–1278 гг. Чермный решил не возвращаться к тихой жизни в Ярославле, а остаться при дворе хана Менгу-Тимура. В летописи сказано: «А князя Феодо-ра Ростиславовича царь Менгу-Тимур и царица его вельми любяше и на Русь его не хотяше пустити мужества ради и красоты лица его».

Федор стал ханским виночерпием, но через три года решил все-таки навеститься в Ярославль, узнав о смерти своей жены Марии. Ярославцы же не пожелали открывать ворота своему князю, «не принята его во град, но рекоша ему: «Сей град княгини Ксении, и есть у нас князь Михайло»».

Ксения, правившая княжеством от имени малолетнего внука Михаила, почувствовала вкус власти и не желала делиться ею с непутевым зятем. Не солоно хлебавши, Федору пришлось вернуться в Орду.

В итоге одна из дочерей хана Менгу-Тимура была крещена и получила имя Анна. Затем состоялась их с Федором пышная свадьба. Супруги долго и спокойно жили в Сарае. В Орде у Федора родилось два сына — Давид и Константин. Федор жил в Сарае до 1290 г., когда «пришла ему весть с Руси, от града Ярославля, что его первый сын князь Михаил преставился».

Помня, как его прогнали ярославцы, Федор выпросил у хана Талабуги (Телебуги) татарское войско. Ярославцы не отважились драться с татарами и были вынуждены признать Федора своим князем.

В следующей главе мы узнаем о дальнейших похождениях Федора Чермного. А сейчас перенесемся в далекий 1463 год, когда ярославское духовенство случайно обнаружило останки князя Федора Чермного и его сыновей Давида и Константина, похороненных почему-то в одной гробнице. «Во граде Ярославле в монастыре Святого Спаса лежали три князя великие, князь Феодор Ростиславович да чада его Давид и Константин, поверх земли лежали. Сам же Великий князь Федор велик был ростом, те у него сыновья, Давид и Константин, под пазухами лежали, зане меньше его ростом были. Лежали же во едином гробе». Их останки были торжественно перенесены в Спасский собор. Но вдруг «и беху от них многаа чюдеса и различнаа исцеления приходящим къ нимъ с верою и до сего дне». Ну а, как известно, чудеса случаются лишь тогда, когда в них назревает необходимость. И действительно, ярославские князья конфликтовали с Москвой, и им срочно требовалось поднять политический престиж Ярославля.

Вскоре монах Спасского монастыря Антоний написал житие святого князя Феодора Чермного: «Преподобие Феодоре и блаженне Давиде с Константином славным, и явистесь, яко многоцветущая райская древеса жизни и яко многосветныя звезды, в мире сияюще благодатию, в

добродетели исправив-ше жизнь свою, и сего ради получите живот вечный на небесах. Тем же благодарственно вам зовем: радуйтесь, всемирнии светильницы и граду нашему Ярославлю великое утверждение». [\[89\]](#)

Этот пассаж я оставляю без комментариев. Предоставлю сделать это читателю.

Глава 7

Как родственники Александра Невского на Русь татар наводили

Русские и советские историки превозносят заслуги Александра Невского. Так, С.М. Соловьев пишет, что «по смерти Невского... кончилось первое, самое тяжелое двадцатилетие татарского ига».^[90] А вот английский славист, профессор Оксфордского университета Джон Феннел дает иную оценку: «Александр оставил страну в хаосе, обреченной подчиняться слабому правителю до тех пор, пока сохранялась система горизонтального наследования, — после его смерти Русь оказалась в состоянии большой зависимости от Золотой Орды по сравнению с тем, что было, когда Александр наследовал престол в 1252 году».^[91]

Умирая, Александр не назначил наследника. По старой «горизонтальной» системе наследования его преемником автоматически становился Андрей, занимавший суздальский стол. Кроме того, в живых остались два брата Ярославовича: тверской князь Ярослав и костромской князь Василий Квашня.

Ряд историков предполагают, что Андрей попытался или даже стал великим князем владимирским, но в Орду он ехать не пожелал. А вот Ярослав Ярославович Тверской отправился в Орду просить ярлык на великое княжение владимирское. О событиях 1263–1264 гг. достоверной информации нет. Поэтому можно лишь гадать, дал ли хан Берке ярлык Ярославу в нарушение наследственного права Андрея, помня его антитатарские выступления в 1252 г., или Андрей тихо скончался в 1264 г. и хан уже законно передал ярлык следующему брату Ярославу.

Ярослав Ярославович все время своего правления на владимирском престоле (1264–1271) посвятил новгородским делам, пытаясь подчинить Новгород себе. Естественно, что вольные новгородцы не хотели становиться холопами тверского князя. В 1270 г. новгородцы собрали вече, на котором постановили прогнать князя Ярослава. Возмущенные горожане «убили приятеля княжеского Иванка, а другие приятели Ярославовы, и между ними тысяцкий Ратибор, скрылись к князю на Городище; новгородцы разграбили их дома, хоромы разнесли, а к князю послали грамоту с жалобой».^[92]

Замечу, что все требования новгородцев носили исключительно экономический характер: князь незаконно отдал позволение ловить рыбу в Волхове «гогольным ловцам», а те, видимо, делились с князем; перечисляли незаконные поборы князя с новгородских бояр и купцов, а также притеснения заморских гостей.

В итоге Ярослав был вынужден с позором покинуть Новгород, а горожане послали в Переяславль-Залесский за правившим там князем Дмитрием Александровичем, вторым сыном Александра Невского. Дмитрий же не захотел уособицы или не имел достаточно сил. Во всяком случае, он отказался ехать в Новгород, заявив: «Не хочу взять стола перед дядею».

Тем временем Ярослав послал беглого новгородского тысяцкого Ратибора к хану Менгу Тимуру (Темир, племянник Берке) за помощью, и тот передал хану: «Новгородцы тебя не слушают. Мы просили у них дани для тебя, а они нас выгнали, других убили, дома наши разграбили и Ярослава обесчестили». Хан выслушал, поверил и отправил войско в помощь Ярославу.

Страшная опасность нависла над Новгородом, да и над другими русскими землями, ведь татары грабили всех подряд, не разбирая правых и виноватых. Выручил Новгород самый младший (на 1270 год) сын Ярослава Всеволодовича костромской князь Василий Квашня. Он не только мечтал о владимирском престоле, но и побаивался за свой удел от происков слишком властолюбивого брата Ярослава.

Василий послал новгородцам сказать: «Кланяюсь святой Софии и мужам новгородцам: слышал я, что Ярослав идет на Новгород со всею своею силою, Димитрий с переяславцами и Глеб с смолянами. Жаль мне своей отчины». Но Василий не ограничился одними сожалениями, он сам поехал в Орду и сказал хану, что новгородцы правы, а Ярослав виноват, и хан велел своему посланному к Ярославу войску вернуться с дороги.

А новгородцы между тем построили острог возле города, все свое имущество вывезли из крепости, а когда у Новгорода появились передовые отряды Ярослава, то все горожане от мала до велика вышли с оружием в руках. Узнав об этом, Ярослав остановился в Русе, и послал в Новгород свои мирные предложения: «Обещаюсь впредь не делать ничего того, за что на меня сердитесь, все князья в том за меня поручатся». Новгородский боярин Лазарь Моисеевич ответил: «Князь! Ты вздумал зло на святую Софию, так ступай: а мы изомрем честно за святую Софию. У нас князя нет, но с нами Бог, и Правда, и святая София, а тебя не хотим».

Новгородцы могли себе позволить так разговаривать с Ярославом —

татары к нему на подмогу не приходили, а к Новгороду собралась вся волость. Псковичи, ладожане, корела, ижора, вожане — все пришли к устью Шелони и стояли неделю на броне, а войско Ярослава — на другом берегу реки. Но до драки дело не дошло, поскольку явился новый посредник — митрополит, приславший грамоту, в которой писал: «Мне поручил бог архиепископию в Русской земле, вам надобно слушаться бога и меня: крови не проливайте, а Ярослав не сделает вам ничего дурного, я за то ручаюсь. Если же вы крест целовали не держать его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвечаю перед богом».

Грамота эта подействовала: Ярослав снова послал к новгородцам с поклоном, новгородцы помирились с ним и опять посадили у себя княжить. Зимой Ярослав уехал во Владимир, а оттуда — в Орду. В Новгороде своим наместником он оставил боярина Андрея Вратиславовича, а в Пскове — литовского князька Айгуста. Видимо, князь псковский Довмонт (Тимофей) на какое-то время допустил до власти этого Айгуста.

Ярослав Ярославович умер в 1272 г., возвращаясь из Орды. На законных основаниях Великое княжество Владимирское перешло к последнему оставшемуся в живых Ярославовичу — костромскому князю Василию. Вскоре в Новгород одновременно прибыли послы Василия Ярославовича и его племянника переяславского князя Дмитрия Александровича. Оба князя метили в князья новгородские. Казалось бы, новгородцы должны были выбрать своего избавителя от татар — Василия. Но вече предпочло Дмитрия. Дело в том, что все Ярославовичи, включая Невского, ездили в Новгороде не столько «оборонять землю Русскую» от злых шведов и немцев и не для объединения русских земель, а в основном за деньгами. Благодетель Василий запросил слишком много, и ему отказали.

Василий обиделся на вольный Новгород, а, главное, деньги ему были нужны позарез. И Василий позвал в союзники нового тверского князя Святослава Ярославовича, унаследовавшего отцовский трон.^[93] Оба князя призвали к себе татарские войска. Во главе татарского войска, шедшего с Василием, стоял великий баскак Амраган. Кроме того, в костромском войске был зять Василия Ярославовича татарин князь Айдар.

В Твери и Костроме были ограблены и брошены за решетку новгородские купцы. Войска Василия и Святослава, двигавшиеся порознь, вторглись в новгородские пределы. Василий взял Торжок. «Князь великий тверский Святослав Ярославович... иде с татары царевыми, и воеваша Новгородския власти: Волок, Бежици, Вологду, и со многим полоном воз-

вратишася во Тферь».^[94]

Обратим внимание, Никоновская летопись подчеркивает: «татары царевы», то есть не отряды наемников, а регулярные войска золотоордынского хана.

«Смутишася новгородцы, — говорится далее в Никоновской летописи, — и бысть страх и трепет на них, глаголюще: «Отъвсюду нам горе! Се князь велики володимерский, а се князь велики тферский, а се великий баскак царев (ханский — АШ.) с татары и вся Низовская (Суздальская — АШ.) земля на нас».

В августе 1273 г. князю Дмитрию Александровичу пришлось покинуть Новгород и отправиться в родной Переяславль, а Новгород согласился на все условия Василия Ярославовича.

Историки не располагают достоверными данными о русско-татарских отношениях во время правления Василия Ярославовича, но похоже, что в середине 70-х годов XIII века татарские войска постоянно дислоцировались на Руси. Великий князь владимирский Василий физически не мог их так быстро вызвать из Орды для расправы над Новгородом.

В 1275 г. русские князья с татарами предприняли большой совместный поход в Литву. «Того же лета ходиша татарове и Русстии и князи на Литву, не успевши ничто же, възвратишася назад. Татарове же велико зло и многу пакость и досаду сътвориша Христианом (т. е. русскому населению — А. Ш.), идуще на Литву, и паки назад идуще от Литвы, того злее створиша, по волостем, по селом дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, облупивша нагого пустять», — повествует Троицкая летопись.

В том же 1275 г. Менгу-Тимур вызвал Василия Ярославовича в Орду. Хан заявил, что Русь платит слишком малую дань, на что Василий возразил, что она соответствует последней переписи. Тогда Менгу-Тимур приказал провести третью перепись на Руси. Прошла она быстро и, видимо, без сопротивления русского населения. Василий возвратился из Орды в 1276 г., а в январе 1277 г., тридцати пяти лет от роду, он умер, не оставив наследников.^[95] Похоронили князя Василия в своем городе Костроме.

Оценивая правления трех великих князей владимирских — братьев Ярославовичей Александра, Даниила и Василия, можно сделать несколько очевидных выводов. За время их правления власть татарского ига в Северо-Западной Руси не только не ослабела, а наоборот, усилилась. Ярославовичи сделали нормой призыв татарских орд для расправы с личными врагами.

Власть великого князя владимирского не усилилась, а несколько ослабела. Внешняя экспансия великих князей владимирских была направлена исключительно на Новгород и Псков. О причинах такого внимания к богатым купеческим городам я писал — Ярославовичам нужны были деньги. В результате с помощью «низовых» князей Новгороду и Пскову удалось в описываемый период отбить нападения как Тевтонского ордена, так и литовцев. Однако не только подчинить себе Новгород и Псков, но даже как-то изменить в свою пользу взаимоотношения с этими городами владимирским князьям не удалось.

После отказа Александра Невского ехать в Киев владимирские князья и их вассалы напрочь забывают о южных и западных русских княжествах. Забывают о них и владими́ро-суздальские летописцы. Между этими частями Русской земли как бы опускается занавес. Но об этом разговор еще будет, а сейчас я перейду к борьбе за власть между сыновьями Александра Невского.

Старший сын Невского Василий после своего неудачного княженья в Новгороде совершенно исчезает с политической арены. Некоторые историки даже считают, что отец заключил его в темницу, где Василий и скончался. В любом случае, умер он в 1271 г., не оставив потомства. Поэтому в 1276 г. Великое княжество Владимирское в законном порядке перешло к следующему сыну Невского — переяславскому князю Дмитрию.

Новый великий князь владимирский первым делом занялся Псковом и Новгородом, то есть тем же, с чего начинали его предшественники. Новгородцы немедленно после смерти Василия признали Дмитрия Александровича своим князем. В 1279 г. он, по словам летописца, выпросил у новгородцев позволения поставить для себя крепость Копорье, и в том же году деревянная крепость была готова. На следующий год Дмитрий опять поехал в Копорье вместе с посадником Михаилом и знатными новгородцами и заложил уже каменную крепость.

Но в 1281 г. новгородское вече выступило против Дмитрия. Поводом к ссоре послужила именно крепость Копорье. Нашему читателю, воспитанному на советских учебниках истории и фильме «Александр Невский», покажется непонятным, почему новгородцы воспротивились постройке крепости в ключевом пункте своей западной границы, вблизи Финского залива. Действительно, крепость Копорье играла крайне важную роль в обороне Новгорода от немцев и шведов. Но, как уже говорилось, «низовые» князья не только не хотели даром «защищать землю Русскую», но их не устраивали и нормальные выплаты, скажем, средние по Европе, где многие города платили за свою защиту местным феодалам.

Владимирские князья поначалу соглашались на умеренные суммы, а потом начинали попросту грабить новгородцев и псковичей хуже всяких шведов и немцев.^[96]

Дмитрий немедленно собрал войско и двинулся на Новгород для расправы над недовольными. Переяславцы грабили и жгли новгородские волости. В итоге Господин Великий Новгород запросил мира и принял все условия Дмитрия.

Но тут в распрю между Новгородом и великим князем владимирским встречается его младший брат Андрей Городецкий. Прозвище это Андрей получил давно, ведь удельным князем Городецким он стал сразу после смерти отца (Александра Невского), будучи еще ребенком 6–8 лет, но после смерти в 1276 г. бездетного князя Василия Ярославовича Андрею удалось присоединить к своему уделу Кострому.

Историки, начиная с Соловьева, а особенно неумные романисты, уверяют, что Андрея с братом поссорил костромской боярин Семен Тонилиевич. Семен ранее был воеводой у великого князя Василия Ярославовича и воевал против Дмитрия. На мой взгляд, дело совсем не в боярине Семене. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять — подмяв под себя Новгород и Псков, точнее, ограбив их, великий князь владимирский получит огромные средства, на которые сможет подкупить татар и нанять большое войско. Понятно, что первой жертвой станет самый сильный вассал великого князя, то есть Андрей Городецкий.

И вот, узнав о нападении Дмитрия на Новгород, Андрей Городецкий с боярином Семеном срочно едет в Орду. Он привез богатые дары Менгу-Тимуру и сумел настроить хана против брата. В итоге хан выдает Андрею ярлык на Великое княжество Владимирское и дает большое татарское войско. На мой взгляд, в передаче ярлыка Андрею (при том, что Дмитрий ничем не прогневал хана) решающую роль играл один фактор, не замеченный нашими историками. Дело в том, что в 1277–1278 гг. Андрей Александрович принял участие в походе Менгу-Тимура на Кавказ в Осетию, а затем участвовал в карательных операциях в Булгарии. В ходе этих походов он сумел войти в доверие к хану и завязать приятельские отношения с князем Федором Ростиславовичем Черным, уже упомянутым ранее.

Черный, живший тогда в Орде и бывший служилым князем у Менгу-Тимура, не только поддерживал перед ханом своего приятеля Дмитрия, но и возглавил один из татарских отрядов, отправившихся на Русь. К Андрею присоединились двадцатилетний князь Константин Борисович

Ростовский^[97] и стародубский князь Михаил, сын Ивана Всеволодовича Каши.

Андрей Городецкий со своей русско-татарской компанией действовал в стиле Батыя и Неврюя. Джон Феннел писал: «Соединенные силы начали разорять и грабить Русскую землю. Районы Мурома, Переславля, Владимира, Юрьева Польского и Суздаля пострадали первыми. Затем войско двинулось на север, к району Ростова, а на западе дошло до Твери и Торжка, опустошив эти земли. Троицкий летописец, оставивший самое подробное описание этой, как он выражается, «первой рати Андрея» и сильно настроенный против Андрея, дает себе полную волю и нагнетает атмосферу ужаса, мучений и гибели: мужчин, женщин и детей убивают или угоняют в неволю; монахинь и попадей насилуют; города, деревни, монастыри и церкви разоряют; иконы, книги, драгоценные камни и церковные чаши (потиры) разграбляют; «и бяше велик страх и трепет на христианском роде».^[98]

Дмитрий Александрович не рискнул дать генеральное сражение русско-татарской рати брата, а решил отступить с дружиной, боярами и семьей в свою новопостроенную каменную крепость Копорье. Однако на берегу озера Ильмень князя Дмитрия окружили новгородские полки. В ходе переговоров новгородцы разрешили князю с дружиной пройти в Копорье, но взяли двух его дочерей и бояр в заложники и также часть, а то и всю казну князя, а Дмитрию сказали: «Отпустим их тогда, когда дружина твоя выступит из Копорья». Заложники и казна были отправлены подальше — в отдаленную крепость Ладога в низовьях Волхова (ныне это г. Старая Ладога).

Но Дмитрий, прибыв в Копорье, решил там остаться и переждать нашествие татар. При этом он допустил тактическую ошибку, отправив начальника копорского гарнизона своего зятя Довмонта с частью войска на захват крепости Ладога — то ли дочек пожалел, то ли казну.

Возмущенные нарушением перемирия новгородцы осадили Копорье, и Дмитрий был вынужден согласиться на почетную капитуляцию. Князю и гарнизону было разрешено беспрепятственно с оружием покинуть крепость. Затем новгородцы до основания срыли укрепления Копорья.

1 января 1282 г. Дмитрий уехал «за море», по-видимому в Швецию. Довмонту же удалось захватить Ладогу и освободить заложников, но больше он ничем не мог помочь своему тестю. Андрей Городецкий отметил большим пиром победу над братом. Он богато одарил ордынских воевод, в том числе и Федора Черного. Затем Андрей, подобно своим

предшественникам, поехал в Новгород, где вече признало его своим князем.

Но через несколько дней Андрей узнал, что Дмитрий вернулся из-за моря со шведскими наемниками. Дмитрий прибыл в родной Переяславль и начал собирать войско.

Андрей срочно покинул Новгород, прибыл во Владимир, а оттуда в Городец, и вместе с любимым боярином Семеном Тонилиевичем отправился жаловаться в Орду к хану Туда-Менгу (Тудаю), брату и преемнику Менгу-Тимура. Андрей уверил хана, что Дмитрий не хочет повиноваться Золотой Орде и платить дань. Хан поверил и дал Андрею большое татарское войско.

В отсутствие Андрея тверской князь Святослав Ярославович и его племянник московский князь Даниил Александрович, младший брат Невского, соединившись с новгородской ратью, двинулись на Переяславль. Союзники сошлись с войском Дмитрия Александровича, но никто не решился на битву.

Противники простояли друг против друга 5 дней, а затем заключили мир, условия которого до нас не дошли.

Через несколько недель появился и Андрей Городецкий с большой татарской ратью. И опять Дмитрий не рискнул биться с татарами, а предпочел бегство, на сей раз не к берегам Балтики, а к Черному морю. Шведские наемники хороши против своего брата — русского князя, а вот против татар лучше всего двинуть... татар.

В причерноморских степях кочевала огромная орда хана Ногай, уже давно вышедшая из повиновения Золотой Орде. Замечу, что к тому времени южнорусские удельные княжества Курское, Рыльское и Липецкое платили дань то сарайским ханам, то Ногаю и не подчинялись великим князьям владимирским.

Ногай «с честью» принял Дмитрия и дал ему большое войско. По приходу в 1284 г. на Русь ногайской рати Андрей струсил и отказался от Великого княжества Владимирского. Великим князем вновь становится Дмитрий.

Внутренние распри, о которых я скажу ниже, помешали золотоордынскому хану Туда-Менгу помочь Андрею в борьбе с Дмитрием и Ногаем.

Став великим князем, Дмитрий решает схватить ближнего боярина брата Семена Тонилиевича. «В 1283 году двое переяславских бояр, Антон и Феофан, явились в Кострому, схватили нечаянно Семена Тонилиевича и начали допытываться у него о прежних и настоящих намерениях его князя.

Семен отвечал: «Напрасно допрашиваете меня; мое дело служить верою и правдою своему князю; если же были между ним и братом его какие раздоры, то они сами лучше знают их причины». — «Ты поднимал ордынского царя, ты приводил татар на нашего князя», — продолжали переяславские бояре. — «Ничего не знаю, — отвечал Семен, — если хотите узнать подробнее об этом, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тот ответит вам на все ваши вопросы». " — «Если ты не расскажешь нам о всех замыслах своего князя, — продолжали Димитриевы бояре, — то мы убьем тебя». — «А где же клятва, которою клялся ваш князь моему, — отвечал Семен, — клятва мира и любви? Неужели ваш князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояр нашего господина?» Переяславские бояре исполнили поручение своего князя — убили Семена Тонилиевича». ^[99]

Я умышленно процитировал С.М. Соловьева, поскольку инцидент в Костроме мне непонятен. Наши же историки делают вид, что им все ясно, и лишь подчеркивают эмоциональный момент происшествия.

Зачем был схвачен Семен Тонилиевич? Как два переяславских боярина арестовывают в вотчине Андрея Городецкого столь важную персону, а затем допрашивают ее и казнят, понять трудно. Что, Кострома была отнята полностью или частично у Андрея вместе с Великим княжеством Владимирским? Или переяславская дружина силой овладела Костромой?

Как ни тужил Андрей по своему любимцу, но ему пришлось промолчать. Мало того, ему пришлось вместе с братом и его татарами (ногайцами) ходить в поход на Новгород, чтобы заставить вече признать князя Дмитрия Александровича. У новгородцев не было выхода, и им пришлось принять князя Дмитрия и выбрать лояльного к нему посадника.

Но в 1285 г. Андрей Городецкий вновь едет в Орду и в третий раз возвращается с татарским войском под началом неизвестного по имени царевича. Но когда татары Андрея рассеялись по Руси для грабежа, Дмитрий собрал большую рать и ударил на них. Татары были разбиты, а Андрею пришлось капитулировать перед братом. Замечу, что Дмитрий столь храбро пошел на татар лишь потому, что за его спиной стоял могущественный хан Ногай. А в 1285 г. ни тверской, ни московский князь не сумели поддержать Андрея Городецкого, так как были заняты отражением литовского набега.

Разделавшись с братом и новгородцами, Дмитрий решил покарать и других князей, осмелившихся в начале 1280-х годов воевать с ним. Хитрый Даниил Московский сумел как-то поладить с братом, а вот на Тверь Дмитрий в 1288 г. пошел войной. Он заставил примкнуть к себе войска

Андрея Городецкого, Даниила Московского и ростовского князя Дмитрия Борисовича.

Союзники сожгли тверской город Кснатин на Волге и осадили Кашин. После 9 дней осады на выручку Кашину подошли войска семнадцатилетнего тверского князя Михаила Ярославовича, который рассчитывал наследовать престол от своего бездетного брата Святослава. До битвы дело не дошло, а начались переговоры. Текст мирного договора до нас не дошел. Известно лишь, что Дмитрий «распустил свою братью восвояси», а сам возвратился в Переяславль.

Между тем в Орде началась «замятия». В 1287 г. хан Ту-дай-Менгу (внук Батые) был свергнут четырьмя своими племянниками, внуками Тутукана. Новым ханом стал Талабуга, или Телебуга, как его звали на Руси. Но Ногай поддержал другого конкурента — Тохту (Токтая, Токтагу), сына Менгу-Тимура. В 1291 г. они свергли Талабугу, и ханом Золотой Орды стал Тохта.

В 1292 г. с жалобами на великого князя Дмитрия в Одру направилась целая группа князей: Андрей Городецкий, Дмитрий Ростовский с сыном и братом Константином Углицким, их двоюродный брат Михаил Глебович Белозерский, тесть последнего Федор Ростиславович Ярославский с ростовским епископом Тарасием.

Хан Тохта, выслушав жалобы князей, хотел сначала вызвать в Орду Дмитрия, но потом раздумал и отправил на Русь большое войско под началом Дюдены (Тудана), которого новгородские летописцы называли братом хана Тохты.

Для начала татары, ведомые Андреем Городецким и Федором Чермным, взяли Владимир и разграбили Богородицкую церковь, а затем были разграблены и сожжены города Суздаль, Владимир, Муром, Юрьев Польский, Переяславль, | Москва, Коломна, Можайск, Дмитров, Углич и Волок Ламе-кий (ныне г. Волоколамск).

Из Москвы татары решили идти на Тверь. Город готовился к обороне, а тверской князь Михаил Ярославович, узнав о походе татар на Русь, немедленно отправился в Орду к хану (тут историки спорят — к Тохте или Ногаю, но достоверными данными ни одна сторона не располагает). Перед самым началом движения татар из Москвы в Тверь Михаил вернулся назад. Далее произошло непонятное историкам событие — татары отказались от похода на Тверь. То ли Михаил предъявил им приказ хана оставить Тверь в покое, то ли татары испугались довольно сильной тверской рати — можно только гадать.

Великий князь владимирский Дмитрий бежал из Переяславля в

Псков. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г. отправилось восвояси.

Союзники же — Андрей Городецкий и Федор Чермный — поделили между собой волости. Андрей взял себе Владимир и Новгород, а Федор — Переяславль, отправив сына Дмитрия Ивана в Кострому.

После ухода татар Дмитрий попытался пробраться из Пскова в Тверь, поскольку Михаил не нарушал с ним мира. Сам Дмитрий успел проехать в Тверь, но обоз его перехватил Андрей с новгородцами и их новым посадником Андреем Климовичем.

Дмитрий Александрович был вынужден просить мира у младшего брата. Андрей вернул Дмитрию его отчину Переяславль, ранее обещанную Андреем своему союзнику Федору Чермному. Наш святой Федор, вынужденный покинуть Переяславль, со злости велел сжечь город.

Но Дмитрию не суждено было увидеть родной Переяславль, в 1294 г. по дороге из Пскова, близ Волока Дамского, он умер. В Переяславль привезли лишь тело князя, которое было торжественно погребено. Переяславским же князем стал сын Дмитрия Александровича Иван.

Победа в войне и смерть Дмитрия не упрочили власть великого князя владимирского Андрея. Михаил Тверской, Даниил Московский и Иван Переяславский заключили против него союз. Андрей в 1295 г. побежал жаловаться в Орду. На сей раз Тохта не дал ему войска — в конце концов, нельзя же каждый год резать русских! Вырежут всех, кто тогда дань платить будет? И Тохта отправил с Андреем своего полномочного посла Олексу Неврюя, а заодно и сарайского епископа Измаила (еще одни ханские уши?).

И вот в 1296 г. во Владимире был созван «съезд всем князьям русским» в присутствии ханского посла. Летописи описывают его так, как будто это было сражение: «и стаща супротиву себе, со единой стороны князь великий Андреи, князь Феодор Чермный Ярославский Ростославич, князь Костянтин Ростовский со единого, а с другою сторону противу стаща князь Данило Александрович Московский брат его (двоюродный — А.Ш.) князь Михаил о Ярославович Тферский, да с ними переяславци с единого».

Князья не доверяли друг другу и прибыли с дружинами. В результате были обнажены мечи. С большим трудом два епископа — владимирский Семеон и саранский Измаил — разняли князей. Замечу, что из пятерых драчунов трое позже оказались святыми. Святой Федор Чермный выступил против не менее святых Даниила Московского и Михаила Тверского. В конце концов во Владимире было решено, что Переяславль останется

вотчиной Ивана Дмитриевича.

Андрей Городецкий не был удовлетворен решением Владимирского съезда. Он надумал напасть на Переяславль, воспользовавшись отъездом Ивана Дмитриевича в Орду. Но рати Даниила Московского и Михаила Тверского остановили Андрея у Юрьева Польского, и обе стороны, проявив традиционное нежелание сражаться без поддержки татар, заключили мир и подтвердили решения Владимирского съезда.

В это же время положение Андрея в Новгороде было существенно ослаблено договором, заключенным между Тверью и Новгородом. Согласно условиям договора, Новгород должен был помогать Твери, «аже будет тягота... от Андрея, или от татарина, или от иного кого», то есть если Андрей или татары нападут на Тверь. Михаил же обязался помочь, «кде будет обида Новугороду». Тут стоит отметить, что Михаил Тверской назвал в качестве своих союзников («один есмь с...») своего старшего двоюродного брата Даниила Московского и Ивана Дмитриевича Переяславского.

В 699 год хиджры (28 сентября 1299 г. — 15 сентября 1300 г.) Ногай потерпел окончательное поражение от Тохты и был убит. Хан Тохта теперь не имел соперников.

В 1300 г. (1301) в городе Дмитрове состоялся новый княжеский съезд. Андрей Городецкий и Даниил Московский уладили свои отношения, зато рассорились Иван Переяславский и Михаил Тверской. С этого времени Михаил Ярославович стал союзником Андрея Городецкого.

15 мая 1302 г. произошло событие, важное по своим последствиям и подавшее непосредственно повод к новым склокам между князьями. Переяславский князь Иван Дмитриевич умер бездетным. Кому же должна была достаться его отчина — старший удел наследников Ярослава Всеволодовича? По старинке великий князь должен был распорядиться этой родовой собственностью по общему совету со всеми родичами, то есть по древнерусскому выражению «сделать с ними ряд». Но теперь князья северо-восточной Руси смотрели на свой удел как на частную собственность и считали себя вправе завещать свою собственность кому захотят. Вот и Иван Дмитриевич завещал Ярославль мимо старшего дяди Андрея младшему — Даниилу Московскому.

Итак, готовится новая усобица с участием татар. Но 4 марта 1303 г. на 42-м году жизни умирает Даниил Московский, а в следующем, 1304-м году умирает великий князь владимирский Андрей Александрович Городецкий — последний из сыновей Александра Невского. Закончилась целая эпоха. В следующей главе читатель увидит новую ситуацию и новых действующих

лиц.

Глава 8

Татарский Батог возвышает Москву

Итак, в 1303 г. умирает Даниил Московский, а 27 июля 1304 г. — великий князь владимирский Андрей Александрович. При этом оба имеют законных наследников и, я бы сказал, бесспорных наследников, поскольку ни у кого другого не было ни одного формального повода оспаривать наследство. В Москве князем стал старший сын Даниила Юрий, а, повторяю, единственным законным претендентом на владимирский престол был тверской князь, сын Михаила Ярославовича, внук Ярослава Всеволодовича и племянник Александра Невского. Напомню, что все дети Александра Невского к этому времени умерли, причем Василий умер в 1271 г. бездетным, Дмитрий, умерший в 1249 г., имел одного сына Ивана Переяславского, но и тот умер в 1302 г. бездетным. Андрей Городецкий имел двух сыновей, но старший Борис Костромской умер в 1303 г. бездетным, а младший Михаил в 1304 г. стал городецким князем, но к владимирскому престолу не рвался и умер бездетным в 1310 или 1311 г.

Прошу прощения у читателя за столь длинный список князей, но это необходимо, чтобы показать, что к 1304 г. в Великом княжестве Владимирском было лишь два достаточно сильных князя — Михаил Тверской и Юрий Московский. При этом старшинство, повторяю, безусловно принадлежало Михаилу, потому что он был внуком Ярослава Всеволодовича, а Юрий Даниилович Московский — правнуком, и отец его Даниил не держал старшинства.

Сразу после смерти Андрея Городецкого Михаил Тверской по обычаю едет за ярлыком в Орду. Но в Орду засобирались и Юрий Московский. Когда Юрий проезжал через Владимир, митрополит Максим и мать Михаила долго убеждали Юрия не ехать в Орду и не затевать новую усобицу на Руси. Максим ставил себя и тверскую княгиню Ксению, мать Михаила, «поруками», что Михаил даст ему волости, какие он захочет. Юрий же ответил: «Я иду в Орду так, по своим делам, а вовсе не искать великого княжения».

Юрий лгал, он твердо решил начать войну с двоюродным дядей. Для защиты Москвы он оставил четвертого брата Ивана (будущего Калиту), а третьего брата Бориса отправил для захвата Костромы. Но там сам Борис был схвачен тверскими боярами. Другой тверской отряд безуспешно

пытался перехватить Юрия по пути в Орду.

Когда Юрий прибыл в Орду, татарские мурзы сказали ему: «Если ты дашь *выходу* (дани) больше князя Михаила Тверского, то мы дадим тебе великое княжение». И Юрий пообещал дать больше Михаила, но тот надбавил еще больше. После очередной надбавки Юрий сдался, и ярлык достался Михаилу. Ряд историков, как, например, Н.С. Борисов,^[100] считает, что Юрий блефовал с самого начала, желая, чтобы Михаил согласился на непомерную дань Орде и тем вызвал гнев удельных князей и населения Руси. На мой взгляд, это слишком хитрая и опасная интрига. А вдруг Михаил, став великим князем владимирским, взял бы татарское войско и пошел бы громить Московское княжество, выправив на московитах ту непомерную дань, на которую их же князь и напросился?

Но в любом случае князь Юрий представляется негодным правителем, стремящимся обложить как можно большей данью свой народ.

Сразу же после получения Михаилом Тверским ярлыка на Великое княжество Владимирское возник спор о статусе Переяславского княжества.

15 мая 1302 г. умер племянник Даниила, бездетный переяславский князь Иван Дмитриевич. После этого великий князь Андрей послал в Переяславль своих наместников, а сам осенью того же года отправился в Орду за ярлыком на Переяславское княжество. Но в конце 1302 г. Переяславль незаконно был занят Даниилом. Это было нарушением прав великого князя, под чью власть должны были по традиции отходить выморочные княжества.

Естественно, что Михаил решил восстановить справедливость. К Переяславлю было послано тверское войско под начальством боярина Акинфа, который раньше был боярином великого князя Андрея Александровича Городецкого, но после смерти последнего перешел в Москву. Но вскоре Акинф поссорился с боярином Родионом Несторовичем и, не найдя поддержки у князя Юрия, уехал в Тверь.

Несколько слов стоит сказать о Родионе Несторовиче. Историк С.М. Соловьев называет его киевским боярином, который 1294–1297 гг. пришел на службу к Даниилу Московскому с 1700 дружинниками. Другие историки считают его черниговским или брянским боярином. При этом цифра 1700 дружинников под его начальством мне кажется непомерно большой. Так или иначе, но Родион бежал из Юго-Западной Руси. Замечу, что оттуда бежали не только бояре, но и князья, митрополиты, настоятели монастырей и др. Причем, бежали не потому, что их жизни грозила опасность, или их кто заставлял отречься от веры православной. Бежали они из разоренных мест на более хлебные или, как говорится в XX веке — «за длинным

рублем». Москва с охотой принимала беглецов и создавала им гораздо лучшие условия по сравнению с другими княжествами Северо-Западной Руси.

В московской дружине таких Родионов было много. Другой вопрос, что доподлинных сведений о них почти нет. Так, например, легенда о прибытии в конце XIII века на службу в Москву из Прусс некого рыцаря Гланда Комбилы Дивонтови-ча, вероятно, вымышлена, но, тем не менее, она отражает общую тенденцию приезда в Москву значительного числа бояр из других областей и, видимо, не только из Юго-Западной Руси, но и из Новгорода, и даже из Тевтонского ордена.

Но вернемся к походу боярина Акинфа на Переяславль. Город был осажден тверичами. Руководил защитой младший брат московского князя Иван, которому тогда было 21–23 года. После трех дней осады Иван пошел на вылазку и был разбит. Но в решающий момент с тыла на тверичей ударило свежее войско, которое привел из Москвы боярин Родион Несторович. Родион собственноручно убил Акинфа, насадил его голову на копье и поднес князю Ивану со словами: «Вот, господин, твоего изменника, а моего местника голова!»

Естественно, что великий князь владимирский Михаил не мог оставить без внимания агрессивные действия московского князя, и зимой 1305–1306 г. его войско осадило Москву. Через несколько дней был заключен мир, условия которого до нас не дошли. Но, судя по всему, Юрию пришлось несколько умерить свой аппетит, и Переяславль был возвращен Великому княжеству Владимирскому.

В 1306 г., а по другим данным зимой 1306–1307 г. князь Юрий устроил в Москве публичную казнь рязанского князя Константина Романовича. Еще в 1301 г. Даниил Московский внезапно напал на Рязань, перебил многих бояр и простых людей и какой-то хитростью, изменой рязанских бояр взял в плен самого князя Константина. По словам летописца, Даниил «держал пленника в чести, хотел укрепиться с ним крестным целованием и отпустить его в Рязань».

Но вот Юрий решил по неведомым причинам убить пленника, причем, по некоторым данным, роль палача исполнил сам московский князь. Как гласит летопись: «Братия же Юрия Московского — князья Александр и Борис Даниловичи, находя казнь единокровного им князя Рязанского сурову, при-шед к брату, говорили ему, что он неприличное и ужас наводящее дело затеял, и бысть речи многи и ссора велия между братии; князь Юрий же разгневался сильно на братии своих, и они, опасаясь гнева его, отъехали от него с Москвы к князю великому Михаилу Ярославовичу

Владимирскому и Тверскому. Услыша князь Василий Константинович Рязанские убиение отца своего на Москве, печалился зело и после ко князю великому Михаилу Ярославовичу Владимирскому и Тверскому с жалобой и просить управы на князя Юрия Московского. Князь великий Михаил обещал князю Рязанскому управу и помощь противу князя Московского, но отлагал оныя, донде-же возвратится из Новаграда».

Тогда Василий отправился с жалобой в последнюю инстанцию — в Орду. Но тут Юрий отправил в Орду очередную сумму денег, и хан Тохта, испытывавший острый финансовый кризис, приказал в 1308 г. казнить Василия Константиновича, нечего, мол, по таким пустякам хана беспокоить.

А теперь нам придется перейти к делам церковным. А при чем тут дела церковные, — возмутится читатель, — Какое отношение имели пастыри, проповедовавшие добро и мир к татарским войнам? Увы, именно митрополит с начала XIV века становится если не зачинщиком, то по крайней мере главным действующим лицом всех усобиц.

Во время Батыева нашествия митрополитом на Руси был Иосиф, но после 1240 г. он совершенно исчезает из летописей, что дает историкам возможность предположить, что либо он был убит татарами, либо бежал в неизвестном направлении. Через несколько месяцев после исчезновения Иосифа князь Даниил Галицкий назначает митрополитом «некого Кирилла».^[101] Семь лет он остается «нареченным митрополитом». Лишь в 1247 г. Кирилл отправляется в Константинополь, где официально посвящается патриархом в митрополиты. Немного пожив в Киеве, Кирилл отправляется во Владимир, где становится верным прислужником Александра Невского. Данные о поездках Кирилла в Орду отсутствуют, но он завязал хорошие отношения с ханами. Как уже говорилось, при Кирилле православные попы начинают постоянно поминать в своих молитвах ордынских «царей». В свою очередь, за моральную поддержку и идею непротивления «батогу божьему» ханы позволяют Кириллу основать в 1261 г. в Сарая епархию. Первым епископом Сарайским Кирилл назначил Митрофана.

Как писал С.М. Соловьев: «Под 1279 годом встречаем известие, что сарайский епископ Феогност в третий раз возвратился из Царя-града, куда посылал его митрополит Кирилл и хан Менгу-Тимур, к патриарху и императору с письмами и дарами, известие любопытное, показывающее значение русского сарайского епископа для христианского востока».^[102]

В 1280 г. Кирилл скончался в Переяславле-Залесском, но ради

соблюдения приличий, как-никак, он был митрополитом Киевским, его тело перевезли в Киев и погребли в соборе святой Софии.

Преемником Кирилла был Максим, грек по национальности. Кто из князей поставил его митрополитом — не ясно, во всяком случае, не родня Александра Невского. Максим немедленно отправился за посвящением в патриархи в Константинополь. Вернувшись оттуда в Киев, он через несколько недель покидает митрополию и едет в... Орду для утверждения золо-

тоордынским ханом. Туда-Менгу выдает ему ярлык, и вот Максим снова в Киеве.

В 1284 г. он собирает там всех русских епископов, а в следующем, 1285 году совершает инспекционную поездку на север — он приглядывается. И вот в 1299 г. Максим переселяется из Киева во Владимир. «Пришел с клиросом и со всем житьем своим, по выражению летописца; последний приводит и причину переселения: митрополит не хотел терпеть насилия от татар в Киеве; но трудно предположить, чтобы насилия татарские в это время именно усилились против прежнего».^[103]

Конечно же дело не в татарах. В 1293 г. вероятность появления татарской рати во Владимире была куда выше, чем в Киеве. Дело в «длинном рубле».

6 декабря 1305 г. митрополит Максим умер во Владимире. Великий князь владимирский Михаил и слышать не захотел о каком-то Киеве и приказал похоронить Максима во Владимире. Так Максим стал первым митрополитом, погребенным в Северо-Западной Руси, а не в Киеве.

Князь Михаил сразу же отправляет в Константинополь своего кандидата на митрополию игумена Геронтия. Однако и юго-западным княжествам плохо без митрополита, поэтому галицкий король Юрий Львович отправляет своего соискателя игумена Петра Ратского. Петр в 12 лет пошел в монахи и к тому времени уже стал игуменом Спасского монастыря на реке Рате близ Львова.

Первоначально патриарх Афанасий I хотел создать на Руси две митрополии — Галицкую и Владимирскую. Но позже он принял решение оставить одну митрополию в Киеве, а митрополитом сделать Петра Ратского. Как писал историк Н.С. Борисов: «По-видимому, игумен Петр понравился Афанасию своим подвижническим жаром и преданностью делу православия».^[104] Но это предположение, а я гадать не люблю и оставляю сей факт без объяснения.

Поначалу Петр Ратский решил, как ему и было предписано

патриархом, осесть в Киеве, но по заведенному Киприаном обычаю ему пришлось еще поехать на утверждение в Орду. Золотоордынский хан Тохта 12 апреля 1308 г., а по другим источникам 21 апреля 1309 г., выдал Петру ярлык. В ярлыке, в частности, говорилось: «А как ты во Владимире сядешь, то будешь Богу молиться за нас и за потомков наших». Позже новый хан Узбек даст митрополиту Петру новый ярлык, где К будет добавлено, что митрополит Петр управляет своими людьми и судит их во всяких делах, не исключая и уголовных, что все церковные люди должны повиноваться ему под страхом гнева Великого хана.

Из Орды митрополит Петр едет во Владимир (на Клязьме) и остается в Северо-Восточной Руси на постоянное жительство. В 1310 г. он едет в Брянск мирить местных князей: князь Василий Александрович Брянский (сын смоленского князя Александра Глебовича) привел из Орды татарское войско на своего дядю Святослава Глебовича, силой отнявшего у него Брянск. Брянцы решили защищаться, но митрополит Петр, согласно ярлыку хана Тохты, велел князю Святославу и горожанам не сопротивляться татарам, а бежать.

Но Святослав понадеялся на свою силу и мужество. Был он очень крепок и храбр, а потому не послушался митрополита и ответил ему: «Господин! Брянцы меня не пустят, они хотят за меня головы свои сложить».

Святослав не захотел даже защищаться в стенах города, а вышел на полдня пути от Брянска и сразился с татарами. Татары вначале по своему обычаю «помрачили воздух стрелами», а когда дело дошло до копий и сабель, то «брянцы-крамольники», как их назвал летописец, выдали князя Святослава, бросили стяги и побежали. Со Святославом остались лишь его ближайшие дружинники, бились они долго и храбро, но почти все были перебиты, погиб и князь Святослав.

Татары учинили в Брянске страшную резню, но митрополита, естественно, не тронули. Князь Василий Александрович вошел в раж. Он со своими татарами отправился дальше — к Карачеву, разорил город и убил местного князя Святослава Мстиславовича.

В 1314 г. Василий Александрович умер, и брянским князем стал Глеб, сын убитого в 1310 г. Святослава Глебовича. Но в 1340 г. брянцы, сошлись на вече и убили князя Глеба Свя-тославича.

Кончилось дело тем, что в 1356 г. литовский князь Ольгерд овладел городом и убил последнего брянского князя Василия.^[105]

Но я убежал вперед, и надо возвратиться в 1310 г., когда митрополит Петр покинул разрушенный татарами Брянск и отправился в Переяславль-

Залесский на собор, где должны были судить его самого. Естественно, ни великому князю владимирскому Михаилу, ни владимирскому и тверскому клиру не понравился какой-то святоша из-под Львова. Против Петра выдвинули обвинение в симонии,^[106] освящении браков между близкими родственниками и т. д. Собору благоприятствовало, что благосклонный к Петру константинопольский патриарх Афанасий умер и на его месте был уже Нифонт. По сему поводу великий князь владимирский Михаил и патриарх Нифонт вступили в переписку, и патриарх прислал своего клирика для участия в суде.

На соборе в Переяславле великий князь владимирский Михаил благоразумно отсутствовал, а главным обвинителем был тверской епископ Андрей. Тем не менее Петру удалось оправдаться. Почти все историки считают, что это было делом рук Юрия Московского. И действительно, московский клир безоговорочно подчинялся князю, а главное, у Юрия были деньги. Возможно, что и многие нейтральные иерархи не хотели выносить сора из избы, имея и свои рыльца в пушку.

Оправдание Петра стало большой неудачей для Михаила — был серьезно подорван престиж великого князя, а главное, Михаил нажил себе смертельного врага.

Сразу же после собора Петр начал укреплять свою власть и вести интриги против великого князя владимирского. Естественно, что Петр провел основательную чистку среди иерархов церкви. В 1312 г. им был снят сарайский епископ Измаил и заменен подручником Варсонием. В результате Петр получил независимый канал связи и «агента влияния» при дворе хана. Ростовский епископ Симеон был отправлен в монастырь, а его место занял архимандрит ярославского Спасского монастыря Прохор. В 1316 г. был лишен сана тверской епископ Андрей и сослан в монастырь. Подобная участь постигла и других клириков, не желавших быть пешками в игре Петра Ратского и Юрия Московского.

А тем временем Юрий Московский жаждал всеми способами лишить Михаила влияния на Великий Новгород, князем которого Михаил стал после принятия владимирского престола.

Для отражения шведской экспансии^[107] новгородцы построили на севере Карельского перешейка крепость Корелу, обороной которой ведал служилый князь Борис Константинович, по-видимому, представитель младших ветвей тверских князей. В 1314 г. местные жители Корелы (чухонцы) вырезали русских и впустили в город шведов. (К этому времени Борис Константинович был уже отозван.)

В Новгороде тверской наместник Федор быстро собрал войско и пошел на Корелу. Теперь те же чухонцы без боя открыли ворота новгородцам и выдали им как шведский гарнизон, так и «заводчиков» резни 1314 г. Федор, не мудрствуя лукаво, пустил в расход и шведов, и «переветников».

Но пока Федор бил шведов, к Новгороду подошло войско князя Федора Ржевского, нанятого Москвой. Федор Ржевский арестовал остававшихся в Новгороде тверских чиновников и, пополнив свое войско новгородской вольницей, двинулся на Волгу грабить Тверское княжество. На перехват Ржевскому вышел Дмитрий (шестнадцатилетний сын великого князя владимирского Михаила) с тверской ратью. Но до битвы дело не дошло. Простояв 6 недель, до морозов, на разных берегах Волги, новгородцы заключили мир с Дмитрием. В договоре было зафиксировано старинное право Новгорода принимать к себе и высылать князей только по решению веча, без всяких разрешений со стороны великого князя владимирского.

Новгородцы взяли к себе князем Юрия Московского «по всей воле новгородской». Последнее означало, что брать надо по чину, а Михаил Тверской только весной 1312 г. собрал с Новгорода полторы тысячи гривен серебра.

Зимой 1314–1315 г. Юрий Московский приехал в Новгород со своим младшим братом Афанасием, которого он и оставил в Новгороде. Однако вылазка Юрия в Новгород вызвала жалобу хану Михаила, который в то время находился в Орде. Юрий был вызван в Орду, куда и прибыл летом 1315 г.

Хан Узбек, разобравшись в «Новгородской земле», принял сторону Михаила и отправил в Новгород татарское войско под началом «окаянного Таитемера». Татары должны были помочь Михаилу утвердиться в Новгороде.

В конце 1315 г. тверичи и татары двинулись на Торжок, а оттуда собирались идти на Новгород. В Новгороде собралось вече, кончившееся дракой — богатые стояли за Москву, а бедные — за Тверь. В итоге московский князь Афанасий Данилович и его помощник Федор Ржевский выступили из Новгорода на помощь Торжку «с новгородскими бояры без черных людей».

Шесть недель стоял князь Афанасий с новгородцами в Торжке, ожидая подхода противника. 10 февраля 1316 г. у стен Торжка началось сражение. В Новгородской летописи о нем сказано: «Тогда же поиде князь Михаиле со всею Низовьскою землею и с татары к Торжуц; новгородци же с князем

Афана-сьем и с новоторжци изидоша противу на поле. Бысть же то попущением Божиим: съступившема бо ся полком обеима, бысть сеча зла, и створися немало зла, избиша много добрых муж и бояр новгородских... и купец добрых много, а иных новгородцев и новоторжцев Бог весть; а инии остаток вбего-ша в город и затворишася в городе с князем Афанасьем».

Посланник Михаила заявил осажденным: «Выдайте мне Афанасия и Федора Ржевского, так я с вами мир заключу». На это новгородцы ответили: «Не выдаем Афанасия, но помрем все честно за святую Софию». Тогда Михаил потребовал выдать хотя бы одного Федора Ржевского. Новгородцы и на это не согласились поначалу, но потом были вынуждены выдать Федора, да еще заплатили Михаилу 50 тысяч гривен серебра и заключили мир.

Позже Михаилу удалось схватить Афанасия Даниловича и часть новгородских бояр и отправить их в Тверь заложниками. В Новгороде был выбран новый посадник из предложенных великим князем владимирским кандидатур.

А пока Михаил Тверской разбирался с новгородцами, Юрий Московский жил в Орде. Большие подношения хану и раболепство князя Юрия вызвали благосклонность Узбека. Хан предложил князю руку своей сестры Кончаки, Юрий немедленно согласился. Куда делась его первая жена, родившая ему дочь Софью, неизвестно. Скорей всего, ее отправили в монастырь. В субботу, 5 февраля 1317 г., Кончаку крестили и дали имя Агафья, а на следующий день, в «неделю мясопустную», обвенчали с князем Юрием.

Замечу, что царские и советские историки в событиях 1317 г. тщательно обходили деятельность сарайского епископа Варсо-ния, ставленника митрополита Петра. И для Петра, и для Вар-сония торжество Михаила означало бы конец церковной карьеры и монастырь, куда они упекли многих своих противников. Летом 1317 г. князь Юрий с новой женой и татарским отрядом некоего Кавгадыя вернулся на Русь. Кроме того, ханский посол отправился в Новгород поднимать его жителей против великого князя владимирского. Однако новгородцам надоела война, и они решили держать строгий нейтралитет.

А тем временем Юрий со своей дружиной и татарами Кавгадыя двинулся вверх по Волге. Михаил собрал тверскую дружину и дружины союзных князей и вышел навстречу Юрию. Рати сошлись у Костромы. Михаил стал на правом берегу Волги, а Юрий — на левом. Однако обе стороны не спешили начинать битву. Видимо, Юрий опасался превосходящих сил Михаила, а тот не хотел драться с татарами. Стороны

вступили в переговоры и заключили договор, текст которого до нас не дошел. С.М. Соловьев писал: «По одним известиям, Юрий уступил великое княжение Михаилу, по другим, наоборот, — Михаил уступил его Юрию. Как бы то ни было, дело этим не кончилось; Михаил, возвратясь в Тверь, стал укреплять этот город, ожидая, как видно, к себе врага, и действительно, Юрий остался в Костроме, собирая отовсюду войска».^[108]

Юрий решил заручиться поддержкой Новгорода и получить оттуда если не войско, то по крайней мере деньги. Поэтому он отправил в Новгород своего брата Ивана Калиту^[109] и татарского вельможу Телебугу (Талабугу). Новгородской верхушке пришлось по нраву речи Калиты и Телебуги. Они дали денег, а новгородское войско сосредоточилось у Торжка на границе Тверского княжества.

17 сентября 1317 г., в субботу, над Тверью появилось странное, пугающее знамение. Вот как это описывает летописец: «Той же осени бысть знамение на небеси, месяца сентября, в день субботний до обеда: круг над градом на Тверью, мало не съступился на полночь, имея три лучи: два на восток, а третий на запад». Перепуганные жители ждали беды. Но князь Михаил не испугался, а продолжал собирать войска.

С наступлением первых морозов Юрий со своей дружиной и татарами двинулся из Костромы на Тверь через Ростов, Переяславль, Дмитров и Клин. А новгородское войско вторглось в Тверское княжество с севера и начало грабить пограничные села. Михаил напал на новгородцев и разбил их. Потеряв около двухсот человек, те бежали.

Через несколько дней войска Юрия подошли к Твери. Михаил внезапно вывел дружину из города и стремительно атаковал московско-татарское войско. 22 декабря 1317 г. у села Бортенева, в 40 верстах от Твери, произошла «битва Великая». Михаил по политическим соображениям велел своим воеводам по возможности щадить татар, а основной удар нанести по москвичам. Москвичи не выдержали удара и кинулись бежать. Князь Юрий бросил жену и с «малой дружиной» ускакал в Торжок.

Командир татарского отряда Кавгадый, увидев, что москвичи терпят поражение, также обратился в бегство. «А Кавгадый повеле дружине своей стяги поврещи, и неволею сам побежал в станы». А на следующий день Кавгадый прислал к Михаилу послов с предложением мира. Михаил послов принял ласково, а самого Кавгадыя пригласил в Тверь.

В Твери был устроен большой пир, где Кавгадый получил вознаграждение, а сколько — летописи замалчивают. Но, во всяком случае,

Кавгадый дал Михаилу расписку о том, что он, Кавгадый, со товарищи «воевали бо есмь и власть твою без цесарева слова и повеления». Затем Михаил еще раз одарил татар и «отпустил с честшо».

Между тем Юрий собрал в Новгороде и Пскове войско и вновь пошел на Тверь. При чем новгородцев вел их «владыка» (то есть епископ) Давыд.

В январе 1318 г. тверское войско встретило противника у Синеевского брода через Волгу. Но по неясным причинам Михаил опять не атаковал врага, а предложил переговоры. В конце концов тверской князь отказался от власти над Новгородом и денонсировал прежний невыгодный новгородцам договор. Михаил и Юрий согласились перенести их спор о Великом княжестве Владимирском на суд хана Узбека. Оба князя целовали крест, что прекратят военные действия и поедут в Орду. С этим Михаил пропустил Юрия в Москву через свои земли и выпустил из тверской темницы «братью Юрьеву» — Бориса и Афанасия Даниловичей. В условия договора также входило освобождение бояр, взятых в плен вместе с Афанасием. Естественно, что Михаил пообещал освободить и жену московского князя Агафью, но на беду Михаила и Твери, она умерла в плену. Промосковские летописцы утверждают, что Агафью отравили, но это вряд ли соответствует действительности — зачем Михаилу повод для конфликта с ханом Узбеком.

Михаил отправил в Москву своего боярина Александра Марковича. Ехал тот с «посольством любви» к Юрию, но тот вдруг разыграл приступ ярости и приказал убить боярина. Теперь стало ясно, что Юрий ни перед чем не остановится, не только чтобы стать великим князем владимирским, но и разорить Тверь. Теперь спор должен был решить ханский суд.

Еще зимой 1317–1318 г. Михаил Тверской отправил в Орду своего двенадцатилетнего сына Константина с боярами. Большинство историков объясняют медлительность князя необходимостью сбора средств на выплату дани и подарки хану и его приближенным.

Лишь 1 августа 1318 г. Михаил выехал из Твери. До Владимира его провожали сыновья Дмитрий и Александр, а там его ждал ханский посол Ахмыл, который велел князю срочно ехать в Орду: «Зовет тебя хан, поезжай скорее, поспевай в месяц. Если же не приедешь к сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои: Кавгадый обнес тебя перед ханом, сказал, что не бывать тебе в Орде».

Бояре Михаила стали просить его: «Один сын твой в Орде, пошли еще другого». Сыновья Михаила, Дмитрий и Александр, также говорили: «Батюшка! Не ездь в Орду сам, но пошли кого-нибудь из нас, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнев его пройдет». Но Михаил ответил: «Хан

зовет не вас и никого другого, а моей головы хочет. Не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена, и множество христиан избито. После когда-нибудь надобно же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души».

Михаил предчувствовал свою гибель, и во Владимире «дал ряд» своим сыновьям, то есть духовную грамоту. Далее я процитирую С.М. Соловьева, удачно составившего выжимки из летописи. «Михаил отправился в Орду, настиг хана на устье Дона, по обычаю, отнес подарки всем князьям ордынским, женам ханским, самому хану и полтора месяца жил спокойно. Хан дал ему пристава, чтоб никто не смел обижать его. Наконец Узбек вспомнил о деле и сказал князьям своим: «Вы мне говорили на князя Михаила: так рассудите его с московским князем и скажите мне, кто прав и кто виноват». Начался суд; два раза приводили Михаила в собрание вельмож ордынских, где читали ему грамоты обвинительные: «Ты был город и непокорлив хану нашему, ты позорил посла ханского Кавгадыя, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к немцам с казною, и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил». Михаил защищался; но судьи стояли явно за Юрия и "Кавгадыя; причем последний был вместе и обвинителем и судьей. В другой раз привели Михаила на суд уже связанного; потом отобрали у него платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханом, который ехал на охоту; но ночам руки у Михаила забивали в колодки, и так как он постоянно читал псалтырь, то отрок сидел перед ним и перевертывал листы. Орда остановилась за рекою Тереком, на реке Севенце, под городом Дедяковым, недалеко от Дербента. На дороге отроки говорили Михаилу: «Князь! Проводники и лошади готовы, беги в горы, спаси жизнь свою». Михаил отказался: «Если я один спасусь, — говорил он, — а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?» Уже двадцать четыре дня Михаил терпел всякую нужду, как однажды Кавгадый велел привести его на торг, созвал всех заимодавцев, велел поставить князя перед собою на колени, величался и говорил много досадных слов Михаилу, потом сказал ему: «Знай, Михаиле! Таков ханский обычай: если хан рассердится на кого и из родственников своих, то также велит держать его в колодке, а потом, когда гнев минет, то возвращает ему прежнюю честь; так и тебя завтра или послезавтра освободят от всей этой тяжести, и в большей чести будешь»; после чего, обратясь к сторожам, прибавил: «Зачем не снимаете с него колоды?» Те отвечали: «Завтра или послезавтра снимем, как ты говоришь». «Ну по крайней мере поддержите колоду, чтоб не отдавила ему плеч», — сказал на это Кавгадый, и один из сторожей стал

поддерживать колоду. Надругавшись таким образом над Михаилом, Кавгадый велел отвести его прочь; но тот захотел отдохнуть и велел отрокам своим подать себе стул; около него собралась большая толпа греков, немцев, литвы и руси; тогда один из приближенных сказал ему: «Господин князь! Видишь, сколько народа стоит и смотрит на позор твой, а прежде они слыхали, что ты был князем в земле своей; пошел бы ты в свою вежу». Михаил встал и пошел домой. С тех пор на глазах его были всегда слезы, потому что он предугадывал свою участь. Прошел еще день, и Михаил велел отпеть заутреню, часы, прочел со слезами правило к причащению, исповедался, призвал сына своего Константина, чтоб объявить ему последнюю свою волю, потом сказал: «Дайте мне псалтырь, очень тяжело у меня на душе». Открыл псалом: «Сердце мое смутися во мне, и страх смертный прииде на мя». — «Что значит это псалом?» — спросил князь у священников; те, чтоб не смутить его еще больше, указали ему на другой псалом: «Воз-верзи на господа печаль свою, и той ты пропитает и не даст во веки смятения праведному». Когда Михаил перестал чи тать и согнул книгу, вдруг вскочил отрок в вежу, бледный, и едва мог выговорить: «Господин князь! Идут от хана Кавга-дый и князь Юрий Данилович со множеством народа прямо к твоей веже!» Михаил тотчас встал и со вздохом сказал: «Знаю, зачем идут, убить меня»; и послал сына своего Константина к ханше. Юрий и Кавгадый отрядили к Михаилу в вежу убийц, а сами сошли с лошадей на торгу, потому что торг был близко от вежи на перелет камня. Убийцы вскочили в вежу, разогнали всех людей, схватили Михаила за колоду и ударили его об стену, так что вежа проломилась; несмотря на то, Михаил вскочил на ноги, но тогда бросилось на него множество убийц, повалили на землю и били пятами нещадно; наконец один из них, именем Романец, выхватил большой нож, ударил им Михаила в ребро и вырезал сердце. Вежу разграбили русь и татары, тело мученика бросили нагое. Когда Юрию и Кавгадыю дали знать, что Михаил уже убит, то они приехали к телу, и Кавгадый с сердцем сказал Юрию: «Старший брат тебе вместо отца; чего же ты смотришь, что тело его брошено нагое?» Юрий велел своим прикрыть тело, потом положили его на доску, доску привязали к телеге и перевезли в город Маджары; здесь гости, знавшие покойника, хотели прикрыть его тело дорогими тканями и поставить в церкви, с честью, со свечами, но бояре московские не дали им и поглядеть на покойника и с бранью поставили его в хлеве за сторожами; из Маджар повезли тело в Русь, привезли в Москву и похоронили в Спасском монастыре. Из бояр и слуг Михайловых спаслись только те, которым удалось убежать к ханше; других же ограбили донага, били как

злодеев и заковали в железа (1319 г.)».^[110]

Я умышленно привел длинную цитату, дабы не быть обвиненным в предвзятости к московским «собирателям Руси». Я же обращаю внимание на одну немаловажную деталь. В летописи подробно рассказывается о действиях всех лиц драмы — Михаила, Юрия, Узбека и Кавгадыя. А где же был сарайский «владыка» Варсоний? Он что, не мог «попечаловаться» перед ханом за Михаила, или хотя бы устыдить Юрия за надругательство над обнаженным телом родственника. Увы, пришлось Кавгадыю пристыдить зарвавшегося князя.

В 1319 г. Юрий возвратился в Москву с ярлыком на великое княжение и привел с собой молодого князя тверского Константина с его боярами как своих пленников. Мать и братья Константина, узнав о смерти Михаила и погребении его в Москве, прислали просить Юрия, чтобы он позволил отвезти им тело в Тверь.

Но для Юрия даже труп — предмет торга. Он отправляет в Тверь ростовского епископа Прохора и князя Ярослава Стародубского, позвавших Александра Михайловича в Москву и в виде гарантии его безопасности целовавших крест.

Александр едет в Москву.^[111] 29 июня 1319 г. между Юрием Московским и Тверью был заключен мир. Братья Михайловичи признали Юрия великим князем владимирским, и произошел обмен телами. Москва выдала останки князя Михаила, а Тверь — татарки Агафьи. Тринадцатилетний Константин Михайлович, привезенный Юрием из Орды, был задержан в Москве. Как только он достиг 14 лет, Юрий Данилович обвенчал его в Костроме (видимо, принудительно) со своей дочерью Софьей. Это тоже был способ давления на Тверь.

Затем Москва и Тверь на некоторое время занялись внутренними делами. Юрий Данилович отправил в Новгород своим наместником брата Афанасия. А в Твери, согласно воле покойного Михаила Ярославовича, братья расселились по уделам. Старший сын Михаила Дмитрий получил тверской стол и земли вокруг Твери; второй сын, Александр, — южные земли Тверского княжества с городами Зубцов, Старица, Холм и Микулин; третий сын, Константин, получил обширные, но малонаселенные области на северо-западе с центром в городе Кашин.

Князь тверской^[112] Дмитрий Михайлович в январе — феврале 1324 г. женился на Марии, дочери великого князя литовского Гедемина.

В царских и советских учебниках истории утверждалось, что убийство Михаила Тверского в Орде было исторически оправданно и укрепило Русь

перед татарской угрозой. Увы, по моему мнению, все было с точностью до наоборот. Действия Юрия Московского привели к началу татарского беспредела, которого не было в конце XIII века. Татарские послы зачастили на Русь для разных поборов. Замечу, что Юрий платил дань хану очень аккуратно. Так, под 6828 годом (1320 г.) Тверская летопись сообщает: «Тое же зимы приходил из Орды Бадера ко князю Юрью, и много пакости учини святым церквам и людям татбою в Володимире». То есть прибыли татары во главе с неким Бадерой в формальную столицу Руси Владимир и разгромили его ни с того, ни с сего. В том же году в Ростове народ расправился с какими-то «злыми татарами», которые грабили население. В 1321 г. рогожский летописец повествует: «В лето 6829 на весне приездил в Кашин Гаянчар татарин с жидовином дльжником, много тягости учинил Кашину».^[113]

Как видим, татары для выколачивания дани часто использовали лиц иудейского вероисповедания, раздражавших русских со времен Владимира Ясного Солнышко.

Осенью 1321 г. Юрий Данилович собрал в Переяславле войско и уже хотел «со всею силою Низовскою и Суздальскою» выступить на Тверь. Дмитрий Тверской вместе с братьями двинулся навстречу Юрию. Рати сошлись в районе города Кашина. Однако вместо сражения начались переговоры. В конце концов тверичи уступили и уплатили Юрию две тысячи рублей серебром. Что это были за деньги? Дань хану? Вероятность этого крайне мала. Не платить хану означало открыто порвать с Ордой, о чем Михайловичи тогда и не думали. Скорее всего, татарин Гаянчар с «жидовином» не сумели до конца ограбить Кашин и позвали туда Юрия.

В середине марта 1322 г. Дмитрий Михайлович едет из Твери в Орду жаловаться на беззакония Юрия. Между тем Иван Калита с 1318 г. безотлучно находился в Орде при хане Узбеке. И вот, как назло, весной 1322 г. хан посылает Ивана вместе с воеводой Ахмылом пограбить ярославские и ростовские земли. «Ахмылова рать» принесла много горя Руси, а московским князьям стоила ярлыка на Великое княжество Владимирское. Дмитрий Михайлович в красках рассказал Узбеку о действиях Юрия и получил от него ярлык на Владимир.

Осенью 1322 г. Дмитрий садится во Владимире на престол своего отца Михаила Ярославовича. В том же году Юрий собирает большую сумму денег и едет в Орду. Путь его пролегал через Ростов, но близ устья реки Шексны на маленькой речке Урдоме московский князь попадает в тверскую засаду. Дружина Юрия разбита, а вся казна достается тверичам. Московский князь бежит, не разбирая дороги, и оказывается... в Пскове.

Видимо, он готов был бежать и дальше—в Литву или в Орденские земли. Но Дмитрий Тверской почему-то не требует у Пскова выдачи беглого московского князя. Зато с запада Пскову начинают угрожать литовские рыцари. Принять начальство над псковской ратью Юрий отказался и уехал в Новгород. Тогда призвали из Литвы князя Давыда Гродненского, который сумел отразить нападение рыцарей.

Новгородские бояре отправили Юрия на весьма прибыльное дело — наказать жителей Устюга, отказавшихся платить дань Господину Великому Новгороду. А дань была очень велика и состояла в основном из ценнейших мехов, собранных на Северном Урале и в Зауралье. Зимой 1323–1324 г. Юрий с новгородским войском разорил Устюг. Теперь у него было что везти в Орду. Причем на сей раз он поехал не через Владимиро-Суздальскую Русь, а новгородцы провели его северными окраинами своих земель к реке Каме, а оттуда по Каме и Волге Юрий добрался до Орды.

Узнав о появлении Юрия в Орде, Дмитрий Тверской немедленно отправился туда же. Он сказал братьям, что боится, что «самого яко отца моего оклеветают». Тверь была оставлена на среднего брата Александра.

И вот 21 ноября 1324 г. в Сарае Дмитрий встречает своего врага Юрия Московского. Инцидент произошел недалеко от сарайского кафедрального храма, куда оба князя направились для торжественного богослужения по случаю праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Обратим внимание, это была шестая годовщина убийства отца Дмитрия в Орде, когда Юрий надругался над мертвым тверским князем. Тут Дмитрий допустил роковую ошибку, не сумев сдержать своих чувств. Он лично убил московского князя. Конечно, убил не так, как убили его отца. На шее князя Юрия не было колоды, зато на боку висела сабля. Это был честный поединок.

Случись такой поединок в Западной Европе, вряд ли король стал бы наказывать вассала-победителя, причем отомстившего за своего отца. Законы против дуэлянтов появятся в Европе спустя примерно 300 лет. Но, увы, дело происходило в Орде, и хан Узбек не мог допустить такого своеволия. А вдруг и другие русские князья начнут вместо ханского суда решать дело на поединках? Тогда поездки в Орду сократятся, и, соответственно, уменьшится ханский доход.

Узбек приказал взять Дмитрия под стражу. Но, видимо, хан понимал, что правда на его стороне. Хан думал почти год, и Дмитрий был казнен лишь 15 сентября 1325 г., в день его рождения, когда князю исполнилось 27 лет.

А 23 февраля 1325 г. гроб с телом Юрия прибыл из Орды в Москву.

Митрополит Петр немедленно объявил его... «мучеником за веру». Итак, татарский прихвостень, оказывается, пострадал за веру православную. Ну что же, Петр честно отрабатывал свой хлеб. Он формально числился митрополитом всея Руси, но давным-давно забросил дела Южной и Западной Руси. Мало того, когда Михаил Тверской ненадолго стал великим князем владимирским, митрополит отказался ехать во Владимир и окончательно осел в Москве.

Но вернемся к хану Узбеку. После казни Дмитрия Узбек решил выдать ярлык на Великое княжество Владимирское не брату «новомученика» Юрия Ивану Калите, а Александру — брату «злодея» Дмитрия.

Однако править Великим княжеством Владимирским Александру Тверскому пришлось недолго. Воспользовавшись борьбой за власть московских и тверских князей, татары совсем распоясались.

В 1327 г. в Тверь заявляется ханский посол по имени Шев-кал (Чол-хан или Щелкан, как его называли русские летописи), двоюродный брат Узбека. С ним прибыло около тысячи татар. Расположились они в самом городе. Шевкал прогнал великого князя Александра из его дворца и стал сам там жить.

Вскоре по городу пошли слухи, что Шевкал сам хочет княжить в Твери, а своих татарских князей посадить княжить по другим русским городам, христиан же обратить в татарскую веру. Ходили слухи, что избиение тверичей намечено на Успеньев день. Слухи эти были, скорей всего, ложью, но татары своим поведением подтверждали их.

И вот рано утром 15 августа, в Успеньев день, дьякон Дудко повел «кобылу молодую и тучную» на водопой к Волге. Проходившим мимо татарам кобыла приглянулась, и они, по обычаю, отняли ее у дьякона и пошли дальше. Обиженный Дудко завопил «О мужи тверские, не выдавайте».^[114] «Мужи тверские» схватили кто топор, кто слегу, и принялись бить грабителей. Тут подтянулись татарские всадники и начали рубить русских. Колокола ударили в набат, стар и млад взялись за оружие. Через пару часов уцелевшие татары вместе с Шевкалом удерживали лишь деревянный княжеский дворец, обнесенный тыном. Но тверичи подожгли терем. Сам Шевкал и большинство татар нашли свою смерть в огне. Разъяренный народ не щадил и вырвавшихся из пламени татар. Часть их сожгли на костре, а часть утопили в Волге.

Любопытно, что в битве с татарами отличился предок дворян Нащекиных. К тверскому князю Михаилу приехал на службу немецкий рыцарь. Его сын Дмитрий дрался в сенях княжеского дворца, не выпуская татар из огня. Татарская сабля изуродовала ему щеку, и стали звать

Дмитрия Нащека. В тех сенях сгорел сам Шевкал.

Узнав о случившемся в Твери, жители ряда других русских городов перебили татарских и болгарских купцов, а имущество их разграбили.

Судя по летописным известиям, великий князь Александр Михайлович всеми силами старался удержать народ от нападения на шевкаловых татар, но после начала боя князь не бросил своих подданных и принял участие в уничтожении грабителей.

Истребление шевкаловых татар сильно обрадовало Ивана Калиту. Он немедленно поехал, а точнее, полетел в Орду, велел воеводам собирать московские полки. Обратившись на Русь «собиратель земли Русской» возвращается с пятидесятитысячной татарской ордой. За отсутствием достоверных данных не буду фантазировать, то ли Узбек поставил Калиту главным воеводой, то ли он был проводником и советником при трех татарских воеводах Федорчуке, Туралыке и Сюге. Кто такой Федорчук — историкам неизвестно, а я, повторяю, фантазировать не хочу, но имя-то явно славянское. Во всяком случае, это нашествие татар в русских летописях зафиксировано как «Федорчукова рать».

Великий князь Александр Михайлович прекрасно понимал, что с одним тверским войском бороться с 50 тысячами татар и московским войском безнадежно, и отправился в Новгород, князем которого он был как великий князь владимирский.

Но хитрый Калита заранее отправил своих послов в Новгород, чтобы настроить горожан против Александра. В итоге новгородцы отказали Александру Михайловичу, и ему пришлось уехать в Псков, а его младшие братья укрылись в крепости Ладога. Как видим, все тверские князья уцелели, зато русские земли подверглись изрядному опустошению.

Историк В.Н. Татищев, цитируя недошедшую до нас летопись, писал: «зане (потому что) не токмо имения выбираху, скоты и кони забирали, но жены и дщери емлюще по своей воле и держаху, елико хотяху, а кто поперекова (сопротивлялся), мучаху и убинаху».^[115] От разгрома уцелели лишь Москва да Новгород. Московский князь вел татарские рати, а Новгород заплатил Федорчуку (или Калите?) две тысячи рублей серебром, а также множество «мягкой рухляди», то есть дорогих мехов.

А сейчас мы вновь обратимся к церковной истории. Как уже говорилось, митрополит Петр Ратский окончательно обосновался в Москве, где и завещал себя похоронить. Замечу, что Петр перенес митрополичью кафедру из Владимира, где были огромные каменные соборы, не в Тверь, где также были каменные соборы, а в Москву, где все церкви были деревянные. Для поддержания своего престижа он упросил Ивана Калиту

возвести в Москве каменный епископский собор, подобный тем, что украшали все главные города Северо-Восточной Руси.

Калита исполнил желание митрополита и 4 августа 1326 г. заложил в Кремле первую каменную церковь во имя Успения Богородицы. Петр, не ожидая конца строительства, собственными руками построил себе каменный гроб в стене церкви. И действительно, в декабре 1326 г. Петр преставился.

Калите был срочно нужен собственный святой, и вот «некий сухорукий юноша исцелился у гробницы Петра уже через 20 дней после его кончины. Потом чудесным образом Петр исцелил слепого. Князь Иван велел записывать все эти происшествия, а также составить краткое «житие» — рассказ о жизни святого.

Вскоре во Владимире-на-Клязьме состоялся Поместный собор Русской церкви. Исполнявший тогда обязанности митрополита ростовский епископ Прохор зачитал присланный из Москвы список чудес, случившихся у гробницы Петра. Для причисления к лику святых (канонизации) требовались три условия: чудеса у гроба; наличие письменного «жития» и нетленные мощи. Впрочем, иногда обходились и двумя первыми.

На Владимирском соборе, по-видимому, присутствовал и великий князь Александр Тверской. Едва ли он желал появления у Москвы собственного святого. Однако в тот момент князю нельзя было усложнять свое и без того крайне шаткое положение новыми распрями с москвичами, а также и с иерархами, которые глубоко чтили Петра и желали его прославления. В итоге Владимирский собор утвердил местное, московское, почитание Петра как святого. Это был первый шаг к его общерусской канонизации, состоявшейся в 1339 г. Тогда святость Петра была признана и константинопольским 'патриархом'.^[116]

Я опять даю длинную цитату, чтобы избежать обвинений в предвзятости. Таким образом, Калите удалось реализовать свою задачу только наполовину — Петр Ратский стал лишь местным святым.

Гораздо труднее было решить вторую задачу — поставить на кафедру нового митрополита. В последние месяцы жизни Петр Ратский подготовил себе преемника, некоего архимандрита Федора. Он, как и Петр, был с Волыни, возможно, из того же Ратского монастыря. И вот летом 1326 г. в Константинополь прибыли московские бояре со своим кандидатом Федором. Естественно, бояре привезли богатые дары патриарху и его иерархам. Но что-то не сладилось, и патриарх Исайя поставил митрополитом Киевским и всея Руси своего придворного клирика Феогноста.

Новый митрополит оказался неглупым человеком. Киевский митрополит не пожелал иметь кафедру в Киеве, но не поехал и в Москву, а отправился во Владимир. Это, естественно, не могло понравиться Калите, но он не повторил ошибки Михаила Тверского, поссорившегося с митрополитом Петром Ратским. С самого начала Калита стремился быть в хороших отношениях с Феогностом, проявляя показное почтение. Феогност несколько раз приезжал в Москву, где удостоивался торжественной встречи и останавливался во дворце покойного Петра. Ну а главное, Иван щедро распахнул свою калиту перед новым митрополитом. В итоге Феогност начал активно сотрудничать с Иваном.

В 1328 г. Иван Калита и тверской князь Константин Михайлович поехали в Орду. Хан Узбек дал ярлык на Великое княжество Владимирское Калите,^[117] а Константину Михайловичу — ярлык на Тверское княжество. Причем обоим князьям Узбек поставил условие немедленно найти и привезти в Орду князя Александра Михайловича.

И вот в Псков прибыли послы от князей московского, тверского и суздальского и от новгородцев уговаривать Александра поехать в Орду к хану Узбеку. Послы от имени князей говорили: «Царь Узбек всем нам велел искать тебя и прислать к нему в Орду. Ступай к нему, чтоб нам всем не пострадать от него из-за тебя одного. Лучше тебе за всех пострадать, чем нам всем из-за тебя одного пустошить всю землю». Александр ответил: «Точно мне следует с терпением и любовью за всех страдать и не мстить за себя лукавым крамольникам. Но и вам недурно было бы друг за друга и брат за брата стоять, а татарам не выдавать и всем вместе противиться им, защищать Русскую землю и православное христианство».

Александр решил ехать в Орду, но псковичи не пустили его, говоря: «Не езд, господин, в Орду. Что б с тобою ни случилось, умрем, господин, с тобою на одном месте».

Тут я излагаю летописную версию. Но нельзя не обратить внимание на забавность ситуации. Самые сильные князья — московский (он же великий князь владимирский), тверской, суздальский, да еще Господин Великий Новгород просят беглого князя приехать в Орду. Да что, у них сил не было, чтобы надавить на Псков? Любой из перечисленных князей мог легко один расправиться с Псковом. Так что, желания не было? Ну, допустим, Константин Михайлович не хотел ловить брата и посылать на казнь в Орду, но остальные-то с огромной радостью пограбили бы богатый Псков. Ларчик открывался просто. Александр Михайлович сел в Пскове «из руки великого литовского князя Гедмина».^[118] Воевать же с Великим

княжеством Литовским из-за беглого тверского князя ни у Калиты, ни даже у Узбека желания не было, поэтому пришлось просить.

И вот тогда хитрый Иван Московский обратился за содействием к митрополиту Феогносту. На сколько похудела калита у Калиты, история умалчивает, но грек согласился и в марте 1329 г. приехал в Новгород. Нашелся и повод — участие в торжествах Соборного воскресенья. Оттуда Феогност прислал грамоту в Псков к Александру Михайловичу, езжай, мол, в Орду. Заметим, хороший церковный пастырь заставляет ехать православного князя в Орду на смерть, туда, где были зверски убиты его отец и брат. Причем вся вина князя заключалась лишь в том, что он защитил своих подданных от грабежа.

Александр Михайлович, естественно, отказался. Ситуацию опять спас «собираатель Руси». Даю слово С.М. Соловьеву: «Придумали другое средство, и придумал его Калита. По свидетельству псковского летописца: уговорили митрополита Феогноста проклясть и отлучить от церкви князя Александра и весь Псков, если они не исполнят требование князей. Средство подействовало, Александр сказал псковичам: «Братья мои и друзья мои! Не будь на вас проклятия ради меня; еду вон из вашего города и снимаю с вас крестное целование, только целуйте крест, что не выдадите княгини моей». Псковичи поцеловали крест и отпустили Александра в Литву, хотя очень горьки были им его проводы: тогда, говорит летописец, была во Пскове туга и печаль и молва многая по князе Александре, который добротой и любовью своею пришелся по сердцу псковичам».^[119]

Александр прожил в Литве полтора года, а затем, когда опасность миновала, вернулся к жене в Псков, где его встретили радостно и посадили на княжение. Десять лет Александр спокойно княжил в Пскове, но сильно тосковал по родной Твери. Кроме того, князь был озабочен судьбой своих детей. В Пскове не было наследственного княжения, князей вече приглашало лишь на время, для обороны города, и вмешательство князя в административные и финансовые вопросы города-республики было минимальным. По словам летописца, Александр рассуждал так: «Если умру здесь, то что будет с детьми моими? Все знают, что я выбежал из княжества моего и умер на чужбине: так дети мои будут лишены своего княжества».

В 1336 г. Александр послал в Орду сына Федора, чтобы тот дознался, есть ли надежда умиловить хана. Получив от сына положительные вести, на следующий год Александр сам поехал в Орду. Прибыв к Узбеку, Александр сказал ему: «Я сделал много зла тебе, но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что бог возвестит тебе».

Хан, обращаясь к окружающим, произнес: «Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти», и позволил ему занять тверской престол. И князь Константин Михайлович был вынужден уступить княжение старшему брату.

Примирение Александра Михайловича с ханом крайне разозлило Ивана Калиту, и в 1339 г. он отправляется с двумя сыновьями в Орду с очередной кляузой на князя Александра. В чем состоял донос Калиты, историкам неизвестно, но вскоре Александр Михайлович получает ханский указ ехать в Орду.

Александр уже знал, что кто-то оклеветал его перед ханом, который опять очень сердит на него, и потому отправил вперед себя сына Федора, а за ним уже поехал и сам по первому зову из Орды. Федор встретил отца и объявил ему, что дела плохи. Прожив месяц в Орде, Александр узнал от своих татарских приятелей, что участь его решена. Хан уже приговорил его к смерти и назначил день казни. В этот день, 29 октября, Александр встал рано, помолился и, видя, что время проходит, послал к ханше за вестями. Затем сам сел на коня и поехал разузнать о своей участи. Все ему отвечали, что в этот день он должен сидеть и ждать смерти. Прибыв к себе, Александр узнал, что и от ханши пришла та же весть. Александр стал прощаться с сыновьями и боярами, сделал распоряжения насчет своего княжества, исповедовался, причастился. То же самое сделали сын его Федор и бояре, так как и они должны были умереть.

Ждали после этого недолго: вошли отроки с плачем и объявили о приближении убийц. Александр вышел сам к ним навстречу, и был «рознят по составам» вместе с сыном.

Калита же еще раньше уехал из Орды «с великим пожалованием и с честью». Сыновья же его выехали из Орды уже после убийства Александра и прибыли в Москву, по словам летописца, «с великой радостью и веселием». Тверской стол перешел к брату Александра Константину.

После убийства Александра Иван Калита не преминул в очередной раз унижить Тверь, и по его приказу с колокольни главного собора города — святого Спаса — был снят самый большой колокол и отправлен в Москву. В те времена подобная акция считалась страшным оскорблением.

Теперь Иван Калита мог безраздельно править Владимиро-Суздальской Русью и исправно собирать дань для Орды. И на 40 лет «наступила тишина великая, перестали татары воевать землю Русскую». Эта фраза промосковски настроенного летописца кочует из одного учебника истории в другой. Действительно, с 1328 по 1367 г. не отмечено больших походов татар на Русь, типа Дюденевой или Федорчуковой рати.

Но представлять эти 40 лет безмятежным и мирным существованием Владимиро-Суздальской Руси более чем нелепо. Мелкие татарские набеги продолжались.

Вот, к примеру, в 1347 г., то есть уже в княжение Симеона Гордого, сына Ивана Калиты, ордынский князь Темир подошел к городу Алексину на Оке. Татары сожгли посад и возвратились в Орду с большой добычей. В 1358 г. татары напали на Рязанское княжество: «...выидс посол из Орды царев сын именем Мамат Ходжа на Рязаньскую землю и много в них зла сотвори...» И таких походов было немало. Да и вроде бы мирные люди — татарские послы — разоряли Русь не меньше, чем набеги. Малые татарские послы имели конвой от ста до пятисот всадников, а большие — от тысячи и более. Естественно, что кормились они все за счет местного населения. Проезжает татарский посол через деревню, не снимет кто шапки и не поклонится — убьют, а то и всю деревню спалят. Да просто, какому-нибудь нукеру приглянется лошадь — отберут, приглянется девка — за косу и поперек седла...

Ряд историков, в том числе Н.С. Борисов, пытаются объяснить, откуда у Калиты оказалось столько денег. Борисов утверждает, что-де Иван создал рациональную систему сбора налогов с населения, прекратил взяточничество и лихоимство чиновников, решительно боролся с разбойниками и т. д. Но, увы, никаких документальных подтверждений сия версия не имеет. Калита Ивана была толста лишь за счет невиданного ранее ограбления своих подданных и Новгорода.

Глава 9

Как Дмитрий Донской «переломил хребет» Золотой Орде

31 марта 1340 г. умер великий князь владимирский и московский Иван Калита. Он был дважды женат. Первая жена Елена умерла в марте 1332 г. От нее Калита имел четырех сыновей — Симеона, Даниила, Ивана и Андрея — и четырех дочерей — Марию, Евдокию, Федосью и Фетинью. В том же 1332 г. Иван Калита женился на некой Ульяне, от нее он имел двух дочерей — Федосью и Марию.

Наследником Калиты стал его старший сын Симеон (1316–1353 гг.). По семейной традиции Симеон с братьями уже летом 1340 г. съездил с богатыми дарами в Орду. Туда же направились еще три князя-конкурента: Константин Михайлович Тверской, Василий Давыдович Ярославский и Константин Васильевич Суздальский. Но, как и следовало ожидать, Москва заплатила больше, и Симеон получил от Узбека ярлыки на Московское и Великое Владимирское княжества. Ну а поистратившиеся в Орде Симеон с братьями отправились «за зипунами» в Новгород.

Новгородцы исправно платили дань и соблюдали все договоры с Москвой. Тогда Симеон устроил провокацию, его бояре начали грабить жителей Торжка. Доведенные до отчаяния жители послали просить помощи у Новгорода. Новгородцы выслали отряд, который внезапно овладел Торжком, новгородцы схватили великокняжеских наместников и сборщиков дани вместе с их женами и детьми, начали укреплять город и послали в Москву сказать Симеону: «Ты еще не сел у нас на княжении, а уже бояре твои насильничают».

Так нашелся повод. Симеон собрал союзников князей и отправился в поход на Новгород, взяв с собой митрополита Феогноста. Замечу, что грек к тому времени стал очень послушным.

Новгородцы, узнав, что Симеон стал собирать войско, попытались кончить дело миром и послали владыку Василия бить челом к митрополиту, а тысяцкого — к великому князю. Симеон согласился на мир по старым новгородским грамотам, но взял за это «черный бор» по всей волости и тысячу рублей с Торжка, после чего отпустил наместника в Новгород.

К московским поборам новгородцы уже давно привыкли, но на сей раз

великий князь потребовал, чтобы новгородские послы тысяцкий^[120] и бояре пришли к нему босыми и просили мира, стоя на коленях. Понятно, какое оскорбление было нанесено лучшим людям Господина Великого Новгорода, но они смирились, предпочтя бесчестие разорению родного города. С тех пор Симеон получил прозвище Гордый. Замечу, что слово «гордый» в те времена звучало почти как ругательство, недаром попы часто цитировали Апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

Много начудил Симеон и в личной жизни. Первый раз он женился на Айгусте (Анастасии), дочери великого литовского князя Гедемина. Но в 1345 г. Анастасия постригается в монахини, а Симеон сразу берет себе новую жену. Новый брак не был политическим. Вторая жена Евпраксия была дочкой Федора Святославовича, безземельного отпрыска смоленских князей, приехавшего на службу к московскому князю. Не прожив и года с Евпраксией, Симеон отсылает ее к отцу. В летописи было сказано: «Великую княгиню испортили на свадьбе. Ляжет с Великим князем, и она ему кажется мертвец». Князь занялся поисками новой невесты. В третий раз Симеон решил жениться на Марии Александровне Тверской.

Это было уже слишком. Феогност был вынужден отказать в благословении и приказал «затворить церкви» в Москве. Несколько месяцев потребовалось Симеону, чтобы уговорить Феогноста. Пришлось даже отправить послов с большими дарами в Константинополь, чтобы при необходимости получить благословение от самого патриарха, минуя митрополита Владимирского.

Симеон и Мария нажили несколько детей. Но в 1352 г. на Русь пришла страшная беда — «моровая язва». По свидетельству летописцев в городах Глухове и Белозерске от язвы вымерли все жители до единого. В 1353 г. в Москве от язвы умирают все дети Симеона, митрополит Феогност, а затем и сам гордый Симеон.

Наследником Симеона Гордого становится его брат Иван Красный (1326–1359), третий сын Ивана Калиты. (Второй сын Даниил Иванович умер ребенком или подростком).

Через несколько месяцев после смерти брата (боялся мора или собирал деньги) Иван Красный едет в Орду за ярлыком. Его единственным конкурентом является Константин Васильевич, князь суздальский. Он был внуком Андрея Ярославовича — младшего брата и конкурента Александра Невского. Замечу, что потомки Андрея Ярославовича долгие годы, до Василия Шуйского включительно, оспаривали право на старшинство у потомков Ивана Калиты. Мотивировалось это тем, что хотя Андрей и был и

младшим братом Невского, но великим князем Владимирским он стал раньше.

Спор в Орде традиционно решили деньги, и великим князем Владимирским стал Иван Красный. Но этот ярлык ни в Суздале, ни в Нижнем Новгороде не признали. Лишь смерть Константина Суздальского в 1354 г. положила конец спору с Иваном Московским.

Правил Иван Красный недолго и умер 13 ноября 1359 г. в возрасте 33 лет. События, происшедшие за его короткое правление, принципиального значения для нашей темы не имеют, и я останавливаться на них не буду. Для нас имеет некоторое значение лишь смена митрополитов и принципиально важное значение — ситуация в Орде.

Как уже говорилось, весной 1353 г. в Москве от «мора» умер митрополит Феогност. Незадолго до смерти грек по настоянию Симеона Гордого посвятил инока Алексея в сан епископа Владимирского. Его-то московские бояре и решили сделать митрополитом всея Руси после почти одновременной смерти Феогноста и Симеона. Алексей уже по происхождению должен был стать московским владыкой.

Алексей (мирское имя Алферий) был сыном боярина Федора Бяконта, пришедшего на службу к Даниилу Московскому. Крестным отцом Алферия был сам Иван Калита. До 20 лет Алферий служил при дворе московского князя, а затем принял постриг под именем Алексея. Что послужило причиной пострига молодого человека, неизвестно, но можно с уверенностью сказать, что это был не религиозный экстаз. Это было время, когда монахи уходили в глухие леса, на северные реки и озера, сами рубили себе там скиты, постоянно собирали послушников и основывали монастыри. Как писал историк Р.Г. Скрынников: «Инок не помышлял об удалении в глухую пустынь, а остался в столице, обосновавшись в Богоявленском монастыре за Торгом, в Китай-городе, поблизости от Кремля. Московская знать покровительствовала Богоявленскому монастырю. Его ктиторами считались бояре Вельяминовы. Богоявленские иноки из постриженных бояр сохраняли тесные связи с великокняжеским двором и всегда были на виду. Алексей выделялся среди братии не только знатностью, но и незаурядными способностями. Митрополит Феогност удостоил его своим расположением и в 1340 году назначил наместником во Владимире. На плечи Алексея легло множество забот — судейство и другие дела, связанные с управлением митрополичьим домом».^[121]

Сразу же после смерти Феогноста Алексей едет в Орду, и 11 февраля 1354 г. ханша Тайдула выдает ему подорожную грамоту на проезд в Константинополь. Там Алексею пришлось пробыть около года. Дело в том,

что константинопольский патриарх Каллист вступил в конфликт с императором Кантакузи-ном и вскоре был заменен Филофеем. А главное, иерархи Византии ждали, будет ли уособица на Руси после смерти Симеона Гордого и кто получит ярлык на Великое княжество Владимирское. В Константинополе прекрасно понимали, что Алексей — исключительно московская кандидатура, и если великое княжение получит не Иван Красный, а кто-либо другой, то Алексея внаше прогонят из Владимира, и престиж патриарха заметно пострадает. Замечу, что в 50-х годах XIV века у Византии были серьезные проблемы с турками-османами, которые заняли уже весь противоположный берег Мраморного моря.

Наконец Алексей был рукоположен в митрополиты, причем патриарх впервые официально признал местом митрополичьей кафедры не Киев, а Владимир (с опозданием на полвека). Радостный Алексей отплыл на Русь. Но тотчас после его отъезда патриарх Филофей рукополагает еще одного русского митрополита — Романа.

Роман родился в Твери в боярской семье и даже состоял в родстве с князем Михаилом Александровичем. Но главное, Романа поддержал великий князь литовский Ольгерд. Дело в том, что владимирские митрополиты были заняты в основном делами Владимиро-Суздальской Руси, Орды и Новгорода, и лишь эпизодически, раз в 10–20 лет посещали Юго-Западную Русь. Надо ли говорить, что иметь таких духовных пастырей ни паства, ни духовенство, ни русско-литовские князья юго-западных земель не желали.

Роман устроил митрополичью кафедру в Новгороде-Волынском. Между обеими митрополиями началась война не на жизнь, а на смерть. Как писал Р.Г. Скрынников: «В 1356 году по настоянию Романа патриарх вызвал Алексея в Константинополь для окончательного раздела русской епархии. Вступив в спор из-за обладания титулом митрополита Киевского, владыки не жалели денег. Чтобы получить необходимые средства, они посылали данщиков в одни и те же епископства, что было разорительно для паствы. Москва не хотела лишаться древнейшей церковной столицы Руси — Киева. Литва не желала считаться с претензиями Москвы. В конце концов константинопольский патриарх принял решение, не удовлетворившее ни одну из сторон. Алексей сохранил титул митрополита Киевского и всея Руси, а Роман стал митрополитом Малой Руси без Киева. Однако Роман отказался подчиниться постановлению и, опираясь на поддержку Ольгерда, провозгласил себя митрополитом Киевским».^[122]

Опираясь на решение патриарха, Алексей решил «показать флаг» в Киеве, куда он и прибыл в 1358 г. Однако местный князь, видимо с санкции

Ольгерда, заключил под стражу Алексея и его свиту. Бежать в Москву Алексею удалось лишь спустя два года плена.

Роман, в свою очередь, совершил рейд на Русь. Роман объявился в Твери, здешний владыка (архиепископ) Феодор не захотел его принять, но, по словам летописца, князя, бояре и некоторые другие давали ему все потребное. Особенно отличился князь Всеволод Александрович Холмский, оказав Роману большой почет и одарив его богатыми дарами.

Важнейшим событием, определившим ситуацию в Восточной Европе во второй половине XIV века, стала усобица в Орде, которую на Руси окрестили «замятней». Золотым веком Золотой Орды, да простит меня критик за тавтологию, стало правление хана Узбека (1312/13—1342). Это было не только время наибольшего военного могущества Орды, но и время стабильности и порядка в ее пределах. Хорошим подтверждением этому служат сведения Ибн-Арабшаха, арабского историка XV века, о том, что караваны из Хорезма проходили на телегах совершенно спокойно, «без страха и опаски», до самого Крыма в течение трех месяцев. Не было надобности возить с собой ни фуража для лошадей, ни еды для сопровождавших караван людей. Более того, караваны не брали с собой проводников, так как в степях и земледельческих районах было густое земледельческое и кочевое население, у которого можно было все необходимое получить за плату.^[123]

Хану Узбеку наследовал его старший сын Танибек (Исан-бек), но через несколько недель он был убит братом Джани-беком (Чанибеком). Джанибеку удалось править сравнительно долго, с 1342 по 1357 г. Внешне ситуация при Джанибеке не изменилась по сравнению с временем Узбека, но крупные ордынские феодалы — эмиры, улусбеки и темники — приобретали все большую власть и все менее оглядывались на хана.

В 1357 г. эмир Тоглу-бай уговорил Бердибека, сына хана Джанибека, устроить переворот и убить захворавшего отца. Тоглу-бай с несколькими нукерами вошел в ханский шатер и убил Джанибека на ковре, где тот возлежал. Тотчас же в шатер ввели Бердибека, и здесь же началось приведение к присяге находившихся в стане эмиров. Всех, кто отказывался присягнуть Бердибеку, тут же убивали.

Интересно изложение событий в Орде в Никоновский (Патриаршей) летописи. Под 6865 годом (1357) там говорится: «Того же лета замаятия во Орде не престааше, но паче возви-зашеся». Далее говорится, что у Джанибека был темник Тов-лубий (Тоглу-бай). Он был умен, хитер и влиятелен. Желая быть на первых ролях в Золотой Орде, он начал «шептати цареву сыну Чянибекову Бердибеку, хваля его и вознося, глаголя: «яко

время ти есть седети на царстве, а отцу твоему уже время снити с царствия». Товлублий уговорил Бердибека убить отца. Заговорщики привлекли на свою сторону «многих князей ордынских», обещая им разные выгоды. Когда все было подготовлено, они вошли к Джанибеку и удавили его. После этого «Бердибек по нем сяде на царстве, и уби братьев своих 12; окаанным князем, и учителем своим и доброхотом Товлу-бием наставляем отца своего уби и братью свою побил...»

Бердибек процарствовал всего два года, а затем был убит вместе со своим фаворитом Тоглу-баем (Товлублием). А вот после гибели Бердибека в Орде начинается действительно замятня. На золотоордынском престоле за 20 лет сменилось, по разным оценкам, от 20 до 25 ханов. Причем ордынских документов, раскрывающих этот период, не сохранилось. Поэтому историки дают хронологию правления ханов по обрывочным сведениям русских летописей, арабских историков, а главное, по найденным золотоордынским монетам. Имена многих ханов известны лишь по надписям на монетах. Перечисление ханов Золотой Орды читатель может найти в Приложении.

Политический кризис в Золотой Орде усугублялся страшной пандемией 1346–1350 гг. — чумой, занесенной из Китая в 1346 г. Особенно тяжелой эпидемия оказалась для Дешт-и-Кипчака, Крыма и Булгарии. Как сообщают под 1346 годом русские летописи: «бысть от бога на люди подо восточноюстраною, на город Орнач (Ургенч) и на Хазьторокаиъ (Астрахань) и на Сарай и на Бездеж (Бельджамин на Итиле) и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермене и на Татарове, и на Орьмены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати». Только в Крыму тогда умерло более 80 тысяч человек.

Ко всему этому добавилось и еще одно страшное бедствие, о котором я расскажу в следующей главе.

Еще при хане Бердибеке выдвинулся эмир Мамай. По словам арабского историка Ибн-Халдуна, он занял в Орде должность беклярибека и женился на дочери Бердибека. Происхождение Мамай неизвестно, но он не был потомком Чингисхана, что долго мешало ему объявить себя ханом Золотой Орды. Напомню читателю, что все татарские орды управлялись исключительно многочисленными (в силу полигамии) потомками Чингиза.

Мамай сверг хана Тимур-Хаджу (Темир-Ходжу) и объявил ханом Авдулу (Абдаллаха), потомка Узбек-хана. Произошло это, согласно Никоновской летописи, в 1362 г.

При Мамае монеты чеканились с самого начала от имени Абдаллаха,

до нашего времени дошла монета, датированная 764 г. хиджры (21 ноября 1362 г. — 10 октября 1363 г.), что подтверждает и летопись. Большая часть монет с именем Абдаллаха чеканилась в Орде, то есть в походной ставке хана. Объясняется это тем, что городские центры Поволжья, особенно Сарай, принадлежали хану Абдаллахе и Мамаю только на короткий срок. Кроме Орды монеты Абдаллаха чеканились в Азаке, Новом Сарае и Янгишехре (Новом городе) в Хорезме.^[124]

Мамаю пришлось вести долгую борьбу в Орде за единство власти. Одно время у Мамаю с Абдаллахом был сильный соперник — Кильдибек (Гельдебек). О нем говорят и летопись, и монеты, дошедшие до нас. Монеты эти чеканились в 762 г. х. (1360–1361) и в 763 г. х. (1361–1362). То есть Кильдибек начал чеканку своих монет на год раньше Абдаллаха, во всяком случае раньше, чем Мамай захватил фактическую власть на большей части территории Золотой Орды. Следовательно, Кильдибек одно время был соперником Хызра и Темир-Ходжи, от которых сохранились монеты, датированные 762 г. х. Судя по летописным и монетным данным, Кильдибек был убит в 1362 г. Рогожский летописец рассказывает об обстоятельствах смерти Кильдибека: «В Орде тако бысть замятия, Хидырев сын Му-рут на единой стороне Волги, а на другой Кильдибек и межи их бысть сеча и Кильдибека убили».

Таким образом, у Мамаю и Абдаллаха в том же году появился новый соперник в лице упомянутого Мурута, или, как его именует Никоновская летопись, Амурата Хидырева, брата царева, захватившего столицу Золотой Орды Сарай.

Смута росла и вширь, что отмечают летописи под тем же 1362 годом. От Золотой Орды стали отпадать целые области. «Булат Темир, князь ордынский, Булгары взял, и все грады на Волзе и улусы поймал и отня весь Воложский путь».

Отпадение Булгар, вместе с захватом в руки Булат-Теми-ра волжского торгового и военного пути, нанесло, конечно, тяжелый удар единству Золотой Орды. Вслед за этим другой ордынский князь «Тогай, иже от Бездежа, той убо Наручад и всю ту страну взял и там о себе пребывале». Под Наручадс-кой землей надо понимать область, лежавшую на реке Мокше и населенную мордвой.

Русские князья владели достаточно полной информацией о событиях в Орде. Ее приносили русские и другие купцы, по-прежнему функционировала Сарайская епархия, имевшая регулярную связь с митрополитом, почти ежегодно в Орду отправлялись русские посольства, в составе которых часто были князья и их сыновья.

Замятия поставила перед Русью две основные проблемы. Во-первых, кому из претендентов на ханский престол платить дань, а во-вторых, как относиться к походам на Русь претендентов или их воевод, как к «батогу божьему» или как к шайкам разбойников?

Как уже говорилось, в ноябре 1359 г. умер великий князь владимирский Иван Данилович Красный. Все братья Ивана к тому времени уже умерли, в живых остались лишь три внука Ивана Калиты: девятилетний Дмитрий и совсем маленький Иван,^[125] сыновья Ивана Красного, а также шестилетний Владимир, сын умершего в июне 1353 г. князя Андрея Ивановича.

Практически все русские, советские и нынешние историки утверждают, что горизонтальная система передачи власти была архаична, и лишь новая, вертикальная (от отца к сыну), отвечала интересам русского народа, начиная с XIII–XIV веков. Замечу, что на Руси, хотя и не было четких критериев передачи власти, уже с XII века была не чисто горизонтальная, а смешанная система наследования. Естественно, что передавать княжеский престол, лишая власти тридцатилетнего закаленного в битвах сына, 60 — 70-летнему дяде не имело смысла, и таких случаев почти не было. Но как мог править девятилетний княжич?

И если Дмитрий остался на московском престоле, а затем получил Великое княжество Владимирское, то не потому, что он был вундеркиндом, и дело тут не в прогрессивности горизонтальной системы, а в боярах, тиунах и в прочем чиновничьем аппарате. Вся эта компания заботилась не об интересах Московского княжества, и тем более «всея Руси», а лишь о своих мелких и корыстных интересах.

Надо ли говорить, что если приедет в Москву новый великий князь из Суздаля, Нижнего Новгорода или Галича, то, естественно, он оставит на своих местах лучших бояр, воевод, тиунов и т. д. И сделает это не из чувства справедливости, а ради собственной выгоды. А вот бездельников и казнокрадов выгонит «подчистую» и заменит их своими людьми из Суздаля и т. д. Таким образом, большинство усобиц на Руси было вызвано не неумным честолюбием и эгоизмом удельных князей, а страстным желанием «аппарата» гарантировать себе несменяемость.

Так стало и с девятилетним Дмитрием. Он был объявлен московским князем, и в начале 1360 г. московский посол отправился в Орду за ярлыком на Великое княжество Владимирское. Однако хан Новруз (Неврузбек?) предпочел передать ярлык его конкуренту — 37-летнему суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, правнуку Андрея Ярославовича. 22 июня 1360 г. Дмитрий Константинович был торжественно посажен на

великокняжеский стол во Владимире.

Но московские бояре не пожелали признать Дмитрия Константиновича великим князем Владимирским. Малолетку Дмитрия Ивановича отправили в Орду. К тому времени хан Невруз был убит заяицким ханом Хидырем (Хидербег). Хи-дырь же был убит своим сыном Темир-Ходжой. И, наконец, Орда разделилась между двумя ханами — Абдулом (Абдал-лахом), именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом (Муратом, Амуратом).

Московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык малолетнему Дмитрию. Есть сведения, что за Дмитрия в Орде хлопотали также его родственники — князья ростовские и тверские, видимо, считавшие, что для них гораздо безопаснее иметь на владимирском столе малолетку, чем взрослого.

Московские бояре посадили на коней всех трех малолеток — Дмитрия, Ивана Ивановича и Владимира Андреевича — и выступили с ними на Дмитрия Суздальского. У Дмитрия Константиновича не было сил защищать Владимир, и татарская рать без боя овладела столицей, а Дмитрий Иванович стал великим князем владимирским.

Но вот в 1363 г. во Владимир к Дмитрию Ивановичу является ханский посол, но не от Мюрида, а от Абдаллаха, с ярлыком на Великое княжество Владимирское. Мол, ярлык Мюрида плохой, а мой самый настоящий, покупай — не прогадаешь! Бояре недолго думали, положение у них шаткое, лучше получить еще один ярлык. Посла проводили «с честью» и богатыми дарами, а малолетний Дмитрий поехал с боярами в Москву.

Узнав о сделке, хан Мюрид пришел в ярость и, чтобы наказать скупщиков поддельных ярлыков, прислал с князем Иваном Белозерским новый ярлык на Владимир Дмитрию Суздальскому. Тот обрадовался и занял владимирский стол, но просидел там только 12 дней, а потом Дмитрий Московский опять пришел на него с большим войском, выгнал из Владимира и осадил в Суздале. Московская рать опустошила окрестности Суздаля.

Воспользовавшись бессилием Орды, московские бояре начали творить беспредел. В летописи под 1363 г. говорится, что Дмитрий Московский «взял свою волю» над князем Константином Ростовским, а князя Ивана Федоровича Стародубского и Дмитрия Галицкого выгнал из их княжеств. Изгнанники убежали к Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Но теперь Дмитрий Константинович узнал силу московской рати и не хотел больше вступать в конфликт со своим тезкой. И когда в 1365 г. ему из Орды опять привезли ярлык на Великое княжество Владимирское, Дмитрий

Константинович категорически отказался. Но можно допустить, что имела место и сделка суздальского князя с московскими боярами.

18 января 1366 г. в Коломне состоялась свадьба пятнадцатилетнего великого князя владимирского Дмитрия Ивановича с двенадцатилетней Евдокией, дочерью Дмитрия Константиновича Суздальского. На свадьбе суздальский князь подарил зятю драгоценный пояс. Поступок вроде бы незначительный и ординарный, до 1917 г. все порядочные люди обеспечивали дочерей приданным. Но 67 лет спустя московские бояре используют этот факт для устройства новой страшной смуты на Руси. А между тем на Руси свирепствовала моровая язва. Умерло много князей: младший брат Дмитрия Московского Иван, ростовский князь Константин, тверские князья Семен Константинович, Всеволод, Андрей и Владимир Александровича, суздальский князь Андрей Константинович. А оставшиеся в живых князья начали споры за выморочные уделы.

Древний Суздаль, подобно Ростову, уже давно утратил свое значение. Старшие князья жили и погребались уже не в Суздале и не в Городце, а в Нижнем Новгороде, уже тогда богатом торговом городе благодаря своему выгодному географическому положению. Старший из Константиновичей — Андрей — княжил в Нижнем, оставив Суздаль младшему — Дмитрию. Но после смерти Андрея нижегородский престол занял самый младший брат — Борис Константинович. Дмитрий не имел сил сам отнять у Бориса Нижний и поэтому послал за помощью в Москву. Дмитрий Московский направил к Константиновичам послов с увещанием помириться и поделить вотчину, но Борис не послушался. Тогда митрополит Алексей отнял нижегородскую и городецкую епископии у суздальского владыки Алексея, и в то же время послом от московского князя в Нижний явился преподобный Сергей, игумен Радонежский. Он позвал Бориса Константиновича в Москву. Но тот отказался, и тогда Сергей по приказу митрополита и великого князя московского затворил все церкви в Нижнем.

После этого на помощь Дмитрию Константиновичу из Москвы было прислано войско. И когда московские полки вместе с войском Дмитрия Константиновича подошли к Нижнему, Борис был вынужден выйти навстречу и с поклоном уступить. Дмитрий помирился с братом, сам сел в Нижнем, а Борис утратил Городец.

В это же время происходит некоторое усиление Рязанского княжества. В 1350 г. рязанским князем (великим князем рязанским) становится Олег, сын рязанского князя Ивана Ивановича Коротопола, убитого в 1343 г. 22 июня 1353 г. рязанское войско под предводительством юного Олега захватило Лопасню — небольшой город на Оке, который при Данииле

Александровиче был захвачен москвичами. Московский наместник в Лопасне, некий Михаил Александрович, был взят в плен, выпорот, а затем за большой выкуп возвращен в Москву. Олег же обратился в Орду с просьбой провести размежевание московских и рязанских земель.

По его просьбе в 1358 г. в Рязань прибыл татарский царевич Махмет-Хожа и послал оттуда великому князю Ивану Ивановичу Красному требование о «разъезде земли Рязанской». Московские бояре по своему обычаю дали крупную взятку ордынскому царевичу, и тот отказался от демаркации границ. Но Лопасня так и осталась за Рязанью.

В 1365 г. на Рязань внезапно напал какой-то татарский князь Тагай. Ему удалось сжечь город, но князь Олег Иванович вместе со своими вассалами, князьями муромским, пронским и козельским, пошел в погоню за татарами и настиг их «мод Шишевским лесом на Воине». И «побиша князи рязанстии татар». В результате «злой сечи» Тагай бежал «во страхе и трепете мнозе быв и недоумевся, что сътворити, видя всех татар избиенных, и тако рыдаа и плача и лице одираа от мно-гиа скорби, и едва в малой дружине убежаща».

Кары со стороны Орды в отношении Рязани не последовало, так как Тагай «сам о себе княжаще» «в Наручадской стране» «по разрушении Ординьском», т. е. самочинно захватил власть в Наровчатской земле во время «замятии» в Орде в 1360–1361 гг., и заступаться за него в Орде не стали.

Примечательно, что в московской летописи муромский, пронский и козельский князья названы «князи рязанстии». Видимо, эти князья были связаны с Олегом Ивановичем до-кончальными грамотами, в которых они признавали его «старшим братом», и, в понимании соседей, их владения входили в Рязанскую землю.

Границы Рязанского княжества в то время проходили по верховьям Дона, у среднего течения реки Воронеж и, возможно, Хопра, не выходя на правый берег Дона. Рязанский князь контролировал торговый путь из Москвы в Сурож и Кафу (Феодосию), который шел через Рязань по Дону. Также под контролем Олега Ивановича находился путь из Москвы-реки через Оку на Волгу. Это был речной путь в Казань, в Булгар и в Сарай.

Рязань была естественным щитом, прикрывавшим Москву. Использовать же Орду против Москвы рязанским князьям было себе в убыток. Ордынское воинство проходило как саранча по земле как врагов, так и союзников. Тем не менее жадные московские бояре всеми силами стремились стравить Дмитрия Ивановича с Олегом Рязанским. Для начала бояре решили поссорить рязанского князя с его вассалом, пронским князем

Владимиром Ярославовичем. Замечу, что в Пронске правила своя династия князей, имевшая с Олегом Рязанским очень дальнего предка — Глеба Ростиславовича Рязанского, умершего в 1177 г.

В «перемирной грамоте» с литовским князем Ольгердом (июль 1371 г.) московские бояре настояли записать великими князьями Олега Рязанского и Владимира Пронского. Как я уже говорил, с начала XIV века князья тверской, московский, суздальский, рязанский и смоленский писались великими князьями, а их вассалы, например дмитровский, можайский, пронский, вяземский и др. — просто князьями или удельными князьями. В Рязанской земле (а Пронск входил в нее) мог быть только один великий князь. Причем решение о том, кто будет великим князем, принимали в Орде. Самовольно, не имея на то законных оснований, москвичи не могли в официальном документе именовать пронского правителя великим князем.

Москва подстрекнула Владимира Пронского ехать в Орду за ярлыком на Великое княжество Рязанское. Претендентов на ханский престол в Орде хватало. В итоге и Олег, и Владимир получили по ярлыку, но от разных претендентов на золо-тоордынский престол. И тут Дмитрий Московский решил силой помочь Владимиру.

В декабре 1371 г. московская рать вторглась в рязанские пределы. До нас дошел текст московского летописца: «Тое же зимы персдъ Рожествомъ Христовымъ бысть побоище на Скор-нищсве съ Рязаньци. Князь великш Дмитрей Ивановичъ, събравъ воя многи и пославъ рать на князя Олга Рязанскаго, а воеводу съ ними отпусти Дмитрея Михайловичя Волынска-го. Князь же Олегъ Рязанскый, събравъ воя многы, и изыде ратью противу ихъ. Рязанци же, сурови суще, другъ къ другу рокота: «Не емлите съ собою доспеховъ, ни щитовъ, ни копья, ниже коего иного оруж'а, но токмо емлите съ собою едины ужища кождо васъ, имже взяти начнете Москвичъ, понеже суть слабы и страшливи и не крепци». Наши же Божіею помощю укрепляющеся смирешемъ и въздыхашемъ, уповаша на Бога крепкаго въ бранехъ, иже не въ силе, но въ правде даетъ победу и одолеше. И сretoшася Рязанци, и бысть имъ бои на Скорнищеве. И поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичи) и его воемъ, и одолеша, а князь Олегъ едва убежалъ... И ссде тогда на княжеши великомъ Рязанскомъ князь Володимсръ Пронскый».

Во время его княжения в Рязани произошло некое народное возмущение, связанное со сбором дани. Судя по всему, рязанцы не хотели платить Владимиру Пронскому ордынский выход, ожидая, что скоро вернется к власти Олег Иванович и, естественно, возьмет дань повторно. И они не просчитались. Княжил Владимир недолго: «Въ лето 6880 князь

Оле́гъ Ряза́нский, събравъ воя, приде ратью на Ряза́нь изгономъ, на князя Володимера Проньскаго, и согна его, а самъ седе на княженш на великомъ».

Вернул Олег Иванович свое княжение с помощью мурзы Солохмира из улуса Мохши. После чего Солохмир и еще несколько эмиров этого улуса перешли на службу к рязанскому князю. Об этом сообщается в родословных грамотах потомков Солохмира — Апраксиных, Хитровых и других, а также потомков Шая — Бугаковых, Голицыных, Татищевых и др.

Победив, Олег Иванович «изыма зятя своего князя Володимера Дмитриевича Пронского и приведе в свою волю». Из этой «воли» пронский князь уже не выходил до своей кончины, а умер он зимой 1373 г.

Замятия в Орде позволила московскому боярству безнаказанно вести непрерывные войны с соседями — Тверью, Литвой, Господином Великим Новгородом, Нижним Новгородом и т. д. Когда московские рати оказывались бессильными, Дмитрий Иванович прибегал к помощи митрополита Алексея. Тот грозил непокорным князьям проклятием, «затворял» у них церкви и т. д. Замечу, результаты действий московского клира были не хуже, чем у воевод. Поражает лишь зацикленность остальных русских князей и их клира. Ведь, в Западной Европе в XIII–XVI веках очень много государей воевало с римскими папами. Неужели нельзя было добиться от константинопольского патриарха назначения независимых митрополитов в Твери, Рязани и особенно в Господине Великом Новгороде. И патриархи, и византийские императоры нуждались буквально в каждой копейке, и если уж пошли на унию с Римом на Флорентийском соборе, то ввести митрополию, к примеру в Новгороде, им было раз плюнуть.

Спору нет, русские князья и иерархи церкви не раз жаловались патриарху на бесчинства Алексея. Того вызывали на суд в Константинополь, куда он, естественно, не ездил. Тогда еще при жизни Алексея патриарх послал на Русь нового митрополита Киприана.

Возможно, объективное изложение фактов режет ухо части читателей, которые привыкли воспринимать все действия московских владык как благодеяния ради великой цели — соединения русских земель.

Однако, на мой взгляд, ни одного документального подтверждения, что Иван Калита и его потомки до Василия II включительно мечтали о «великой России», попросту нет. Все они думали лишь о сиюминутных выгодах. Риторический вопрос, почему хулят русских князей за то, что они не хотели оставлять земли своих дедов и идти добровольно в Московское княжество, а население их княжеств не желало помимо татарского ярма

получить еще и московское? Вот, к примеру, некий Юрий Лощиц пишет: «Олег (Рязанский. — А.Ш.) способен был сузить зрение на какой-то одной точке, надолго забыть напрочь про все остальное, про русское целое, которое больше Рязани, больше Москвы. Для него Москва, как и для многих его современников, все еще была одним из русских княжеств, ничем качественно от них не отличающимся. Ей просто везло и везет, но все это может сто раз измениться, нперед выступят другие, но и они возобладают лишь на время, условно, по указке ли Орды, по внутреннему ли согласию княжества-соседа».^[126]

А вот пассаж о Господине Великом Новгороде: «Дань с них берут немалую? Так и со всех берут, даже с самых захудалых, безлапотных тверских да ростовских мужичишек. Разве то дат., что с новгородцев взимается? Они с каждой гривны огрызок за щеку прячут, сундуками все хоромы заставлены, так что и гостю ступить негде. И все недовольны Москвой. Да куда они денутся без Москвы-то в своем скудоумии? Сколько раз им Москва по первой же просьбе помощь посылала — от немца, от шведа, от той же Литвы, с которой нынче шушуку-ются... Нет, что ни говори, а легкомыслый народ новгородцы, заелись нолей-то, упились ею как балованным медом, совесть спюю с волховского моста на дно спустили... Ну так что ж! Не хотят по-доброму, можно и по-сильному».^[127]

Лх, какие бескорыстные люди московские князья — защищают Новгород и Псков от врагов! Но почему же тогда, не полу ч н и достойной платы за защиту, не откланяться, а надо обирать вольные города, а их население делать своими холопами? То, что Александр Невский один раз спас Псков от немцев, сейчас знает каждый школьник, а литовского князя

Довмонта, десятки раз спасавшего Псков от врагов, знает лишь узкий круг историков. И это при том, что Александр Невский стал святым — по указу московских князей, а потом Петра 1, а вот Довмонт стал буквально народным святым, и чтят его простые люди без указаний сверху более пяти столетий. Вот, к примеру, в конце XVII века казаков на Амуре окружило богдыханово войско. Помолились казаки святому Довмонту и побии противников.

Хорошую отповедь дал известный историк А.А. Зимин в книге «Витязь на распутье». Замечу, что написал он ее в разгар «застоя», в начале 1970-х годов. Писал, естественно, «в стол», и опубликована книга была лишь в 1991 г.

«Панегиристы разных родов внушали читателям, что все было ясно и предопределено. «Москве самим Богом было предназначено стать «третьим

Римом»», — говорили одни. «Москва стала основой собирания Руси в силу целого ряда объективных, благоприятных для нас причин», — поучающе разъясняли другие.

О первых — что говорить! Хочешь верь, хочешь нет. А вот о вторых — стоит. При ближайшем рассмотрении все их доводы оказываются презумпциями, частично заимствованными из общих исторических теорий, выработанных на совсем ином (как правило, западноевропейском) материале. Главная из них заключается в том, что создание прочного политического объединения земель должно было произойти вследствие определенных экономических предпосылок — например, в результате роста торговых связей. Указывалось еще на благоприятное географическое положение Москвы, и, наконец, отмечалась роль московских князей в общенациональной борьбе с татарами. Эти два объяснения не соответствуют действительности. Никаких «удобных» путей в районе Москвы не существовало. Маленькая речушка Москва была всего-навсего внучкой-золушкой мощной Волги. Поэтому города на Волге (Галич, Ярославль, Кострома, Нижний) имели гораздо более удобное географическое (и торговое) положение.

М.К. Любавский писал, что древнейшее Московское княжество сложилось на территории, обладавшей «сравнительно скудными природными ресурсами. Здесь относительно мало было хлебородной земли — преимущественно на правой стороне р. Москвы; не было таких больших промысловых статей, какие были в других княжествах, — соляных источников, рыбных рек и озер, бортовых угодий и т. д.». Транзитная торговля (о роли которой писал В.О. Ключевский) едва ли могла захватить широкие массы местного населения, тем более что начала и концы путей, по которым она велась, не находились в руках московских князей. Москва, писал П.П. Смирнов, «как торговый пункт не обладал преимуществами в сравнении с такими городами, как Нижний Новгород или Тверь».

Не был Московский край и средоточием каких-либо промыслов...

Ну а Москва? В районах, прилегающих непосредственно к ней, не было никаких богатств — ни ископаемых, ни соляных колодезей, ни дремучих лесов. «В результате хищнического истребления лесов, — писал С.Б. Веселовский, — строено и лес в Подмоскovie, главным образом сосна и ель, уже в нерпой половине XVI в. стал редкостью». Уже в 70-х годах XV и. появляются заповедные грамоты, запрещающие самовольную порубку леса.

Дорогостоящий пушной зверь был выбит. Только на юго-востоке Подмоскovie сохранилась менее ценная белка. В первой четверти XV в. в

последний раз в Подмосковье упоминаются бобры (на реке Воре). Поэтому зоркий наблюдатель начала XVI в. Сигизмунд Герберштейн писал, что «в Московской области нет... зверей (за исключением, однако, зайцев)».

Наиболее значительные места ловли рыбы располагались по крупным рекам, особенно по Волге, Шексне, Мологе, Двине, а также на озерах — Белоозере, Переславском, Ростовском, Галицком и др...

Москва не была и тем единственным райским уголком для тех, кто желал скрыться от ордынских набегов, приводивших к запустению целых районов страны (таких, как Рязань). Место было небезопасное: татары не раз подходили к Москве, Владимиру, Коломне и запросто «перелезали» через Оку. Гораздо спокойнее чувствовали себя жители более западных (Тверь) или северных (Новгород) земель». [\[128\]](#)

Что же возвысило Москву? Совокупность случайных и закономерных факторов. Случайные факторы не стоит перечислять, их читатель найдет в книге более чем достаточно. Основных же, по моему мнению, закономерных фактора три: умелое использование московскими князьями «татарского батога»; приручение митрополитов и использование их в качестве тяжелой артиллерии в борьбе с конкурентами; и большая на порядок беспринципность и жестокость по сравнению с другими князьями.

Но вернемся к противостоянию Руси и Орды.

В 1367 г. татарский отряд, предводительствуемый Булатом (Пулад-Темиром), напал на нижегородские владения, но с большим уроном был отогнан нижегородским князем Дмитрием Константиновичем за реку Пьяну. Булат прибежал в Золотую Орду и был там убит ханом Азизом (Озизом), преемником Мюрида.

В 1370 г. Дмитрий Константинович с братом Борисом, сыном Василием и ханским послом Ачихожею (Хаджи Ходжа) ходил войной на болгарского князя Асана (Хасана). Тот вышел им навстречу с поклоном и богатыми дарами. Дмитрий дары взял, но на княжение посадил Салтана, сына Бака.

В 1373 г. татары из Орды Мамай опустошили Рязанское княжество. Войско Дмитрия Ивановича все лето простояло на московском берегу Оки, но на помощь рязанцам так и не пришло. По мнению наших историков, это мудрая политика в интересах Руси, а вот когда Олег Рязанский отказался помочь Москве в борьбе с татарами, то оказался «предателем».

В 1374 г. Мамай отправил в Нижний Новгород посла Сары-аку (Сарайку, по русским летописям) с конвоем из полутора тысяч всадников. Цель визита — выбить побольше денег. Но горожане, с санкции ли князя Дмитрия Константиновича или нет, сие нам неведомо, перебили татар, а

Сарайку взяли в плен. В ответ на избиение посольства отряды Мамаю повоевали нижегородские волости — Киш и Запьянье.

Зимой 1376 г. войска Московского и Нижегородского княжеств (московскую рать возглавлял сын Корьята-Михаила Ге-деминовича Дмитрий Боброк, перешедший на службу в Москву, нижегородскую — сыновья Дмитрия Константиновича Василий и Иван) отправились в поход «на Болгары». Любопытно, что татарский историк З.З. Мифтахов утверждает,^[129] что русские князья пошли в поход на Казань по приказу Мамаю, так как болгарский эмир Азан отказался платить дань Золотой Орде. 16 марта 1377 г. русская рать подступила к Казани.^[130] Далее по версии С.М. Соловьева, основанной на русских летописях, события развивались так: «Казанцы вышли против них из города, стреляли из луков и самострелов. Другие производили какой-то гром, чтоб испугать русских, а некоторые выехали на верблюдах, чтоб переполошить лошадей. Но все эти хитрости не удались: русские вогнали неприятеля в город, и князья казанские Асан и Магомет-Солтан принуждены были добить челом великому князю; заплатили тысячу рублей Димитрию московскому, тысячу новгородскому, три тысячи воеводам и ратным людям; кроме того, летописец говорит, что русские посадили в Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенников».^[131]

А нот З.З. Мифтахов, согласно болгарским летописям, описывает все иначе: «Москвичи захватили с собой заложника эмирского даругчина в Москве Гусмана, а нижегородцы — Са-тылмыш. Гусман одновременно занимался «торговлей бобрами и меховыми одеждами», а Сотылмаш был не только даругчином, но и главным эмирским таможенником на Руси.

Когда русские войска подошли к Казани, то москвичи с ходу бросились на штурм казанских стен. Однако очень скоро они «обратились в паническое бегство». Дело в том, что болгары «ударили из неизвестных русским пушек». Поскольку русские не слышали, как грохочут пушки, то летописец записал так: казанцы «производили какой-то гром, чтобы испугать русских».

Когда русские воины панически побежали от городских стен, «Марджан стремительно вылетел из города со своими казаками и рубил москвичей до Ягодного леса». В это время нижегородцы находились в Ягодном лесу и «с полным безразличием наблюдали за происходящим» до тех пор, пока их князь не приказал им выйти на опушку леса. Однако через некоторое время они снова вошли в лес. Когда стало ясно, что выманить нижегородцев из леса не удастся, Марджан вошел в город. После этого

москвичи и нижегородцы, двигаясь медленно, с большими предосторожностями, подошли к городу...

Когда русские войска приблизились второй раз к стенам крепости со стороны Булака, позади них появилась конница Енейтека. И вскоре семь тысяч русских пехотинцев оказались в кольце окружения. Они «укрылись за своими возами». Тем временем русская конница отошла к внешнему посаду Биш-Булте и не давала Енейтеку раздавить окруженных...

Когда противостояние в окрестностях Казани стало приближаться к критической точке, воеводы вступили в переговоры. Договорились о следующем: воеводы согласились заплатить по *ермаку* за каждого оставшегося в живых русского пехотинца. Когда требуемую сумму привезли из Нижнего Новгорода, Енейтек открыл дорогу для отхода русских войск. Пехота стала уходить под прикрытием своей конницы.

До крепости Лачык-Уба (совр. Лыского в Нижегородской губернии) русские войска сопровождал со своим отрядом Енейтек. При нем находились в качестве заложников двое русских воевод, попавшие в плен. В окрестностях крепости Лачык-Уба русские отпустили Гусмана и Сатылмышу, а болгары — двух воевод.

Летописец, а за ним и С.М. Соловьев описали эти события с точностью до наоборот». ^[132]

В 1377 г. в Москве узнали, что в Булгарские земли откочевал Арабша (Арабшах), младший брат хана Синей Орды Уруса ^[133] с четырьмя тысячами киргизов. Дмитрий Иванович тотчас собрал большое войско и пошел на помощь к тестю, нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу. Но войска Арабшаха было не видно, и Дмитрий Иванович возвратился в Москву, оставив своих воевод с владимирскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими полками. К ним присоединилось и нижегородское войско под началом молодого князя Ивана.

Объединенное войско двинулось к реке Пьяне, где воеводы получили весть, что Арабшах еще далеко, на реке Волчьих Воды, притоке Донца. И воеводы расслабились, снимали доспехи, поубирали их в телеги. Рогатины и копья также не были еще насажены, не были готовы щиты и шлемы. Было это в конце июля, стояла сильная жара, и ратники разъезжали, «спустивши платье с плеч, расстегнувши петли, растрепавшись, точно в бане». Если где удавалось достать пиво и мед, то напивались допьяна и бахвалились, что каждый из них побьет и сто татар. Князь, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ездили на

охоту, пировали, да козни друг против друга строили.

А и это время мордовские князья тайно подвели войско Арабшаха. Всего у него было 9 тысяч всадников: 5 тысяч болгар и 4 тысячи киргизов. Арабшах разделил войско на пять полков и 2 августа 1377 г. неожиданно ударил со всех сторон на русское войско.

После непродолжительной схватки русские побежали к реке Пьянс. Нижегородский князь Иван Дмитриевич утонул при переправе вместо со множеством бояр, слуг и простых ратников, а остальные были перебиты татарами.

Арабшах подошел к Нижнему Новгороду, из которого князь Дмитрий Константинович сбежал с Суздаля, а горожане разбежались на судах по Волге к Городцу. Татары перехватили тех, кто не успел спастись, сожгли город, опустошили окрестности и ушли назад.

В том же году Арабшах пограбил и земли за Сурою (Засу-рье), потом перебил русских гостей, а затем неожиданно явился под Рязанью, взял ее, причем сам князь Олег Рязанский, раненный стрелой, еле вырвался из татарских рук.

После похода на Русь Арабшах некоторое время побыл в Булгарии, а в начале 1380 г. отправился со своими киргизами кочевать к Черному морю. Мамай согласился пропустить его орду, но одновременно вступил в переговоры с киргизским князем из окружения Арабшаха. В результате заговорщики убили Арабшаха при переправе через Дон. Убийцы объявили воинам, что хан Арабшах утонул в водах Дона. Однако князь по имени Шанкар, который случайно оказался свидетелем убийства шаха, рассказал воинам правду. После этого войско раскололось на две группы: одна часть, численностью до двух тысяч человек, во главе с Шанкаром ушла в Волжскую Булгарию, а другая, численностью в тысячу человек, вместе с заговорщиками перешла на службу к Мамаю.

Надеясь, что после поражения на реке Пьяне Нижегородское княжество осталось без защиты, мордовские князья решили попытать счастья против русских, неожиданно приплыли по Волге в Нижегородский уезд и пограбили все, что осталось после татар. Но князь Борис Константинович настиг мордву у реки Пьяны и разбил — одни потонули, другие были перебиты.

Но московский и нижегородский князья этим не ограничились, и зимой 1377–1378 г., несмотря на страшные морозы, нижегородское войско под началом князей Бориса Константиновича и Семена Дмитриевича и московское войско под началом воеводы Свибла вошло в Мордовскую землю и «сотворило ее пусто», как выразился летописец. Приведенных в

Нижний Новгород пленников казнили, травили собаками на льду на Волге.

В 1378 г. татары вдруг опять объявились на Волге перед Нижним. Князя Дмитрия Константиновича в то время не было в городе, а жители разбежались. Приехав к Нижнему из Городца, князь увидел, что нельзя отстоять город, и послал татарам откуп. Но татары откупа не взяли и сожгли Нижний, потом разграбили весь уезд и Березовое поле.

Разделавшись с Дмитрием Нижегородским, Мамай отправил князя Бегича с большим войском на Дмитрия Московского. Но тот, узнав о приближении татар, собрал большое войско и выступил на Орду в Рязанскую землю, где и встретился с Бегичем на берегах реки Вожи.

Вечером 11 августа 1378 г. татары переправились через Вожу и помчались на русские полки. С одного фланга на них ударил князь Даниил Пронский, с другого — московский окольничий Тимофей, сам же князь Дмитрий пошел на них с фронта. Татары не выдержали натиска, побросали копья и бросились бежать за реку, при этом множество их перетонуло и было перебито.

Наступившая ночь помешала преследованию татар, а утром был сильный туман, так что только к обеду русские полки двинулись вперед и вскоре захватили в степи весь татарский обоз.

Мамай собрал остатки своего войска и в сентябре 1378 г. нанес сильнейший удар по рязанским землям: татары сожгли Переяславль, взяли Дубок. Олег бежал на московскую сторону Оки. Никоновская летопись добавляет: «Олег же Рязанский по отшествии татарском виде землю свою пусту и огнем сожжену, и богатства его все и имение татарове взяша и опечалился зело, и мало что людей от того же полону татарского избежавше начаша вселитися и жилища сотворяти в земле Рязаньской, понеже вся земля бысть пуста и огнем сожжена».

В июле 1380 г. в Москву пришла грозная весть: войско хана Мамай подошло к реке Воронежу — условной границе между русскими и ордынскими землями. Следствием похода Мамай на Русь стала грандиозная Куликовская битва, «переломившая хребет Золотой Орде».

Уже сама эта фраза, вошедшая во все школьные учебники истории, сомнительна — любое животное или человек с переломанным хребтом (позвоночником) парализуется и живет в лучшем случае несколько часов. Каким же образом Русь платила дань еще сто лет государству с переломанным хребтом?

Историк В. Шавырин справедливо заметил: «Книгами, посвященными Куликовской битве, можно выложить все поле, на котором она произошла».

[\[134\]](#) Однако «почти все написанное восходит к трем первоисточникам:

краткой Летописной повести, поэтической «Задонщине» и риторическому «Сказанию о Мамаевом побоище».^[135]

Итак, Мамай идет на Русь с войском. Первые два традиционных вопроса — сколько у него войск и какова цель похода — больное место наших историков. Корифей и главный начальник нашей исторической науки Б. Рыбаков утверждал, что у Мамаея более 300 тысяч человек,^[136] М.Н. Тихомиров считает, что их было 100–150 тысяч, Р.Г. Скрынников, В.А. Кучкин ограничиваются 40–60 тысячами и т. д.

На второй вопрос подавляющее большинство историков отвечает однозначно. Мамай-де хотел стать вторым Батыем, покарать великого князя московского Дмитрия Ивановича за многолетнюю невыплату дани, истребить русских князей и заменить их ханскими баскаками и т. д.

Спору нет, столь эффектная угроза Руси нравится обывателю, разумеется русскому, а не татарскому. Но откуда у Мамаея силы на такое грандиозное мероприятие, на которое не решились ни Берке, ни Тохта, ни Узбек, не говоря уж о других ханах Золотой Орды? А ведь Мамай в 1380 г. контролировал в лучшем случае лишь половину Золотой Орды, остальным же владел его конкурент Тохтамыш. Причем Тохтамыш был Чингизидом и настоящим ханом, а темник Мамай — самозванцем, захватившим престол.

Нетрудно догадаться, что в такой ситуации Мамаю нужно было решить проблему Тохтамыша, а затем заниматься русскими делами. Да и великий князь Дмитрий Иванович не платил дань не потому, что он стал таким сильным, а из-за «замятия в Орде», когда попросту неясно было, кому платить, а кому нет. Победил бы Мамай Тохтамыша, и через несколько недель прибежал бы ханский улусник Дмитрий Московский с огромной калитой, полной золотых и серебряных монет. Кстати, так и случилось сразу же после Куликовской битвы, только улусник Дмитрий стал платить Тохтамышу.

Увы, нравится кому или не нравится, а, по моему мнению, ходил Мамай на Русь за... «зипунами», то есть попросту подкормиться и приодеть свою орду, а на награбленные деньги нанять еще войско.

По непонятным причинам Мамай простоял около месяца в устье реки Воронеж и упустил момент внезапности. Дмитрий Иванович успел собрать не только свое войско, но и союзных князей — ростовских, ярославских, белозерских и стародубских. К нему прибыли со своими дружинами и литовские князья — сыновья Ольгерда Андрей и Дмитрий.

С. М. Соловьев утверждал, что «князь тверской прислал войско с племянником своим Иваном Всеволодовичем Холмским».^[137] На самом

деле, тверские полки не участвовали в Куликовской битве, а Иван Всеволодович, удельный князь холмский, хоть и был вассалом великого князя тверского, но имел какие-то личные отношения с Дмитрием Московским и в конце концов в 1397 г. женился на его дочери Анастасии.

Не прислал войско и Господин Великий Новгород. Много споров среди историков вызывает и позиция Олега Рязанского, который также не прислал свою рать Дмитрию. Численность русского войска оценивается разными историками от 150 тысяч (С.М. Соловьев, Б.А. Рыбаков и др.) до 36 тысяч человек (А.А. Кирпичников).

Дмитрий Иванович, еще не Донской, отправил сторожей (разведку) в степь наблюдать за Мамаем, а местом сбора войск определи Коломну, куда войска должны были подойти до 15 августа.

Перед выступлением из Москвы Дмитрий Иванович отправился в Троицкий монастырь, недавно основанный пустынником Сергием. Сергей благословил Дмитрия на войну, устроил пару небольших чудес, пообещал победу, хотя и через сильное кровопролитие, и отпустил с ним в поход двух монахов Пересвета и Ослябя. Пересвет был брянским боярином, и оба монаха в миру были славными витязями.

Оставив в Москве при жене и детях воеводу Федора Андреевича, Дмитрий Иванович выехал в Коломну. Русское войско выступило из Коломны 20 августа. Вскоре оно достигло устья Лопасни, то есть вышло к месту предполагаемого соединения Мамае, литовцев и рязанцев и перерезало главный Муравский шлях, которым татары обычно ходили на Москву. Затем последовала переправа войска через Оку и его движение в глубь Рязанской земли.

После переправы через Оку Дмитрий получил весть о том, что Мамай все еще «в поле стояща и ждуща к себе Ягайла на помощь рати литовская». Русское командование тогда, вероятно, приняло решение идти навстречу Мамаю к верховьям Дона.

Впереди русского войска шла конница, а пехота сильно отставала. В статье Александра Быкова и Ольги Кузьминой «Олег Рязанский» приводится достаточно убедительное доказательство того, что Олег Рязанский пассивно оказывал помощь Дмитрию Ивановичу. Он еще в июле — августе мог перебить московских сторожей, ездивших через его княжество следить за Мамаем. После переправы через Оку русское войско шло частями, и Олег мог атаковать отдельные отряды, например отставшую пехоту, которую вел Тимофей Васильевич Вельяминов.

Тем не менее С.М. Соловьев изволил написать: «Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: «Как скоро князь Димитрий услышит о нашествии

Мамаю и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части — одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего».^[138]

При этом Соловьев так и не уточнил, кто это «говорит». Может, ему во сне явился сам Дмитрий Иванович и поведал сию тайну?

На самом же деле у наших историков не было и нет достоверных данных о походе и намерениях Ягайло. Литовский князь действительно шел к Дону, но не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Ивановича — черниговских князей. Естественно, что через враждебные земли литовское войско шло с боями.

Видимо, Ягайло и не торопился соединиться с Мамаем, ему было гораздо важнее использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего влияния в землях бассейна верхней Оки. В «Летописной повести» говорится, что литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едином днице или менши», то есть, находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. А по «Сказанию о Мамаевом побоище» выходит, что Ягайло дошел до Одоева, находившегося в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении войска Дмитрия Ивановича к Дону, «пре-бысть ту оттоле неподвижным». Вполне возможно, что Ягайло просто хотел защитить свои земли от татар. И тогда, и позже татарские ханы часто шли на Русь, а потом сворачивали и нападали на Литву, и наоборот.

Тем не менее Соловьев сделал хорошую и добросовестную выжимку о Куликовской битве из трех вышеупомянутых источников. Поэтому я и приведу ее с небольшими сокращениями.

6 сентября 1380 г. русские войска достигли Дона. «Тут приспела грамота от преподобного игумена Сергия, благословение от святого старца идти на татар; «чтоб еси, господине, таки пошел, а поможет ти бог и святая богородица», — писал Сергей. Устроили полки, начали думать; одни говорили: «Ступай, князь, за Дон», а другие: «Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва и рязанцы». Дмитрий принял первое мнение и велел мостить мосты и искать броду; в ночь 7 сентября начало переправляться войско за Дон; утром на другой день, 8 сентября, на солнечном восходе был густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки строились уже за Доном, при устье Непрядвы. Часу в двенадцатом начали показываться татары; они спускались с холма на широкое поле Куликово; русские также сошли с холма, и сторожевые полки

начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала, как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и известного уже нам воеводы московского, Дмитрия Михайловича Во-лынского-Боброка. Владимир, видя поражение русских, начал говорить Во-лынскому: «Долго ль нам здесь стоять, какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки мертвы лежат». Но Во-лынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Но через несколько времени ветер переменился. «Теперь пора!» — сказал Во-лынский, и засадное ополчение бросилось на татар. Это появление свежих сил на стороне русских решило участь битвы: Мамай, стоявший на холме с пятью знатнейшими князьями и смотревший оттуда на сражение, увидел, что победа склонилась на сторону русских, и обратился в бегство; русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич стал на костях и велел трубить в трубы: все оставшиеся в живых ратники собрались на эти звуки, но не было великого князя Дмитрия; Владимир стал расспрашивать: не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко раненного, и потому должно искать его между трупам; другие, что видели, как он отбивался от четырех татар и бежал, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь раненый пешком возвращался с боя. Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтоб все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Войско рассеялось по полю: нашли труп любимца Дмитриева Михаила Андреевича Бренка, которого перед началом битвы великий князь поставил под свое черное знамя, велел надеть свои латы и шлем; остановились над трупом одного из князей белозерских, похожего на Дмитрия, наконец, двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Дмитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем: панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны». [\[139\]](#)

В битве погибли князь Федор Романович Белозерский и его сын Иван, князь Федор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, двенадцать бояр, а также много тысяч простых ратников.

Примерно так же описывают Куликовскую битву и другие авторы, добавляя в большей или меньшей степени своей фантазии. Так, в книге «Куликовская битва»^[140] в одноименной статье Л.Г. Бескровный дает карту движения русских и татарских войск, а также три (!) схемы Куликовской битвы (1-й, 2-й и 3-й этапы). Риторический вопрос, откуда взял сии схемы доктор исторических наук, профессор и обладатель еще дюжины титулов?

Да, действительно, профессор Бескровный лет 30 занимался исключительно военной историей России и приблизительно через каждые 5 лет выпускал монографии. Но, к примеру, пусть кто-нибудь на пари поймет, что он писал в очередном томе «Русская армия и флот в XIX веке» о вооружении русской армии и флота во второй половине XIX века. То же самое и с Куликовской битвой.

Если говорить честно, то сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 году под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Сне-жедь до Дона) и на 20–25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Любитель-турист спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто.

Жил-был в начале XIX века дворянин С.Д. Нечаев — директор училищ Тульской губернии, тульский помещик, масон, декабрист, член «Союза благоденствия», близкий знакомый К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева. Как и все декабристы, он проявлял большой интерес к борьбе русского народа против Орды.

В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году».

Надо ли говорить, что место битвы нашлось на земле богатого помещика С.Д. Нечаева.^[141] В 1821 г. в журнале «Вестник Европы» (ч. 118, № 14, с. 125–129) Нечаев писал: «Куликово поле, по преданиям историческим, заключалось между реками Непрядвою, Доном и Мечею. Северная его часть, прилегающая к слиянию двух первых, и поныне сохраняет между жителями древнее наименование». Далее Нечаев указывает на сохранившиеся «в сем краю» топонимы — село Куликовка, селцо Куликово, овраг Куликовский и др. В этих местах, по словам

Нечаева, «выпахивают наиболее древних оружий, бердышей, мечей, копий, стрел, также медных и серебряных крестов и складней. Прежде соха земледельца отрывала и кости человеческие». Но «сильнейшим доказательством» (отметим это) своего мнения автор полагал «положение Зеленой дубравы, где скрывалась засада, «решившая кровопролитную Куликовскую битву». По мнению Нечаева, остатки дубравы и теперь существуют в дачах села Рожествена, или Монастырщины, «лежащего на самом устье Непрядвы».

Авторы книги «Загадки древней Руси» камня на камне не оставили от аргументов Нечаева. Цитирую: ««Сильнейшее доказательство» Нечаева о местоположении «Зеленой дубравы» вообще не выдерживает никакой критики. С чего Нечаев взял, что «Зеленая дубрава» — имя собственное? Да, в памятниках Куликовского цикла упоминается «дубрава» или «зеленая дубрава», скрывавшая засадный полк князя Владимира Серпуховского, но и что? У нас в России летом все дубравы зеленые. Откуда следует, что «зеленая дубрава» — имя собственное?

Предметы, найденные Нечаевым на Куликовом поле (где именно? в каком месте?) и опубликованные им в «Вестнике Европы» в 1821 г., многократно воспроизводились и продолжают воспроизводиться в различных изданиях, посвященных Куликовской битве. Однако мы нигде не нашли никаких комментариев, интерпретирующих эти находки (кроме комментариев самого Нечаева, который все чохом датирует временем Куликовской битвы).

Мы обратились за помощью к известному археологу, члену-корреспонденту РАН, доктору исторических наук А.К. Станюковичу с просьбой прокомментировать находки Нечаева. Вот его интерпретация находок.

- 1 — стрелецкий бердыш, вторая половина XVI–XVII в.;
- 2 — наконечник татаро-монгольской стрелы («срезень»), XIII–XР/в.;
- 3 — крест нательный, середина XVII в.;
- 4 — крест нательный, XIV–XVI в.;
- 5 — крест нательный («вырожденный энколпион»), датированные находки относятся к XV в.;
- 6 — створка креста-энколпиона, конец XII — первая половина XIII в., южная Русь (Киев?);
- 7 — иконка-энколпий, XIV век, Новгород;
- 8 — нагрудный образок с изображением Святого Федора Стратилата, XII в.

Как видим, только два из восьми предметов можно с натяжкой считать

относящимися ко времени Куликовской битвы. При этом новгородская иконка-энколпий вовсе не обязательно связана с событиями 1380 года — известно, что находящаяся на Куликовом поле деревня Пруды «тесно связана с селом Новгородским, бывшим когда-то собственностью Новгородских владык, и, в свою очередь, выселена из Новгородской земли». (Нечаева А.А. Берега реки Непрядвы в их прошлом. «Тульский край» № 1–2 (8–9), февраль 1928 г. с. 47).

Что же касается утверждений Нечаева о каких-то массовых находках «старинных оружий» на облюбованном им месте Куликовской битвы, то этих находок никто, даже сам Нечаев, не видел, так что оставим это утверждение без комментариев». [\[142\]](#)

Следует заметить, что при отражении набегов крымских татар в течение всего XVI века в районе Куликова поля происходили десятки сражений и стычек русских и татар. Тем не менее на Куликовом поле (в его широком понимании) было найдено сравнительно немного оружия. Причем находки были почти равномерно распределены как территориально, так и хронологически — от XI до XVII века. (Не могут же чугунные ядра, свинцовые пули и даже кремневый пистолет относиться к 1380 году!) Самое же удивительное, что на Куликовом поле, и в узком, и в широком смысле, не было найдено групповых захоронений воинов.

Очень странна и роль Дмитрия Московского в Куликовской битве. В «Сказании о Мамаевом побоище» главная роль в сражении отводится не Дмитрию, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Хуже другое — согласно всем трем источникам Дмитрий отказался управлять войсками.

Дмитрий Донской якобы еще перед сражением «съялече с себя приволоку царьскую» и возложил ее на любимого боярина Михаила Андреевича Бренка, которому передал также и своего коня. Великий князь также повелел свое красное («чермное») знамя «над ним (Бренком) возити». [\[143\]](#)

Так себя не вел ни один русский князь. Наоборот, авторитет князя в IX–XV веках на Руси был так велик, что часто ратники не хотели идти воевать без князя. Поэтому, если взрослого князя не было, в поход брали княжича. Так, трехлетнего князя Святослава Игоревича посадили на лошадь и велели метнуть маленькое копье. Копье упало у ног лошади, и это стало сигналом к началу битвы. Да что вспоминать X век, самого Дмитрия в начале его княжения в 10–15 лет московские бояре неоднократно возили в походы.

Не было аналога поведению Дмитрия Донского и в Западной Европе. Ни один король, герцог или граф не переодевался простым ратником. По сему поводу профессор Казанского педагогического университета И.А. Гафаров писал: «С кем же князь менялся своим княжеским одеянием? Оказывается, им был боярин Михаил Андреевич Бренк, которого, как уверяют современники, он (Дмитрий Донской) любил, а между тем не пожалел подвергнуть опасности за себя самого, то есть просто послал на верную гибель. Дмитрий передел своего боярина великим князем с той целью, чтобы сохранить себя от преждевременной гибели и еще более от позорного плена, потому что татары, узнав великого князя по знамени и по приволоке (плащу), приложили бы все усилия, чтобы схватить его. Иного побуждения быть не могло (точно так же поступил и персонаж книги «Живые и мертвые» К. Симонова полковник Баранов, который, боясь попасть в плен, сжег свою гимнастерку, партбилет и переоделся в форму рядового бойца)». [\[144\]](#)

И действительно, любой командир Красной Армии, от лейтенанта до маршала, повторивший действия Дмитрия Донского, однозначно был бы расстрелян военным трибуналом или даже без суда и следствия.

Наконец, действия Дмитрия Донского технически сложны. «Легенда о переодевании Дмитрия Донского поражает своими несообразностями. Трудно поверить, чтобы князь мог отдать любимого коня кому бы то ни было. Боевой конь значил для воина слишком много, чтобы менять его за считанные минуты до сечи. Конь мог вынести седока с поля боя, либо погубить его. Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был отлично подогнан к его фигуре. Менять его также было бы делом безрассудным». [\[145\]](#)

Полностью исключить возможность того, что Дмитрий Донской оказался под срубленным деревом, нельзя. Так, профессор З.З. Мифтахов пишет: «Когда великий князь Дмитрий Иванович, ставший с самого начала битвы простым воином, «увидел гибель своего левого крыла, то в ужасе бросился скакать прочь со своими ближайшими боярами». Далее случилось непредвиденное. Дело в том, что великий князь и его сподвижники приблизились к лесу, где в засаде (поскыне) находился Засадный полк. Деревья, росшие на краю леса, «были подрублены для быстрого устройства завала в случае вражеского прорыва». Когда Дмитрий Иванович со своими ближайшими боярами стал въезжать в лес, «бывшие в засаде приняли его за татарина и свалили на него подрубленное дерево, но бск (князь) все же остался жив». После окончания боя его долго искали. Дмитрия Ивановича

«нашли без сознания под срубленным деревом».^[146]

Однако куда более вероятно то, что великий князь решил вообще не участвовать в бою, а отсидеться где-нибудь подальше, чтобы в случае неудачи иметь больше шансов уйти целым и невредимым. Кстати, через два года он так и поступит: бросит Москву и убежит на север при приближении Тохтамышевой рати.

Не следует забывать, что в тылу московского войска стояли рати Ягайло и Олега Рязанского. В случае победы татар они могли напасть на бегущих москвичей. Кстати, так, видимо, и случилось, на что обратили внимание в своей статье «Олег Рязанский» А. Быков и О. Кузьмина. «Никоновская летопись повествует о событиях после битвы так: «Поведаша же великому князю Дмитрею Ивановичю, что князь Олег Рязанский посылалъ Момаю на помощь свою силу, а самъ на реках мосты переметал, а хто поехал домой з Доновского побоища сквозь его вотчину, Рязанскую землю, бояре или слуги, а тех велел имати и грабити и нагих пущати. Великий же князь Дмитрей Иванович хоте противу на князя Олга послати свою рать; и се внезапу приехаша к нему бояре рязанский и поведаша, что князь Олегъ повергль свою землю Рязанскую, а самъ побежа, и со княгинею, и з детми, и з бояры, и молиша его много о семъ, дабы на них рати не послал, а сами ему биша челомъ в ряд, и оурядившеся оу него. Великий же князь Дмитрей Иванович послуша их, приимъ челобитие их, рати на них не посла, а на Рязанскомъ княжение посажав наместницы свои».

Далее в той же летописи по этому поводу говорится, что Олег «приде на рубеж Литовьский и ту став и рече бояром своим: «Аз хочу zde ждати вести, как князь велики пройдет мою землю и приидет в свою отчину, и яз тогда возвращуся восвояси».

Итак, что же произошло? Почему Олег Иванович, не мешавший до этого войскам Дмитрия, и всячески помогавший ему против Мамаю, нападает вдруг на московские обозы и отнимает полон у москвичей? Возможно, между Олегом и Дмитрием существовала какая-то договоренность о совместных действиях против Мамаю. И выполнив со своей стороны условия договоренности, князь Олег рассчитывал на часть военной добычи. А Дмитрий делиться не захотел — ведь непосредственно на Куликовом поле Олег не сражался. Отказав Олегу в его законных требованиях, Дмитрий Иванович спешно уезжает в Москву. Он стремится появиться в городе сразу следом за вестью о великой победе, до того как Москва узнает об огромных потерях. И поэтому брошены на произвол судьбы идущие с Куликова поля обозы. И брошен, как докучливый

проситель, взывающий к справедливости, Олег.

А Олегу тоже надо было кормить своих дружинников и восстанавливать в очередной раз разоренное княжество. И он приказал грабить идущие по его земле московские обозы и отнимать взятый на Куликовом поле полон...

Косвенно факт грабежа русской армии подтверждается и известиями немецких хроник конца XIV — начала XV в., в которых говорится, что литовцы нападали на русских и отнимали у них всю добычу. Учитывая, что для немецких хронистов не существовало четкого разделения Руси и Литвы, под именем «литовцы» они могли иметь в виду как войско Ягайлы, так и Олега Ивановича.

Вполне можно предположить, что Дмитрий Донской быстро прошел сквозь рязанские земли с отрядом конницы, а обозы начали грабить рязанцы и литовцы. Кстати, как будет сказано дальше, свыше 90 % воинов в войске Ягайло были этнические русские, а официальным языком Великого княжества Литовского был русский.

Обратим внимание, ни в одном из древних источников ничего не говорится о пленных татарах. Обходят этот вопрос и историки XIX–XX веков. Такая великая битва, и без пленных? Может, в пылу битвы русские перебили пленных? Но о таком явлении летописцы обязательно написали бы. Да и во всех войнах до и после 1380 г. обе стороны если и убивали простых воинов, то уж обязательно старались взять в плен князей и воевод. Во-первых, это почет — взять в плен знатного врага, а во-вторых, главное — деньги, ведь за него можно получить огромный выкуп. А тут никаких пленных! Могло быть только два варианта. Или татары на Куликовом поле не панически бежали с места боя, а отступали в относительном порядке, или пленные были отбиты рязанцами или литовцами, а позже отпущены за выкуп. Оба варианта не устраивали ни летописцев XIV–XV веков, ни историков XIX–XX веков, и они вопрос с пленными попросту опустили.

А, кстати, с кем сражался Дмитрий Донской на Куликовом поле? Глупый вопрос, — возмутится читатель. — Конечно, с татарами. Это даже школьники знают. Увы, вопрос не глупый, а очень больной для наших историков, которые, в отличие от школьников, не знают точного ответа.

Русский летописец утверждал, что Мамай двинулся в поход «с всею силою татарскою и половецкою, и еще к тому рати понаймовав бесермены, и армены и фрязи, черкасы и ясы и бутасы».

В.Л. Егоров комментирует это следующим образом: «Кто в этом списке понимается под бесерманами, трудно сказать, ибо в летописях этим термином обозначаются мусульмане вообще. Однако не исключено, что

летописное указание может относиться к мусульманским отрядам, набернованным в Азербайджане, связи которого с Золотой Ордой имели давний характер. Такой же отряд наемников был приглашен из Армении. В среде армянских феодалов, видимо, было довольно распространено наемничество, что подтверждает наличие у сельджуков наемного войска из армян. Под именем летописных фрязов фигурируют отряды итальянских городов-колоний южного берега Крыма и Таны в устье Дона. Эти города были связаны с Золотой Ордой традиционными договорами о военной помощи, в обмен на которую итальянским колониям и купцам гарантировались безопасность и свобода торговли». ^[147]

Поскольку Мамай, согласно официальной версии, царской и советской, был отрицательной фигурой, то творческая интеллигенция разных наций начала отрешиваться от участия их предков в Мамаевом побоище. Так, армяне заявили, что они-де не воевали на Куликовом поле, поскольку в Армении не найдено документов о вербовке для Мамаея. И если, мол, какие-то отдельные личности армянской национальности и оказались на Дону, то они были «из состава армянской общины в Булгаре».

Позволю сделать себе маленькое лирическое отступление, без которого трудно разобраться в нашей истории. Дело в том, что русские цари, начиная с Александра I, а затем Сталин, давали лишь общие указания, в каком духе надо преподносить народу отечественную историю, а вот так называемая творческая интеллигенция уродовала историю в меру своих интеллектуальных способностей. Ни один царь или Сталин ни разу не приказывали врать в том или ином конкретном случае. Нагло ввали лишь исполнители. В советское время наши «интеллигенты» догадались из войн, которые вела Россия, убирать противника. Да не может быть! — воскликнет молодой читатель. — Как же можно героически сражаться, не имея противника? Вон как Людовик XV в кинофильме «Фанфан Тюльпан» возмущался: «Кто украл нашего противника?»

Увы, отечественным историкам все под силу. Я несколько раз, путешествуя по Свири, бывал в поселке Свирьстрой. И каждый раз местные экскурсоводы подробно рассказывали, как варвары-немцы разрушили ГЭС на Свири, а потом пленные же немцы ее восстанавливали. Читал я и сравнительно большую книгу «Боевые вымпелы на Онеге». Там везде наши герои-моряки сражались с безымянным «противником», иногда супостатов именовали «фашистами» или «оккупантами». Ну и, наконец, большинство читателей бывало в Петербурге и вдоволь наслушалось рассказов экскурсоводов о 900-дневной блокаде города. Много говорится, и, надо сказать, справедливо про зверства немцев. Но ведь немцы-то были

только на юге! Так какое «кольцо блокады» могло быть? Увы, во времена Хрущева наша творческая интеллигенция использовала добрососедские отношения между СССР и Финляндией как сигнал к очередной чистке истории. В результате наши войска на Свири, Онеге и Карельском перешейке попросту «потеряли» противника. Кстати, это коснулось и знаменитого фильма «А зори здесь тихие» — немецких парашютистов в лесах Карелии не было и быть не могло. Там действовали, и, кстати, очень эффективно, финские диверсанты, в том числе и парашютисты, кроме того, там могли быть... итальянцы. Несколько групп итальянских диверсантов, включая морских, действовали в 1942 г. на севере Ладоги и в Карелии. Будь сценарист лучше осведомлен в военной истории, какой мы получили бы шикарный финал фильма — старшина Басков и 5 девушек, которых можно было и оставить в живых, ведут в плен 40 итальянцев во главе с Марчелло Матростяни, который поет: «Мама, я вернусь в наш домик...»

Ну, оставим лирику. Так вот, и у Дмитрия Донского наши историки попытались украсть противника. Как писал Ю. Ло-щиц, автор 295-страничной книги о Дмитрии Донском: «Сражение 8 сентября 1380 года не было битвой народов. Это была битва сынов русского народа с тем космополитическим подневольным или наемным отребьем, которое не имело права выступать от имени ни одного из народов — соседей Руси».

[\[148\]](#) Вот так, спасибо хоть не приплел к Мамаю пришельцев из космоса!

Надо сказать, что такая формулировка очень нравится определенному кругу татарских историков. Мол, мы не татары, а болгары, сами от Золотой Орды много потеряли, и предков современного населения Татарстана на Куликовом поле не было. Я несколько упрощаю эту точку зрения, но вовсе не иронизирую, наоборот, многие аргументы ее мне кажутся весомыми.

Но среди современных татарских историков есть и иная точка зрения. Так, уже неоднократно упоминавшийся профессор Мифтахов, ссылаясь на «Свод болгарских летописей», пишет, что казанский эмир Азан отправил к Мамаю князя (сардара) Сабана с пятью тысячами всадников. «Во время прощания с сардаром Сабаном эмир Азан сказал: «Пусть лучше погибнете вы, чем все государство». После этого болгарское войско направилось на соединение с войсками темника Мамая. Их встреча произошла в конце августа 1380 г. «на развалинах старой крепости Хэлэк».

[\[149\]](#)

По мнению Мифтахова, хан Мамай «велел установить свой красный шатер на холме, на котором находились развалины крепости Хэлэк».

[\[150\]](#)

Битва началась с поединка двух богатырей — русского монаха, бывшего боярина, Пересвета и татарского богатыря Челубея. Богатыри ударили друг

друга копьями, и оба упали замертво. Причем Мифтахов называет татарского богатыря Темир Бек и утверждает, что он был из болгарского (казанского) войска.

Далее Мифтахов, опять ссылаясь на болгарские летописи, пишет: «Со стороны Мамаея первыми в бой вступили болгары, а со стороны Дмитрия — Передовой полк. Они столкнулись в узком проходе между оврагами, и «тут завязалась жесткая и стремительно-быстрая сеча». Место для конного боя было весьма неудобным, но, несмотря на это, болгарам понадобилось немногим более получаса, чтобы смять Передовой полк. Его остатки «смешались с Большим полком, стоявшим за ним».

Очистив проход между оврагами, для движения войскам центра мамаевской армии, болгары под командованием князя Сабана «быстро расстроили стрельбой из кара джея (арбалета), а затем и растоптали 10 тысяч стоявших перед болотом русских пехотинцев» полка Левоу руки. Бой «был очень жарким». Лошадь под командиром отряда буртасов Гарафом была убита, «и он, уже пеший, взял у убитого кара джей (арбалет) и поразил стрелой», как ему показалось, московского великого князя Дмитрия Ивановича. Уже потом выяснилось, что это был московский боярин Михаил Андреевич Бренк, одетый в плащ великого князя и стоявший «впереди войска, дабы того не убили». [\[151\]](#)

Позже большая часть болгарского отряда была уничтожена литовскими дружинниками князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. «Князь Сабан привел домой лишь треть своего пятитысячного отряда». [\[152\]](#)

Как и в других местах, Мифтахов ссылается на болгарские летописи. Проверить их достоверность у автора возможности нет, поэтому мне остается лишь констатировать, что часть татарских историков утверждает, что да, мы были на Куликовом поле и лихо били русских, и если бы не «роковая ошибка Мамаея», безграмотно управлявшего болгарским войском, и не лихие литовцы, то мы бы Дмитрия гнали до самой Москвы.

В конце рассказа о Куликовской битве стоит заметить, что на современников она произвела несравненно меньшее впечатление, чем на потомков, воспитанных на трудах Карамзина и Соловьева. Так, к примеру, Псковская летопись под 1380 годом кратко упоминает сражение на Куликовом поле в длинном списке житейских событий за год: 6 ладей на Чудском озере потопло и т. д. Посмертная слава придет к Дмитрию Донскому в XIX века, а в 1989 г. его причислят к лику святых.

Глава 10

«Уймите Ушкуйников!»

Как мы уже видели, русские князья признали власть Ордынских ханов, покорно платили дань и по первому окрику смиренно ехали в Орду на расправу. Польский историк XVI века Михалон Литвин писал: «Прежде москвитяне были в таком рабстве у заволжских татар, что князь их наряду с прочим раболепием выходил навстречу любому послу императора и ежегодно приходящему в Московию сборщику налогов за стены города и, взяв его коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов».

Православная церковь объявила татар «божьей карой», посланной за грехи русских людей. А можно ли было бороться с божьей карой? Православная церковь молилась и заставляла молиться верующих за здоровье «татарского царя».

Классической характеристикой Руси XIV века стали слова историка В.О. Ключевского: «...во всех русских нравах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными местными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала беспокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать сами не зная куда. Внешняя случайная беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость, в черту национального характера».

Иной историк попеняет автору, мол, все сказанное хорошо известно. Но все ли?

1366 год от Рождества Христова. Москва. Деревянный великокняжеский терем. Краснорожий ханский посол кричит, брызгая слюной, на молодого князя Дмитрия.

Князь бледен, смотрит в половицы. Что же случилось? Дань Москва

платит исправно, соседей в тот год не обижала. Может, тверской князь донос в Орду написал? Нет, Дмитрий все понял без толмача, услышав только одно страшное слово — «ушкуйники». Опять по Орде все уничтожающим смерчем прошли ушкуйники. Опять ханские рати побиты. Посол грозит, топает ногами, в его словах гнев, но в глазах страх. И это полу приказ, полумольба — «Уймите ушкуйников».

Что же это за грозная сила — ушкуйники? Может, народ какой? Да просто мужики новгородские, люди вольные. Слава о новгородской вольнице давно шла по Руси. Былинный герой Василий Буслаев был популярен не меньше богатыря Ильи Муромца.

Давно уже молодцы новгородские освоили русский север. К середине XIV века на севере границы Новгородской республики перевалили за Уральский хребет. По рекам и морям новгородские молодцы двигались на судах — ушкуях, за что и получили прозвище — ушкуйники. Некоторые лингвисты (например, Фасмер. «Этимологический словарь русского языка». М., 1973 г.) считают, что слово «ушкуй» произошло от древневепского слова «лодка». Но более вероятно, что суда были названы по имени полярного медведя — ушкуя. Кстати, это название полярного медведя было у поморов еще в XIX веке. Косвенным аргументом в пользу второй версии служит то, что норманны называли свои боевые суда «морскими волками».

Часто ушкуи украшались головами медведей. Так, в новгородской былине в описании корабля Соловья Будимирови ча сказано: «На том было соколе-корабле два медведя белые заморские».

Впервые об ушкуях упомянуто в шведской хронике Эрика. В 1300 г. шведский флот под командованием маршала Кнутсо-на вошел в Неву и сжег несколько новгородских ушкуев.

В 1453 г. московский князь Иван Васильевич путешествовал на ушкуях по Волге от Вязовых гор до Нижнего Новгорода. Последнее упоминание об ушкуях содержится в Псковской летописи под 1473 г. В летописях ушкуи считались более крупными судами, чем ладьи.

Обычно ушкуи строились из сосны. Киль ушкуя вытесывался из одного ствола и представлял собой брус, поверх которого накладывалась широкая доска, которая служила основанием для поясов наружной обшивки. Она скреплялась с килем деревянными нагелями, концы которых расклинивались. Штевни были прямыми и устанавливались вертикально или с небольшим уклоном наружу, причем форштевень был выше ахтерштевня. Штевни соединялись с килем клинцами, вырезанными из ствола дерева с отходящей под углом толстой ветвью. С наружной

обшивкой и первыми шпангоутами штевни соединялись горизонтальными клинцами, причем верхняя кница одновременно служила опорой для палубного настила, а нижняя размещалась на уровне ватерлинии или чуть выше. Шпангоуты состояли из двух-трех «штук» (деталей) — толстых веток естественной погибы, стесанных по поверхности прилегания к обшивке, со слегка снятой кромкой на противоположной стороне. В средней части судна шпангоуты состояли из трех частей, а в оконечностях — из двух.

Морские ушкуи имели плоскую палубу на носу и корме. Средняя часть судна (около трети длины) оставалась открытой. Грузоподъемность ушкуя составляла 4–4,5 тонны. Речной ушкуй не имел палубы. На внутреннюю обшивку ушкуя опирались 6 или 8 банок для гребцов. Благодаря малой осадке (около 0,5 м) и большого соотношения длины и ширины (5: 1), ушкуй обладал сравнительно большой скоростью. Как морские, так и речные ушкуи несли единственную съемную мачту в центральной части судна. На мачте был один косой или прямой парус. Навесных рулей ушкуи не имели, их заменяли кормовые рулевые весла.

Ушкуи использовались как военные и торговые суда. Но в историю они вошли как военные корабли новгородской вольницы — ушкуйников.

Походы ушкуйников начались где-то в конце XIII века. Первый же их большой поход датируется 1320 годом во время войны Господина Великого Новгорода со шведами. Дружина Луки Варфоломеевича на морских ушкуйях прошла Северной Двиной, вышла в Белое море, а затем в Северный Ледовитый океан и razорила область Финнмаркен, расположенную от южного берега Варангер-Фьорда до района г. Тромсе.

В 1323 г. ушкуйники, пройдя тот же путь, напали на соседнюю с Финнмаркеном северонорвежскую область Халоголанд. Походы ушкуйников внесли свою лепту в войну, и в 1323 г. шведы заключили с Новгородом компромиссный Оре-ховецкий мир.

В 1348 г. шведы вновь решили напасть на Новгородскую республику. Король Магнус обманом взял крепость Орешек. В ответ в 1349 г. последовал морской поход ушкуйников на провинцию Халоголанд, в ходе которого был взят сильно укрепленный замок Бьаркей.

Поход короля Магнуса стал последним из «крестовых походов» шведских рыцарей на земли Великого Новгорода. Затем свыше 100 лет на севере Руси не было серьезных военных действий. Ушкуйники же обратили свои взоры на юго-восток, на Золотую Орду.

Можно ли представить, что добрые молодцы-ушкуйники повезли бы свою добычу в виде дани в Орду, наперегонки поползли бы к ханскому

трону с доносами друг на друга, как это делали те же нижегородские, московские, рязанские и другие князья.

В жилах новгородцев текла кровь русских и варягов, которым при Игоре и Олеге платил дань византийский император, а при Святославе покорилась вся Волга и Каспий. И ушкуйники решили впредь не мелочиться с нищими норвежцами, а заставить платить дань... Золотую Орду. Логика проста — раз Орда такая большая — от Днепра до Енисея, да еще и Золотой зовется, значит, у них должны быть деньги и, видимо, немалые.

Первый крупный поход на татар ушкуйники предприняли в 1360 г. С боями прошли по Волге до Камского устья, а затем взяли штурмом большой татарский город Жукотин (Джукетау близ современного города Чистополя). Захватив несметные богатства, ушкуйники вернулись назад и начали «пропивать зипуны» в городе Костроме. Но хан Золотой Орды Хидырбек отправил послов к русским князьям с требованием выдачи ушкуйников. Перетрусившие князья (суздальский, нижегородский и ростовский) тайно подошли к Костроме и с помощью части ее жителей захватили ничего не подозревавших ушкуйников. Князья поспешили выдать ушкуйников на расправу хану. Затмил страх перед татарами князьям не только совесть, но и разум. Ведь такие вещи ушкуйники не спускают. Взяли они и сожгли Нижний Новгород, а Кострому — так стали грабить почти каждый раз, как проплывали мимо.

Но эти, так сказать, карательные меры не отвлекали ушкуйников от основной задачи — борьбы с Ордой.

В 1363 г. ушкуйники во главе с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Лепой вышли к реке Оби. Здесь их рать разделилась — одна часть пошла воевать вниз по Оби до самого Ледовитого океана (Студеного моря), а другая пошла гулять по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды, Чагатайского Улуса и Китая. По масштабам их путешествия не уступят и Афанасию Никитину.

Вернувшись с добычей, ушкуйники не уgomонились. В 1366 г. они с тем же воеводой Александром Абакуновичем уже оперируют на среднем течении Волги. Опять летит ханская жалоба московскому князю. Димитрий шлет грозную грамоту в Новгород. А новгородские бояре хитры, отвечают, как ведется на Руси, отпиской — «Ходили люди молодые на Волгу без нашего слова, но гостей (купцов) твоих не грабили, били только басурман». По мнению новгородцев, бить басурман было дело житейское, а насчет своей непричастности бояре слукавили. Действительно, основную массу ушкуйников составляла новгородская голытьба и пришельцы с низу

(Смоленск, Ярославль, Тверь), но в большинстве случаев ими руководили опытные новгородские воеводы Осип Варфоломеевич, Василий Федорович, тот же Абакунович и др. Оружием и деньгами ушкуйников снабжали богатые новгородские купцы, причем не безвозмездно — вернувшись, ушкуйники щедро делились добычей.

Надо отметить, что ушкуйники имели первоклассное вооружение, и не стоит их представлять толпой крестьян в зипунах с топорами да рогатинами. Это были профессиональные бойцы, умело действовавшие как в пешем, так и в конном строю. Ушкуйники имели панцири, чаще всего кольчуги или байраны (боданы),^[153] были и композитные панцири (бахтерец), в которых в кольчужное плетение вплетались стальные пластины. Кстати, ушкуйникам противостояли не воины Чингисхана, не имевшие панцирей, а отборные ханские отряды в тяжелом защитном вооружении. Ушкуйники имели также и традиционный набор наступательного вооружения — копья, мечи, сабли; причем саблям отдавали предпочтение. Из мста-

тельного оружия были луки и арбалеты как носимые, так и стационарные (корабельные), стрелявшие тяжелыми стальными стрелами — болтами.

С 1360 по 1375 ушкуйники совершили восемь больших походов на среднюю Волгу, не считая малых налетов.

В 1374 г. ушкуйники в третий раз взяли город Болгар (недалеко от Казани), затем пошли вниз и взяли сам Сарай — столицу Золотой Орды.

В 1375 г. новгородцы на семидесяти ушкуях под началом воевод Прокопа и Смолянина явились под Костромой. Московский воевода Александр Плещеев с пятью тысячами рати вышел навстречу им. У Прокопа было всего полторы тысячи ушкуйников, но он их разделил на две части: с одной вступил в бой с московской ратью, а другую отправил тайно в лес в засаду. Удар этой засады в тыл Плещееву решил дело. Москвичи разбежались, а ушкуйники в очередной раз взяли Кострому. Отдохнув пару недель в Костроме, ушкуйники двинулись вниз по Волге. Уже по традиции они нанесли «визит» в города Болгар и Са-рай-Берке. Причем правители Болгара, наученные горьким опытом, откупились большой данью, зато ханская столица Са-рай-Берке была взята штурмом и разграблена.

Паника охватывала татар при одной вести о приближении ушкуйников. Отсутствие серьезного сопротивления и сказочная добыча вскружили головы ушкуйникам. Они двинулись еще дальше к Каспию. Когда ушкуйники подошли к устью Волги, их встретил хан Салгей, правивший Хазтороканью (Астраханью), и немедленно заплатил дань,

затребованную Прокопом. Мало того, в честь ушкуйников хан устроил грандиозный пир. Захмелевшие ушкуйники совсем потеряли бдительность, и в разгар пира на них бросилась толпа вооруженных татар. Так погибли Прокоп, Смолянин и их дружина, лишь немногие удальцы вернулись на Русь. Это было самое большое поражение ушкуйников. Но подробности этой трагедии скорее подчеркивают силу ушкуйников, чем их слабость. Татары даже не попытались одолеть их в открытом бою, Хазто-рокань была не первым, а очередным городом, где ханы с поклоном предлагали дань, чтобы их только оставили в покое.

Так как же, скажет читатель, символ веры наших историков — «Куликовская битва переломила хребет Золотой Орде» неверен? Что ж, выходит, ушкуйники перебили хребет Орде? Увы, реальная история не терпит никаких догм. За два десятилетия ушкуйники убили куда больше татар, чем войско Дмитрия на Куликовом поле. Но в условиях полигамии в Орде за 1380 г. родилось на два порядка больше мальчиков, чем было убито в боях с русскими с 1360 по 1380 г. Так что, ни Дмитрий, ни Прокоп физически не могли сломить хребет Золотой Орде.

Другой вопрос об огромной моральной победе русского народа. Расходились по городам и посадам добрые молодцы с заморскими драгоценностями да с красотками из ханских гаремов. Возвращались к родным очагам рабы ордынские, угнанные в неволю много лет назад, по которым отплакали родные и отпели попы. Слушал народ рассказы седых старцев, как за тридевять земель в столицу Сарай пришли богатыри русские, полонян православных освободили, а всех басурман в расход вывели. Не Русь, а Орда Руси стала платить дань. Были ли ушкуйники вместе с князем Дмитрием на реке Непрядве в 1380 г.? Скорее всего, нет — не любила вольница московских князей. Но зато каждый ратник в московском войске знал, что идет он не на непобедимую Батыеву или Дюде-неву рать, а на войско, не сумевшее дважды за десять лет защитить свою столицу.

Отношение московских князей к ушкуйникам разоблачает миф официальных историков о том, что-де Иван Калита и его потомки действовали в интересах всей Русской земли и мечтали освободить ее от татарского «ига». В этом случае они должны были помогать ушкуйникам хотя бы тайно. Ну а заставит хан бороться с ушкуйниками, так погонялись бы за ними для виду московские воеводы, они и всерьез гонялись, да проку не было. А ведь при надлежащей поддержке ушкуйники могли бы если и не совсем разорить Орду, то, во всяком случае, создать ей такие проблемы, что золотоордынским ханам стало бы совсем не до Руси.

Но разорение Орды в XIV веке стало бы страшным бедствием для... Москвы. Еще ни один историк не попытался хотя бы приблизительно посчитать, сколько фирма «Калита и К°» содрала в виде дани с Руси, сколько выплатила в Орду и сколько прилипло к рукам жадных московских князей. В любом случае, суммы огромные. Зачем ломать батог, возвышающий Москву? Я уж не говорю о том, что успехи ушкуйников возвышали Господин Великий Новгород, на который постоянно, начиная с Ивана Даниловича, покушались московские князья.

Москва не столько по окрику из Орды, сколько по своей инициативе начала борьбу не на жизнь, а на смерть с ушкуйниками. Причем сладить с дружинами ушкуйников московским воеводам было не под силу, и они действовали в стиле современных рэкетиров. Устроят ушкуйники погром в Орде, а москвичи схватят во Владимирской Руси какого-нибудь новгородского боярина или богатого купца и требуют выкуп, а то и пойдут в новгородские земли грабить мирных жителей.

Вот, к примеру, в 1386 г. Дмитрий Донской решил наказать Новгород за очередные походы ушкуйников на Волгу и Каму, а заодно пополнить свою казну, и пошел на Новгород войной. Большая рать подошла к Новгороду и стала грабить окрестности, «много было убытку новгородцам и монашескому чину, — говорит летописец, — кроме того, великокняжеские ратники много волостей повоевали, у купцов много товару пограбили, много мужчин, женщин и детей отослали в Москву». Дело кончилось тем, что новгородцы выплатили Дмитрию 8 тысяч рублей, только чтобы он оставил их в покое.

Естественно, что такие бандитские меры резко уменьшали, по крайней мере, на время, активность ушкуйников.

Новгород погубила близорукость его бояр и богатых купцов — лучше откупиться, пронесло сегодня, и ладно. Не поняли они простой истины, что если волк узнал дорогу в овчарню, то он не успокоится, пока не перетаскает всех ягнят. Чем платить очередные 8 тысяч Дмитрию, не проще ли было нанять германских или французских ландскнехтов, от одной вести о приближении которых Дмитрий поехал бы по делам не в Кострому, как при Тохтамышс, а драпанул бы до Сарая, а то и до Астрахани. Причем 8 тысяч рублей — это был бы аванс ландскнехтам, а остальное они вместе с ушкуйниками получили бы в Москве. Но история, как говорится, не терпит сослагательного наклонения.

Тем не менее несмотря на шантаж московских князей, ушкуйники продолжали свои походы. В 1392 г. они опять взяли Жукотин и Казань. В 1409 г. воевода Анфал повел 250 ушкучев на Волгу и Каму...

Между тем в начале 70-х годов XIV века опорным пунктом ушкуйников сделался Хлынов^[154] — крепость на реке Вятке. Высшая власть в Хлынове принадлежала вечу. В отличие от Новгорода и Пскова хлыновское вече никогда не приглашало к себе служилых князей. Для командования войском вече выбирало атаманов («ватманов»). Географическое положение Хлынова облегчало его жителям походы как в Предуралье и за Урал, так и на болгар и Золотую Орду.

«Малочисленный народ Вятки, — писал Карамзин, — управляемый законами демократии, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самих единоплеменников, за то, что стяжал себе не особенно почетное название — хлынские воры». Надо ли говорить, что золотоордынские ханы мечтали стереть Хлынов с лица земли. В 1391 г. по приказу хана Тохта-мыша царевич Бекбут разорил вятские земли и осадил Хлынов. По уходу татар, новгородские ушкуйники вместе с устюжанами напали на принадлежавшие татарам болгарские города — Казань и Жукотин, и разорили их. Следствием этого стало новое нападение на Хлынов со стороны татар.

Посылаемых на Вятку с ратью московских воевод вятичи старались подкупить добрыми «поминками», давая в то же время крестное целование быть на всей воле московских князей, но это крестное целование им было нипочем: они не раз ему изменяли.

Поскольку московские воеводы не могли покорить Хлынов, то в дело шли московские митрополиты, которые слали в Хлынов грозные послания, где пугали вятичей геенной огненной, бесами и прочей нечистью. Но напугать ушкуйников было непросто.

Окончательно покончить с Хлыновым Москве удалось лишь в 1489 г., когда Иван III двинул на Вятку 64-тысячное войско под началом воевод Даниила Щени и Григория Морозова. Были в войске и казанские татары под предводительством князя Урака. 16 августа московская сила появилась под Хлыновом. Сопrotивляться было невозможно. Вятичи попробовали прибегнуть к прежнему средству — подкупить воевод и заискать их милость. С этой целью они выслали воеводам хорошие поминки. Воеводы эти поминки приняли, но дали лишь день отсрочки штурма города.

Уже после начала штурма вятичи вступили в переговоры о капитуляции. Это позволило бежать значительной части осажденных. По приказу Ивана III с Хлыновым поступили, как раньше с Новгородом: большая часть жителей была выселена в московские города, вместо них поселены жители московских городов, а главных «крамольников» казнили.

1 сентября повезли пленное население Хлынова в московские

пределы. Великий князь велел их расселить в Боровске, Алексине и Кременце, где им были даны усадьбы и земли, торговых же людей поселили в Дмитрове.

Часть вятичей была поселена даже в подмосковной слободе: нынешнее московское село Хлыново свидетельствует об этом поселении.

Так было покончено с последним оплотом ушкуйников. Однако спасшиеся из Хлынова ушкуйники обосновались на Волге в районе современного города Камышина. Как писал в 1915 г. известный историк казачества Е.П. Савельев: «Вот в этих-то местах, согласно памяти народной, выраженной в песне волжско-донской вольницы — «Как пониже-то, братцы, было города Саратова, а повыше-то было города Камышина, протекала Камышинка река...», и нужно искать первые становища хлыновцев, бежавших от порабощения московских князей. Торговые караваны давали случай этой вольнице приобретать «зипуны», а пограничные городки враждебных Москве рязан-цев служили местом сбыта добычи, в обмен на которую новгородцы могли получать хлеб и порох.

Иван III, зная предприимчивый характер этой удалой вольницы, поселившейся за пределами его владений, вблизи окраин враждебного ему княжества Рязанского, зорко следил за движениями этой горсти людей, не пожелавших ему подчиниться. Чтобы предупредить сношения рязанцев с этой вольницей, Иван III напоминал своей сестре, вдовствующей рязанской княгине Агриппине, не пускать ратных людей дальше Рясской переволоки, «а ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в *молодечество*, их бы ты, Агриппина, велела казнити»...

При движении на Дон с Днепра Черкасов, белгородских и старых азовских казаков новгородцы спустились вниз по этой реке до самого Азова, смешались с другими казацкими общинами и таким образом положили основание «Всевеликому Войску Донскому», с его древним вечевым управлением.

Казаки-новгородцы на Дону — самый предприимчивый, стойкий в своих убеждениях, даже до упрямства, храбрый и домовитый народ. Казаки этого типа высоки на ногах, рослы, с широкой могучей грудью, белым лицом, большим, прямым хрящеватым носом, с круглым и малым подбородком, с круглой головой и высоким лбом. Волосы на голове от темно-русых до черных; на усах и бороде светлее, волнистые. Казаки этого типа идут в гвардию и артиллерию.

Говор современных новгородцев, в особенности коренных древних поселений, во многом сходен с донским, жителей 1-го и 2-го Донских

округов. Как те, так и другие звук «щ» не выговаривают, а заменяют его двойным «ш», например, ишшо, ишшобы, пешшаный, пешшинка, што (что), пишша и пишта (пища) и проч. Вместо «жд» всегда почти употребляют: Рожество, Одежа, надежа (надежда), дож и проч. Вместо «к» всегда «х», в словах: хрешшенье, дохтур и др. Также: скусно, свиток и твиток (цветок), сумлеваться, сусел, укунуться, анагдась, глыбоко, быдто, кружовник, ослобонить, некрут, антиллерия, дака (дай-ка), ухи, польга (польза), слухать, верьх, и верьхи (верхом), молонья (молния), женыпина, болесть, ужасть, жисть, скупердяй, панафида (панихида), трухмал, ласы точить, ну те к ляду, сиверка, сивер, исть (есть) и др. Новгородцы лучше, чем москвичи, знали древние сказания о начале Руси и ее славных витязях-богатырях. Язык их деловых бумаг, как и старых донских казаков, чище московского и отличается от последнего как чистотой, так и образностью выражений.

Новгородцы также занесли на Дон названия: атаман, стан, ватага, ильмень (общее название большого чистого озера) и др.». [\[155\]](#)

В XIV–XV веках московские летописцы пытались всячески очернить ушкуйников и новгородцев вообще, называли их разбойниками, крамольниками и т. д. А вот потом о деяниях ушкуйников было велено просто забыть. Упоминаний о них нет ни в школьных, ни в университетских учебниках XIX–XX веков. Тот же С.М. Соловьев в своем огромном труде «История России с древнейших времен» отводит ушкуйникам лишь несколько абзацев и без всяких комментариев. Авторы множества романов о временах Дмитрия Донского, как, например, уже упоминавшиеся Ю. Лоциц, М. Каратаев, зло и оскорбительно отзываясь об ушкуйниках, мол, мешали генеральной и прогрессивной линии Ивана Калиты и его героического внука.

Но вот в 1924 г. об ушкуйниках вспомнили организаторы русского эмигрантского движения. В Англии и США часть скаутов стали называть себя «Роверами». В английской традиции этим словом обозначали пиратов, корсаров, отличавшихся своей лихостью и предприимчивостью. Тогда наши эмигранты решили называть русских скаутов «ушкуйниками». Несколько лет в 1920-х годах этот термин использовался, а затем исчез.

Итак, на Руси ушкуйники были забыты окончательно. Но их никогда не забывали татары. Другой вопрос, что при царе и большевиках писать об этом было нельзя. Но вот с 1991 г. практически ни один труд татарских историков не обходится без проклятий по адресу ушкуйников. Татарские художники рисуют полотна, где изображают схватки их предков со злодеями ушкуйниками. Вот, к примеру, монография Альфреда Хасановича

Халикова («Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария». Академия наук Татарстана. Казань, 1994). Ох, как не нравятся автору «разбойные походы новгородских ушкуйников, например в 1360, 1366, 1369, 1370, 1371 гг.» «1391–1392 гг. — массированный поход новгородцев и устюжан на Вятку, Каму и Волгу, взятие ими Жукотина и Казани».

Ряд историков говорят о геноциде болгарских народов в XIV веке, правда, грешат не только на ушкуйников, но и на Едигея и других ханов Золотой Орды. Приводят длинные списки болгарских городищ, уничтоженных в XIV веке.

Почитаешь казанских историков и видишь, что ушкуйники просто житья не давали миролюбивым труженикам Золотой Орды. Ну что ж, каждый историк волен по-своему оценивать те или иные события.

Глава 11

Королевство Даниила Галицкого

Об отце Даниила Галицкого, князе Романе Мстиславовиче, С.М. Соловьев писал: «Роман слыл грозным бичом окрестных варваров — половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: «он стремился на поганных, как лев, — говорит народное поэтическое предание, — сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху». Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, население пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: «Роман! Роман! худым живешь, литвою орешь».^[156]

Роман постоянно вмешивался в феодальные усобицы Польского государства. В основном он выступал на стороне князя Лешко Белого (1186–1227, князь краковский 1194–1198, 1201, 1202–1210, 1211–1227), сына Казимира II Справедливого. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца, в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий (1161–1231 гг., князь краковский в 1228 г.). В 1205 г. Роман Мстиславович осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галиц-кие полки стали под городом Завихвостом. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславович с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были неравны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславович и его дружинники были убиты.

В год смерти Романа Мстиславовича его старшему сыну Даниилу было 4 года, а младшему Васильку — 2 года. У покойного Романа было слишком много врагов как вне, так и внутри его княжества, поэтому Даниилу

пришлось многое испытать, прежде чем вернуть себе отцовский престол.

10 марта 1241 г. татары переправились через Вислу и вторглись в Польские земли, а затем в Венгрию.

После ухода татар из Венгрии Даниилу пришлось вести тяжелые войны с Ростиславом Михайловичем Черниговским, с литовцами и поляками. В 1249 г. Ростислав Михайлович вместе с польскими и венгерскими войсками в очередной раз вторгся в Галицкую землю. Но на реке Сан произошла жестокая битва, в которой I Даниил с братом Васильком наголову разгромили пришельцев. Ростислав с позором бежал к своему тестю венгерскому королю Беле IV. Больше он на Русь не возвращался. Его сыновья Михаил и Бела, стали венгерскими банами. Причем Михаил вступил в брак с Марией, дочерью Ивана Асеня II, царя Болгарского в 1218–1241 гг., и его сын стал болгарским царем I Иваном Асенем III.

На Руси же черниговские князья исчезают со страниц летописей, а Черниговское княжество распадается на ряд удельных княжеств: Брянское, Новгород-Северское, Курское, Трубчевское, Путивльское, Одоевское, Ворытынское, Белевское, Карачевское и др.

Теперь Даниил с Васильком не имели более соперников в Галицко-Волынской Руси. Но в следующем, 1250 г. прибыл посол из ставки Батыя и потребовал отдать татарам Галич. Следует заметить, что если северо-восточные русские земли татары лишь обкладывали данью, то ряд южных русских земель они взяли под свой непосредственный контроль и прогнали оттуда местных князей.

Даниил и Василько понимали, что для противодействия татарской рати у них не хватает сил, и Даниил сказал: «Не отдам пол-отчины моей, лучше поеду сам к Батыю».

По пути в Орду Даниил заехал в Киев, где правил наместник великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича боярин Димитрий Ейкович. Далее Даниил и его спутники поплыли на ладьях вниз по Днепру, и уже в 70 верстах ниже Киева, в Переяславле, стольном городе прапрадеда своего Владимира Мономаха, князь Даниил увидел татар. Таким образом, уже с Переяславля начиналась зона, контролируемая татарами. Там правили баскаки, опираясь на атаманов — местных администраторов, избранных населением.

По приезде в Орду к Даниилу явился слуга великого князя владимирского Ярослава со словами: «Брат твой Ярослав кланялся кусту, и тебе кланяться». «Дьявол говорит твоими устами, — ответил Даниил, — да заградит их бог». Однако Батый не потребовал от Даниила исполнения

суеверных обрядов: когда тот при входе в вежу поклонился по татарскому обычаю, то Батый встретил его словами: «Данило! Зачем так долго не приходил. Но все хорошо, что теперь пришел. Пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?» «До сих пор не пил, — ответил Даниил, — но теперь, если велишь, буду пить». «Ты уже наш татарин, — продолжал Батый, — пей наше питье». Даниил выпил, поклонился по татарскому обычаю и, сказав хану что нужно о своих делах, попросил позволения пойти к ханше. Батый позволил, и Даниил пошел поклонился ханше. Потом Батый прислал князю вина и велел передать: «Не привыкли вы пить молоко, пей вино».

Северные летописцы, довольные относительным уважением, каким пользовались русские князья в Орде, постоянно повторяют, что они принимались там с честью. Но южный летописец, рассказав о принятии Даниила ханом, горько жалуется: «О злее зла честь татарская! Даниил Романович князь был великий, обладал вместе с братом Русскою землею, Киевом, Владимиром и Галичем: а теперь сидит на коленях и холопом называется, дани хотят, живота не чают и грозы приходят. О, злая честь татарская! Отец был царем в Русской земле, покориł Половецкую землю и воевал на иные все страны; и такого отца сын не принял чести, кто ж другой после того получит от них что-нибудь? Злобе и лести их нет конца!»

Пробыв в Орде 25 дней, Даниил достиг своей цели — хан оставил за ним все его земли.

Поездка Даниила к Батыю существенно упрочила его положение в глазах западных соседей. Венгерский король Бела IV, испуганный не столько победой Ярослава на реке Сан, сколько благосклонностью Батыя к Даниилу, тотчас же предложил последнему мир и родственный союз, который прежде отвергал. Даниил поначалу сомневался в искренности короля, но митрополит Кирилл съездил в Венгрию и уладил дело. В результате сын Даниила Лев женился на дочери Белы IV, и Даниил отдал королю венгерских пленных, взятых на реке Сан.

Еще в апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена Францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую грамоту великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. Вначале 1246 г. Карпини побывал во Владимире Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батыю. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил

обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на заквашенных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька со своей родственницей, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI–XII веках крестовые походы организовывались с целью пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подать мне помощь?», — велел ответить он папе.

В 1253 г., во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава, туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганных». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о

соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г. [157] в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе, [158] и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы, просто «надо ведь было что-то сказать».

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

Корона несколько вскружила голову Даниилу, и он решил предпринять наступательные действия против татар. Не против хана, а против баскака Куремсы, кочевавшего в степи между

Днепром и Днестром. Довольно быстро войско Даниила отбило все южнорусские города, контролируемые татарами.

В 1259 г. войско Куремсы подошло к Владимиру Волынскому, но было отбито жителями. Потом Куремса не смог взять Луцка, потому что сильный ветер относил камни, бросаемые татарами из машин. Но в 1260 г. на Русь пришел другой баскак, Бурундай, с которым уже не так легко было справиться. Бурундай прислал сказать Даниилу: «Я иду на Литву: если ты мирен с нами, то ступай со мною в поход!» Даниил не знал, что делать. Он решил, что если сам поедет к Бурундаю, то тот припомнит ему войну с Куремсой, и потому послал к баскаку брата Васильке. Тот по дороге встретил отряд литовцев, разбил его, взял трофеи и привез их к Бурундаю. Это татарину, конечно, понравилось, он похвалил Васильку, поехал с ним вместе воевать литву, а после отпустил домой.

Но этим дело не кончилось. В 1261 г. Бурундай опять прислал сказать Даниилу и Васильку: «Если вы мирны со мною, то встретьте меня, а кто не встретит, тот мне враг». К Бурундаю опять поехал Василько, прихватив с собой сына Даниила Льва и холмского владыку Ивана (к тому времени на Руси уже знали, что татары уважают служителей всех религий). Бурундай встретил их сильной бранью; немного успокоившись, он сказал Васильку:

«Если вы со мною мирны, то размечите все свои города».

Владыку Ивана отправили к Даниилу с вестью о гнев Бурундая. Даниил испугался и уехал сперва в Польшу, а потом в Венгрию. Лев Даниилович «разметал» Данилов, Истожек, послал и Львов разметать, а Василько послал разрушить укрепления Кременца и Луцка.

А между тем Бурундай вместе с Василько приехал во Владимир Волынский и приказал разрушить городские укрепления. Василько прекрасно понимал, что такие мощные укрепления нельзя разрушить скоро, и потому велел их поджечь. Горели они целую ночь, сгорел и весь город, а Василько на другой день должен был угощать Бурундая в беззащитном Владимире. Но татарину и этого было мало. Он потребовал скрыть городские рвы, и это было исполнено.

Из Владимира Бурундай и Василько поехали к Холму — любимому городу короля Даниила. Но город оказался затворен, горожане засели в нем с пороками и самострелами, и взять его у Бурундая не было сил. Тогда он обратился к Василько: «Этот город брата твоего, ступай, скажи гражданам, чтоб сдались». С Василько Бурундай отправил трех татар и толмача, чтобы слушал, что князь говорит горожанам. Но Василько не растерялся: набрал камней в руки и, подъехав к стенам, стал кричать холмским боярам: «Константин холоп и ты другой холоп, Лука Иваныч! Это город брата моего и мой, сдавайтесь!» Сказав это, Василько три раза ударил камнем о землю, давая этим понять, чтобы не сдавались, а бились с татарами. Боярин Константин все понял и отвечал Васильку: «Ступай прочь; если не хочешь, чтоб ударили тебя камнем в лицо, ты уже не брат королю, а враг ему». Татары, бывшие с Василько, все пересказали Бурундаю, и тот ушел от Холма пограбить Польшу, а оттуда возвратился в степи.

Уступив татарам, король Даниил получил возможность заняться Литвой. Ведь после Батыева нашествия литовцы осмелели и стали чаще вторгаться на территорию русских княжеств. Но, это не всегда им сходило с рук. Так, в 1245 г. большие силы литовцев появились около Торжка и Бежецка. В Торжке в это время сидел князь Ярослав Владимирович, возвратившийся после заключения мира из Ливонии. Он погнался было за литовцами, но потерпел поражение, потерял всех лошадей. Но вскоре на подмогу Ярославу Владимировичу подошли дружины из Твери и Владимира, и Ярослав продолжил преследование. Ему удалось догнать литовцев под Торопцом. Литовцы были разбиты, а уцелевшие заперлись в городе. Но на следующее утро подошел Александр Невский с новгородской дружиной, взял Торопец, отнял у литовцев весь полон и перебил всех их князей — более восьми человек.

Через несколько дней после взятия Торопца Александр Ярославович получил весть о появлении нового отряда литовцев. Он отпустил новгородские полки домой, а сам с ближней дружиной (двором, как сказано в летописи) погнался за литовцами, нагнал и перебил всех без пощады у озера Жизца. Затем князь отправился в Витебск, забрал там своего сына и направился домой, в Новгород. Но по дороге, недалеко от Усвята, Александр Ярославович опять наткнулся на литовцев и разбил их.

На следующий, 1246, год литовцы решили попытать счастья на юге. Но, возвращаясь с набега на окрестности Пере-сопницы, они были настигнуты у Пинска Даниилом и Васильком Романовичами и наголову разбиты. В 1247 г. Романовичи вновь разбили литовцев.

К этому времени среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Тевтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Тев-тивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в дела литовцев. Посоветовавшись с братом Васильком, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали усобицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войск не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ят-вягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братьи».

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына — на Сломим, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русские полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем русско-половецкое войско под началом Тевтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Тевти-вилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к

войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с Орденом, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Тевтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, не долго думая, крестился. Папа римский был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам; сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту, и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал Орден из врага союзником, и теперь уже князь Тевтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмудьи и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новгородскую (Новогруд-скую) область, а Васильке с племянником Романом Данииловичем взяли Городец.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Войшелг. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Войшелг стал княжить в Новгороде (Новогрудке), будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Войшелг — христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Войшелг и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним,

Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Войшелг хотел пробраться в Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили Войшелга возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогруд-ком он основал свой монастырь.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Войшелг и Тевтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На выручку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Васильке. Чем кончилось дело, как освободили Романа — неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами нападал на его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека, одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, — у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то, что она была уже замужем за нальшан-ским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», — и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзерену. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату, полоцкому князю Тевтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Тевтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя,

тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и зарезали Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Войшелг узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу — мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Войшелга погибает дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежит вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт становится грозой ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, баше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве переходит к Войшелгу, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Войшелг прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом.

В 1264 г. умирает король Даниил. Королем становится его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Васильке по-прежнему княжил на Волыни.

В Литве же сложилась любопытная ситуация. Войшелг в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид, и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну. Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Войшелга покняжить еще совместно, но он решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Войшелг говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Войшелга-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Войшелг вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился

поссориться с братом Шварна королем Львом Данииловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Войшелг и Лев приехали к Василько во Владимир Волынский, где старый советник князя Даниила немец Мар-кольд позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили. К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Войшелг — в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Войшелгу приехал Лев и предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, по пьянке рассорились, дошло до драки с поножовщиной, и Лев убил Войшелга.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол. Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279) — князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Король Лев Даниилович не уgomонился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногая помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединился родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестьем», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поляками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью 200 человек вошел в волынские земли у Берестья (Бреста). Поляки разорили с десяток сел и пошли назад. Но жители Берестья во главе с воеводой Титом, всего около 70 человек, напали на поляков, убили 80 человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими — детьми

Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату — бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Львовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостью бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на рука да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берес-тью, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостью бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и крепко пожал ее. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал радостную весть: «Брат велел тебе сказать: приготавлийся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла.

Вскоре город был взят, разграблен и сожжен, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге. Один был родом прусс, а другой — придворный слуга князя Владимира, любимый его сын боярский Рах Михайлович. Когда русские войска шли мимо Сохачева (Сохоцин), то князь Болеслав Семовитович выехал из города, чтобы поймать какой-нибудь небольшой отряд, но все же на войско он напасть боялся.

Князь Владимир приказал своим воеводам не распускать войска, но тридцать человек отделились и поехали в лес, чтобы ловить челядь, скрывавшуюся от них в окрестных селах. Болеслав напал на отряд, все разбежались, кроме двоих — Раха и прусса. Прусс бросился на самого Болеслава, но тут же был убит, а Рах убил знатного боярина Болеслава, но и сам заплатил жизнью за свой подвиг. По словам летописца, умерли они мужественно и оставили по себе славу будущим векам.

В 1282 г. татарские ханы Телебуга и Ногай двинули на Венгрию огромное войско. Велели они идти с ними и русским князьям. Воспользовавшись этим, Болеслав с небольшой дружиной напал на русские границы, разграбил несколько сел и вернулся назад, хвастаясь, будто всю

землю завоевал.

Лев Давидович, вернувшись из похода, послал сказать Владимиру Васильковичу: «Брат! Смоем с себя позор, наведи литву на Болеслава». Владимир послал за литвой и получил ответ: «Владимир, добрый князь, правдивый! Можем за тебя свои головы сложить. Если тебе любо, то мы готовы».

Лев и Владимир, собрав войско, пошли к Берестью и стали ждать там литовских воинов. Но те задерживались, и тогда князя отпустили воевод повоевать Болеславову землю. Те взяли большие трофеи — людей, лошадей, скотину.

Вскоре подошли и литовцы, обратились к князю Владимиру: «Ты нас поднял, так води куда-нибудь, мы готовы, мы на то и пришли». Владимир задумался, а куда их вести? Своя рать ушла уже далеко, реки разливаются, и тут вспомнил, что Лешко Краковский посылал люблинцев, которые взяли одно пограничное волынское село. Владимир несколько раз напоминал Лешко, чтобы тот возвратил пленных, но тот не реагировал. И вот теперь Владимир послал на него литву, которая повоевала около Люблина и взяла множество пленных.

Вскоре возвратились из польских земель и русские воеводы с полками, привели большую добычу. Но Болеслав все не унимался. Тогда Владимир с племянником Юрием опять собрал войско, опять призвал литву. Союзники взяли у Болеслава Сохачев и вернулись домой с большой добычей.

Сын Васильке Романовича Владимир по мелочи задрался в 1274 г. с литовским князем Тройденом. Дело кончилось тем, что Тройден взял крепость Дрогичин, принадлежавшую королю Льву Данииловичу. Тот немедленно послал жалобу хану Менгу-Тимуру. Хан прислал татарское войско и велел идти с ним русским князьям. Как сказано в летописи: «Пошли на Литву Лев, Мстислав, Владимир, Роман брянский с сыном Олегом, Глеб смоленский, князья пинские и туровские. Лев с татарами пришел прежде всех к Новогрудку и, не дожидаясь других князей, взял окольный город. На другой день пришли остальные князья и стали сердиться на Льва, что без них начал дело. В этих сердцах они не пошли дальше и возвратились от Новогрудка. Волынский князь звал тестя своего, Романа брянского, заехать к нему во Владимир. «Господин батюшка! Приезжай, побудеешь в своем доме и дочери своей здоровье увидишь». Роман отвечал: «Сын Владимир! Не могу от своего войска уехать, хожу в земле ратной, кто проводит войско мое домой? Пусть вместо меня едет сын мой Олег». Больше об этом походе нам ничего не известно. В 1276 г. толпы пруссов, спасаясь от притеснений Ордена, пришли к литовскому князю с

просьбой о предоставлении убежища. Тройден часть их послал в Гродно, а остальных — в Слоним. Льву и Владимиру такое соседство показалось опасным, и они послали войско к Слониму и выгнали пруссов. Тогда Тройден послал войско к Каменцу Литовскому. Владимир отомстил ему взятием Турийска Неманского. Борьба на этом закончилась, и, как говорится в летописи, оба князя после этого стали жить в большой любви.

Но Владимир, видимо, не верил в долговременность этого мира и стал думать, где бы поставить город за Берестьем. Тогда он взял книги пророческие и разогнул их на следующем месте: «Дух господень на мне, его же ради помаза мя... и созиждут пустыня вечная, запустевшая прежде, воздвинути города пусты, запустевшая от рода». Владимир, говорит летописец, уразумел к себе милость Божию и начал искать место, где бы поставить город, и для этого послал опытного человека Алексу с местными проводниками на челнах вверх по реке Лосне. Алекса нашел удобное место и доложил об этом князю, который сам отправился на берега Лосны и заложил город, названный Каменцом, потому что почва была там каменистая.

Но татары не дали русским и литовским князьям пожить в мире. В 1277 г. Ногай прислал русским князьям грамоту: «Вы все мне жалуетесь на Литву, так вот вам войско и с воеводою, ступайте с ним на своих врагов». Зимой русские князья Мстислав, Владимир и Юрий Львович пошли на Литву к Новогрудку. Но когда подошли к Берестью, узнали, что татары их опередили. Тогда князья стали думать: «Что нам идти к Новогрудку? Там татары все уже извоевали. Пойдем куда-нибудь к целому месту». На том и порешили, и пошли к Гродно.

Пройдя Войковскийск, русские полки остановились на ночлег, и тут Мстислав с Юрием тайком от Владимира послали своих лучших бояр и слуг с воеводой Тьюмой пограбить окрестности. Те, пограбив, расположились на ночлег в отдалении от основного войска, сторожей не поставили и сняли доспехи. Но нашелся один предатель, который побежал в город и доложил жителям: «Там-то и там-то на селе люди лежат безо всякого порядка». Пруссы и борты выехали из города и напали на спящих русских, половину перебили, а остальных отвели в город, а тяжело раненного Тьюму повезли на санях.

Наутро, когда главная рать подошла к городу, оттуда прибежал посланный Тьюмой человек и рассказал о поражении русского отряда. Князь стал думать, как бы взять город. Перед ними стояла каменная башня, в которой заперлись пруссы и стреляли, не давая приблизиться к городу. Тогда русские приступом взяли башню. Тут страх напал на горожан. Вся

надежда их была на эту башню, и теперь, переговорив с русскими, горожане договорились отдать русским всех взятых ночью пленных с тем условием, чтобы русские оставили их в покое.

В 1287 г. хан Талабуга пошел войной на польские княжества и позвал с собой в поход всех волынских и заднепровских князей. Князья, каждый на границе своей волости, встречали хана с напитками и богатыми дарами — они боялись, что татары перебьют их и разграбят их города. Этого не случилось, хотя насилиям татар в городах и по волости не было конца. Телебуга, отправившись в Польшу, оставил около Владимира Волынского отряд татар кормить своих любимых коней.

В 1315 г. власть в Литве захватил Гедемин. Происхождение его неизвестно. Согласно позднейшей официальной литовской версии Гедемин, как и Миндовг, происходил от Палемо-на, брата римского императора Нерона. Мол, этот братец отправился в I веке нашей эры на север и основал там Литовское государство. По русским же летописям и хроникам Тевтонского ордена Гедемин служил конюхом у князя Витенеса (Ви тень), а затем вошел в сговор с молодой женой князя, убил его и овладел престолом.

В 1320 г. Гедемин предпринял поход на Владимир Волынский, где княжил Владимир, сын Василька Романовича. Город упорно защищался, но после гибели князя Владимира его бояре согласились на капитуляцию. Замечу, что в войске Ге-демина этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими — полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедемин овладел Луцком. На зиму Гедемин остановился в Берестье.

В 1321 г. Гедемин двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Тут стоит сделать маленькое, но очень важное отступление и сказать несколько слов о судьбе града Киева. После Батыева погрома городу так и не удалось оправиться. Собственно говоря, об истории Киева в 1250–1320 гг. мы почти ничего не знаем.

Как уже говорилось, в 1250 г. Александр Ярославович Невский по завещанию отца и по воле хана Гуюка получил Киев вместо столь желанного Владимира. Обиженный князь в разоренный Киев даже не поехал, а три года провел в Новгороде.

Другие северные князья в Киев ехать также не желали. Ряд историков считает, что Киев с 70-х годов XIII века принадлежал галицким королям, которые отправляли туда наместниками мелких князей-подручников типа Станислава. Доказательства этого утверждения довольно зыбкие, но у противников этой версии вообще доказательств нет. Посему мне кажется

наиболее достоверной первая версия. В 1299 г. из Киева бежал митрополит Максим, причем бежал не от недругов, а от безденежья.

Итак, в 1321 г. в 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедемина было встречено дружинами короля Льва Юрьевича (правнука Даниила Романовича), его брата Андрея Юрьевича, их «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени русские войска потерпели страшное поражение, король Лев с братом и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

Гедемин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Гедемин торжественно въехал в Золотые ворота. Другие города последовали примеру Киева. Гедемин везде сохранил старые порядки, только посадил своих наместников и оставил свои гарнизоны. Наместником в Киеве стал гольшанский князь Миндовг.

Сведения о взятии Гедечином Киева имеются лишь в одной литовской летописи и последующих ее компиляциях. Ряд же историков, начиная с XIX века, например, М.С. Грушевский,^[159] В. Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедемина с волынскими князьями из-за Подляхий. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедемина. Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но, в любом случае, Гедечину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре, который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, провожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локетек (1305–1333) попытался организовать захват Галиц-ко-Волынского княжества. Летом 1325 г. он добился от римского папы провозглашения крестового похода на

«схизматиков».^[160] Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир-Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава П.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 г. Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Ге-деминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х годах XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником. Так русские надолго потеряли Галицко-Волынскую Русь.

Несколько слов стоит сказать и о дальнейшей судьбе Киева. Летописец в так называемом Густинском своде сделал запись за 1362 год: «В лето 6870. Ольгерд победил трех царьков татарских и с ордами их, си есть Котлубаха, Качзея (Кач-бея), Дмитра, и оттоли от Подоли изгнал власть татарскую. Сей Ольгер и иные Русские державы в свою власть принял, и Киев под Федором князем взял, и посадил в нем Владимира сына своего, и начал на сими владеть, им же отцы его дань давали».

Из этого текста явствует, что в 1362 г. под урочищем Синие Воды^[161] рать литовского князя Ольгерда разбила войска трех местных татарских князьков. Правда, тут возникают большие сомнения насчет третьего князька Дмитра. Судя по имени, он был русским и, скорее всего, командовал не татарами, а киевской дружиной.

Замечу, что Ольгерд очень удачно выбрал время похода на Киев. Как уже говорилось, со смертью хана Бердибека в 1359 г. в Золотой Орде

началась «большая замятия», как выразился русский летописец.

Победа у Синих вод позволила Ольгерду захватить Киев и посадить там своего сына Владимира Омелько (1316–1385). При этом Владимир Ольгердович сохранял вассальную зависимость от татар. Неопровержимым доказательством этого является татарская тамга на киевских монетах Владимира Ольгердовича. На дошедших до нас монетах этого периода можно установить три или четыре различных типа тамги, что указывает на достаточно продолжительное время зависимости Киева от ханов, поскольку тамга могла изменяться только со сменой ханов. Когда Киев избавился от татарской зависимости, точно неизвестно, но крайним сроком можно считать время нападения хана Тохтамыш (1395). Любопытна позднейшая грамота крымского хана Менгли Гирея (1466–1513), где говорилось: «... великие цари, дяды наши, и великий царь Ачжи-Кгирей (Хаджи-Девлет Гирей), отец наш, пожаловали Киевом, в головах, и многие места дали великому князю Витовту».

О занятии Ольгердом Киева и присоединении его к Великому княжеству Литовскому в советских учебниках истории, как школьных, так и в университетских, говорилось коротко и неясно. Мол, польско-литовские феодалы захватили русские земли, пользуясь раздробленностью северо-западных русских княжеств, находившихся под татаро-монгольским игом.

Между тем нельзя путать литовских князей XIV века с польскими панами XVII века. В XIV веке не было фанатичных ксендзов и зверских расправ их с православными. Поэтому русское население, как в Киеве, так и в Брянске и Ржеве, относилось к литовским завоевателям достаточно спокойно. Ну, вошел в Киев православный князь Ольгерд-Александр с дружиной, которая более чем на половину состояла из православных, а остальные были язычниками. Большого погрома в Киеве не было, а после ухода Ольгерда все в городе осталось по-прежнему. Владимир Ольгердович с дружиной охранял город, брал умеренную дань и особенно не вмешивался ни в хозяйские, ни в церковные дела города.

Замечу, кстати, что родной брат Владимира, Андрей Ольгердович, отправляется в Псков и становится псковским князем. Конечно, статусы псковского и киевского князей различны, но этот факт хорошо показывает отношение русских к литовским князьям.

Киевское княжество на несколько десятилетий становится владением Ольгердовичей — Александра Владимировича (умер в 1455 г.) и Семена Александровича (умер в 1471 г.). После 1471 г. Киевское княжество упраздняется и в Киеве правит наместник великого князя литовского.

По крови православные литовские князья были больше чем

наполовину Рюриковичи. Да и само войско Ольгерда, вошедшее в Малороссию, больше чем на половину состояло из жителей Белой Руси — Витебского, Минского, Гродненского и других княжеств. Сами же коренные «литовские феодалы» практически не интересовались пахотными землями Малороссии, их куда больше привлекали охота и бортничество.

Замечу, что между литовскими князьями и их русскими подданными не было языкового барьера. Дело в том, что официальный язык в Великом княжестве Литовском в XIV веке был... русский. Точнее, диалект древнерусского языка, который был принят на землях, в настоящий момент входящих в состав республики Беларусь. Так что можно по-другому сказать, что они говорили на древнебелорусском языке. Сразу скажу, что это личное мнение автора. Я обращался в институт Русского языка в Москве, но, увы, внятного ответа на вопрос, чем отличались языки районов Киева, Москвы и Минска в XIV веке, так и не получил.

Однако, судя по текстам дошедших до нас официальных документов, а также по свободному общению жителей этих районов можно сделать однозначный вывод, что в XIII–XVI веках жители Пскова свободно, без переводчика могли общаться с жителями Киева или Полоцка. К примеру, те же донские казаки десятки раз ходили в совместные походы с запорожцами, сотни казаков с Дона месяцами жили в Сечи и наоборот. И нет сведений, чтобы им когда-либо требовались переводчики.

Таким образом, можно сказать, что официальным языком Великого княжества Литовского для большинства его населения был русский язык, или, как тогда называли, «русская мова».

В 1397 г. Тевтонский орден направил в Литву послом к великому князю графа Конрада Кибурга. В Вильно граф вел дневник. Там он писал: «Литвины ленивы и очень привержены к крепким напиткам, потому менее зажиточны, чем русины. При дворах Литовских князей и в их дипломатии употреблялся язык Русский, и письменность в их канцеляриях была исключительно Русская. Чтению и письму молодые люди обыкновенно учились в русских монастырских школах. Многие ученые Русины во времена Татарского ига с восточной стороны Днепра ушли в Литву и принесли сюда свои познания».^[162] Об этом господстве русской письменности и русской образованности в Литве епископ Андрей сообщил Кибургу с великим сожалением.

На мой взгляд, существенная разница в московском, белорусском и украинском языках появилась в конце XVI века. И эти различия в значительной мере связаны с принятием католичества и ополячиванием дворянства Великого княжества Литовского. Дворяне переходят на

польский язык, а тот, в свою очередь, в XIII–XVI веках оказался под сильным воздействием латинского, немецкого и французского языков. Соответственно, язык москалей впитал в себя сотни татарских слов. Я умышленно говорю про московский язык, поскольку в том же XV веке москвичи и новгородцы понимали друг друга, но их речь во многом различалась.

Таким образом, переход приднепровской Руси под власть литовского князя практически никак не отразился на быте, вере и всем укладе жизни ее жителей. Приднепровьем правили князья боковых ветвей Рюриковичей и некоторые Гедиминовичи, причем последние очень быстро обрусевали. В XIX веке один русский историк остроумно заметил: «Победила не Литва, а ее название».

Глава 12

Битва на Ворскле и падение Смоленска

История западных русских княжеств со второй половины XIII до середины XV века у нас исследована мало, а крайне интересные вопросы — взаимоотношения этих княжеств с татарами и последующее включение их в состав Великого княжества Литовского — остаются белыми пятнами нашей истории.

Полоцк — столица одноименного княжества — не был задет походами Батые и другими татарскими вторжениями второй половины XIII века, по крайней мере, упоминаний об этом нет. У полоцкого князя Владимира (Влодши) Васильевича, умершего в 1216 г., было два сына — Николай (Микульпа) и Андрей. Андрей умер бездетным, а старший брат имел лишь одного сына Изяслава, который также не имел детей.

В 1262 г. полоцкое вече пригласило к себе литовского князя Тевтивила. При этом язычник Тевтивил принял православие и получил имя Феофил, да еще женился на дочери какого-то неустановленного местного князя Брячислава. Но, как уже говорилось, через год после убийства князя Миндовга его племянник Тренята позвал к себе брата Тевтивила, чтобы поделить наследство дяди. Оба брата ехали на встречу, страстно желая убить друг друга. Повезло же Треняте, он сумел избавиться от брата-соперника. В Полоцк же Тренята отправил какого-то князя Константина.

[\[163\]](#)

Обратим внимание на фрагмент летописи, цитируемый С.М. Соловьевым: «Тогда начал действовать единственный оставшийся в живых сын Миндовга Войшелг; когда он узнал о смерти отца своего, то испугался и ушел из Литвы в Пинск: но когда услышал, что Тренята убит, то с пинским войском отправился в Новогрудок и, взявши здесь другие полки, пошел в Литву, где был принят с радостью отцовскими приверженцами».

[\[164\]](#)

Из этого отрывка мы видим, что уже в 1263 г. литовские князья свободно распоряжались в Пинском княжестве и городе Новогрудке. Наши же современные историки, как, например, В.М. Коган,^{[\[165\]](#)} утверждают, что Пинск был захвачен литовским князем Гедимином лишь около 1318 г. Думаю, что ошибка в 55 лет не случайная, а преднамеренная попытка смещения хронологии захвата западных русских княжеств.

В 1264 г. в Литве слуги Миндовга зарезали князя Треняту. После этого половчане выгнали ставленника Треняты Константина и призвали (не ранее 1266 г.) литовского князя Герденя. Дело в том, что в 1266 г. псковский князь Довмонт разгромил вотчину Герденя. По некоторым данным, позже Довмонт все-таки убил Герденя. Но, так или иначе, Полоцкое княжество отошло к Литве и надолго. Лишь в 1772 г. Полоцкая земля отошла к России, а сам Полоцк стал уездным городом Российской империи.

А теперь двинемся на восток и обратимся к судьбе Смоленского княжества, которое в течение почти четырех столетий служило предметом спора Руси с Литвой и Польшей.

Как уже говорилось, Смоленск не пострадал при обоих походах Батыя. Мало того, в 1240 г. смоленские князья сражались на стороне татар. Видимо, за это золотоордынские ханы и освободили Смоленск от уплаты дани.

По некоторым данным^[166] Смоленск впервые начал платить дань Орде в 1274 г. На мой взгляд, здесь ошибка. С какой стати вдруг смоленский князь Глеб Ростиславович ни с того, ни с сего стал бы слать деньги в Орду. Под 1274 г. в Смоленском княжестве не отмечено ни военных действий, ни смены князей.

Но вот в 1277 г. умирает князь Глеб, у него осталось три сына, но по горизонтальной схеме наследования смоленским князем становится младший брат Глеба Михаил Ростиславович. Вообще-то законное право на престол имел средний брат — хорошо нам знакомый персонаж Федор Чермный. Но он сидел в Ярославле.

Михаилу Ростиславовичу не повезло. Он правил около двух лет и умер в 1279 г. И вот тогда Федор Чермный позвал на помощь своих любимых татар и двинулся к Смоленску. Видимо, рать татарская была достаточно велика, и смоляне предпочли изгоя сыновьям Глеба Ярославовича.

Вот тут-то Федор Чермный и обложил родной Смоленск татарской данью. В самом деле, нехорошо платить налог лишь с одной половины имущества, то есть с Ярославского княжества. Побыв какое-то время в Смоленске, Федор Ростиславович отправился в Орду, оставив своим наместником племянника Андрея,^[167] сына Михаила Ростиславовича. Старший сын Глеба, законный наследник престола Святослав, был отправлен удельным князем в Можайск.

Вскоре, примерно в 1285 г., Александр, младший сын Глеба Ростиславовича, захватил власть в Смоленске и стал великим князем смоленским.

Федор Чермный же, как мы уже знаем, влез в усобицу сыновей Александра Невского, и ему было не до Смоленска. Лишь в 1298 г. Федор с ярославцами и татарами подошел к Смоленску, но взять его не смог и ушел обратно. В следующем году святой Федор изволил почить.

Прежде чем подвергнуться нападению литовских князей, Смоленское княжество испытало агрессию молодого и жадного хищника — Москвы, отхватившего от Смоленского княжества город Можайск с его уделом (Можайское удельное княжество). Можайск был небольшим городом, но занимал ключевое положение — он контролировал дорогу между Смоленском и Москвой и верховья реки Москвы.^[168]

О времени и способах захвата Можайска у современных историков нет единого мнения. Многим очень хотелось бы присоединить Можайск пораньше, еще при Данииле, скажем, к

началу 90-х годов XIII века. В 1293 г. в ходе нападения Дюде-невой рати татары сожгли Москву и разорили Можайск. И вот на основании этого историк А. А. Горский делает вывод о принадлежности Можайска в 1293 г. к Московскому княжеству. «Обращает на себя внимание упоминание в списке взятых Дюденем городов Можайск. Традиционно считалось, что он был присоединен к Московскому княжеству в 1303 г., а до этого входил в состав Смоленской земли. Но смоленским князем в 1293 г. был тот же Федор Ростиславович, союзник Дюдены, шедший вместе с татарским войском. Если исходить из принадлежности Можайска Смоленскому княжеству, придется признать, что Федор навел татар на подвластный ему город, при том, что целью похода были, естественно, владения князей — противников Федора и Андрея».^[169]

Абсурдность умозаключений Горского очевидна. Во-первых, татары не особенно разбирались, кто враг, кто союзник, когда дело доходило до грабежа. А главное то, что в Смоленске уже давно правил враг Чермного — князь Александр Глебович. Так что как раз Чермный и мог навести татар на своих конкурентов.

То, что Можайск был присоединен к Москве при Юрии Даниловиче в 1303 г., доказывает запись под 6812 годом: «И то же весны князь Юрья Данилович с братьею своею ходил к Можаяску и Можаяск взял, а князя Святослава ял и привел к себе на Москву». Все становится на свои места. Святослав по-прежнему сидел в Можайске с середины 80-х годов до 1303 г. Нападение Москвы в 1303 г. толкнуло смоленских князей к союзу с Литвой. Начался период конфликтов между Москвой и Смоленском. Новый смоленский князь Иван, сын Александра Глебовича, не пожелал платить

дань татарам, которую устроил его двоюродный дед Федор Чермный.

Татары несколько лет терпели, но вот в 1333 г. хан Узбек послал татарскую рать на Смоленск. Вместе с татарами шел с дружиной брянский князь Дмитрий Романович. Но взять город не удалось, и татарам с союзниками пришлось возвращаться несолоно хлебавши.

Зимой 1339–1340 г. хан Узбек вновь вспомнил о непокорном Смоленске и направил туда куда большее войско во главе с Товлубеем (убийцей князя Александра Тверского). Еще в Орде к Товлубею присоединился рязанский князь Иван Ко-ротопол с дружиной.

По ходу к Товлубею присоединились со своими дружинами князя Константин Суздальский, Константин Ростовский, Иван Юрьевский, Иван Друцкий и Федор Фоминский. Московский князь Иван Калита болел и присоединиться не мог, но послал большую рать во главе с боярами Александром Ивановичем и Федором Акинфовичем. Как писал Н.С. Борисов: «Калита поднял и погнал под Смоленск даже тех, кто отродясь не хаживал в такие походы — «мордовска князи с мордовичи»». ^[170] Тверские князья в походе не участвовали.

Подойдя к Смоленску, огромная союзная армия начала жечь и грабить округу, но взять города не смогла. Замечу, что тогда в Смоленске не было мощной каменной крепости, которая сохранилась до сих пор. Зато город прикрывал мощный земляной вал, толщина которого в основании достигала 30 м. Длина вала составляла примерно 3,5 версты, площадь крепости — 65 гектаров. На валу имелся деревянный тын с несколькими башнями.

Как с едкой иронией написал летописец: «И пршиедше под Смоленск, посады пожгоша, и власти и села пограбиша, и под градом немного дней стояше, и тако татарове поидоша во Орду со многим полоном и богатеством, а русстии князи возврати-шася во свояси здравы и целы». ^[171]

Видимо, при отходе смоляне наподдали «собирателям земли русской».

В декабре 1370 г. обиженные Москвой князья Святослав Иванович Смоленский и Михаил Александрович Тверской вместе с литовским князем Ольгердом пошли войной на князя Дмитрия Ивановича (еще не Донского). 6 декабря они осадили Москву. Князь Дмитрий сел в осаду. Но на помощь ему поспешили его двоюродный брат Владимир Андреевич и войско рязанского князя Олега Ивановича. Дело кончилось перемирием.

Но вот по неясным причинам в августе 1375 г. смоленские войска присоединяются к войску московского князя и еще семнадцати князей, осадивших Тверь. Через несколько месяцев князь Ольгерд в качестве мести

за нападение на своего союзника тверского князя делает набег на Смоленское княжество.

В истории часто бывало, что мелкие личные дела правителей оказывали решающее влияние на судьбы народов. Так, после нашествия Тохтамыша в 1382 г. князь Дмитрий Донской отправил в Орду заложником своего старшего сына Василия. Через некоторое время ордынцы стали требовать 8 тысяч рублей за освобождение молодого князя. Но в 1385 г. Василию удалось бежать. Чтобы обмануть татар, он бежал не на Русь, а на юг — в приднестровские степи, а оттуда в 1386 г. пробрался в Великое княжество Литовское к князю Витовту. А тот поставил условием отпуска Василия в Москву помолвку с его дочерью Софией. У молодого князя не было выбора, и он согласился, не ведая, какое горе это принесет и Северо-Восточной Руси, и Смоленску. Сама же свадьба состоялась в Москве в 1390 г. уже после смерти Дмитрия Донского.

Но вернемся в 1386 г. Почти одновременно с помолвкой Василия Дмитриевича, 15 февраля 1386 г., великий князь литовский Ягайло принимает в Кракове католичество и становится Владиславом, а еще через 3 дня он торжественно венчается с польской королевой Ядвигой и, наконец, 4 марта он становится королем Польши.

Личная уния Литвы и Польши представляла страшную угрозу Тевтонскому ордену, одновременно эта уния представляла смертельную опасность и для православного населения Великого княжества Литовского. Поэтому против Ягайло (Владислава) образовалась довольно странная коалиция: Тевтонский орден, православный литовский князь Андрей Ольгердович Полоцкий и смоленский князь Святослав Иианонич. Кроме всего прочего Святослав хотел вернуть ряд городов, захваченных литовцами ранее у Смоленского княжества. Один из таких городов, Мстиславль, и осадило смоленское войско. Смоляне начали разрушать стены крепости пороками, а немцы и полоцкая рать вторглись на земли Ягайло с севера.

29 апреля 1386 г. большое литовское войско во главе с родным братом Ягайло князем Скиригайло и с братьями Дмитрием Корибутом и Симеоном Лугвеном приблизилось к Мстиславлю. Святослав Иванович отступил от города и неподалеку, на берегу речки Вехры, правого притока Сожи, принял сражение. Смоляне были наголову разбиты, сам Святослав пал, пронзенный копьем, а оба его сына, Юрий и Глеб, попали в плен.

Литовцы преследовали русских аж до Смоленска, но штурмовать город не решились. За большой выкуп Скиригайло отдал смолянам тело убитого князя Святослава.

Раненого Юрия Святославовича Скиригайло велел выходить в Торжке, а потом отправил Юрия княжить в Смоленск. Старший же сын Святослава Глеб на некоторое время был оставлен заложником. Дифференцированное отношение к братьям Святославовичам объясняется родственными связями, Юрий был мужем старшей сестры Скиригайло.

Вскоре Витовт вновь поссорился со своими двоюродными братьями Ягайло и Скиригайло, и ему пришлось искать убежища в землях Тевтонского ордена. В 1390 г. орденское войско вместе с дружиной Витовта вторглось в Литву. Любопытно, что в рядах крестоносцев находилось много западноевропейских рыцарей, в том числе граф Дерби, позднее ставший английским королем под именем Георга IV.

Генеральное сражение произошло под Вильно на берегу реки Вилни. Ягайло и Скиригайло были наголову разбиты. Среди пленных князю Витовту достались и смоленские князья Глеб Святославович и какой-то Глеб Константинович,^[172] сражавшиеся на стороне Скиригайло. Впрочем, не исключено, что Глеб Святославович сам перешел на сторону Витовта, тем более что тот был ему шурином.^[173]

Так или иначе, но Витовт согнал со смоленского престола Юрия Святославовича, ставленника Скиригайло, и посадил туда Глеба, а Юрия в виде утешительного приза послал княжить в городок Рославль.

В орденском войске Глеб увидел действие пушек и, став смоленским князем, купил или получил в подарок от Витовта несколько тяжелых пушек (картунов).

Летом 1395 г. великий князь литовский Витовт отправился в поход на татар на помощь своему зятю, великому князю московскому Василию I. Замечу, что Москве действительно угрожало нашествие Тамерлана (Тимура). Витовт как бы случайно объявился около Смоленска. Глеб Святославович выехал ему навстречу. Витовт принял его хорошо, одарил подарками и отпустил, предложив быть третейским судьей для смоленских князей в их распрях, и пообещал оборонять их от Юрия и Олега Рязанского. Смоленские князья поверили Витовту и приехали к нему в стан со своими боярами. Но тут Витовт велел схватить князей вместе со свитой.

28 сентября 1395 г. Смоленск, оставшийся без князей, был обманом взят литовцами. Витовт отправил Глеба Святославовича на княжение в городок Поденное в Литве, а в Смоленске оставил своих наместников князя Ямонта и боярина Василия Борейковича вместе с литовским гарнизоном. На воле остался лишь князь Юрий Святославович, гостивший в то время у своего тестя Олега Ивановича Рязанского.

Узнав о захвате Смоленска Витовтом, Юрий Святославович Смоленский и Олег Иванович с рязанской ратью вторглись в литовские пределы. Витовт не стал вступать в сражение и отправился, в свою очередь, грабить Рязань. Олег Рязанский приказал своему войску спрятать в надежном месте добычу, взятую в Литве, и налегке начать поиски литовцев, вторгшихся на Рязанщину. Рязанцы нагнали литву и побили ее, а сам Витовт едва сумел уйти.

Московский же князь Василий I не только не помог смоленским князьям, а наоборот, в 1396 г. поехал в Смоленск на встречу с Витовтом. При въезде в Смоленск зять Витовта приказал салютовать из огромных картанов (пушек) в течение двух часов. В захваченном Смоленске родственнички отпраздновали Пасху.

Олег Рязанский в это время осадил литовский город Лю-бутск, но Василий направил к Олегу посла, и тот, угрожая московской ратью, заставил рязанцев снять осаду.

Осенью 1396 г. Витовт с большим войском напал на Рязанскую землю. Как писал Д.И. Иловайский: «...предал ее опустошению; причем «литовцы сажали людей улицами и секли их мечами». По выражению летописца, Витовт «пролил Рязанскую кровь как воду». После этих подвигов прямо из Рязанской земли он заехал к своему Московскому зятю в Коломну, где пировал с ним несколько дней».^[174]

И после этого историки смеют называть Олега Рязанского «изменником Руси», а персонажей типа Василия I — «собираателями Руси».

Чтобы понять дальнейший ход событий в Смоленске, следует рассказать и о событиях в Орде. Как уже говорилось, Тимур выгнал хана Тохтамыш с Волги. В Орде начал распоряжаться старый хитрый мурза Едигей (Эдигей), ранее служивший у Тимура. Он и возвел на престол Чингизида Тимур-Кутлуя.

Хан Тохтамыш поначалу кочевал в причерноморских степях, но после поражения в 1398 г. от войска Тимур-Кутлуя Тохтамыш с тридцатитысячным войском бежит в Киев. Витовт с удовольствием принимает татар.

Замечу, что это не первый приход татарской орды на службу в Великое княжество Литовское и Польшу. Так, около 1300 г. в Польшу приходил со своей ордой Кара-Кисьяк, внук хана Ногая. Его татары получили земли в Краковском воеводстве. При великом князе Гедемине на службу приходило несколько тысяч татар. Из них Гедемин сформировал уланские полки («улан» происходит от тюркского слова «оглан» — сын хана). В 80-х годах XIV века в Литву уходит с ордой Мансур Кият, сын хана Мамай, и т. д.

Теперь же Витовту были нужны не только воины. Чингизид Тохтамыш был очень влиятельной фигурой, и Витовт надеялся с его помощью продолжить свои завоевания на юго-востоке.

Тимур-Кутлуй не мог, конечно, спокойно смотреть на пребывание своего противника в качестве почетного гостя у литовского князя. Новый золотоордынский хан знал, что в Литве готовится против него заговор, который надо во что бы то ни стало парализовать. Поэтому уже в следующем, 1399 году отправляет послов к великому князю литовскому: «Выдай ш царя беглого, Тохтамыша, враг бо ми есть и не могу тръпети, слышав его жива суца и у тебя живуца... выдай ми его, а что около его ни есть, то тебе».

Еще до прихода в Литву Витовт совершил два достаточно успешных (из-за вялого сопротивления татар) похода против Юрды: первый в 1397 г. в долину Дона, а второй в 1398 г. вниз по Днепру. Летописец, говоря о планах Витовта, вкладывает великому князю в уста следующие слова: «Пойдем пленити землю Татарскую, победим царя Темирь Турлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим в Орде на царстве его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем Примории, и на Казани, и то будет все наше и царь наш». То есть Витовт ставил своей задачей вернуть Тохтамышу не только Золотую Орду, но и Заяицкую Орду (Белую Орду). Иначе говоря, стремился сделать Тохтамыша ханом всего Улуса Джучи в качестве своего ставленника.

Войне с Тимур-Кутлуем Витовт попытался придать характер крестового похода на неверных. Папа Бонифаций IX особой буллой к духовенству Польши и Литвы велел проповедовать такой поход против нечестивых мусульман и давал разрешение от грехов всем участникам похода. Витовт собрал большое войско: с ним соединилось до пятидесяти подручных ему мелких удельных князей Литвы и Юго-Западной Руси. Многие польские паны со своими дружинами приняли участие в походе, в том числе наиболее сильный из них Спытко из Мельшти-на, владевший частью Подолья на правах литовского вассала. Естественно, что в составе войска Витовта была и орда Тохтамыша. Тевтонский орден прислал несколько сотен «панцирных всадников». Наконец, Витовт решил напугать «диких татар» огнестрельным оружием. В Никоновской летописи сказано: «Витовту стоящу на другой стране реки Ворсколы, во обозе, в кованых телегах на чепех железных, со многими пи-щальми и пушками и самострелы».

Таким образом, применение пушек и пищалей было организовано

тактически грамотно. Они были прикрыты импровизированными укреплениями из телег, соединенных железными цепями. Термин «кованая телега» очень хочется трактовать как прообраз танка или, по крайней мере, бронированной повозки. Но я преодолеваю соблазн и оставляю читателю право самому решать, что такое кованые телеги.

Польская королева Ядвига не одобряла этого предприятия, но Витовт, уверенный и мощи своего войска, не слушал ее предостережений и в июле 1399 г. торжественно выступил в поход.

Семидесятитысячное войско Витовта благополучно переправилось за Днепр недалеко от Киева и углубилось в степи. Миновав Сулу, Хорол и Псел, оно остановилось на берегу реки Ворсклы. Вскоре на другом берегу появилась татарская орда, предводимая ханом Тимур-Кутлуем. Татарин, убедившись в Превосходстве противника, вступил с Витовтом в переговоры, гобы выиграть время. Хан ожидал к себе эмира Едигея с подкреплением.

«Зачем ты идешь на меня, когда я не нападал на твои пределы?» — велел спросить Тимур-Кутлуй Витовта. Тот гордо отвечал: «Господь дал мне владычество над миром. Плати мне дань и будь моим сыном». Хан пообещал заплатить дань, но на требование литовского князя, чтобы на татарских монетах значились печать и имя Витовта, ответил уклончиво и попросил три дня на раздумья, все это время одаривая князя подарками и занимая своими посольствами.

Тут подоспел и Едигей с новой ордой и вызвал Витовта на берег реки для личного свидания. «Храбрый князь, — сказал он, — если Тимур-Кутлуй хочет быть твоим сыном, так как он моложе тебя, то, в свою очередь, будь ты моим сыном. Я старше тебя, поэтому плати мне дань и вели изображать мою печать на литовских монетах».

Взбешенный такой насмешкой, Витовт приказал войску немедленно покинуть лагерь, огороженный телегами с железными цепями, перейти Ворсклу и начать бой. Благоразумный Спытко Мельнтинский пытался предостеречь князя и советовал ему заключить мир с татарами, которые теперь имели значительное превосходство. (По летописным данным у татар было до 200 тысяч воинов). Но советы Спытко возбудили ропот среди легкомысленной молодежи. Особенно горячился один польский пан, Павел Щуковский: «Если тебе жаль расстаться с твоей красивой женой и твоими большими богатствами, то не смущай по крайней мере тех, которые не страшатся умереть на поле битвы!» А Спытко будто бы, ответил на эти обидные слова молодого пана: «Сегодня же я паду честною смертью, а ты трусом убежишь от неприятеля».

Битва началась 12 августа 1399 г. после полудня. Ветер благоприятствовал татарам и гнал тучи пыли, поднятые татарской конницей, на войско Витовта. Пушки и пищали Витовта не испугали «диких татар», мало того, они сами использовали пушки в битве. А «кованные телеги» подвижная татарская конница просто обходила. Но дело решили не пушки, а удар засадных полков Тимур-Кутлуга, уже вечером зашедших в тыл к противнику.

Первым побежал Тохтамыш со своими татарами, а за ним побежал и Витовт со своими боярами и братом Сигизмундом. Наступившая ночь помогла их бегству.

На Ворскле было убито несколько десятков князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В их числе: князь Андрей Кейсту-тьевич Полоцкий, брат его князь Дмитрий Брянский, князь Иван Дмитриевич Скиндыр, князь Андрей Дмитриевич, его пасынок, князь Иван Евлашкович, князь Иван Борисович Киевский, князь Глеб Святославович Смоленский, князь Глеб Кориатович, брат его князь Семен, князь Михаил Подберезский, брат его князь Дмитрий, князь Федор Патрикеевич Вольский, князь Ямонтович, князь Иван Юрьевич Бельский.

Напомню, что Ольгердовичи Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский были героями недавней Куликовской битвы. Поляк Спытко Мелыптинский дрался насмерть с татарами и был убит, а хвастливый пан Щуковский действительно спасся бегством. Весь лагерь со всеми запасами и пушками достался татарам.

Татары преследовали бегущих до Киева. Тимур-Кутлуй взял большой откуп с этого города, «будто бы 3000 руб., да еще с Печерского монастыря 30 руб.». Татарская орда опустошила Киевскую и Волынскую земли до самого Луцка, а затем вернулась в свои степи, обремененная огромной добычей и пленниками.

Тимур-Кутлуй вскоре после этого похода умер, и Едигей возвел на престол брата Кутлуга Джанибека (Шадибека, Чанибека и т. д.).

Тохтамыш с остатками своей орды вновь стал кочевать по причерноморской степи, а затем отправился в Западную Сибирь, где умер (убит?) в 1405 г.

Битва на Ворскле имела важное значение для Смоленского княжества, ведь там был убит его князь Глеб Святославович. Смоляне, тяготившиеся зависимостью от Витовта, обратились к своему прирожденному князю Юрию Святославовичу, жившему в Рязани у своего тестя князя Олега. В 1400 г. Юрий стал просить тестя: «Прислали ко мне смоленские доброхоты с известием, что многие хотят меня видеть на моей отчине и дедине.

Сделай милость, помоги мне сесть на великом княжении Смоленском». Олег исполнил просьбу зятя, на следующий год явился с войском под Смоленском и объявил его гражданам, что если они не примут к себе Юрия, то рязанская рать не уйдет от стен, пока не возьмет города и не предаст его огню и мечу.

В это время князем в Смоленске был Роман Брянский, посаженный туда Витовтом после смерти Глеба. Большинство горожан не желали ни Романа, ни Витовта, и в августе 1401 г. смоляне открыли ворота Юрию Святославовичу. Видимо, про-; изошел кровавый переворот, в ходе которого были убиты Роман Брянский и несколько бояр, как местных, так и «не местных», от Витовта. Жену Романа Брянского с детьми князь Юрий велел отпустить на все четыре стороны.

Юрий Святославович занял Смоленск в августе 1401 г., а уже осенью Витовт с полками стоял под городом. В самом Смоленске сторонники Витовта подняли мятеж, но были перебиты. Витовт без толку простоял под городом четыре недели, в конце концов заключил перемирие и отступил.

Следующий, 1402 год оказался более удачным для Витовта. Сын рязанского князя Родислав Олегович пошел на Брянск, но у Любутска его встретили князья Гедиминовичи — Семен Лугвений Ольгердович и Александр Патрикиевич Стародубский. Они разбили рязанское войско, а самого княжича взяли в плен. Три года Родислав провел в темнице у Витовта и наконец был отпущен в Рязань за три тысячи рублей.

В 1403 г. Лугвений Ольгердович взял Вязьму, а в 1404 г. Витовт опять осадил Смоленск, и опять неудачно. Три месяца стоял он под городом, литовцы построили батареи под стенами и начали обстрел Смоленска из тяжелых осадных орудий. Но взять город не удалось, и Витовт, разграбив окрестности, ушел в Литву.

В 1402 г. умер рязанский князь Олег Иванович. Теперь Юрию Святославовичу пришлось рассчитывать только на себя. Защитить Смоленск мог только московский великий князь Василий Дмитриевич, но тот был женат на Софье Витовтовне. Юрий видел, что из двух подданств надо выбрать наименее тяжкое и, взяв опасную грамоту, поехал в Москву и стал умолять князя Василия: «Тебе все возможно, потому что он тебе тесть, и дружба между вами большая, помири и меня с ним, чтоб не обижал меня. Если же он ни слез моих, ни твоего дружеского совета не послушает, то помоги мне, бедному, не отдавай меня на съедение Витовту. Если же и этого не хочешь, то возьми город мой за себя, владей лучше ты им, а не поганая Литва».

Василий обещал помочь, но медлил. По сему поводу Супрасльская

летопись говорит: «Князь же Василий обеща ему дати силу свою и удержа его на тые сроки, а норовя тьсти своему Витовту». То есть попросту Василий арестовал Юрия и дал знать об этом тестю.

Витовт не заставил себя ждать и в 1404 г. с большим войском заявился к Смоленску. Несколько изменников-бояр открыли ему городские ворота и выдали жену Юрия — дочь Олега Рязанского. Витовт в Смоленске особой популярностью не пользовался, поэтому многих бояр он казнил, а других взял с собой в Литву вместе с княгиней. В Смоленске был посажен наместник Витовта. С удельным княжеством Смоленским на этот раз было покончено навсегда.

А что же делал «собиратель русских земель» Василий I? Да ровным счетом ничего. Узнав о захвате Смоленска Витовтом, он свалил все с больной головы на здоровую и заявил Юрию Святославовичу: «Приехал ты сюда с обманом, приказавши смольнянам сдаться Витовту». Юрий, видя гнев московского князя, уехал в Новгород, где жители приняли его и дали тринадцать городов.^[175] Юрий и новгородцы поклялись друг другу жить в вечном мире, а в случае, если неприятель нападет на Новгород, князь Юрий обещал биться с новгородцами заодно.

Витовт в 1403 г. взял и Вязьму — столицу одноименного удельного княжества, находящуюся примерно в 210 км от Москвы и в 150 км от Смоленска. При этом вяземские князья признали себя вассалами Великого княжества Литовского, но сохранили свою власть в княжестве. Как и в случае со Смоленском, Василий I промолчал. Лишь в 1405 г. он вдруг послал двух татарских царевичей на литовские города Вязьму, Брянск и другие. Татары хорошо повоевали, много народу перебили и в плен увели, разорили и пожгли Литовскую землю до самого Смоленска и вернулись домой с большой добычей.

Теперь можно сделать несколько очевидных выводов, опровергающих большую ложь советских историков. Никакого захвата польско-литовскими феодалами южных и западных русских княжеств не было. Начнем с того, что никаких поляков в XIII веке и до конца XV века в русских княжествах вообще не было. Во-вторых, занятие Киева и большинства юго-западных русских княжеств литовцами произошло мирно. В основном литовцы брали под защиту брошенные русскими князьями земли. Повторяю, после отказа Александра Невского принять Киев, князья Владимиро-Суздальской земли потеряли всякий интерес и к остальным русским землям.

С другой стороны: мнение литовских и украинских историков-националистов о том, что-де Литва защитила русские княжества от набегов и дани татар, принципиально неверно. И набегов татарских было более чем

достаточно, и за Киев и другие русские земли литовцы платили дань Орде, разумеется, не из своего кармана.

Силой и большой кровью литовцам пришлось брать только Смоленское княжество. Причем московские правители не только не пожелали помочь смолянам, но и всячески вредили им. Лишь одни Олег Рязанский, окруженный со всех сторон мощными врагами — Литвой, Москвой и Ордой, — мужественно пытался помочь Смоленску. А через пять столетий историки и литераторы начнут и обвинять его в измене.

О термине «Литва» я уже писал. Фактически национального литовского государства никогда не было. Было русское государство, которым правили православные князья, в жилах их текло больше русской крови, нежели литовской. Не менее 90 % населения Великого княжества Литовского составляли русские. Среди же простого литовского населения не менее 95 % были язычниками.

Жизнь в русских городах после включения их в состав Великого княжества Литовского почти ни в чем не изменилась. Границы почти всех уделов были сохранены. Порядки, права, администрация и прочее остались без изменений. Удельными князьями были свои православные люди, частью Рюриковичи, частью обрусевшие литовцы. Напомню, что я говорю о конце XIV века.

Однако серия уний между Великим княжеством Литовским и Польшей фактически уничтожила первое, принесла неисчислимые беды ее населению. Католическое духовенство и польские магнаты постепенно начали полонизировать и ока-толичивать русское население Великого княжества Литовского. Простые люди и большинство знати Литовского княжества отчаянно сопротивлялись агрессии поляков и пытались сохранить свою веру, язык, обычаи и территориальные владения. В результате ксендзы и ляхи получили серию кровавых войн и восстаний. Наконец, в XVII веке им все-таки удалось сделать поляками русское дворянство: они забыли свой язык, веру и обычаи. Народ же продолжал говорить на русском языке, пусть с вкраплениями иностранных слов, и в подавляющем большинстве сохранил православную веру.

Полонизация дворянства на территории Речи Посполитой, ранее принадлежавшей Великому княжеству Литовскому, не принесла полякам большой пользы. Наоборот, к национальной и религиозной розни добавилась еще и социальная.

Причин гибели Речи Посполитой было очень много. Подробно об этом автор рассказал в книге «История русско-польско-литовских войн». Но, безусловно, главной причиной падения Польши стали алчность и

агрессивность ее панов и ксендзов.

Глава 13

Побежденные победители

После долгого, но необходимого отступления вернемся в 1380 г. на Куликово поле. Итак, Дмитрий, он же теперь Донской, с торжеством вступает в Москву, а хан Мамай «побежал в Сарай». «Зипунов» на Руси добыть не удалось, да и войско Мамаево поредело. В итоге на той самой реке Калке Мамай был наголову разбит ханом Синей Орды Тохтамышем. Большая часть уцелевших татар Мамаево после битвы перешла на сторону победителя, Мамай же с небольшим отрядом всадников бежал в Крым. Там он попросил убежище у генуэзцев города Кафы. Городские власти впустили его в город, но затем Мамай был убит, а его сокровища оказались в руках генуэзцев.

Вскоре после Куликовской битвы, приблизительно за четыре дня до Преображения, то есть до 6 августа 1381 г., было подписано Докончание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем. Договор зафиксировал территориальное размежевание между Рязанью и Московским княжеством. Причем Рязань сохраняет за собой Лопасню и ряд других спорных городов на северном берегу Оки, между Окой и Цной.

В договоре говорилось и об инцидентах, произошедших после Куликовской битвы. «Ачто князь великий Дмитрии и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того ве-ремени что грабеж или что поиманные у князя у великого лю-дии у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчии, отдати то по исправе». В летописи не упоминается, о каких пленных идет речь: о московских ратниках, захваченных рязанцами, или о татарских, сменивших московский плен на рязанский. Я лично думаю, что речь идет о татарах. Зачем Олегу удерживать московских ратников, он вернул бы их так или за выкуп. А татары нужны ему для дипломатического торга или, как минимум, для большого выкупа.

Доподлинно же известно, что Олег Иванович все-таки ограбил людей Дмитрия Ивановича, возвращавшихся домой после Куликовской битвы. Причем в договоре не предусматривается безусловного возвращения полона. Решение этого вопроса откладывается до общего суда. Судя по тому, что вопрос о пресловутом донском полоне ставился и в последующих

докончаль-ных грамотах наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича, Рязань так ничего Москве и не вернула.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не пелось. Таким образом, если бы Мамай победил Тохтамыша, то ему не нужно было бы идти на Куликово поле, Дмитрий Иванович сам бы привез дань на блюдечке с голубой каемочкой. Но после Куликова поля Тохтамыш понял, что у русских произошел определенный психологический перелом. Исправить ситуацию мог только поход-реванш. Хан знал, что русские купцы, торговавшие с татарами, плавающими по Волге, часто являлись шпионами русских князей. Поэтому в 1382 г. Тохтамыш велел внезапно схватить всех русских купцов на Средней Волге, а товары их разграбить. Замечу, случай беспрецедентный, обычно золотоордынские ханы покровительствовали купцам, особенно на Волге.

Все же в Орде нашлись «доброхоты», предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь. Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска, тем не менее великий князь поехал «собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль — Ростов — Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что двинулся на север, к Вологде. Но это не тактический маневр, это бегство. Если бы князь думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, в недавно построенном каменном Кремле, либо стать с войском в 30 — 100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др. Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Итак, великий князь бежал, в Москве началась паника. Не хочу фантазировать и процитирую «Повесть о нашествии Тохтамыша», созданную на базе летописных сводов 1408 г.

«А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а

другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече — позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, сверху камнями швыряли, а внизу на земле с рогатинами, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и лишь насилу упрощенные, позже выпустили их, да и то ограбив.^[176]

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в буру великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал, И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель».^[177]

Между тем Тохтамыш перешел Оку, захватил Серпухов и сжег его. В «Повести...» утверждается, что «Олег (Рязанский — А.Ш.) обвел царя вокруг своей земли и указал ему все броды на реке Оке».^[178]

Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Согласно «Повести...»: «И подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выпрашивать, говори: «Есть ли здесь князь Дмитрий?» Они же из города с заборол отвечали: «Нет». Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборол, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город.

А тем временем внутри города добрые люди молились богу день и ночь, предаваясь посту и молитве, ожидая смерти, готовились с покаянием, с причастием и слезами. Некие же дурные люди начали ходить по дворам, вынося из погребов меды хозяйские и сосуды серебряные и стеклянные, дорогие, и напивались допьяна и, шатаясь, бахвалились, говоря: «Не страшимся прихода поганых татар, в таком крепком граде находясь, стены его каменные и ворота железные. Не смогут ведь они долго стоять под городом нашим, двойным страхом одержимые: из города — воинов, а извне — соединившихся князей наших нападения убоятся». И потом влезали на городские стены, бродили пьяные, насмехаясь над татарами, бесстыдным образом оскорбляли их, и слова разные выкрикивали, исполненные поношения и хулы, обращаясь к ним, — думая, что это и есть вся сила татарская. Татары же, стоя напротив стены, обнаженными саблями махали,

как бы рубили, делая знаки издалека.

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало уstraшились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ибо больший урон приносили татарские стрелы, чем стрелы горожан, ведь были у татар стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад быстро и без промаха стреляли. А некоторые из них, изготовив лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипятком на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с за-борол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и, угадав момент, пустил стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое, и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслужили смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, ратую, ополчился. Вы же достойны

помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князя Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы, ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на зоборолах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и нигде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли».

[\[179\]](#)

После взятия Москвы Тохтамыш двинулся к Твери. Но великий князь Тверской Михаил отправил к хану послов со «многими дарами», и Тохтамыш «разослал силы свои татарские по земле Русской завоевывать княжение великое, одни, направившиеся к Владимиру, многих людей посекали и в полон повели, а иные полки ходили к Звенигороду и к Юрьеву, а иные к Волоку и к Можайску, а другие — к Дмитрову, и иную рать послал царь на город Переяславль. И они его взяли и огнем пожгли, а переяславцы выбежали из города; город покинув, на озере спаслись в судах. Татары же многие города захватили, и волости повоевали, и села пожгли, и монастыри пограбили, а христиан посекали, иных же в полон увели, и много зла Руси принесли».

[\[180\]](#)

По версии «Повести...» князь Владимир Андреевич Серпуховской разбил какой-то малый татарский отряд близ Волока Ламского. Это дало повод московскому летописцу утверждать, что-де Тохтамыш испугался и бежал. На самом деле тох-тамышево войско спокойно собралось и, обремененное богатой добычей, отправилось к Оке. По дороге взяли Коломну, принадлежавшую Москве.

На обратном пути татары основательно пограбили Рязанское княжество. «Царь же переправился через Оку, и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полона. Князь же Олег Рязанский, то увидев, обратился в бегство».^[181]

Лишь тогда приехали Дмитрий Донской и Владимир Андреевич в Москву. «И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей».^[182]

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил болгарский отряд под началом князя Буртаса, сына погибшего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах болгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить болгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских всадников^[183] и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер «Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами» («Свод болгарских летописей». С. 220). После непродолжительного боя Буртас захватил ворота».^[184]

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную версию событий 23–26 августа 1382 г. Думаю, большинство по

укоренившейся традиции предпочтет версию «Повести...». Но я, грешный, более склонен верить болгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовцы прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им не открывали.

Как уже говорилось несколько раз, татары с одинаковым рвением грабили и союзников, и врагов, и разорение Рязанского княжества в сентябре 1382 г. — лишний тому пример. Так что винить князя Остея и московских ратников в трусости или в доверчивости, граничащей с идиотизмом, думаю, нет оснований. Трус никогда бы не поехал защищать Москву от орд Тохтамыша. Видимо, Остея подвела его излишняя лихость.

В связи со взятием Москвы Тохтамышем стоит рассказать и об истории появления огнестрельного оружия на Руси.

В 1889 г., в царствование Александра III «Миротворца», в Санкт-Петербурге пышно отметили 500-летие русской артиллерии. В 1939 г., в годы «культы личности», отмечали 550-летие. А вот при дорогом Леониде Ильиче 600-летие было отмечено в 1982 г.

Но в этом разночтении тайны никакой нет. Просто 60 — 80-е годы XIX века — время революции в артиллерии. Новые орудия успевали устаревать через 5 лет, а то и раньше.

Росли калибр и вес крепостных и корабельных пушек. А на Руси к любому делу всегда пытаются пристегнуть какой-либо юбилей. Причем чем хуже дела у правителя, тем больше он любит юбилеи. Вспомним, как в «застойное» время Леонид Ильич отмечал столетие первого Ильича. Николай II накануне краха империи и своего собственного почти ежегодно справлял многонедельные всероссийские юбилеи — 100 лет Бородинской битвы, 300 лет дому Романовых и т. д. Ельцин отправил на лом больше наших кораблей, чем это сделали турки, англичане, японцы и немцы за всю историю флота, и пышно справил 300-летний юбилей флота, а сейчас мы добрались и до 300-летия разваливающегося Санкт-Петербурга.

Итак, в 80-х годах XIX века заглянули в святцы, то есть в летописи. И нашли в Голицынской летописи следующую запись: «Лета 6879(1389) вывезли из немец на Русь арматы и стрельбу огненную, и от того часу уразумели из них стреляти». Вот и повод для юбилея, а способ доставки пушек — «из немец» — не вызывал нареканий. С середины 50-х годов XIX века Россия почти ежегодно покупала у Крупна сотни орудий, да и сам царь Александр III, между нами, немного, эдак процентов на 99, был этнический немец.

В 1939 г., не мудрствуя лукаво, отметили 550-летний юбилей, лишь в книжках по артиллерии цитату из Голицынской летописи подвергли

цензуре и выкинули слова «из немец».^[185] «Вывезли на Русь арматы», и все! А спрашивать в те годы — откуда, кто и зачем — было не принято.

Л.И. Брежнев из идеологических соображений решил не связывать рождение нашей артиллерии с немцами. Да и приятно юбилей пораньше отметить, не забывая, юбилей — это очередное производство в чин, вручение орденов, медалей, премий и т. д. И вот нашли в летописях, а может и в трудах С.М. Соловьева, фразу о стрельбе москвичей в 1382 г. по татарам из «самострелов, пороков и тюфяков». Термин «тюфяк» означал тип огнестрельного оружия, и рождение огнестрельной артиллерии перенесли на 7 лет назад — в 1382 г.

Действительно, слова «туфанг», «тюфенг» на арабском и тюркском языках означают небольшое артиллерийское орудие или ружье. Так что и вторая дата появления пушек на Руси была достаточно обоснованна. Но если в 1389 г. было все ясно — пушки прибыли от немцев, то в 1382 г. вопрос остался открытым. Конечно, многим хотелось, чтобы Россия стала родиной пушек. Увы, увыв... В летописях не нашлось даже ни одной двусмысленности, чтобы хоть как-то обосновать столь приятную версию. Итак, попробуем начать дело о приобретении огнестрельного оружия гражданином Дмитрием Ивановичем Донским. Налицо три основные версии, каждая из которых может иметь несколько вариантов. Первая версия — немецкий след; вторая — литовско-смоленский и третья — татарский.

В XIII и XIV веках шли непрерывные войны между литовцами и рыцарями Тевтонского ордена. На борьбу с язычниками и схизматиками со всей Европы съезжались храбрые рыцари. Так, в 1336 г. только из германских княжеств прибыло свыше 200 рыцарей. Из Германии же было доставлено и огнестрельное оружие.

В 1341 г. войска Тевтонского ордена осадили замок Вело-на на правом берегу реки Неман на границе между Жмудью и Литвой. Немцы не смогли взять Велону штурмом и решили прибегнуть к правильной осаде. Для этого они построили рядом с Велоной два хорошо укрепленных замка.

Великий литовский князь Гедемин с войском прибыл для освобождения Велоны от тевтонской осады и в свою очередь осадил оба замка. Однако их гарнизоны имели огнестрельные орудия. Метким выстрелом из пушки (ружья) Гедемин был убит.^[186] Сыновья отвезли тело князя в Вильну, где по древне-литовскому обычаю облачили в парадные одежды и сожгли на погребальном костре в Кривой долине Свинторога вместе с вооружением, любимым конем, слугой, частью добычи и тремя

пленными немецкими рыцарями.

Разумеется, пушки были не только у рыцарей Тевтонского ордена, но и в ганзейских городах, которые вели оживленную торговлю с Новгородом и Псковом. Лично я уверен, что Новгород и Псков стали первыми русскими городами, принявшими на вооружение пушки. Увы, оригинальных документов на это счет не сохранилось, а, скорее всего, и не было вообще. Шведский король неоднократно приказывал своим кораблям перехватывать ганзейские суда, которые возили оружие и железо в Новгород. Римские папы неоднократно призывали ганзейских купцов прекратить торговлю с Новгородом и Псковом «стратегическими материалами» и грозили заслушание всяческими небесными и земными карами. Нам лишь известно, что в 1478 г. стены Великого Новгорода защищали 55 пушек.

И вот в 1389 г. «из немец» привезли в Москву артиллерийские орудия. В тот же год «из немец» привезли пушки и в Тверь, которая была главным конкурентом Москвы в борьбе за обладание Северо-восточной Русью. В течение нескольких последующих лет тверской «наряд» значительно увеличился как в количественном, так и в качественном отношении.

В декабре 1408 г. татарское войско Едигея подошло к Москве, и Едигей отправил к великому тверскому князю Ивану Михайловичу посла с распоряжением «быти у Москвы часа того съ всею ратью тверскою, и съ пушками, и с тюфяки, и съ самострелы и съ всеми съсуды градобиинными...». [\[187\]](#)

Иван Михайлович сумел уклониться от похода на Москву. Тем не менее мы видим, что даже в Орде знали об огневой мощи тверского войска.

Как видно из процитированного отрывка Троицкой летописи, в 1408 г. на Руси наряду с тюфяком уже был и термин пушка.

«Пушка» — древнее общеславянское слово. В начале XV века оно бытовало в Сербии, Польше, Чехии. Так, в чешской артиллерии первой четверти XV века встречались следующие наименования различных типов пушек: «ручницы» (вес 2 — 3 кг, длина ствола 30–45 см, калибр 20 — 33 мм); «гаков-ницы» (вес 5 — 3 кг, длина ствола 40 — 100 см, калибр 20–30 мм); «тарасницы» (вес 40–95 кг, длина ствола 100–130 см, калибр 40 — 45 мм); «великие пушки» (вес 100–200 кг и более, калибр 15–18 см и более). Замечу, что славянское слово *ръсгка* вошло и в литовский язык.

Первые пушки появились в Великом княжестве Литовском в конце 80-х годов XIV века. Так, к примеру, литовский князь Витовт применял артиллерию в 1390 г. при взятии городов Витебска и Вильны. В сражении с татарами на реке Ворскле в августе 1399 г. Витовт впервые в Восточной Европе применил пушки в поле. В этой битве участвовали и смоленские

полки, которые, видимо, также уже имели огнестрельное оружие.

Во всяком случае, как мы уже знаем, в январе 1396 г. при въезде в Смоленск великого князя московского Василия I Дмитриевича в его честь около двух часов палили большие пушки («картаны»). Примерно в это же время смоленский князь Глеб Святославович учредил новый герб города Смоленска. На нем была изображена большая пушка, на которой сидела райская птица Гамаюн.

Так что, вполне можно считать достаточно обоснованной версию ряда смоленских историков, что пушки в Москву попали в 1382 г. через Великое княжество Литовское, а конкретно — через Смоленск.

Вполне можно предположить, что князь Остей поехал защищать Москву не с пустыми руками, а взял с собой в Смоленске несколько легких пушек, которые в Москве именовались тюфяками.

А теперь обратимся к третьей — татарской — версии явления огнестрельного оружия на Руси. Весной 1376 г. великий князь московский Дмитрий Иванович послал воеводу Дмитрия Волынского в поход на болгар. Московское войско подступило под Казань, и татары (болгары) стреляли со стен города из луков и самострелов, и, как записал русский летописец, «з города гром пушаху страшаще русские полки». В конце концов дело кончилось миром — московский воевода ушел, получив 5 тысяч рублей отступного.

Ряд русских и татарских историков утверждают, что это было первое применение огнестрельного оружия в русско-татарских войнах.^[188]

Профессор З.З. Мифтахов пишет, что в составе 5-тысячного болгарского отряда Сардары Сабана, союзника хана Мамаю, было два туфанга (пушки) и пушечный мастер по имени Ас, сын знаменитого мастера-пушкаря Тауфика.^[189]

В ходе Куликовской битвы татарские пушки (туфанги) были установлены у подножия холма, на котором стоял шатер хана Мамаю. Как писал Мифтахов: «У подножия холма были брошены две пушки, привезенные булгарами. Из этих пушек так и не выстрелили ни разу. Мастер-пушкарь Ас попал в плен. Его хотели убить, но воевода Дмитрий Боброк не позволил. Он увез Аса и его пушки в Москву. Именно Ас научил русских делать пушки, которые они вначале называли (по-бул-гарски) — «туфангами».^[190]

Великий князь Дмитрий очень «дорожил мастером». «Дело в том, что болгарский пушечный мастер наладил в Москве изготовление пушек. Поскольку «русские не могли получить пригодный металл», то «Ас

принужден был в большинстве случаев делать русские пушки из дерева» (Свод болгарских летописей, Оренбург, 1993, Т. 1. С. 220). Эти пушки были взяты ханом и князем Буртасом (в 1382 г. — АЛ/) в качестве военной добычи: Буртасу достались четыре, а остальные — Тохтамышу. Когда в 1395 г. Тамерлан разбил Тохтамыша, пушки, взятые ханом в Москве, достались ему. Раиль искал отца в Москве, но не нашел». ^[191]

Итак, мы имеем три достаточно аргументированные версии — немецкую, литовскую и татарскую. Но они, на мой взгляд, не исключают друг друга. Действительно, москвичи могли захватить несколько пушек на Куликовом поле, а в 1382 г. несколько пушек могли прибыть в Москву с князем Остеем, и, наконец, уже большая партия огнестрельного оружия поступила в 1389 г. «из немец» в Москву и Тверь.

А есть ли какое-либо документальное подтверждение появления огнестрельного оружия на Руси в конце XIV — начале XV века? Или, попросту говоря, найдена ли материальная часть того времени? Оказывается совсем немного.

Самое древнее орудие, экспонируемое в Артиллерийской музее, 4-гривенный тюфяк, изготовленный из кованого железа во 2-й половине XIV — начале XV века (так осторожно датирован он в каталоге музея). Калибр тюфяка 90 мм, длина около 440 мм, вес 11,5 кг. По внешнему виду орудие это напоминает мортиру. Оно состоит из двух цилиндрических частей. Зарядная камера цилиндрическая. На казенной части имеется запал.

Сей тюфяк находится в разделе русской артиллерии, как в каталоге, так и в музее. Но, увы, он найден в 1885 г. в местечке Старый Крым Таврической губернии. Скорее всего, владельцами тюфяка были крымские татары. Куда менее вероятно, что его доставили в Крым генуэзцы.

Наиболее ранним русским оружием можно считать мортирку, хранившуюся в Калининском краеведческом музее. Тело мортирки состояло из двух железных цилиндров. Длина ее около 425 мм. Есть основания полагать, что мортирка принадлежала тверским князьям.

Увы, в ходе кратковременной оккупации Калинина (Твери) германскими войсками мортирка была украдена немецкими солдатами.

Еще одно небольшое орудие конца XIV — начала XV века хранилось в Ивановском краеведческом музее. Калибр его 31 мм, длина кованого железного ствола 230 мм. Канал ствола неправильной слегка конической формы с расширением к дулу. Ложе деревянное длиной 1300 мм. Ряд историков классифицируют орудие как ручную пищаль. ^[192] Но, увы, и это орудие таинственно исчезло из музея в годы «перестройки».

Но вернемся в кровавую осень 1382 г. Разгромом Москвы попыталась воспользоваться Тверь. Как мы знаем, Тохтамыш взял Москву 26 августа, а уже 5 сентября Михаил Александрович Тверской со старшим сыном Александром отправился в Орду окольным путем. Тверичи равно боялись как отдельных татарских отрядов, занимавшихся грабежом, так и москвичей.

Осенью того же года в Орду отправился и князь Борис Константинович Городецкий, женатый на племяннице Михаила Тверского.

Поздней осенью 1382 г. в Москву от Тохтамыша прибыл посол Карач Мурза Оглан.^[193] Хан потребовал приезда в ставку Дмитрия Донского, ну и, само собой разумеется, денег.

Ехать в Орду Дмитрий испугался. Неровен час, велит его казнить Тохтамыш, как в свое время казнили тверских князей. А то и просто прибьют родственники мурз, убитых на Куликовом поле. Поэтому посольство в Орду возглавил старший сын Дмитрия одиннадцатилетний княжич Василий. С разоренных московских и владимирских земель великокняжеские дружины выколачивали последние гроши. Всего набрали 8 тысяч рублей серебром. С ними весной 1383 г. и отправился в Орду княжич Василий.

И тут фортуна в очередной раз улыбнулась московским князьям. Тохтамыш в 1383 г. строил далеко идущие планы в отношении Великого княжества Литовского, кроме того, его беспокоило усиление на юго-востоке хана Тимура (Тамерлана). В такой ситуации лишний раз ссориться с Москвой было невыгодно, да и 8 тысяч рублей — не пустяк.

В итоге ярлык на Великое княжество Владимирское получил не Михаил Александрович Тверской, а Дмитрий Донской. Но, чтобы не обидеть тверского князя, Тохтамыш дал ему ярлык на Кашинское княжество. Это княжество было уделом тверских князей, и с 1318 г. там правила династия кашинских князей: с 1318 г. — Василий, сын Михаила Всеволодовича; с 1368 г. — его сын Михаил; с 1374 г. — внук Василий. Кашинский князь Василий Михайлович женился на Василисе, дочери Симеона Гордого, и стал норовить Москве, предав тверскую родню. По договору 1375 г. между Москвой и Тверью кашинские князья стали вассалами московских князей. 6 июня 1382 г. Василий Михайлович Кашинский умер, не оставив наследников. Теперь Кашин безоговорочно отошел к Твери.

Забегая несколько вперед, скажу, что в 1399 г. Москва и Тверь заключили новый мирный договор, по которому тверской князь наследует престол «братом» московского князя, а не «молодшим братом», как в

договоре 1375 г. Замечу, что отсутствие прилага- тельного «молодой» в новом договоре — не пустая формальность, а означает, что оба князя получили равный статус.

Итак, в 1383 г. Тохтамыш выдал Дмитрию Московскому ярлык на Великое княжество Владимирское, Михаилу Тверскому — ярлык на Кашин, но оба их сына — Василий и Александр (позже получивший прозвище Ордынец) — остались заложниками в Орде. Заодно в заложники был взят и второй сын Олега Рязанского Родислав. Лишь в 1385 г. Василию удалось бежать, а Родислав бежал в 1387 г.

Итак, после Куликовской битвы политическое значение Москвы и самого Дмитрия Донского на Руси, вопреки мнению подавляющего большинства наших историков, не только не возросло, но и значительно снизилось со времен Ивана Калиты.

25 марта 1385 г. Олег Рязанский отбил у Москвы Коломну — старую вотчину рязанских князей. Дмитрий Донской собрал большое войско, но сам его не возглавил, а отправил двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. И, замечу, правильно сделал. Под селом Перевичным Олег наголову разгромил московскую рать. Состоявший на московской службе князь Михаил, сын Андрея Ольгердовича Полоцкого, был убит, а Владимиру Серпуховскому удалось бежать.

Узнав о поражении своих войск, Дмитрий Донской отправляет к противнику игумена Сергия Радонежского, так как Кип-риан ехать отказался.

Осенью Сергей заявился в Рязань. «Тое же осени в Филипо-ва говенье игумен Сергей сам ездил на Рязань ко князю Ольгу о мире: прежде бо того мнози ездisha к нему, и никто же возможе утолита его. Преподобный же старец кроткими словесы и благо-уветливыми глаголы много беседовав с ним о мире и любви: князь же Олег преложи свирепство свое на кротость, и умилился ду-шею, и устыдеса толь свята мужа, и взя со князем Великим мир вечный», — писал промосковски настроенный летописец.

На самом же деле был достигнут компромисс: Олег получил большую часть спорных земель. Кроме того, была достигнута договоренность о браке сына Олега Федора с дочерью Дмитрия Донского Софьей. Свадьбу сыграли осенью 1386 г.

19 мая 1389 г. в Москве умер Дмитрий Донской. В завещании он благословил своего старшего сына Василия на великое княжение владимирское, которое назвал своей отчиной. Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля.

У Дмитрия Донского осталось еще пять сыновей: Юрий, Андрей,

Петр, Иван и Константин. Последний родился за 4 дня до кончины великого князя, и Иван был еще совсем маленьким, поэтому Дмитрий поручил Москву только четверым старшим сыновьям. В этой отчине, то есть в Москве и ее окрестностях, Дмитрий Донской владел двумя жребиями: жребием своего отца Ивана и жребием дяди Симеона, а третьим жребием владел Владимир Андреевич Серпуховской. Из двух своих жребиев Дмитрий половину отдал старшему сыну Василию, «на старший путь», а другой разделил на три части между остальными сыновьями. Остальные города Московского княжества Дмитрий распределил так: Коломну завещал старшему Василию, Звенигород — Юрию, Можайск — Андрею, Дмитров — Петру. Завещав Василию Великое княжество Владимирское, которому принадлежали Костромская и Переяславская области, Дмитрий отдал остальным троим сыновьям города, купленные еще Калитой, но окончательно присоединенные только им: Юрию — Галич, Андрею — Белоозеро, Петру — Углич.

Принципиально важным в завещании является передача власти в Москве и Великом княжестве Владимирском сыну Василию, а в случае смерти Василия — следующему сыну Юрию. Позже историки объясняли это тем, что у Василия еще не было детей. Но Василию исполнилось всего 18 лет, и он был обручен с Софьей, дочкой князя Витовта. Что же, Дмитрий Донской заранее решил, что у молодых не будет детей, или он и его бояре были безграмотны и не могли написать в завещании, что престол переходит к старшему сыну Василию, а при отсутствии такового — к брату Юрию?

Историк В.А. Горский гордо писал: «Василий Дмитриевич стал первым великим князем владимирским, который взошел на свой стол без того, чтобы по смерти предшественника лично съездить за ярлыком в Орду».^[194]

Все верно, но дело не в смелости Василия, а в том, что ехать было некуда... Когда умер Дмитрий Донской, хан Тохтамыш был в походе на хана Тимура и находился где-то восточнее реки Яик.

Тохтамышу донесли о московских переменах, и он послал на Русь какого-то своего татарина Шахмата. 15 августа 1389 г. Шахмат «посадил князя Василия Дмитриевича на великое княжение Владимирское».^[195] Через год после этого Василий поехал в Орду и купил там ярлык на Нижегородское княжество, которое незадолго до этого выпросил себе в Орде князь Борис Константинович.^[196]

Узнав о замыслах Василия, Борис собрал своих бояр и сказал им: «Господа и братья, бояре и друзья мои! Вспомните свое крестное

целование, вспомните, как вы клялись мне». Старший боярин Василий Румянцев ответил князю: «Не печалься, господин князь! Все мы тебе верны и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить». Так он говорил князю, а за его спиной «ссылался» с Василием Дмитриевичем, обещая выдать ему Бориса.

Василий, возвращаясь из Орды, остановился в Коломне и оттуда отправил в Нижний Новгород посла Тохтамыша со своими боярами. Борис сначала не хотел пускать их в город, но Румянцев сказал ему: «Господин князь! Посол ханский и бояре московские идут сюда за тем, чтоб мир покрепить и любовь утвердить вечную, а ты сам хочешь поднять брань и рать. Впусти их в город. Что они могут тебе сделать? Мы все с тобою».

Но как только ханский посол с московскими боярами въехали в город, зазвонили все колокола, собирая народ, и народу объявили, что теперь Нижний принадлежит московскому князю.

Борис, узнав об этом, послал за боярами и сказал им: «Господа мои и братья, милая дружина! Вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим». Но Василий Румянцев ему ответил: «Господин князь! Не надейся на нас, мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя». И тут Бориса схватили.

Через некоторое время в Нижний приехал Василий Дмитриевич, посадил там своих наместников, а князя Бориса с женой, детьми и их приверженцами велел развести по разным городам в оковах и держать за крепкой стражей.

По тому же ярлыку на Нижний Василий приобрел и Городец, Муром, Мещеру и Тарусу.

Но у нижегородского князя Бориса на воле остались двое племянников — Василий и Семен Дмитриевичи, родные дядья по матери московскому князю, они княжили в Суздальской волости, теперь со всех сторон охваченной московскими владениями. В 1394 г. по приказу Василия I ^[197] нижегородский князь Борис Константинович был замучен приставами в темнице. Узнав об этом, оба племянника побежали в Орду добиваться ярлыков на свою отчину — Нижний, Суздаль и Городец. Василий послал за ними погоню, но племянники благополучно достигли Орды.

В 1399 г. князь Семен Дмитриевич с татарским войском в тысячу человек во главе с каким-то татарским царевичем Ей-тяком подступил к Нижнему, где заперлись трое московских воевод. Три дня татары осаждали город, наконец нижегородцы открыли ворота, взяв с татар клятву, что не будут грабить и пленить христиан. Но татары, естественно, разграбили все, что можно, а князь Семен оправдывался: «Не я обманул, а татары. Я в них

не волен, я с ними ничего не могу сделать». Две недели пробыли татары в Нижнем, но потом, узнав, что Василий I собирается на них с войском, убежали в Орду.

«Василий Дмитриевич же послал большую рать с братом своим князем Юрием, воеводами и старшими боярами; они вошли в Булгарию, взяли города: Булгары, Жукотин, Казань, Кременчуг, в три месяца повоевали всю землю и возвратились домой с большой добычей».^[198]

Так просто и неясно написал С.М. Соловьев о первом походе русских на Казань. По версии же Мифтахова войско Василия I ходило на Булгарию по указанию эмира Едигея, причем одной из целей похода было уничтожение семьи Тохтамыша, жившей в Казани. Напомню, что все это происходило непосредственно после битвы на Ворскле (12 августа 1399 г.). Согласно Мифтахову, Василий I «отправил в поход против Волжской Булгарии 50-тысячное войско: 8 тысяч воинов-моряков (салчиев), 30 тысяч пехотинцев и 12-тысячную конницу. Перед воеводами была поставлена четкая задача — захватить Казань. Однако служилый хан Енейтек расстроил планы воевод. Произошло это так.

Когда русская пехота добралась до Буратской переправы (у совр. г. Зеленодольска), она стала ждать подхода судов. На утренней заре хан Енейтек внезапно совершил нападение на спящих пехотинцев. В результате этого нападения русские войска потеряли 6 тысяч, а хан Енейтек потерял «всего 60 всадников». Когда весть об этом дошла до великого князя, он «пришел в сильнейшее неистовство и велел своим выжечь всю Горную сторону». Началась война, названная в народе «Горной».

В соответствии с повелением великого князя русская конница и оставшиеся в живых пехотинцы (24 тыс.) изменили направление движения: от переправы они пошли не на Казань, а в глубь Горной Булгарии. Русские войска взяли и разорили крепость Чирмыш-Керман. В этой крепости находился монетный двор, пожалованный хану Енейтеку эмиром Азаном за хорошую службу.

После этого русские войска разгромили крепость Дэбэр-Ка-зан, а затем вторую ставку хана Енейтека Ташлы-Болгар.

Одновременно с нападением на Ташлы-Болгар (совр. Та-шовка) русские войска, находящиеся на судах, приблизились к Казани. Они атаковали пригород Джукетау. При штурме его вала и частокола русские потеряли 2 тысячи воинов. Когда они ворвались в посад Джукетау, то «изрубили на куски проживавшего в нем доброго и незлобивого хана Мохаммед-Султа-на со всеми его женами и детьми». Однако воеводы не решились напасть на центральную часть города. Тому было несколько

причин.

Во-первых, они ждали подхода эмира Едигея.

Во-вторых, русские войска понесли большие потери на Горной стороне:

— под Чирмыш-Керманом потери составили 2 тысячи всадников и 3 тысячи пехотинцев;

— под Дэбэром — 4 тысячи всадников и 7 тысяч пехотинцев;

— под Ташлы-Болгаром — 6 тысяч всадников и 10 тысяч; пехотинцев.

Таким образом, потери русских составили 32 тысячи убитыми: 12 тысяч всадников и 20 тысяч пехотинцев. Когда великий князь Василий I узнал о гибели своей конницы, он повелел «повесить уцелевших конных воевод», так как «эта конница считалась основой русского могущества». Она была создана в 1369 г. Ее костяк составляли татарские князья и мурзы, перешедшие на русскую службу.^[199]

В октябре 1408 г. Едигей внезапно двинулся на Москву, введя Василия I в заблуждение утверждением, что идет на Ви-товта. Разведка у москвичей работала неплохо, и Василий I за месяц узнал о походе Едигея. Верный семейной традиции, Василий «поехал собирать полки» в Кострому. Понятно, что в другом месте, поближе к противнику, их собрать никак нельзя было! Но, в отличие от 1382 г., в Москве все-таки было оставлено начальство — Владимир Андреевич Серпуховской. Москвичи выжгли посад вокруг Москвы.

1 декабря 1408 г. Едигей подошел к столице и разбил лагерь в селе Коломенском. В Тверь был отправлен посол с требованием прислать войска, а главное, пушки. Троицкая летопись утверждает, что тверской князь Иван Борисович пошел на хитрость, чтобы не поспориться как с Едигеем, так и с Василием I. Он поехал к Москве с одной дружиной и без пушек, но двигался медленно и доехал лишь до Клина, где и узнал об уходе Едигея от Москвы.

Едигей простоял под Москвой 20 дней, распустив по татарскому обычаю конные отряды для грабежа русских городов. Они разграбили Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород. Можайск был сожжен дотла, а довольно большой город на Волге Городец (периметр вала его кремля составлял 3500 м) был разрушен до основания и более не восстанавливался. Лишь в XVIII веке на его месте возникло село.

По одной версии причиной ухода Едигея был какой-то мятеж в Орде, предположительно затеянный сыном Тохтамыша Джелал-ад-дином. А может быть, эмиру показалась достаточной сумма в 3 тысячи рублей, выплаченная осажденными москвичами. Короче, так или иначе, но, взяв

деньги, Едигей отправился восвояси. На обратной дороге он взял Рязань, где правил союзник Василия I князь Федор Олегович.

С.М. Соловьев писал: «После нашествия Эдигеева московский князь три года не ездил в Орду сам и не посылал туда ни родственников своих, ни бояр больших; только в 1412 году, когда новый хан Зелени-Салтан (Джелаледдин Султан), сын Тохтамыша, дал изгнанным нижегородским князьям ярлык на их отчину, Василий Дмитриевич поехал в Орду с большим богатством и со всеми своими вельможами». ^[200]

А дело было так. Сыновьям нижегородского князя Бориса Константиновича Ивану, по прозвищу Тугой Лук, и Даниилу удалось каким-то способом бежать из московских застенков, и они отправились к болгарскому (казанскому) эмиру Би-Омару. В 1411 г. эмир дал им войско под началом князей Марджана, Талкыша и Хасаина Ашрафа.

Иван и Даниил Борисовичи двинулись на Владимир. Навстречу им Василий I послал большую рать под командованием своего младшего брата дмитровского князя Петра. ^[201] Ожесточенное сражение произошло у села Лысково. ^[202] Русские летописи глухо сообщают о поражении московской рати.

А вот согласно болгарской летописи русские потеряли убитыми 20 тысяч человек, а болгары потеряли убитыми небольшое количество воинов. Однако был убит главный пушечный мастер Раиль. В той битве «его пушки в самый напряженный момент побоища обратили густую толпу русских в паническое бегство». В этот момент из леса неожиданно выскочили бывшие в засаде русские и зарубили пушечного мастера. «С той поры было запрещено брать в походы пушечных мастеров»». ^[203]

После этого отряд болгарского князя Талкыша (в русской летописи Талыча), а по русской летописи к ним присоединилась и дружина Даниила Борисовича, под началом боярина Семена Карамышева, скрытно подошел к Владимиру.

Как писал Соловьев: «Татары и дружина Данилова подкрались к городу в полдень, когда все жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли их, людей побили множество. В соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священник Патрикий, родом грек; он забрал сколько мог сосудов церковных и других вещей, снес все это в церковь, посадил там нескольких людей, запер их, сошел вниз, отбросил лестницы и стал молиться со слезами перед образом богородицы. И вот татары прискакали к церкви, кричат по-русски, чтоб им ее отперли; ключарь стоит неподвижно перед образом и молится; татары отбили двери, вошли,

ободрали икону богородицы и другие образа, ограбили всю церковь, а Патрикия схватили и стали пытаться: где оставшаяся казна церковная и где люди, которые были с ним вместе? Ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу — Патрикий не сказал ни слова; тогда привязали его за ноги к лошадиному хвосту и таким образом умертвили. Весь город после того был пожжен и пограблен, жителей повели в плен; всей добычи татары не могли взять с собою, так складывали в копны и жгли, а деньги делили мерками; колокола растопились от пожара, город и окрестности наполнились трупами». [\[204\]](#)

Этот эпизод красочно, но с большим отклонением от исторической правды, показан в фильме «Андрей Рублев», где Юрий Никулин сыграл ключаря Патрикия.

Взятие Владимира, а может и деньги, захваченные там, несомненно, способствовали получению Борисовичами в Орде в 1412 г. ярлыка на Великое княжество Нижегородское. Судя по всему, Василий I зря туда ездил и зря тратил народные деньги. Как писал Соловьев: «...имеем право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними (за Борисовичами — А.Ш.), потому что великий князь Василий в завещании своем ни слова не говорит о Суздале, отказывая сыну только два примысла свои — Нижний и Муром». [\[205\]](#)

Причем, великому князю московскому пришлось не только примириться, но и породниться с нижегородскими князьями. В 1417 г. Василий I выдал свою дочь Василису за князя Александра Брюхатого, сына Ивана Борисовича Тугой Лук. Но Брюхатый успел только зачать сына Семена и помер в 1418 г. Тогда Василису выдали замуж за двоюродного брата Брюхатого Александра Взметня, сына Даниила Борисовича.

Итак, Василий I ярлык на Нижегородское княжество не получил, зато с 1412 г. ему пришлось ежегодно и регулярно платить дань, как во времена хана Узбека.

Глава 14

Татарский вектор в тридцатилетней гражданской войне

В ночь на 27 февраля 1425 г. умер великий князь московский Василий Дмитриевич. Прежде чем перейти к последующим событиям, стоит сказать несколько слов о главных действующих лицах предстоящей драмы. Как уже говорилось, Василий I был женат на Софье Витовтовне, которая первой из московских княгинь начала участвовать в большой политике. Из-за нее Василий I попал под сильное влияние тестя. Как мы помним, Василий Дмитриевич фактически предал Смоленск (полбеда, если бы продал в обмен на какую-либо землю). Василий I был довольно слабой бесцветной личностью, и жена его приобрела власть, которой никогда не имела ни одна княгиня со времен княгини Ольги в X веке.

Второй по значимости фигурой в Москве был митрополит Фотий. Князь Василий хорошо ладил с митрополитом Киприаном до самой смерти последнего в 1406 г. Тогда Витовт отправил в Константинополь своего кандидата на митрополию — полоцкого епископа Феодосия. Василий во многом уступал тестю, но это было уж слишком — митрополит должен быть чисто московским, то есть ручным. Попов, способных тягаться с Феодосием, в Москве в 1406 г. не было, и Василий I попросил константинопольского патриарха поставить кого-либо из греков.

В Константинополе к Василию I относились куда лучше, чем к Витовту. В 1398 г. из Москвы к императору Мануилу пришла крупная сумма, а в 1414 г. Мануил женил своего сына Иоанна на дочери Василия I Анне. Патриарх исполнил просьбу московского князя и направил в Москву митрополитом Фотия — грека из Морей.

Новый митрополит оказался человеком крайне честолюбивым, властным и жадным. По словам московского летописца: «После татар и после частых моровых поветрий начало умножаться народонаселение в Русской земле, после чего и Фотий митрополит стал обновлять владения и доходы церковные, отыскивать, что где пропало, что забрано князьями, боярами или другим кем-нибудь — доходы, пошлины, земли, воды, села и волости; иное что и прикупил».

Витовт первые несколько лет конфликтовал с Фотием. Дошло до того, что Фотия не пустили в Киев. На границе литовских владений он был

остановлен, ограблен и принужден возвратиться в Москву. С подачи Витовта южнорусские епископы поставили в 1415 г. митрополитом Григория Цамб-лака, однако тот умер в 1419 г.

В марте 1423 г. Фотий приехал к Витовту. Великий князь литовский принял его торжественно и официально признал митрополитом всея Руси. А Фотий, в свою очередь, разослал повсюду обращения, где говорилось: «Христос, устрояющий всю вселенную, снова древним благолепием и миром свою церковь украсил и смирение мое в церковь свою ввел, советованием благородного, славного, Великого Князя Александра». (Александр — православное имя Витовта.) Что же произошло? Отчего давние враги кинулись в объятия друг друга?

Василий I, видимо, уже к 1423 г. предчувствовал приближение смерти и был крайне озабочен проблемой престолонаследия. Над ним «дамокловым мечом» висело завещание Дмитрия Донского, по которому, как мы знаем, Василию наследовал брат Юрий. Причем это была не прихоть Дмитрия, а норма древнерусского феодального права, существовавшего уже 600 лет.

Юрий Дмитриевич был славным воином и полководцем, и, что было совсем немаловажно в то время, к 1425 г. у него было 4 взрослых сына (20–25 лет): Василий Косой, Дмитрий Большой (Шемяка), Дмитрий Меньшой (Красный) и Иван.

Кто же мог противостоять Юрию Дмитриевичу? Семилетний сын Василия I Василий^[206] и два иностранца — грек Фотий и литовка Софья Витовтовна? На кого мог положиться Василий I? На Орду? Конечно, ее нельзя было сбрасывать со счетов, но «замятия» там продолжалась, с 1411 г. по 1420 г. в Орде сменилось 9 ханов, причем ханы Пулат и Джелял-эддин вступали на престол дважды. А в 1421 г. Золотая Орда распалась на Западную и Восточную части. Ханом Западной части стал в 1421 г. Улу-Мухаммед, а Восточной — Хаджи-Мухаммед (Хаджи Махмуд хан). В 1423 г. Барак-хан разгромил войско Улу-Мухаммеда и захватил его владения. Улу-Мухаммед бежал в Литву и попросил помощи у Витовта.

И вот Василий I отправил к Витовту Фотия со своей духовной грамотой, в которой отдавал своего сына Василия под покровительство великого князя литовского. Замечу, что этим актом сын Дмитрия Донского делал вассалом великого князя литовского не только своего сына, но всю Владимире-Суздальскую Русь. Таким образом, Василий I из ревности, а, может, и ненависти к брату готов был поступиться независимостью Московского княжества.

Витовт, естественно, согласился и на радостях помирился с Фотием.

«А сразу за Фотием в Литву отправилась великая княгиня Софья Витовтовна, привезшая восьмилетнего Василия Васильевича на свидание с дедом в Смоленске. Очень вероятно, что именно тогда все еще находившийся в Литве (поскольку Борак доминировал в степи по меньшей мере до лета 1423 г.) хан Улу-Мухаммед и выдал на имя сына великого князя ярлык. Инициатива в этом, можно полагать, исходила от Витовта, желавшего таким образом еще более оградить владельческие права внука от возможных притязаний со стороны его дядьев с отцовской стороны».^[207]

Но вернемся в ночь на 27 февраля 1425 г. Буквально через несколько минут после смерти Василия I митрополит Фотий отправил в Звенигород^[208] к князю Юрию Дмитриевичу своего боярина Акинфа Ослебятева. Он должен был передать князю, требование девятилетнего великого князя Василия II прибыть в столицу и присягнуть.

Князь Юрий немедленно начал собираться и вместе с дружиной отправился в... Галич. Это был открытый вызов московской клике. «Клика» — это самое скромное название людям, правившим от имени девятилетнего ребенка: властолюбивой старухе, честолюбивому греку и кучке бояр, не желавших делиться своим положением и своими доходами с боярами князя Юрия.

Славный витязь Юрий Дмитриевич, став великим князем, немедленно бы покончил с татарским игом. И это не личное мнение автора. Тот же А.А. Горский писал: «...в Орде продолжалась борьба за власть между несколькими претендентами. >Ни один из них не располагал серьезной военной силой: показательно, что Борак и Худайдат в период своего максимального могущества терпели поражения от относительно небольших литовско-русских воинских контингентов. Если бы в московских правящих кругах существовало стремление покончить с зависимостью от Орды, для этого был весьма подходящий с военно-политической точки зрения момент — средств для восстановления власти силой, как у Тохтамышы и Едигея, тогда не было».^[209]

Понятно, что Юрий Дмитриевич вовсе не мечтал стать холопом литовки и грека, и тем более вассалом Витовта. Он бросил жребий. В Звенигороде, рядом с Москвой, оставаться было небезопасно, и он едет в Галич собирать войска. День отъезда князя Юрия из Звенигорода можно считать началом почти тридцатилетней гражданской войны. Но виновником ее был не Юрий, а корыстолюбивое московское боярство, которое ради тридцати Серебренников готово было отдать Русь и Литве, и Орде, и хоть самому черту.

Однако весной 1425 г. к немедленному началу боевых действий обе стороны были явно не готовы. Поэтому Юрий Дмитриевич предложил Москве заключить перемирие до Петрова дня, то есть до 29 июня. Клика^[210] согласилась.

По мнению историка А.А. Зимина: «Уже весной князь Юрий «разосла по веси своей отчине, по всех людей своих», и собрались «все к нему из всех градов его, и восхоте пойти на великого князя». Похоже, что решение принято было с учетом пожеланий всех собравшихся воинов князя Юрия. Созвано было что-то среднее между древнерусским вечем и московским земным собором».^[211]

А тем временем Софья Витовтовна и Фотий лихорадочно раздавали земли своим потенциальным союзникам. Дядя Василия II Константин получил в удел Ржеву, князю Петру Дмитриевичу дали в удел волости Шачебал и Ликурги (правда, тот передал их Константину Дмитриевичу).

Задоблив дядей и заполучив их дружины, клика нарушила перемирие и двинула войско на Кострому, намереваясь оттуда наступать далее на Галич. Юрий Дмитриевич решил, что деревянно-земляные укрепления Галича слабы, и ушел в Нижний Новгород.

Вслед за ним на Нижний двинулась и 25-тысячная московская рать во главе с князем Андреем Дмитриевичем. Однако по каким-то причинам до Нижнего войско не дошло и без боя вернулось назад. Софья и Фотий подозревали князя Андрея в сговоре с братом. Понятно, что сейчас причину неудачи похода установить невозможно.

В случае неудачи московского войска в дело вступает... Совершенно правильно, Фотий. На Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) он прибыл в Ярославль, где отужинал у ярославского князя Ивана Васильевича. Затем Фотий отправился Галич. Юрий, узнав, что к нему едет митрополит, вышел встречать его с детьми, боярами и лучшими людьми, собрал всю чернь из городов и деревень и поставил ее по горе так, что Фотий мог видеть большую толпу народа при въезде в город. Но Юрию не удалось испугать митрополита. Тот, лишь взглянув на толпы черни, сказал: «Сын князь Юрий! Не видывал я никогда столько народа в овечьей шерсти», тем самым говоря, что люди, одетые в сермягу, плохие ратники.

Начались переговоры. Митрополит настаивал на вечном мире, то есть чтобы Юрий навечно признал мальчишку своим господином. Галицкий же князь был согласен лишь на длительное перемирие. Фотий рассердился и уехал из Галича, не благословив ни князя, ни города, и вдруг после его отъезда в Галиче начался мор (чума?). Видимо, чуму в Галич занесла свита

Фотия, благо, в Москве чума была, а в Галиче нет.^[212]

Князь Юрий испугался то ли чумы, то ли суеверных сограждан, сам поскакал за митрополитом, нагнал его и со слезами упросил вернуться в Галич. Фотий приехал в Галич, благословил народ, и мор пошел на спад, а Юрий пообещал митрополиту послать двух своих бояр в Москву. И действительно послал, те заключили мир на том условии, что Юрий не будет искать великого княжения сам, но хан кому даст великое княжение, тот и будет великим князем. Однако на Орду Юрий Дмитриевич не надеялся, и клика также боялась слать туда мальчика.

Мы увлеклись усобицей дяди и племянника и забыли об опекуне, которому Василий I поручил сына. Наш опекун решил пока не вмешиваться, а пограбить по мелочам в Псковских землях.

1 августа 1426 г. Витовт осадил крепость Опочку. В его войске, кроме литовцев, были наемники (немцы, чехи и волохи), а также татары из дружины свергнутого уже к тому времени золотоордынского хана Улу-Мухаммеда. Два дня литовское войско безрезультатно простояло под стенами города, и тогда Витовт решил найти другое место в псковской обороне, которое можно было бы прорвать. 5 августа литовское войско подошло к Вороначу. Защитники крепости мужественно оборонялись три недели, несмотря на то, что литовцы использовали большие пушки. Под крепостью Котелно четыреста псковичей разбили семитысячный отряд литовцев и татар. Видимо, эти цифры не точны, но факт победы псковичей не вызывает сомнения. У крепостицы Велье жители города Острова уничтожили татарский отряд из сорока человек. Мужественно сражались и жители города Врева. Так что легкой прогулки у Витовта не вышло. Не поддержал литовского князя и Орден, державший во время этой войны нейтралитет. Дело кончилось уступкой Псковом по московской летописи трех тысяч рублей, а по тверской летописи — тысячи рублей за захваченных в плен псковичей.

Но вот 14 августа 1427 г. Витовт пишет магистру Ливонского ордена: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя — ему покорились Москва!

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий, а затем прибыли и Софья с Василием. Тем не менее эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и

советские историки.

Вслед за малолеткой Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья — вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину господарю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

В том же 1427 г. великий тверской князь Борис Александрович стал вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, господарю моему, великому князю Витовту, са язъ... добиль есми челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского, боронити ото всякого, думаю и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княжение Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Итак, Борис Тверской признал Витовта своим господином, что же касается «деда», то дед Бориса Иван Михайлович был первым браком женат на сестре Витовта, то есть Витовт приходился Борису двоюродным дедом.

В силу этого договора в июле 1428 г. Борис Александрович послал свои полки на помощь литовскому сюзерену в походе на Новгород.

Витовту удалось взять Себеж, но крепость Порхов оказала ожесточенное сопротивление литовцам. Они стреляли по крепости из пищалей, тюфяков и пушек. Ответным огнем осажденным удалось взорвать огромную литовскую пушку «Галка» и убить немца Николая, заведовавшего осадной артиллерией. В итоге Порхов взять не удалось. Витовт взял выкуп за пленных пять тысяч рублей с Новгорода и столько же с Порхова и на том отправился восвояси. По словам летописца, Витовт сказал новгородцам, принимая у них деньги: «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «молодшим братом» 13-

летнего племянника. Тем не менее договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения Богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще корону, коронацию перенесли на другой праздник — Рождество Богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить сигиз-мундовых послов в Литву. На границе Саксонии и Пруссии схватили двух послов, Чигала и Рота, которые ехали к Витов-ту с известием, что корона уже отправлена, и с грамотами, по которым он получал право на королевский титул. За этими послами ехали другие многочисленные знатные вельможи, везшие корону. На их перехват бросились трое польских вельмож с большим отрядом. Послы, узнав об этом, быстренько развернулись назад, к Сигизмунду.

Посланцы Сигизмуида убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не помешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорей всего, причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя, не исключено и отравление. Без особого преувеличения можно сказать, что смерть Витовта спасла Москву от включения в состав Великого княжества Литовского.

После смерти Витовта русские и литовские князья провозгласили великим князем литовским Свидригайло Ольгердовича, побратима и свояка Юрия Дмитриевича. Для начала новый князь занял литовские замки и привел к присяге их гарнизоны на свое имя, не упоминая Ягайло, тем обнаружив свое намерение отложиться от Польши. Надо ли говорить, что за этим последовала усобица между Ягайло и Свидригайло, Ляхам и литовцам стало не до Московской Руси. Смерть Витовта развязала руки Юрию Дмитриевичу Галицкому.

К тому же 2 июля 1431 г. умер митрополит Фотий. Шестнадцатилетний князь остался теперь под влиянием властной, злой, но

не очень умной матери.

Потеряв литовского опекуна, Василий II был вынужден обратиться за помощью в Орду, куда он и выехал 15 августа 1431 г. Свитой, да и самим князем Василием в Орде руководил его боярин Иван Дмитриевич Всеволожский. Узнав об объезде Василия II в Орду, туда же 8 сентября выехал и Юрий Дмитриевич.

При дворе золотоордынского хана Улу-Мухаммеда шла ожесточенная грызня ордынских кланов. Юрий Дмитриевич вошел в доверие знатного и могущественного мурзы Тегини, который обещал ему ярлык на Великое княжество Владимирское. По какой-то причине Тегиня и Юрий Дмитриевич отправились в путешествие в Крым, чем не преминул воспользоваться боярин Всеволожский. Он подольстился к другим мурзам, надавив на их самолюбие и ревность к могуществу Тегини. «Ваши просьбы, — говорил он им, — ничего не значат у хана, который не может выступить из Тегинина слова: по его слову дается великое княжение князю Юрию. Но если хан так сделает, послушавшись Тегини, то что будет с вами? Юрий будет великим князем в Москве, в Литве великим князем побратим его Свидригайло, а в Орде будет сильнее всех Тегиня».

По словам летописца, этими словами Всеволожский «уязвил сердца мурз как стрелою; все они стали бить челом хану за князя Василия и так настроили хана, что тот начал грозить Тегине смертью, если он вымолвит хоть слово за Юрия».

Весной 1432 г. в Орде прошел суд между дядей и племянником: Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, доказывал летописями и ссылался на завещание Дмитрия Донского. За Василия же говорил боярин Всеволожский. Он сказал хану: «Князь Юрий ищет великого княжения по завещанию отца своего, а князь Василий по твоей милости. Ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобою, следовательно, княжит по твоей же милости». Русский летописец явно смягчил слова Всеволожского. По болгарской летописи это звучит так: «От имени Василий Васильевича выступил боярин Иван Всеволожский. Обращаясь к хану, он сказал: «Царь верховный! Молю, да позволишь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного князя. Юрий ищет великого княжения по древним правилам русским, а государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значат летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли царской?». [\[213\]](#)

И эта лесь, выражавшая полное презрение к старинным русским

обычаям, произвела на хана свое действие. Он дал ярлык Василию и даже хотел заставить Юрия вести коня под племянником, но Василий сам не захотел нанести такой позор дяде. Юрию также был уступлен Дмитров — выморочный удел его брата Петра, умершего в 1428 г. Так закончился суд в Орде.

Как видим, бедный мальчик Вася был готов на все: стать служилым князем при короле Витовте или «улусником» полухана^[214] Улу-Мухаммеда.

Юрий Дмитриевич прибыл в новоприобретенный удел Дмитров, но советники отговорили его долго там находиться. Слишком близко от Москвы — налетят изгоном (то есть внезапно) московские воеводы. Галицкие бояре как в воду глядели. Как только Юрий уехал, на Дмитров внезапно напало московское войско и овладело городом.

В конце 1432 г. Софья Витовтовна решила женить семнадцатилетнего сына на княжне Марии Ярославовне, дочери ве-рейского князя Ярослава Владимировича (сына Владимира Андреевича Серпуховского) и Марии Голтыевой, внучки московского боярина Федора Кошки. Нетрудно догадаться, что Софью Витовтовну энергично поддерживал боярин Захарий Иванович Кошкин (внук Федора Кошки). Тем более что в борьбе за власть Кошкиным противостоял их враг боярин Иван Всеволожский, доставший Василию II ярлык у хана Улу-Му-хаммеда. Всеволожский намеревался женить Василия II на своей дочери. Партия Кошкиных победила.

8 февраля 1433 г. состоялась пышная свадьба Василия II с Марией Ярославной. В Москву на торжества прибыли два сына Юрия Галицкого — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Осторожный Юрий Дмитриевич остался в Галиче вместе с младшим сыном Дмитрием Красным. На свадьбе на Василии Косом был надет золотой пояс, украшенный драгоценными камнями («на чепех с камнем»).

Московские бояре решили устроить провокацию, чтобы окончательно уничтожить Ивана Дмитриевича Всеволожского. На свадебном пиру Захарий Иванович Кошкин внезапно «узнает» пояс на Василии Косом. Этот пояс, якобы, был дан в 1366 г. суздальским князем Дмитрием Константиновичем Дмитрию Донскому в приданое за дочерью Евдокией. А ты-сяцкий Василий Вельяминов подменил этот пояс другим, менее ценным, а настоящий отдал своему сыну Николаю. Позже Николай Вельяминов злополучный пояс также дал в приданое за дочерью, которая вышла за Ивана Дмитриевича Всеволожского. А Всеволожский, в свою очередь, дал пояс в приданое своей внучке, вышедшей за Василия Косого.

Версия бояр круга Кошкиных была смехотворна. Недаром историк С. Б. Веселовский назвал ее басней. В январе 1366 г. ни княжна Евдокия, ни ее

свита не узрели подмены пояса. А спустя 67 лет Захарий Кошкин вдруг узнал пояс. Как мог Николай Вельяминов отдать пояс Ивану Всеволожскому в приданое, если Николай погиб в 1380 г., когда Ивану было менее десяти лет от роду. До сих пор сохранился документ, обличающий мошенника Кошкина. Это духовная грамота (завещание). Там Дмитрий Донской завещал своему сыну Юрию Галицкому «пояс золот с камением, что ми дал отець мой, да другии пояс мой на чепех с камением, а третей пояс ему же на синем ремени». А князь Юрий Дмитриевич завещал Василию Косому «пояс золот с камением, на чепех, без ремени».

Таким образом, на Косом мог быть пояс Дмитрия Донского, но владел он им на законном основании, получив от отца.

Хитрый Захарий правильно рассчитал, что на пире никто не вспомнит о грамотах, и властная и жадная Софья Витовтовна будет действовать решительно. Пьяная старуха подбежала к Косому и сорвала с него пояс. Братья Василий и Дмитрий не рискнули отбивать пояс силой, это значило быть немедленно убитыми. Они тот час же покинули пир и с охранявшими их дружинниками отправились к отцу в Галич.

Инцидент на свадьбе был страшным оскорблением по тем временам, и по дороге братья в бешенстве отыгрались на городе Ярославле, принадлежавшем Москве. Московские воеводы разбежались, а городская казна была захвачена Юрьевичами.

История с поясом была последней каплей, переполнившей чашу терпения Юрия Галицкого. Он вспомнил все, и унижения от хана Улу-Мухаммеда, и захват города Дмитрова, и многое другое. Когда Косой и Шемяка въезжали в Галич, дружина отца уже готовилась к походу на Москву.

Василий II собрал большое войско, там была не только дружина, но и московское ополчение из «Москвы гостей и прочих». Рати сошлись 25 апреля 1433 г. на реке Клязьме в 20 верстах от Москвы.

Князь Юрий Галицкий и его сыновья были искусными воеводами. Да еще накануне битвы Василий II устроил пир, как писал А.А. Зимин — «москвичи в дым перепились». Рать Василия II была вдребезги разбита, а сам он бежал в Кострому. Юрий Галицкий въехал в Москву и стал великим князем. Вскоре конный отряд под командованием Василия Косого взял Кострому и захватил Василия II. Дядя поступил с племянником великодушно, дав ему в удел город Коломну.

Казалось, чем плохо 18-летнему Василию — красивый город на Оке, леса полны зверя (там и сейчас заповедники), да еще молодая жена. Но старомосковским боярам не понравилось быть на вторых ролях у великого

князя Юрия Дмитриевича. Большинство из них, включая Кошкиных, отправились в Коломну подговорить Василия II выступить против дяди. К Коломне были стянуты большие силы.

Сам же Юрий Дмитриевич в Москве ухитрился напрочь поссориться со своими сыновьями Косым и Шемякой. Братья вместе с дружинами покинули Москву. В августе 1433 г., не дождавшись подхода войск племянника из Коломны, Юрий Дмитриевич покидает Москву и уезжает в Галич. Василий II вернулся в Москву и снова стал великим князем. Через месяц дядя с племянником заключили мир. Василий II даже дал дяде компенсацию (Бежецкий верх) за отнятый у него Дмитров.

Помирившись с дядей, Василий II решил разделаться с двоюродными братьями и двинул большую рать на Кострому, где укрылись Косой и Шемяка. 28 сентября 1433 г. на реке Куси Косой и Шемяка вдребезги разбили московское войско и взяли в плен его воеводу Юрия Патрикеева.

Братья обратились к отцу с предложением опять идти на Москву, но Юрий Дмитриевич отказался. Братья вернулись зимовать в Кострому.

Дядя поступил благородно по отношению к племяннику. А вот московские бояре сумели уговорить Василия II внезапно напасть на Галич и захватить там Юрия Дмитриевича. Василий II лично возглавил поход зимой 1434 г. Увы, набег не удался, Галич взять не удалось. Разгромив окрестности, Василий II удалился. Юрий Дмитриевич помирился с сыновьями, и они вместе 20 марта 1434 г. наголову разбили московское войско у горы Святого Николая в Ростовской земле. Василий II бросил войско и бежал в Великий Новгород, а оттуда Василий II намеревался бежать в Орду.

31 марта 1434 г. московский воевода Роман Хромой вышел открывать ворота, и Юрий Дмитриевич торжественно вошел в Москву. Так Юрий вторично стал великим князем.

Великий князь Юрий начал энергично приводить в порядок разваленные Василием дела и укреплять единодержавие. Даже ближайшие союзники Василия II спешили заключить с князем Юрием dokonчания и признать его старшинство на Руси. В вассальные отношения с ним вступили великий князь рязанский Иван Федорович и князья Иван и Михаил Андреевичи. Иван Федорович обязывался «сложи-ти» крестное целование к князю Василию Васильевичу и больше с ним не вступать ни в какие переговоры («не ссы- латися»). Те же обязательства содержались и в dokonчании с князьями Андреевичами.

Юрий Дмитриевич решил перестроить всю систему взаимоотношений великого князя с союзниками и родичами. Отныне великий князь рязанский

для московского князя становился «братаничем», то есть племянником, а не «братом мо-лодшим», то есть дистанция между ними увеличивалась. Иван и Михаил Андреевичи должны были теперь «иметь» великого князя московского «отцом», а тот обязывался их держать «в сыновстве». Это уже не отношения по типу «брат старейший» и «брат младший». Юрий Дмитриевич пытался сделать более решительный шаг к утверждению единодержавия по сравнению с Василием Васильевичем.

В том же направлении шла и монетная реформа, начатая князем Юрием. Теперь на монетах изображался всадник, поражающий змия, то есть Георгий Победоносец. Святой Георгий был патроном князя Юрия. Выпуск монет с изображением победоносного всадника говорил и о стремлении Юрия утвердить единодержавие, и о его решимости бороться с Ордой, поскольку змий символизировал Восток. Василий II, вернувшись к власти, сохранил на монетах изображение Георгия Победоносца.

Однако в ночь с 5 на 6 июня 1434 г. Юрий Дмитриевич внезапно умер. Вполне возможно, имело место отравление — любимый метод племянника Василия, но доподлинных подтверждений этому, увы, нет.

Историк А.А. Зимин писал о Юрии Дмитриевиче: «Князь Юрий Дмитриевич принадлежал к числу выдающихся политических деятелей первой трети XV в. Трезвый политический ум подсказывал ему решения, которые направлены были к укреплению единодержавия на Руси. Он понял, что опорой его на этом поприще наряду со служилым людом может быть русский город. Являясь наследником программы Дмитрия Донского, князь Юрий сознавал, что только в борьбе с Ордой можно добиться создания мощного единого государства. Он умел идти на компромиссы, когда это вызывалось насущной политической необходимостью. Он сам покинул столицу Руси, когда убедился, что сложившаяся там обстановка не давала ему шансов на успех. И вместе с тем князь Юрий снова начал борьбу за великое княжение, как только сумел сплотить вокруг знамени Дмитрия Донского достаточно сил, чтобы нанести поражение Василию II.

На Русском Севере распространен был культ Георгия Победоносца, поражающего змия. В.Н. Лазарев, давая общую характеристику русской живописи XV в., отметил: «Образ Георгия особенно почитался на Севере, в Новгородской, Двинской и Вятской областях. Здесь Георгию были посвящены многочисленные церкви; его воспевали в духовных стихах... Постепенно образ «Егория Храброго»... сделался одним из самых популярных тем новгородской иконописи». На Севере образ Георгия Победоносца мог ассоциироваться с князем Юрием, наследником славных традиций Дмитрия Донского, так же как змей — с ордынцами.

Умный политик, князь времени Предвозрождения, Юрий Дмитриевич был покровителем замечательных начинаний в русском искусстве, отмеченных гением Андрея Рублева. По рождению он должен был уступить великое княжение своему старшему брату, Василию, не обладавшему какими-либо особыми достоинствами. В решающую борьбу за власть князь Юрий вступил уже на закате своих дней. Смерть неожиданно оборвала его жизненный путь как раз тогда, когда он добился великого княжения и сложились условия, которые могли предотвратить дальнейшую братоубийственную войну. Завершение объединительного процесса русских земель могло быть куплено ценой меньших потерь, чем те, которыми заплатил народ после его кончины. Но история отнюдь не всегда выбирает прямые пути к прогрессу». [\[215\]](#)

После смерти Юрия Дмитриевича великим князем московским и владимирским был провозглашен его старший сын Василий Косой. Однако Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный не поддержали родного брата. Они твердо придерживались старинного обычая — теперь власть должна была принадлежать сыну старшего сына Дмитрия Донского, то есть Василию II. Оба Дмитрия отправились в Нижний Новгород, где объявили напуганному Василию II, что признают его великим князем.

Процарствовав в Москве всего лишь месяц, Василий Косой бежал в Ржеву, а затем в Господин Великий Новгород. В Москву торжественно вступил Василий II. Он щедро вознаградил своих спасителей. Дмитрий Шемяка получил в дополнение к Рузе Углич и Ржеву, а Дмитрий Красный — к Галичу Бежецкий Верх.

Осенью 1434 г. Василий Косой покинул Новгород, и гражданская война возобновилась. Подробное изложение ее выходит за рамки этой книги, поэтому интересующихся деталями этой войны я отсылаю к вышеупомянутой монографии А.А. Зимина «Витязь на распутье».

Решающая битва между войсками Василия Юрьевича и Василия Васильевича произошла 14 мая 1436 г. на реке Черех, между Волгой и селом Большим, у церкви Покрова в селе Скорятино. Косой потерпел поражение и был взят в плен. Его доставили в Москву и 21 мая ослепили.

После ослепления Косого более пяти лет длилось перемирие. Хотя и Василий II, и Юрьевичи соблюдали принятые обязательства, было ясно, что Василий II попытается уничтожить двоюродных братьев, а те не простят ему расправу над Василием Косым.

Осенью 1437 г. золотоордынский хан Улу-Мухаммед был разбит ханом Сеидом-Ахмедом, одним из сыновей Тохтамыша. Улу-Мухаммед с верными ему феодалами откочевал в русские пределы в район города

Белева.

Город Белев и одноименное удельное княжество были захвачены войсками Витовта в 1407 г., а местный князь Михаил Васильевич^[216] бежал в Москву. Таким образом, к 1437 г. Бе-левское удельное княжество формально принадлежало Великому княжеству Литовскому. Но, во-первых, в Литве шла жестокая гражданская война: Сигизмунд оспаривал титул великого князя у Свидригайло, и соперникам было не до Белева. А во-вторых, в Москве ждали своего часа белевский князь Михаил Васильевич с сыновьями Федором и Василием.

Все это вместе заставило Василия II и его двоюродных братьев послать большое войско на Белев. Возглавили его Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. У стен Белева татары потерпели поражение и укрылись за городскими стенами. Наутро хан прислал своих послов со словами: «Царево слово к вам, даю вам сына своего Мамутека, а князи своих детей дают в закладе на том, даст ми бог, буду на царстве, и доколе буду жив, дотолем ми земли Русские стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что». Но ведущие переговоры воеводы Василий Собакин и Андрей Голяев «того не восхотеша».

Следующей ночью татарам удалось подкупить воеводу Григория Протасова. Он был послан мценским князем (вассалом Литвы) на помощь московской рати.

Туманным утром 5 декабря 1437 г. татары внезапно атаковали русских. Протасов со своей дружиной побегал первым и смял порядок русских войск.^[217] Русские потерпели полное поражение. Тем не менее после боя и татары ушли из пределов Белевского княжества. Улу-Мухаммед степями обошел русские княжества и занял Казань (а по болгарским летописям, Нижний Новгород).

В начале лета 1439 г. Улу-Мухаммед двинулся на Москву. По традиции потомков Калиты Василий II «отправился собирать полки за Волгу», видимо, в район Костромы. А 3 июля Улу-Мухаммед осадил Москву. Опять же по традиции отдельные татарские отряды пустошали московские княжества и доходили до границ Тверского княжества.

Улу-Мухаммед постоял под Москвой десять дней, но города взять не смог и двинулся назад. По пути он взял и сжег Коломну.

Любопытно, что болгарская летопись утверждает, что в поход на Москву Улу-Мухаммед отправился из Нижнего Новгорода, туда же он и вернулся обратно.^[218]

О том, что Улу-Мухаммед владел или по крайней мере контролировал

Нижний Новгород, свидетельствует выдача ярлыка на Нижегородское княжение князю Даниилу Борисовичу, внуку Константина Васильевича.

Зимой 1444–1445 г. Улу-Мухаммед из Нижнего двинулся на Муром и захватил его. В январе 1445 г. большое русское войско во главе с Василием II и Дмитрием Шемякой направилось к Мурому, и Улу-Мухаммеду пришлось оставить город.

Весной 1445 г. Улу-Мухаммед отправил двух своих сыновей, Махмуда (в русских летописях Мамутяк или Махму-тек) и Якуба, в поход на Москву. В июле им навстречу отправился и Василий II с московской ратью. По пути к нему присоединились вассальные князья Иван и Михаил Андреевичи и князь Василий Ярославович. Дмитрий Шемяка на этот раз не пришел.

Московское войско подошло к Суздалью и разбило лагерь на реке Каменке. 6 июля в стане началось движение — ратники одели доспехи, подняли знамена и выступили в поле. Но татар не было видно, и Василий Васильевич вернулся в лагерь и сел с князьями и боярами ужинать. Пили и гуляли долго, спать легли под утро. Великий князь проснулся поздно, отслушал заутреню и собрался было опять лечь спать, но тут разведка донесла, что татары переправляются через реку Нерль. Великий князь тут же послал поднимать войска, сам надел доспехи, поднял знамена и выступил в поле.

В битве у Спасо-Евфимьевского монастыря русские поначалу стали одолевать, татары отступили. Но многие русские, по словам летописца, «начата избитых татар грабить». Этим воспользовался бек Кураиш, который завернул своих бежавших киргизов и контратаковал русских. Московская рать была вдребезги разбита. Василий II, его двоюродные братья Михаил Андреевич Верецкий и Иван Андреевич Можайский попали в плен и были отправлены в Казань.

Затем татары разграбили Суздаль и, перейдя через Клязьму, стали напротив Владимира, но штурмовать его не решились и отправились назад через Муром в Нижний Новгород.

Когда в Москве узнали о пленении Василия II, то «поднялся плач великий и рыдание многое». Но за этой бедой пришла и другая: ночью 14 июля «загорелась Москва и выгорела вся, не осталось ни одного дерева, а каменные церкви рассыпались и каменные стены попадали во многих местах». Людей погибло много, по одним данным 700 человек, по другим — гораздо больше, потому что из города мало кто бежал: боялись татар. Добра всякого сгорело множество, так как в Москве собрались жители других городов и окрестных сел и готовились к осаде.

Паника в Москве была пресечена приходом Дмитрия Шемяки, который взял власть в свои руки. Между тем Улу-Мухаммед отправил в Москву своего посла мурзу Бигича с поручением возвести на великокняжеский престол Шемяку. Дмитрий очень обрадовался, так как давно мечтал об этом. Вместе с Бигичем он отправил к хану своего посла Федора Дубинс-кого, чтобы выразить Улу-Мухаммеду благодарность за оказанную честь. Бигич и Дубинский до Мурома ехали на лошадях, а там пересели на судно. Так пожелал Бигич: он хотел полюбоваться речными просторами Оки.

Но пока Бигич пьянствовал в Москве и путешествовал по Оке, хан Улу-Мухаммед был убит в Казани своим братом Кара Якубом. Дальнейшую историю З.З. Мифтахов описывает так: «После этого (убийства Улу-Мухаммеда — А.Ш.) Кара Якуб освободил из тюрьмы Василия II, а также его двоюродного брата и бывших при них бояр. Первым делом великий князь отправил Андрея Плещеева в г. Переелавль, чтобы сообщить матери и жене о своем освобождении, а также о том, чтобы привезли выкуп в г. Курмыш. В деревне Иваново-Кислеево Плещеев встретил Плишко Образцова, который с лошадьми ожидал прибытия на судне Бигича и Дубинского. На берегу Оки, недалеко от переправы, между ними состоялся обмен информацией. Плещеев сообщил о том, что Василий II освобожден из плена, а Образцов о том, что в Москве великим князем провозглашен Дмитрий Шемяка. Когда подплывшие на корабле мурза Бигич и посол Дубинский узнали о случившемся, то они вернулись в г. Муром, где Бигич был арестован сторонниками Василия II. Узнав об освобождении Василия II из тюрьмы, Дмитрий Шемяка покинул Москву и направился в Углич.

Тем временем Кара Якуб вместе с Василием и его приближенными прибыл в г. Курмыш, расположенный на берегу Оки.

Здесь он стал ждать, когда привезут выкуп. В Казани Кара Якуб оставил своего племянника Якуба, перешедшего на его сторону, с 500 кыргызами, а также ногайского служилого князя Кильдибека с 2500 всадниками.

Якуб освободил из тюрьмы Гали-бия, который сразу стал претендовать на власть.

Когда Махмуд и Кураиш узнали о гибели Улуг-Мохаммеда, то «были потрясены этим вероломством и изменой». В сопровождении тысячи кыргызов они прибыли в г. Курмыш. Здесь «между ними и злодеем произошел бой». Во время этого боя Кара Якуб «бросился на Махмудтека с ножом, но тот опередил дядю» и ударом кинжала убил его. Так закончил свой жизненный путь братоубийца Кара Якуб». [\[219\]](#)

Узнав об освобождении Василия II, Дмитрий Шемяка бежал из Москвы в Углич. А Василий тем временем добрался до Муром, а оттуда направился во Владимир. «И бысть радость велика всем градом Русским», — с умилением пишет московский летописец.

В Переяславле состоялась торжественная встреча великого князя. Туда загодя прибыли великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна с сыновьями Василия II Иваном и Юрием, а также весь великокняжеский двор. А на Дмитриев день, 26 октября, Василий прибыл в Москву.

Но к ужасу москвичей великий князь приехал не один, его сопровождали 500 вооруженных татар, которые вели себя в Москве как в побежденном городе. В народе пошли толки, что, де князь Василий за свое освобождение пообещал татарам фантастическую по тем временам сумму — 200 тысяч рублей, а также несколько русских городов, из которых он намеревался выгнать местных князей. Наши историки XIX–XX веков задним числом будут утверждать, что это, мол, только сплетни, распускаемые врагами великого князя. Но каковы же подлинные условия договора — об этом наши мудрые профессора молчат.

Видимо, договор был столь скандален, что всю информацию о нем уничтожили или засекретили. Другой вопрос, когда это было сделано? В XV или в XIX веке? А может подлинный договор и сейчас лежит в секретной части какого-нибудь архива? Ведь у нас и сейчас, в эпоху гласности и демократии, в секретных частях архивов лежат тысячи документов, возраст которых 100 и более лет.

В любом случае, сумма выкупа за Василия II была огромная. Все простые воины, взятые в плен в Суздальской битве, и мирные жители, захваченные татарами, не возвратились, а были проданы в рабство. Мало того, Василий II начал передачу татарам русских городов, чего не было со времен Батыя. Впервые в истории Руси в наших городах татарским князьям было разрешено строить мечети.

Василий успел передать татарам лишь один русский город — Мещерский городок на Оке. Он перешел в потомственное владение Касиму, сыну Улу-Мухаммеда.

Позже наши историки будут объяснять, что-де Василий II просто принял на службу татарского царевича Касима и дал ему в кормление Мещерский городок, как московские князья и ранее давали в кормление городки и села татарским и литовским князьям. Лживость последнего утверждения очевидна. Никогда и ни при каких обстоятельствах московские или иные князья не позволяли литовским, татарским и иным служилым князьям строить на Руси латинские храмы, литовские языческие

капища, мечети и т. д.

Василий за себя и своих потомков поклялся вечно платить дань царевичу Касиму и его потомкам. Как писал историк В.В. Похлебкин: «Дань Касимовским царевичам (ханам) зафиксирована в следующих документах:

А. Договор князей Ивана и Федора Васильевичей Рязанских от 19 августа 1496 г.

Б. Договор между сыновьями Ивана III Василием и Юрием от 16 июня 1504 г. и завещание Ивана III, составленное в 1594 г. (Собр. Гос. Грамот и договоров, ч. I, док. 144, с. 389–400. М., 1813 г.).

Более того — эта дань сохранялась даже при Иване IV Грозном чуть ли не после покорения Казани! (Последнее упоминание о ней относится к 12 марта 1553 г.!).^[220]

Вот, к примеру, завещание Ивана III (умер 27 октября 1505 г.): «В ордынские выходы: в Крым, Казань, Астрахань, Царевичев городок (Касимов), для других царей и царевичей, которые будут в Московской земле, на послов татарских назначена тысяча рублей в год: из этой суммы 717 рублей плати великий князь, остальное доплачивают удельные».^[221]

Выходит — это дань. Таким образом, через 25 лет после освобождения от ига Русь платила дань Крыму, Казани, Астрахани и Царевичему городку (Касимову)! Риторический вопрос: если это не дань, а жалованье касимовского правителя, то тогда и казанские, и крымские ханы должны были состоять на службе московского князя.

Постыдные действия Василия II вызвали возмущение во всех слоях русского общества.

Вначале февраля 1446 г. Василий II поехал замаливать грехи в Троицкий монастырь. В ночь на 12 февраля москвичи открыли ворота дружинам Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского. Им никто не сопротивлялся. Воины Шемяки схватили Софью Витовтовну и жену Василия Васильевича. Лишь детям великого князя удалось бежать в село Боярово (недалеко от Юрьева-Польского), принадлежавшее князю Ивану Рязанскому. Вместе с ними бежали бояре В.М. Шея Морозов и Ю.Ф. Кутузов.

Согласно летописи, Василий II 13 февраля служил обедню в монастыре, как вдруг в церковь вбежал рязанец Бун-ко и объявил, что Шемяка и Можайский идут на Василия ратью. Василий не поверил, потому что Бунко незадолго до этого перешел от него к Шемяке. «Эти люди только смущают нас, — сказал великий князь, — может ли быть, чтобы братья

пошли на меня, когда я с ними в крестном целовании?» После чего повелел выгнать Бунко из монастыря. Тем не менее Василий все-таки послал разведку к Радонежу (на гору), но дружинники Ивана Можайского заметили ее, не выдав себя.

Тогда Можайский велел собрать много саней и положить в них по два человека в доспехах, прикрыть их рогожами, а третьему велел идти сзади, как будто за возом. Таким образом дружина въехала на гору, ратники повыскакивали из возов и перехватывали сторожей Василия, которые по глубокому снегу не смогли убежать. После этого войско Можайского двинулось к монастырю.

Василий II увидел неприятелей, когда те скакали с Радонежской горы к селу Клементьевскому, и бросился на конюшенный двор. Но там не оказалось ни одной запряженной лошади. Тогда Василий побежал в монастырь, к Троицкой церкви, пономарь впустил его и запер дверь. В этот момент в монастырь въехала неприятельская дружина во главе с боярином Шемяки Никитой Константиновичем, который взлетел на коне даже на церковную лестницу.

Следом въехал в монастырь и сам князь Иван Можайский и стал спрашивать, где великий князь. Василий, услышав его голос, закричал из церкви: «Братья! Помилуйте меня! Позвольте мне остаться здесь, смотреть на образ божий, пречистой богородицы, всех святых. Я не выйду из этого монастыря, постригусь здесь».

Василий много раз нарушал клятвы и договоры, и ему, естественно, никто не поверил. Его схватили и привезли в Москву. Ночью ему прочитали приговор: «Зачем навел татар на Русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Татар и речь их любишь сверх меры, а христиан томишь без милости; золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам, наконец, зачем ослепил князя Василия Юрьевича?», а затем ослепили. После казни Василий II получил прозвище Темный.

С помощью рязанского епископа Ионы Шемяка захватил и детей

Василия II. Ослепленный великий князь с сыновьями был сослан в заточенье в Углич.

Однако победу Шемяки можно без преувеличения назвать пирровой. Значительная часть московских бояр отказалась служить галицкому князю. А в апреле 1446 г. казанские татары разграбили районы Устюга и Галича.

Экономика Владимиро-Суздальской Руси была доведена Василием II, как говорится, до ручки. Разруха заставила Дмитрия Шемяку провести денежную реформу. Князь дважды уменьшал вес монеты: первый раз до 0,54 — 0,5 г (по галицкой норме), а второй раз — до 0,39 — 0,4 г. На

монетах Дмитрия Шемяки изображался всадник с копьем и буквами «Д.о.», что означало «Дмитрий-осподарь». Также помещал Шемяка на монетах надпись: «Осподарь всея земли Русской», твердо заявляя свое стремление к утверждению единодержавия на Руси. Выразительно было и второе изображение на монетах Дмитрия Юрьевича — князь на троне. Позднее опыт чеканки монет и их символика были использованы Василием II. Реформа первого «Государя русского» привела к существенному росту цен.

В сложившейся ситуации Шемяка решил примириться с Василием Темным. Вместе с несколькими церковными иерархами он поехал в Углич, где содержался в заключении Василий. Приехав туда, Шемяка выпустил Василия с детьми из заключения, покался и попросил у него прощения. Василий же, сознавая свою вину, говорил: «И не так еще мне надобно было пострадать за грехи мои и клятвопреступление перед вами, старшими братьями моими, и перед всем православным христианством, которое изгубил и еще изгубить хотел. Достоин был я и смертной казни, но ты, государь, показал ко мне милосердие, не погубил меня с моими беззакониями, дал мне время покаяться». Как говорил летописец: «Когда он это говорил, слезы текли у него из глаз как ручьи; все присутствующие дивились такому смирению и умилению и плакали сами, на него глядя».

Дмитрий Шемяка в честь примирения с Василием закатил для него, его жены и детей большой пир, куда были приглашены все епископы, многие бояре и дети боярские. Василий получил богатые дары и Вологду в отчину, поклявшись Шемяке впредь не искать великого княжения.

Но Василий, естественно, и не собирался выполнять условия крестного целования и, освободившись, немедленно возобновил гражданскую войну. Помимо московского боярства у него нашлось еще несколько союзников. Так, тверской князь Борис Александрович первые годы гражданской войны держал нейтралитет, а в феврале 1446 г. поддержал Шемяку, испугавшись передачи Василием татарам русских городов.^[222] Но к 1447 г. тверской князь осознал, что его родной Твери куда большую угрозу представляет талантливый полководец «государь Дмитрий Юрьевич», чем слепой Василий, который и прежде-то был бездарным полководцем, зато отличным выпивохой. В 1447 г. состоялось обручение старшего^[223] сына Василия II Ивана и Марии, дочери Бориса Александровича Тверского. Свадьба состоялась в Москве позже, 4 августа 1452 г. Жениху в это время было 12 лет, а невесте — около 10.

Вот бы туда наших прокуроров, пересажали бы за соблазнение несовершеннолетних всех русских князей. Между прочим, Мария родила

вполне здорового сына Ивана. Умерла Мария рано, в 1467 г., но не от раннего вступления в брак, а от «смертного зелья» — тело ее непомерно разбухло и т. д.

Тверской князь помог Василию Темному деньгами и войском, в том числе осадной артиллерией.^[224] Много сделали для Василия и казанские татары. В конце 1446 г. войско Касима соединилось с войском Якуба, пришедшим из Казани. В 1447–1449 гг. их войска воевали против Дмитрия Шемяки.

В 1447–1452 гг. война шла с переменным успехом, но силы были неравны, и полководческий дар Дмитрия Юрьевича оказался бессилён против множества врагов. В конце концов Шемяка был разбит и летом 1452 г. бежал в Господин Великий Новгород.

Тогда Василий II решил покончить с соперником иным образом. В Новгород отправился посол дьяк Василия Степан Бородатый с большой суммой денег и «лютым зельем». Ему удалось подкупить боярина Шемяки Ивана Котова, а тот в свою очередь подкупил повара, служившего Шемяке. И прозвище-то было у повара вполне подходящее — Поганка. И вот Поганка поднес князю яд «в куряти». Дмитрий болел 12 дней и 17 июля 1453 г. скончался.

Митрополит Иона, бывший соратник Шемяки, а теперь верой и правдой служивший Василию, запретил поминать отравленного князя. В ответ игумен Боровского монастыря Пафнутий^[225] самого Иону не велел именовать митрополитом.

Вскоре после смерти Дмитрия Шемяки в Боровский монастырь явился его убийца, постригшийся в монахи. Пафнутий, узнав об этом, избил его перед всей братией и отказался принять в своей обители.

Любопытно, что приключения храброго князя Дмитрия Юрьевича не кончились его смертью. Перенесемся в 1614 год, в Новгород. На Руси заканчивалось Смутное время. Поляки были выбиты из Москвы, но в Новгороде еще хозяйничали шведы. Шведские солдаты грабили Юрьев монастырь в 20 верстах от Новгорода. Кому-то пришла мысль вскрыть гробницы в древнем Георгиевском соборе. В большинстве могил лежали лишь рассыпавшиеся кости, но, подняв очередную надгробную плиту, шведы остолбенели — там лежал... живой человек. Через несколько секунд испуг солдат прошел — это был мертвец. Он был одет в роскошные княжеские одежды, которые здорово истлели от времени, но сам труп не подвергся тлению. Шведы забрали все драгоценности, а тело поставили у церковной стены «яко живо». Шведский командир расценил это как курьез

и звал сослуживцев в церковь, как в кунсткамеру.

Слух об этом дошел до новгородского митрополита Исидора, и тот обратился к шведскому главнокомандующему Якобу Делагарди с просьбой отдать нетленное тело. Дела к тому времени у шведов пошли неважно, и ссориться из-за пустяков с митрополитом Делагарди не захотел. Тело перенесли в Софийский собор в новгородском кремле. Не мудрствуя лукаво, Исидор признал тело за нетленные мощи князя Федора Ярославовича, который княжил в Новгороде с 1228 по 1233 год. Мощи были торжественно захоронены в Софийском соборе.

Канонизация всех русских правителей, от князей Бориса и Глеба до императора Николая II, имела политическую подоплеку. Само собой, не обошлось без политики и на сей раз. Исидор устроил антишведскую демонстрацию. Ведь князь Федор был старшим братом князя Александра Ярославовича Невского.

На верующих должно было произвести впечатление хорошее состояние трупа: в начале XVII века Федор выглядел как живой. Ведь православная церковь всегда видела в нетлении святых «особый дар Божий и видимое свидетельство их славы». Со временем князь Федор Ярославович из местного святого превратился в общерусского. Ежегодно 5 июня (18 июня по новому стилю) православная церковь отмечала день благоверного князя Федора Ярославовича. В начале XIX века на деньги Д.С. Яковлевой (урожденной княжны Баратаевой) была сделана серебряная рака, в которую положили тело святого Федора.

Материалисты-большевики в борьбе с православной церковью решили показать населению, что на самом деле представляют собой «нетленные мощи». В 1919–1920 гг. они публично вскрыли десятки могил и показали, что подавляющее большинство нетленных мощей является подделкой монахов. В 1919 г. была вскрыта и рака святого князя Федора Ярославовича. Там большевики обнаружили не «живого человека», а мумию. Тело сильно пострадало в 1614 г., когда оно слишком долго находилось на открытом воздухе. Тем не менее и мумия очень озадачила «активистов-безбожников» — ведь в остальных могилах лежали только истлевшие кости. Было решено тщательно исследовать останки князя Федора и дать научное объяснение этому феномену.

Исследование мумии было закончено лишь в 1930-х годах известным антропологом В.В. Гинзбургом. Исследование дало сенсационные результаты. Тело принадлежало мужчине в возрасте около 40 лет. Гинзбург, в отличие от митрополита Исидора, знал, что князь Федор умер в возрасте 14–15 лет. Читатель спросит, как мог княжить в Новгороде ребенок? Дело в

том, что новгородцы сами просили великого князя Ярослава Всеволодовича дать им в князья старшего сына. Приезд Федора означал, что теперь Великий Новгород находится под защитой Ярослава. Князь Федор приехал не один, а с дружиной «кованой рати».

Изучение летописей дало сенсационный результат — неизвестные останки могли принадлежать только великому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке, скончавшемуся в лето 6961 года, то есть в 1453 г. Дело в том, что Шемяка в 1446 г. был собором русской церкви предан анафеме. Собор отлучил его «от бога, от церкви божией» и предал проклятию.

Так почему же тело князя, преданного анафеме, стало нетленным, и как он оказался «святим Федором»?

Шведы в 1614 г. сняли и перепутали все надгробные плиты, а митрополита Исидора устраивали лишь мощи князя Федора Ярославовича. Всего в Георгиевском соборе были захоронены четыре князя: Шемяка, Федор и двое малолетних детей — Изяслав и Ростислав, родившиеся в 1190 и 1193 годах и умершие в возрасте 8 и 5 лет соответственно. По логике Исидора святым мог оказаться лишь князь Федор Ярославович.

Но почему же останки трех князей, трех монахов и княгини Феодосии, захороненных в соборе, истлели, а труп Шемяки в 1614 г. выглядел как живой? С 1 по 28 октября 1987 г. химическое отделение Бюро судебно-медицинской экспертизы ГУЗМ Министерства здравоохранения РСФСР провело исследование останков Шемяки по поводу обнаружения мышьяка, ртути, сурьмы и свинца, а также установления возможности наступления смерти в результате отравления. «При исследовании печени, почки, мышцы груди, содержимого брюшной полости (пыли) и кости обнаружены следы мышьяка».

Данные исследования предполагают возможность наступления смерти в результате развития желудочно-кишечной формы отравления соединениями мышьяка. «Для данной формы отравления характерно резкое обезвоживание организма, обусловленной обильной потерей воды и как следствие — выведение большей части яда. Резкое обезвоживание организма в период, предшествующий смерти, значительно способствует мумификации трупа. Смерть при желудочно-кишечной форме отравления наступает в срок до двух недель».

Прошу прощения у читателя за цитирование скучного акта экспертизы. А попросту говоря, данные экспертизы сошлись с данными новгородской летописи. Итак, виновность Василия II и его бояр в совершении преступления официально доказана. Заодно же выяснено происхождение мощей «князя Федора».

А куда же делись останки настоящего Федора Ярославовича? В 1945–1946 гг. археолог А. Л. Монгайт обнаружил в северо-западной части паперти так называемое «погребение № 7». Там найден костяк подростка возраста около 14 лет, останки находились в деревянном гробу. Погребение имело вид позднейшего перезахоронения. Это и были останки брата Александра Невского.

После смерти Шемяки и прекращения тридцатилетней войны Василий Темный и его сын Иван приступили к расправе над всеми своими родственниками. Причем главной виной считалось не сотрудничество с Шемякой, а степень родства. Можно понять, почему Василий II с войском в 1454 г. пошел на Можайск, ведь его князь Иван Андреевич был союзником Шемяки. Узнав о походе Василия, Иван с женой и детьми убежал в Литву. Но за что пострадал Василий Ярославович Серпуховской? С.М. Соловьев отвечает так: «...именно потому, что оказал большие услуги великому князю и, следовательно, имел большие притязания на благодарность и уступчивость последнего».^[226]

В 1456 г. серпуховской князь был схвачен в Москве и заточен в Углич, а оттуда после перевезен в Вологду, где и умер. Та же участь постигла и его младших детей, а старший сын Иван вместе с матерью успел убежать в Литву.

Так свершилась расправа со всей родней, как с врагами, так и с союзниками.

В 1451 г. из Золотой Орды на Русь пришло войско царевича Мазовши (Мухмуда, сына Кичи-Мухаммеда). Василий II поначалу вышел с войском к Оке у Коломны, но позже испугался и убежал в Москву, оставив за себя Ивана Звенигородского, которому приказал воспрепятствовать переправе татар через Оку. Но Звенигородский тоже испугался и вернулся в Москву, но другим путем, а не прямо за великим князем.

Между тем Василий Темный, пробыв Петров день в Москве, бежал с сыном Иваном за Волгу (традиционно в район Костромы). Остальные же члены великокняжеской семьи и митрополит Иона остались в столице. Согласно московской летописи «татары подошли к Оке, думая, что на берегу стоит русская рать, и не видя никого, послали сторожей на другую сторону реки, посмотреть, не скрылись ли русские где в засаде. Сторожа обыскали всюду и возвратились к своим с вестию, что нет нигде никого. Тогда татары переправились через Оку, без остановки устремились к Москве и подошли к ней 2 июля. В один час зажжены были все посады, время было сухое, и пламя обняло город со всех сторон, церкви загорелись, и от дыма нельзя было ничего видеть; несмотря на то, осажденные отбили

приступ у всех ворот. Когда посады сгорели, то москвичам стало легче от огня и дыма, и они начали выходить из города и биться с татарами; в сумерки враг отступил». Утром татар уже не было.

Через три года татары попытались было опять тем же путем подойти к Москве, но были разбиты великокняжескими полками у Коломны. В 1459 г. татары вновь подошли к бере-

Оки и опять были отбиты московским войском во главе с великокняжеским сыном Иваном Васильевичем. В следующем, 1460 г., в августе, хан Ахмат приходил с большим войском под Переяславль-Рязанский, простоял 6 дней под городом и отступил с большими потерями. Это было последнее нападение из Большой Орды в княжение Василия Темного.

В 1461 г. возникла напряженность между великим князем московским Василием II и Казанским ханством. Василий начал собирать полки. Но в ходе переговоров во Владимире был заключен мир, по которому Москва продолжила выплату дани Казанскому ханству, начатую после Суздальской битвы.

Глава 15

Конец «ига» и начало казанских войн

27 марта 1462 г. после тяжелой болезни умер Василий Темный, и на престол взошел его 22-летний сын Иван, которого современники и их дети называли Грозным. Позже это прозвище забылось, так как его свирепый внук многократно побил рекорд жестокости, установленный дедом, и по праву вошел в русскую историю как Иван Грозный.

Как и отец, Иван III смертельно боялся потерять власть. На всякий случай, чтобы приучить русских князей и народ к мысли, что именно он, а не кто другой должен был наследовать московский престол, с 1448 г. во всех московских документах Ивана III именуют великим князем, то есть получается, что в 1448–1462 гг., в течение четырнадцати лет, было целых два великих князя Московских — Василий и Иван.

Иван III стал первым московским князем, который не ездил в Орду. Тем не менее дань Золотой Орде он платил исправно до 1472 г.

В середине XV века Казанское ханство стало окончательно независимым от Золотой Орды. В 1464 г. казанский князь Халиль в ходе аудиенции, данной послу золотоордынского хана, взял грамоту хана Ахмата, разорвал ее и растоптал. Затем казанские беки по очереди подходили и оплевывали обрывки ахматовой грамоты, причем посол крымского хана с удовольствием присоединился к ним.

Между Золотой Ордой и Казанью начались боевые действия, но шли они вяло. В 1466 г. Халиль был свергнут с престола, заключен в тюрьму, где через год и умер. На казанский престол вступил младший брат Халиля Ибрагим.

Саранский хан Ахмат приказал Ивану III отпустить из Мещерского городка в Казань царевича Касима. Ахмат надеялся, что Касим вернет Казанское ханство под власть Золотой Орды. В августе 1467 г. сорокатысячное московское войско двинулось на Казань. Во главе его были Касим и князь Иван Васильевич Оболенский-Стрига. Войско подошло к Волге в районе, где позже будет построен город Свияжск. Первым Волгу форсировал отряд касимовских татар под началом некоего Айдара. Там отряд Аид ара был окружен превосходящими силами хана Ибрагима. Айдар сдался без сопротивления и позже получил поместье под Казанью.

Узнав об измене Айдара, Касим и Оболенский отошли к месту, где

сейчас находится Верхний Устюг, и устроили там укрепленный лагерь. Как свидетельствуют летописцы, осень 1467 г. была холодной и дождливой, и когда продовольствие и фураж в русском войске закончились, ратники стали отбирать скот и фураж у населения Горной стороны. Грабежи вызвали ответную реакцию: черемисы стали нападать на войско Касима.

Долго и безрезультатно простояв на правом берегу Волги, русские войска ушли, побросав много оружия по пути.

В ответ хан Ибрагим устроил поход на Верхний Устюг, Вятскую и Галицкую земли. Галичане не остались в долгу и 6 декабря 1467 г. выступили из Галича в Черемисскую землю. Целый месяц, в лютую стужу, без дорог шли они лесами и 6 января 1468 г. вошли к черемисам и выжгли всю их землю дотла, людей много перебили, взяли большой полон, имущества все пограбили, скот, который нельзя было увести с собой, перебили. Только один дневной переход отделял войско галичан от Казани, но галичане повернули назад.

В 1469 г. по приказу Ивана III на Казань пошла судовая рать под началом воеводы Константина Александровича Без-зубцева. В войске были дети боярские из всех городов, пошла и московская городовая рать, сурожане, суконники, купцы и прочие москвичи. Суда шли к Нижнему Новгороду: из Москвы по Москве-реке и Оке, из Коломны и Муром — по Оке, из Владимира и Суздаля — по Клязьме, из Дмитрова, Можайска, Углича, Ярославля, Ростова, Костромы и других поволжских земель — прямо по Волге, и все прибыли в Нижний одновременно.

В Нижнем Беззубцева догнала великокняжеская грамота с приказом: самому стоять в Нижнем, а на казанские места отправить охотников (добровольцев). Беззубцев собрал всех воевод и князей и объявил: «Прислал великий князь грамоту и велел всем вам сказать: кто из вас хочет идти воевать казанские места по обе стороны Волги, тот ступай, только к городу Казани не ходите». Князья и воеводы ответили: «Все хотим на окаянных татар, за святые церкви, за своего государя великого князя Ивана и за православное христианство!» И пошли все, а Беззубцев один остался в Нижнем Новгороде.

Ратники выплыли из Оки под Нижний Новгород Старый, сошли с судов, подошли к церкви и велели священникам отслужить молебен за великого князя и за его воинов. Потом ратники стали решать, кого поставить воеводой, и выбрали Ивана Руна.

В тот же день войско отплыло от Нижнего, два раза ночевали в дороге и на третьи сутки утром 21 мая пришли под Казань, напали на посад и начали рубить сонных татар. Разграбили посад, набрали пленных,

освободили христианских пленников (московских, рязанских, литовских, вятских, устюжских, пермских) и зажгли посад со всех сторон. Татары, не желая отдаваться в руки русским, запирались с женами и детьми в мечетях и там сгорали.

Когда посады полностью выгорели, русское войско отступило от Казани, ратники погрузили добычу на суда и отплыли на остров Коровнич, где остановились на 7 дней. А на восьмой день из Казани прибежал пленный коломенский ратник и объявил: «Собрался на вас царь казанский Ибрагим и всю землю».

Русские отправились в обратный путь. Татары несколько раз нападали на них. Обе стороны понесли большие потери, но основная часть русской рати добралась до Нижнего Новгорода.

Летом 1469 г. Иван III послал на Казань своих братьев Юрия и Андрея Большого и молодого верейского князя Василия Михайловича «со всею силою московскою и устюжскою, конною и судовою».

1 сентября князь Юрий подошел к Казани. Татарское войско вышло навстречу, но после короткого боя вернулось назад. Русские осадили Казань. По болгарским же летописям русские были разбиты и капитулировали. По русской версии: хан Ибрагим, «видя себя в большой беде, начал посылать с просьбою о мире и добил челом на всей воле великого князя и воеводской. Мы не знаем, в чем состояла эта воля, знаем только, что хан выдал всех пленников, взятых за 40 лет».^[227]

По татарской версии: «На следующее утро к русскому лагерю прибыл командующий болгарским флотом Ике-Имэн. Он показал московскому воеводе голову командующего русским флотом. После этого московский воевода вступил в переговоры с князем Гали-Гази. Итог переговоров был таков: болгары разрешили воеводе и четырем другим русским князьям отплыть к Нижнему Новгороду «в обмен на сдачу ими всего войска». Сдача войска должна была состояться после того, как русские князья доберутся до Нижнего Новгорода. И когда от них «в лагерь прибыл бояр с известием об этом, все войско сдалось», до этого в истории волжских болгар не было случая, чтобы одновременно им в плен попали 55 тысяч воинов. Дальнейшая судьба пленных была такова.

Во-первых, русские выкупили пять тысяч пленных. Во-вторых, князь Гали-Гази купил три тысячи. Из них 150 человек он подарил своему тестю — сибирскому хану Тубе, а «остальных поселил в своем Лаишевском округе и дал им право курмышей». Позже принявших ислам он перевел в разряд субашей и «женил на выкупленных им арских рабынях».... В-третьих, часть русских пленных купили арские черемисы. Они

использовали их на заготовке леса, строительстве домов, укреплений и на других самых тяжелых работах.

В-четвертых, основную массу пленных продали купцам из Сарая и Крыма, а также болгарским казанчиям.

В сентябре 1470 г. Иван III направил князя Юрия Васильевича в поход на Казань. Войска подплыли на судах и сразу хотели штурмом захватить город. Произошли кратковременные, но ожесточенные стычки. Затем начались переговоры, которые закончились заключением мира. После этого русские войска вернулись в Москву». ^[228]

Очевидно, что обе летописи искажают ход боевых действий, а русская летопись объединяет походы 1469 г. и 1470 г. в один. В 1471 г. отряд вятских ушкуйников спустился по Каме и Волге и, воспользовавшись отсутствием хана Ахмата с большей частью войска, овладел Сараем и взял множество пленных. Мест для пленных на ушкуях не хватало, поэтому многих из них везли на захваченных у татар лошадях параллельно берегу. Город Сарай после этого налета больше не восстанавливался.

Летом следующего 1472 г. хан Ахмат двинулся на Русь. По одной версии это был ответ на поход ушкуйников, по другой же — хан Ахмат действовал по наущению польского короля Казимира. Еще по одной версии он хотел отвлечь Ивана III от нападения на Новгород, но опоздал почти на год — роковая для новгородцев битва на реке Шелони состоялась 14 июля 1471 г.

Узнав, что хан под Алексиным, Иван III велел братьям и воеводам вести войско к Оке, а сам поехал в Коломну, а оттуда в Ростиславль, куда велел прибыть и своему сыну Ивану. В Алексине людей ратных было много, но не было ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, укрепления были слабы, и поэтому Иван III велел алексинскому воеводе Беклемишеву оставить город. Но воевода не хотел уходить, не разоривши жителей. «Те давали ему пять рублей, но он требовал шестого для жены, и в то время как происходила торговля, татары повели приступ».

Беклемишев с семейством и слугами бросился на другой берег Оки, татары кинулись за ним, но поймать не успели, так как в этот момент к берегу подошел отряд князя Василия Михайловича Верецкого и остановил татар. В тот же день к Оке подошли и братья Ивана III, князь Юрий из Серпухова, князь Борис с Козлова Брода, и воевода Петр Челядин с двором великого князя.

Хан велел своим татарам взять Алексин, но горожане храбро оборонялись и отбили приступ. Но вскоре обороняться алек-синцам стало нечем, не осталось ни стрелы, ни копья, и татары зажгли город вместе с

людьми и со всем добром, а кому удавалось выбежать из огня, те попадали в руки татарам.

Князь Юрий Васильевич и воеводы стояли на другом берегу Оки и горько плакали, но помочь ничем не могли, якобы из-за большой глубины реки в этом месте.

После хан Ахмат спросил одного пленного алексинца, куда девались горожане, поскольку и сгорело их мало, и в плен попало мало. Тогда пленник, которому татары пообещали свободу, выдал секрет, что более тысячи жителей спрятались в тайнике, выходившем к реке. Татары взяли тайник, и тут уж никто живым не ушел.

Истребив жителей Алексина, хан Ахмат повернул восвояси. По одной версии он испугался подхода основных русских сил во главе с братом Ивана III Андреем и сыном царевича Касима Даньяром. По другим сведениям отход Ахмата связан с эпидемией моровой язвы в татарском войске. После этого похода Ахмата Иван III приказал прекратить регулярную (ежегодную) выплату дани Орде.

Другой вопрос, что большие суммы были отправлены в Орду с московскими послами. Так, в 1473 г. в Орду поехал посол Никифор Басенков. В рассказе о стоянии на Угре Софийская летопись об этом посольстве говорит следующее: «Тъй бо Мақыфор был в Орде и многу алафу (дары) татаром даст себе; того ради любяше его царь и князи его». На следующий, 1474 год Басенков вернулся в Москву, но не один, а с послом Ахмата Кара-Кучуком, которого сопровождал конвой из 600 татар. Посла и конвой пришлось кормить. Естественно, Кара-Кучуку дали бояре на лапу и послали богатые поминки хану. В последующие пять лет идет интенсивный обмен послами, но, увы, содержание переговоров нам неизвестно. Согласно московской летописи, по прибытии очередных ханских послов Иван III в резкой форме отказался от уплаты дани, «взял басму (ханское изображение), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами, велел умертвить послов, кроме одного, и сказал ему: «Ступай, объяви хану, что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в покое».

С.М. Соловьев считает, что это позднейшая выдумка, а выступить Ивана против татар уговорила его жена.^[229]

Посол австрийского императора Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 г. и в 1536 г., писал об Иване III: «Впрочем, как он и был могущественен, а все же вынужден был повиноваться татарам. Когда прибывали татарские послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Его гречанка-супруга так негодовала на это, что

повторяла ежедневно, что вышла замуж за раба татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притворяться при прибытии татар больным». ^[230]

Соловьев писал: «Великую княгиню Софию оскорбляла зависимость ее мужа от степных варваров, зависимость, выражавшаяся платежом дани, и что племянница византийского императора так уговаривала Иоанна прервать эту зависимость: «Отец мой и я захотели лучше отчины лишиться, чем дань давать; я отказала в руке своей богатым, сильным князьям и королям для веры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками; разве у тебя мало войска? Зачем слушаешься рабов своих и не хочешь стоять за честь свою и за веру святую». ^[231]

Хан Ахмат в 1477–1478 гг. был занят войной с узбеками в Средней Азии. А в 1479 г. он договорился о совместных действиях против Москвы с королем Польши и великим князем литовским Казимиром IV.

Летом 1480 г. большое войско Ахмата двинулось на Русь. Узнав от лазутчиков о движении хана, Иван III решил расставить войска по Оке, чтобы воспрепятствовать форсированию ее татарами. Войско брата Андрея Васильевича встало в Тарусе, войско сына великого князя Ивана Молодого заняло Серпухов, а сам Иван III 23 июля отправился в Коломну.

Ахмат тоже был в курсе передвижений русских войск и отказался от форсирования Оки, а от Дона пошел мимо городов Мценска, Одоева и Любутска прямо к реке Угре. Ордынское войско подошло к Угре 8 октября 1480 г. и стало ждать подхода поляков и литовцев Казимира IV.

Иван III был весьма напуган походом татар. Москву начали готовить к осаде. Ведать обороной столицы было поручено князю Михаилу Андреевичу Верейскому. В осаде должны были остаться мать великого князя инокиня Марфа и митрополит Геронтий, а жену свою великую княгиню Софию Иван послал вместе с казной на Белоозеро, велел ехать далее «к морю и океану», если хан перейдет Оку и возьмет Москву.

Сам Иван III поначалу поехал к войску на Угру. Несколько раз татары пытались форсировать реку, но были отбиты огнем пушек и пищалей. Но вскоре Ивана III охватил страх, и он велел сжечь город Каширу, а сам «по делам» уехал в Москву.

А теперь процитирую С.М. Соловьева: «30 сентября, когда москвичи перебрались из посадов в Кремль на осадное сиденье, вдруг увидели они великого князя, который въезжал в город вместе с князем Федором Палецким; народ подумал, что все кончено, что татары идут по следам Иоанна; в толпах слышались жалобы: «Когда ты, государь, великий

князь, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безлепице продаешь; а теперь сам разгневал царя, не платя ему выхода, да нас выдаешь царю и татарам». В Кремле встретили Иоанна митрополит и Вассиан; ростовский владыка, называя его бегуном, сказал ему: «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами, не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!» Великий князь, опасаясь граждан, не поехал на свой кремлевский двор, а жил в Красном сельце; к сыну послал грамоту, чтоб немедленно ехал в Москву, но тот решился лучше навлечь на себя гнев отцовский, чем отъехать от берега. Видя, что грамоты сын не слушает, Иоанн послал приказание Холмскому: схвативши силою молодого великого князя, привезти в Москву; но Холмский не решился употребить силы, а стал уговаривать Иоанна, чтоб ехал к отцу; тот отвечал ему: «Умру здесь, а к отцу не пойду». Он устерег движение татар, хотевших тайно переправиться через Угру и внезапно броситься на Москву: их отбили от русского берега с большим уроном.

В Москве мнение Вассиана превозмогло: проживши две недели в Красном сельце, приказавши Патрикееву сжечь московский посад и распорядившись переводом дмитровцев в Переяславль для осады, а москвичей в Дмитров, великий князь отправился к войску». ^[232]

До реки Угры, где стояли напротив два войска, Иван не доехал. Он попытался кончить дело миром и отправил к хану посла Ивана Товаркова с богатыми дарами и челобитьем, прося хана отступить прочь и улуса своего не воевать. Ахмат ответил: «Жалую Ивана. Пусть сам приедет бить челом, как отцы его к нашим отцам ездили в Орду». Но великий князь не поехал, тогда хан велел сказать ему: «Сам не хочешь ехать, так сына пришли или брата». Но ответа не было, и хан в третий раз послал сказать: «Сына и брата не пришлешь, так пришли Никифора Басенкова». Никифор до этого уже много раз бывал в Орде, от себя лично одаривал хана и его мурз, за что его в Орде все любили. Но Иван III не послал и Басенкова.

Ахмат, стоя все лето на берегу Угры напротив русского войска и не имея возможности переправиться, бахвалился: «Даст бог зиму на вас: когда все реки станут, то много дорог будет на Русь». Иван III, опасаясь исполнения угрозы, как только 26 октября Угра стала, велел своему сыну Ивану, брату Андрею Меньшому и воеводам со всеми полками отступить на Кре-менец, чтобы биться соединенными силами. Получив приказ, русские ратники решили, что татары уже перешли ставшую Угру, и

бросились бежать к Кременцу. Далее Иван приказал отступать к Боровску, обещая, что даст битву татарам в его окрестностях. Летописец говорит, что Иван «продолжал слушаться злых людей, сребролюбцев, богатых и тучных предателей христианских, потаковников бусурманских».

А хан Ахмат и не думал гоняться за русскими. Постояв на Угре до 11 ноября, он через литовские волости пошел назад.

Причин отступления у хана Ахмата было достаточно. Войско Казимира IV не пришло. В октябре 1480 г. крымские татары совершили большой набег на Литву, в Польше паны устроили заговор против короля, а самое главное, у Казимира не хватало злотых.

Воспользовавшись уходом Ахмата с большей частью войска, на Золотую Орду с востока напал отряд казанских татар под командованием Аули.^[233] А с юга на кочевья Ахмата напал крымский царевич Нурдаулат.

Вернувшись в степи, хан Ахмат распустил войско, а сам с небольшой дружиной стал зимовать в устье Дона.

Тем временем сибирский хан Ивак и ногайские мурзы с шестнадцатитысячной конницей переправились через Волгу и утром 6 января 1481 г. вышли к болыпеордынскому зимовищу, находившемуся около Азова. Стан охранялся плохо, и нападение было внезапным. Ивак и мурза Ямгурчей (правнук Едигея и троюродный брат Ахматова беклярибека Темира) ворвались в шатер и убили Ахмата.

Дальнейшее хорошо описано в «Повести о стоянии на реке Угре».

«В 6989 (1481) году пришел князь великий в Москву из Боровска и воздал хвалу богу и пречистой богородице, говоря: «Не ангел, не человек спас нас, но сам господь спас нас по молитвам пречистой и всех святых. Аминь»...

В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнал. А тем землям, по которым она ходила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, господи, по их делам и по коварству их поступков, по делам рук их дай им».^[234]

Так закончилось татарское «иго» над Русью. Но московским великим князьям и царям еще почти 300 лет придется воевать и платить дань татарам.

Глава 16

Основание Крымского Ханства

К началу XIII века население Крыма представляло собой коктейль из потомков десятков народов, в разное время появлявшихся на полуострове. Это были скифы, киммерийцы, готы, сарматы, греки, римляне, хазары и др.

Были среди этих народов и русские. В 939 г. киевский князь Игорь взял хазарский город Самкеру, расположенный на Таманском полуострове. Вскоре хазарам удалось его отбить. В 964–965 гг. киевский князь Святослав Игоревич разгромил Хазарский каганат и какое-то время контролировал Северный Крым.

В конце X века было основано Тмутараканьское княжество Киевской Руси на Таманском и части Керченского полуостровов. Столицей княжества был город Корчев (современная Керчь). С этого времени славяне из Киевской Руси начали расселяться по всему Крыму. В Старом Крыму, Судаке, Ман-гупе, Херсонесе славяне составляли наиболее значительную часть населения.

Тмутаракань вскоре стала вторым по значению после Константинополя портом, через который в XI–XII веках проходили почти все морские и степные торговые пути. Мстислав Владимирович, правивший княжеством до 1036 г., расширил и укрепил его границы.

В 1792 г. на Таманском полуострове была найдена мраморная плита с выбитой на ней надписью: «В лето 6576 года (1068 г.) индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмута-раканя до Корчева 14000 сажен».

Есть основания полагать, что и в других частях Крыма были русские если не княжества, то по крайней мере городища. Например, при раскопках на холме Тепсель возле нынешнего поселка Планерское найдены остатки славянского поселения, возникшего в XII–XIII веках и существовавшего довольно долгое время. Отрытый на холме храм по своему плану близок к храмам Киевской Руси, а раскопанная в одном из жилищ печь напоминает древнерусские. То же можно сказать и о найденной на месте раскопок керамике.

Остатки русских церквей найдены и в других районах Крыма. Фресковые росписи и штукатурка, судя по найденным фрагментам, близки к подобному материалу киевских соборов XI–XII веков.

Первые татарские отряды ворвались в Крым в январе 1223 г.

Они взяли и разорили город Сугдею (Судак) и ушли в степи.

Следующее вторжение татар относится к 1242 г. На сей раз татары обложили данью население Северного и Восточного Крыма. Батый отдал Крым и степи между Доном и Днестром своему брату Мавалу. Столицей Крымского улуса и резиденцией улусского эмира стал город Кырым, построенный татарами в долине реки Чурук-Су на юго-востоке полуострова. В XIV веке название города Кырым постепенно перешло на весь полуостров Таврида. Примерно в это же время на караванном пути из Степного Крыма на южное побережье в восточной части полуострова был построен город Карасубазар («Базар на реке Карасу», ныне г. Белогорск), который быстро стал самым многочисленным и богатым городом улуса.

После захвата в 1204 г. Константинополя крестоносцами на берегах Тавриды возникают венецианские и генуэзские города-колонии. В 1292 г. между Венецией и Генуей началась семилетняя война, закончившаяся победой Генуи. В 1299 г. эти республики заключили «вечный мир», по которому единственным владельцем всех итальянских колоний в Крыму стала Генуя. Эти колонии остаются и после захвата степного Крыма татарами. Между итальянцами и татарами неоднократно возникали конфликты, но в целом улусские эмиры терпели существование колоний. С одной стороны, прибрежные города-крепости были хорошо укреплены и могли получать подкрепление с моря, а с другой стороны, торговля с итальянцами приносила эмирам неплохие барыши, так зачем же резать курицу, несущую золотые яйца.

Основатель династии Гиреев Хаджи-Девлет Гирей родился в 20-х годах XV века в литовском замке Троки, куда бежали его родственники в ходе ордынских усобиц.

Хаджи Гирей был не то сыном, не то внуком золотоордынского хана Таш-Тимура. Сам Таш-Тимур был прямым потомком Тукой-Тимура, тринадцатого сына хана Джучи и внука Чингисхана. Поэтому впоследствии Гирей считали себя Чингизидами и претендовали на власть над всеми государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды.

В Крыму Хаджи Гирей впервые появился в 1433 г. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы признали Хаджи Гирея крымским ханом. Однако через несколько месяцев ногайский хан Сейид-Ахмет выбил Гирея из Крыма. Гирей был вынужден бежать на «родину», в Литву. Там в 1443 г. он и был провозглашен крымским ханом. Затем при военной и финансовой поддержке великого литовского князя Казимира IV Гирей двинулся в Крым. Вновь став крымским ханом, Хаджи Гирей сделал своей столицей город Крым-Солхат. Но вскоре Сейид-Ахмет вновь изгнал Хаджи

Гирея из Крыма. Окончательно Хаджи Гирей стал крымским ханом лишь в 1449 г.

В Крыму Хаджи Гирей основал новый город Бахчисарай («Дворец в садах»), ставший при его сыне Менгли Гирее вою столицей государства.

В советской исторической литературе истории Крыма с античных времен до XIII века посвящены десятки изданий, а по истории Крымского ханства не было издано ни единой книги до 1990 г. В изданиях же по русской истории авторы лишь вскользь касались Крымского ханства.

Это было связано как с депортацией крымских татар в 1944 г., так и с несоответствием истории ханства марксизму-ленинизму. Марксисты считали, что в средние века существовало два класса — феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и К°, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира. Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. п., автоматически подразумевается, что основной способ производства — феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веке вообще не было. Вот, к примеру, Швеция и Русь вели между собой почти два десятка больших и малых войн. В ходе боевых действий обе стороны жгли и грабили деревни, насиловали женщин, убивали мирных жителей. Но все это было побочными продуктами войны. Целью же войны было подписание мира, сопряженного с территориальными приобретениями, льготами в торговле и т. п. Средством достижения мира было уничтожение вооруженных сил неприятеля. За несколькими годами войны между Швецией и Россией следовали 50, а то и 100–200 лет мира. То же самое было и у других европейских государств, например у Франции и Испании.

Крымские же татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Их стратегическая, и она же тактическая цель войны — награть и благополучно увезти награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яровицкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин:

бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления».^[235]

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымский хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а, собственно, все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

Татарские войска хорошо описаны французским военным инженером Г. де Бопланом, состоявшим с 1630 по 1648 год на польской службе, и полковником Кристофом Манштейном, состоявшим в 1727–1742 гг. на русской службе. Обе книги были написаны во Франции и Германии соответственно, то есть не подлежали цензуре польского и русского правительства и могут считаться сравнительно объективными источниками.

Зимой татары шли всегда более многочисленным войском, чем летом. Причиной этого, главным образом, было то, что летом татары не всегда могли скрыть следы движения своей конницы по высокой степной траве, не всегда успевали обмануть бдительность сторожевых казаков, и, наконец, летом татары были менее свободны, чем зимой. Татары шли в поход всегда налегке: они не везли с собой ни обозов, ни тяжелой артиллерии. Повозок, запряженных лошадьми, татары не терпели даже у себя дома, обходясь, в случае необходимости, волами или верблюдами, совершенно непригодными для быстрых набегов на христианские земли. Татарские лошади, число которых доходило до двухсот тысяч голов, довольствовались степной травой даже в зимнее время, приученные добывать себе корм, разбивая снег копытом. Огнестрельного оружия татары не употребляли,

предпочитая неверным выстрелам из ружей меткие выстрелы из луков. Стрелами же они так отлично владели, что, по словам очевидцев, могли попадать на всем скаку в неприятеля с шестидесяти и даже со ста шагов. Зато лошадей в поход они брали значительно больше, чем какие-либо другие степные народы. Каждый татарин вел с собой в поход от трех до пяти коней, а все вместе — от 100 тысяч до 300 тысяч голов. Это объясняется, с одной стороны, тем, что часть лошадей шла татарам в пищу, а с другой стороны, тем, что всадники имели возможность заменять усталых лошадей свежими, что значительно увеличивало скорость передвижения войска.

В ходе подготовки к набегу татары запасались оружием, продовольствием, возможно большим количеством верховых лошадей. Татары очень легко одевались: рубаша из бумажной ткани, шаровары из нанки, сафьяновые сапоги, кожаные шапки, иногда овчинные тулупы. Вооружались татары только ручным холодным оружием, то есть брали с собой сабли, луки, колчаны с 18 или 20 стрелами, нагайки, служившие им вместо шпор, и деревянные жерди для временных шатров. Кроме того, к поясу привешивали нож, кресало для добывания огня, шило с веревочками, нитками и ремешками, запасались несколькими кожаными сыромятными веревками 10–12 метров длины для связывания невольников и астрономическим инструментом, заменявшим собой компас, для определения точек горизонта в безориентирной степи. Кроме того, каждый десяток татар брал с собой котел для варки мяса и небольшой барабанчик на луку седла. Каждый в отдельности татарин брал свирель, чтобы при необходимости созывать товарищей, привешивал деревянную или кожаную бадью, чтобы самому пить воду или поить из нее лошадь. Знатные и богатые татары запасались кольчугами, очень ценными и редкими у татар. Для собственного пропитания каждый татарин вез на своем коне в кожаном мешке некоторое количество ячменной или просяной муки, которую называли толокном и из которой, с добавлением к ней соли, делали напиток пексинет. Кроме того, каждый татарин вез с собой небольшой запас поджаренного на масле и подсушенного на огне в виде сухарей теста. Но основной пищей татар в походе была конина, которую они получали во время пути, убивая изнуренных и негодных к бегу, а иногда используя и издохших коней. Из конины татары делали различные кушанья: смесь крови с мукой, сваренной в котле; тонкие круги мяса, пропотевшие и подогретые под седлом на спине коня в течение двух-трех часов; и большие куски мяса, сваренные с небольшим количеством соли, которые ели вместе с накипевшей от воды пеной в котле.

Вообще татары старались не обременять своих лошадей, поэтому больше заботились о них, чем о себе. «Коня потеряешь — потеряешь голову», — говорили они в этом случае, хотя в то же время мало кормили своих лошадей в пути, считая, что они без пищи лучше переносят усталость. С этой же целью татары одевали на своих коней самые легкие седла, которые в пути служили всаднику для различных целей: нижняя часть, называемая тургчию, то есть сбитый из шерсти войлок, служил ковром; основа седла — изголовьем; бурка, называемая капуд-жи или табунчи, при натягивании ее на воткнутые в землю жерди служила шатром.

Татары сидели на своих лошадях, согнувшись спиной, «подобно обезьянам на гончей собаке», потому что слишком высоко подтягивали к седлу стремяна, чтобы тверже, по их мнению, опираться и оттого крепче сидеть в седле. Сидя верхом, татары мизинцем левой руки держали уздечку, остальными пальцами той же руки держали лук, а правой рукой быстро пускали стрелы назад и вперед.

Встретив на своем пути реку, татары переплывали ее, сделав из камыша плот, который привязывали к хвосту лошади и на который клали все свое имущество. Сами же, раздевшись донага, хватались одной рукой за гриву коня, понуждая его к скорейшей переправе через реку, другой рукой гребли и быстро переправлялись с одного берега на другой. Иногда вместо импровизированных плотов татары применяли лодки, поперек которых клали толстые жерди, к жердям привязывали лошадей одинаковое число, для равновесия, с каждой стороны. Внутрь лодки они складывали свои вещи и таким способом переправлялись через реку. Переправы татары совершали всем строем сразу, растянувшись вдоль реки иногда километра на два.

Татарские лошади, называемые бакеманами, не подковывались. Только знатные вельможи и некоторые мурзы подвязывали своим коням толстыми ремнями вместо подков коровьи рога. Бакеманы в основном были малорослы, поджары и неуклюжи. Исключение составляли красивые и сильные кони знатных вельмож. Зато бакеманы отличались необыкновенной выносливостью и быстротой. Они в состоянии были проскакать в один день без отдыха и усталости 85 — 130 километров.

В походе татарин всегда имел трех и более коней: на одном сидел, а двух других вел с собой в поводу для перемены в случае усталости. Если какой-либо конь утомлялся, не мог нести всадника и даже следовать за ним, то такого бросали в степи и на обратном пути находили его в хорошем состоянии.

Сами всадники отличались легкостью, проворством и ловкостью.

Несясь во весь опор на коне во время преследования врагом и чувствуя измождение коня под собой, татарин мог на всем скаку переброситься с одного коня на другого и мчаться безостановочно дальше. Конь же, освободившийся от всадника, тут же брал вправо и продолжал скакать рядом с хозяином, чтобы в случае усталости второй лошади, вновь взять хозяина на свою спину.

Походы татар были зимние и летние.

Зимние походы предпринимались, чтобы избежать лишних трудностей во время водных переправ и дать возможность некованным лошадям бежать по мягкой снежной равнине. Для зимних походов выбиралось время около января или в январе, когда ровные степи покрывались глубоким снегом и не было никакой опасности от гололедицы для татарских лошадей. В гололедицу татарские неподкованные кони скользили, падали, калечили себе ноги и оказывались бессильными против запорожской конницы. Кроме гололедицы, татары избегали и жестоких степных морозов, от которых они гибли сотнями и даже тысячами и спасались только тем, что разрезали брюха у лошадей, залезали вовнутрь и грелись.

Число всадников, отправившихся в поход, зависело от того, какого звания было лицо, стоявшее во главе похода. Если шел сам хан, то с ним двигалось 80 тысяч человек. Если шел мурза, то 50 или 40 тысяч человек.

Перед началом похода делался подробный смотр войска, и только после этого позволялось выступить в поход. Вся масса войска двигалась не отдельными отрядами, а длинным узким рядом, растягиваясь на 4 — 10 миль, имея фронт в 100 всадников и 300 коней, а центр и арьергард — в 800 всадников или 1000 коней, при длине от 800 до 1000 шагов.

Во время наступательного похода, пока татары были в собственных владениях, они шли медленно, не более шести французских миль в день, хотя в то же время рассчитывали так, чтобы возвратиться в свои владения до вскрытия рек, всегда губительного для поспешно уходившего татарского войска, обремененного добычей и пленниками. Продвигаясь медленно вперед, татары в то же время применяли все меры предосторожности, чтобы обмануть сторожевых казаков и скрыть от них все следы своего передвижения. Для этого татары выбирали глубокие балки или низменные лощины, вперед отрядов высылали ловких и опытных наездников для поимки «языков», при ночных остановках не разводили огней, завязывали морды лошадям, не позволяя им ржать. Ложась спать, привязывали лошадей арканами к рукам, чтобы можно было, в случае внезапной опасности, сейчас же поймать коня, сесть на него и бежать от неприятеля.

При общем движении татары время от времени останавливались,

спрыгивали со своих коней, «pour donne loisir a leurs chevaux d`uriner»,^[236] — и лошади их в этом случае так были выдрессированы, что тотчас это делали, как только всадники сходили с них. Все это происходило «в полчетверть» часа, после чего всадники снова двигались в путь.

Медленность движения татар, страшная масса лошадей и людей, молчаливость и сдержанность их в пути, темное вооружение всадников наводили ужас даже на самых смелых, но не привыкших к такому зрелищу воинов.

Важным органом управления в Крымском ханстве являлся совет — диван. В диван, кроме хана, входили его заместитель и наставник калги-султана, старшая жена или мать хана — ханша валиде, глава мусульманского духовенства ханства — муфтий, главные беки и огланы. Второго наследника хана называли нураддин-султаном.

В 30-е годы XV века между Днепром и Доном образовалась Большая орда Сеид-Ахмеда. Претендуя на лидерство среди татарских улусов, Орда Сеид-Ахмеда вела напряженную борьбу как против Волжской орды Улу-Мухаммеда, так и против Крыма. В создавшейся ситуации Сеид-Ахмед пытался то вытеснить Хаджи Гирея из Крыма, то ослабить хана Волжской Орды Улу-Мухаммеда, находясь при этом в союзе с правителем другого волжского улуса Кучук-Махаммедом.

Оказавшись в сложном положении, крымский хан в 1454 г. вступает с союз с турками, которые за несколько месяцев до этого захватили Константинополь и стали хозяевами Проливов. В следующем, 1455 г. Хаджи Гирею удастся наголову разгромить войско хана Сеид-Ахмеда.

Захват турками Проливов и усиление власти Хаджи Гирея в Крыму угрожали самому существованию генуэзских колоний. Последние два генуэзских корабля с боем прошли Проливы и 23 апреля 1455 г. вошли в гавань Кафы.

В июне 1456 г. была проведена первая совместная турецко-татарская операция против генуэзцев в Кафе. Эта акция закончилась подписанием мирного договора, согласно которому генуэзцы стали платить дань туркам и татарам.

А в мае 1475 г. турецкая эскадра под командованием верховного визиря Кедука-паши высадила десант в Кафинском заливе. С берега десант поддерживали татарские отряды Мен-гли Гирея. На пятый день Кафа пала. Город стал называться по-турецки — Кефе. Он стал главным опорным пунктом Турции в Крыму. Турецкие войска разгромили и заняли княжество Феодоро и все города южного побережья Крыма. С генуэзским присутствием в Крыму было покончено. Затем турки захватили Таманский

полуостров.

Весной 1484 г. объединенные войска султана Баязида II и крымского хана Менгли Гирея напали на Польшу. 14 июля 1484 г. они захватили важнейший порт в устье Дуная — крепость Килию, 4 августа заняли Аккерман (современный Белгород-Днестровский) — крепость в устье Днестра. Теперь Турция и Крымское ханство владели всем побережьем Черного моря от устья Дуная до устья Днестра. Во всех завоеванных городах были оставлены большие турецкие гарнизоны.

Крымские татары на захваченных землях образовали свое государство — Буджицкую Орду.

23 марта 1489 г. Польша подписала мирный договор, по которому Турция оставляла за собой захваченные земли в Северном Причерноморье.

Таким образом, в конце XV века Турции удалось закрепиться в Крыму и Северном Причерноморье. Крымское ханство на 300 лет стало вассалом Турции. Большинству отечественных историков зависимость Крымского ханства от Османской империи представлялась минимальной. Кстати, также думали беи и простые татары. Дело в том, что интересы Турции и Крымского ханства в подавляющем большинстве вопросов совпадали. Фактически же ханство находилось на длинном, но жестком поводке Стамбула. Султан был религиозным главой крымских мусульман. Многие члены семьи Гиреев постоянно жили в Турции, и у султана всегда было в запасе несколько претендентов на ханский престол. Для ханства Стамбул являлся фактически единственным окном в мир. Турция была единственным скупщиком захваченных татарами пленных и награбленного имущества (если не считать выкупа за пленников). Не будь Османской империи, Россия и Речь По-сполитая, поодиночке или объединившись, сумели бы покончить с Крымским ханством еще в XVI веке или по крайней мере в XVII веке.

Все это накрепко привязало Бахчисарай к Стамбулу, куда крепче, чем, к примеру, Алжир или Египет, которые формально были частями Османской империи.

В конце XV века крымские ханы усиливают контроль над Днепро-Бугским лиманом. В 80-х годах XV века татары в устье реки Тягинки построили небольшую крепость, но в 1493 г. литовское войско под началом черкасского воеводы Богдана Федоровича Глинского и царевича Издемира (Уздемира, брата Менгли Гирея), находившегося в то время на службе у великого князя литовского, уничтожили эту крепость.

Немного южнее этой крепости в 1492 г. возник город Ак-Чакум (Очаков), ставший основным опорным пунктом крымских татар в южном

течении Днепра. К началу XVI века этот район стал местом постоянных кочевий крымцев.

На крайнем западе владения Крымского ханства простирались до бассейна реки Синие Воды при ее впадении в Южный Буг. Восточной границей ханства был бассейн реки Миусс (Молочная вода), хотя до самого Миусса постоянные обиталища крымцев, как правило, не доходили. Наконец, в 1504–1506 гг. крымские татары построили на Таванском перевозе через Днепр крепость Ислам-Кермень.

Крымское ханство постоянно воевало с Золотой Ордой, и Москва стала единственным союзником крымских Гиреев. В 70-х годах XV века идет почти ежегодный обмен посольствами между Крымом и Москвой. При этом с самого начала великий князь Иван III занял подчиненное положение по отношению к крымскому хану Менгли Гирею. Московский посол боярин Никита Беклемишев должен был говорить хану от имени своего государя: «Князь великий Иван челом бьет: посол твой Ахи-Баба говорил мне, что хочешь меня жаловать, в братстве, дружбе и любви держать». Иван III писал хану: «И я, слышав твое жалованье и видевав твой ярлык, послал к тебе бить челом боярина своего Никиту, чтобы пожаловал, как начал меня жаловать, так и до конца жаловал».^[237]

Понятно, что Менгли Гирей «челом не бил» великому князю московскому, однако называл Ивана братом. С момента начала дипломатических сношений с Крымом Москва фактически начала платить дань Гиреям. Причем для «внутреннего пользования» в Москве эти деньги, меха и прочие товары, отправляемые почти ежегодно в Крым, именовались подарками (поминками).

В 1476 г. золотоордынский хан Ахмат захватил Крым. Менгли Гирей был вынужден бежать к туркам, а крымским ханом стал сын Ахмата Джанибек. Но в 1478 г. Менгли Гирею удалось выгнать Джанибека из Крыма. Многие предполагают, что сделал он это с помощью турецких войск.

Как мы уже знаем, Менгли Гирей оказал неоценимую помощь Ивану III во время «стояния на реке Угре», когда крымцы напали с тыла на Литву и Ахматову Орду.

В 1485 г. сын хана Ахмата Муртоза с золотоордынской ратью вторгся в Крым. Но войско его было разбито, а сам Муртоза попал в плен и был заключен в тюрьму в Кафе. Тогда другой сын Ахмата Мухмуд вместе с князем Темиром пришел в Крым, взял Кафу и освободил Муртозу.

Лишь с помощью турок и ногайских татар (ногаев) Менг-ли Гирею удалось выгнать золотоордынцев из Крыма. С севера на Золотую Орду

напали и московские войска.

Замечу, что война с Золотой Ордой не мешала Гиреям с 1447 г. регулярно нападать на южнорусские земли, находившиеся в составе Великого княжества Литовского. В конце лета 1482 г. орда Менгли Гирея сожгла Киев и увела в рабство многие тысячи горожан и селян. В 1489 г. крымские татары несколько раз вторгались на Подолию. Она была опустошена ими в 1494 г. В Каменце, например, все его укрепления и строения были разрушены, запасы оружия и продовольствия уничтожены. В 1498 г. татарское войско вместе с турецким razорило Галичину и Подолию, захватив в плен около 100 тысяч человек. В 1499 г. крымская орда вновь разграбила Подолию. Естественно, все это вполне устраивало Ивана III, враждовавшего в то время с Литвой.

Весной 1491 г. ордынские войска под началом ханов Сеит Ахмета и Шиг-Ахмета двинулись к Перекопу. На выручку своего союзника Менгли Гирея Иван III двинул в степи два войска под началом князей Петра Никитовича Оболенского и Ивана Михайловича Репню-Оболенского. Общая численность московских войск, включая служилых татар, достигала 60 тысяч человек. Узнав о походе московской рати, золотоордын-цы ушли от Перекопа.

В ответ золотоордынцы в 1492 г. совершили набег на Алексин, а в 1499 г. — на Козельск.

Осенью 1500 г. золотоордынский хан Шиг-Ахмет с шестидесятитысячным войском пришел в южную Таврию и подошел к Перекопу. Войско Менгли Гирея заняло оборону на Перекопе, и прорваться в Крым золотоордынскому войску не удалось. Зима с 1500 на 1501 г. выдалась суровая, и в войске Шиг-Ахмета начались голод и падеж скота. Некоторые мурзы покидали хана и откочевывали со своими ордами. Тогда Шиг-Ахмет ушел к Киеву под защиту короля Яна Ольбрехта, сына Казимира IV.

На следующий год Шиг-Ахмет снова объявился в степях и попытался прорваться в Крым с двадцатитысячным войском, и снова неудачно. Осенью 1501 г. его орда отошла для зимовки в район Белгорода.

30 августа 1501 г. Иван III писал Менгли Гирею: «Наш недруг Шиг-Ахмет царь пришел к нашим князей отчине к Рыл-ску. И наши князья, князь Семен Иванович и князь Василий Шемячич, ^[238] и наши воеводы со многими людми пошли против них».

Хан Шиг-Ахмед разрушил Новгород-Северский и ряд малых городов, а затем «отошел в поле» и начал кочевать между Черниговом и Киевом, где ждал помощи литовцев.

В августе 1502 г. Менгли Гирей писал в Москву, что Большая Орда остановилась «зимовать не на устье Семи, а около Белгорода», и что он уже начал против нее военные действия, «велел пожары пускать, чтобы им негде зимовать, ино рать моя готова вся».

В мае 1502 г. хан Менгли Гирей собрал всех татар, кто мог сесть на коня, и двинулся на Шиг-Ахмеда. В районе устья реки Сулы произошло сражение между золотоордынцами и Крым-цами. Шиг-Ахмед был разбит и бежал вначале к ногаям, а затем в Турцию. Но султан Баязид II не захотел помогать ему против своего верного вассала Менгли Гирея. Тогда Шиг-Ахмед отправился в Литву, где и был посажен в тюрьму. Как писал С.М. Соловьев: «Так прекратилось существование знаменитой Золотой Орды! Крым избавил Москву окончательно от потомков Батыевых». [\[239\]](#)

Но, помогая крымцам добивать дряхлую Золотую Орду, московские князь и бояре не понимали, какого страшного зверя они прикармливали и растили себе на беду. Уже в 1507 г. крымские татары напали на Московское государство. Они разграбили Белевское, Одоевское и Козельское княжества. Так началась 270-летняя война России с крымскими татарами.

Глава 17

Война на два фронта

В 1479 г. умер казанский хан Ибрагим, праправнук золотоордынского хана Тохтамыш. От первой жены Фатимы он имел трех сыновей — Али (Ильгама), Худай-Кула и Мелик-Тагира, а от второй жены Нурсултан (вдовы хана Халиля) — Мухаммед-Эмина и Абдул-Латыфа.

Нурсултан после смерти Ибрагима вышла замуж за крымского хана Менгли Гирея и уехала из Казани в Бахчисарай. Вместе с ней ко двору отчима уехал и маленький царевич Абдул-Латыф. Отъезд ханши способствовал усилению связей между обоими государствами и стал причиной ряда важных политических событий.

После смерти Ибрагима началась борьба за власть между феодальными кланами, возглавляемыми сыновьями эмира Габдель-Мумина — Юсуфом и Бурашем.

В 1482 г. Бураш провозгласил казанским ханом десятилетнего сына Ибрагима Мухаммед-Эмина. В ответ его брат-соперник Юсуф в свою очередь пригласил в свою крепость Корым-Чаллы (на реке Шулебут, правом притоке Камы) Ильгама (Али), где и провозгласил его казанским ханом.

Зимой 1484 г. во главе шеститысячного войска Юсуф и Али двинулись на Казань. Бураш и его хан Мухаммед-Эмин бежали в Москву. Бураш попросил помощи у Ивана III. Великий князь московский тогда находился в дружеских отношениях с крымским ханом Менгли Гиреем — отчимом Мухаммеда-Эмина. Поэтому Иван III не заставил себя долго упрашивать и в апреле 1487 г. послал на Казань большую рать под начальством князей Данилы Холмского, Александра Оболенского, Семена Ряполовского и Семена Ярославского. Вслед за русским войском отправился и Мухаммед-Эмин.

При подходе к Казани произошел бой между русскими и татарами Ильгама (Али). Татары были разбиты и ушли в Казань. Русские осадили Казань и обнесли ее острогом.

Осада продолжалась три недели. Каждый день сторонники Али ходили на вылазки, с тыла на русских нападал отряд князя Алгазая. В конце концов русским воеводам удалось прогнать Алгазая за Каму в степь, и 9 июля 1487 г. Казань капитулировала. Хан Али сам выехал на коне из города и

сдался московским воеводам.

Русские вновь посадили ханом Мухаммеда-Эмина. Десяносто татарских князей и мурз было казнено. Хан Али, его жена, мать — царица Фатима, сестры и братья Мелик-Тагир и Худай-Кул были отправлены в Россию. Хана Али с женой сослали в Вологду, туда же в 1490 г. сослали и крымского царевича Хайдара, сына Хаджи Гирея, только что выехавшего на службу в Россию. Царица Фатима, царевичи и царевны были сосланы в отдаленный городок Каргополь. Хан Али умер в Вологде, а Мелик-Тагир — в Каргополе в ссылке. Сыновьям Мелик-Тагира при крещении дали имена Василий и Федор. Федор Мелик-Тагирович в 1531 г. был наместником в Новгороде.

Худай-Кул, выросший в русском плену, впоследствии был доставлен в Москву и освобожден. В 1505 г. он крестился и стал царевичем Петром Ибрагимовичем, а затем женился на сестре великого князя Василия III Евдокии Ивановне. Умер Петр Ибрагимович в 1523 г. и был погребен в Москве в Архангельском соборе. У него осталось две дочери, обеих звали Анастасия. Старшая вышла замуж за князя Федора Михайловича Мстиславского, а младшая — за князя Василия Васильевича Шуйского. У Анастасии и Федора Мстиславских был сын Иван. Его дочь Анастасия Ивановна вышла замуж за бывшего касимовского хана Саин-Булата, после крещения получившего имя Симеона Бекбулатовича. Последний в 1574 г. был объявлен Иваном Грозным, Государем Всея Руси.

Формально Казань осталась независимой. Но грамоты Мухаммеда-Эмина и Ивана III начинались так: «Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магмет-Аминь царь челом бьет». Довольно забавная ситуация: казанский хан бьет челом великому князю московскому, а тот, в свою очередь, бьет челом крымскому хану.

Часто грамоты Ивана III к Мухаммеду-Эмину имели приказной тон. Так, например, муромские наместники однажды поймали казанского татарина, который ехал с товарами через Мордву, а Нижний Новгород и Муром объехал, чтобы не платить там пошлыны. По этому поводу Иван III писал Мухаммеду-Эмину: «Ты бы в Казани и во всей своей земле заповедал всем своим людям, чтоб из Казани через Мордву и Серемису на Муром и Мещеру не ездил никто; а ездил бы из Казани все Волгою на Новгород-Нижний». Мухаммед-Эмин, желая жениться на дочери ногайского хана, спрашивал на то согласие великого князя. Наконец, на казанские волости была наложена какая-то подать, шедшая в московскую казну и собираемая московскими чиновниками. Так, Мухаммед-Эмин жаловался Ивану III, что какой-то Федор Киселев притесняет гражданских

жителей, берет лишние пошлины.

В 1490 г. в союзе с русским и крымским правительством казанцы участвовали в войне против Сарайского ханства. В 1491 г. Мухаммед-Эмин присоединил к Казанскому царству территорию Большой Орды между Волгой и Яиком с городами Сарай-Бату и Сарай-Берке.

Промосковская политика Мухаммеда-Эмина не нравилась многим казанским феодалам. Юсуф вместе с князьями Ураком, Агишем и Садиром вступили в переговоры с сибирским ханом Ибаком (Айбеком) и попросили направить в Казань его сына Мамука (Мамыка).

Весной 1496 г. царевич Мамук с большим войском вышел к Казани. Узнав об этом, Мухаммед-Эмин обратился за помощью к Ивану III. Из Нижнего Новгорода на судах прибыли русские войска под командованием князя Семена Рябловско-го. Когда о прибытии в Казань русского войска стало известно Мамуку, он применил следующую военную хитрость: демонстративно развернул свое войско и отправился обратно домой. Тайные сторонники Юсуфа постарались убедить хана Мухаммеда-Эмина в том, что опасность миновала, тот поверил и отпустил русские войска. Об этом тотчас сообщили Мамуку, и тот быстро, но скрытно подошел к Казани. Сторонники Юсуфа открыли ворота и впустили отряды Мамука в город. Мухаммед-Эмин с женами и несколькими князьями бежал в Москву.

Став ханом, Мамук резко повысил налоги с казанских купцов и ремесленников, не стал считаться с мнением тех князей, которые привели его к власти. У его покровителя эмира Юсуфа были свои виды на него — Юсуф хотел использовать Мамука и его войска для уничтожения военной опоры своего сводного брата Бураша. Поэтому он велел хану захватить Эчке-Казан (Внутреннюю Казань, Арский город в русских летописях).

На помощь Бурашу пришел князь Урак, и они вместе наголову разбили Мамука. Когда побитый хан вернулся, у стен Казани он увидел большое войско. Как сказано в «Своде бул-гарских летописей», казанцы сказали ему: «Нам не нужен хан, грабящий свой народ!» и прогнали его из ханства. Относительно дальнейшей судьбы Мамука существуют разные версии. По одной из них будто бы Мамук направился в ногайские степи, а по другой — ушел к себе домой в Сибирь.

После отъезда Мамука Казанью завладел Бураш. Было создано Временное правительство во главе с князем Кул-Маме-том (Кель-Ахмед в русских летописях). В Москву было отправлено посольство, возглавляемое князем Кул-Маметом. Послы заявили Ивану III о желании казанского правительства возобновить прежние договора. Кроме того, от имени сеида Бураша князь Кул-Мамет попросил московского государя дать казанцам

хана, но только не Мухаммед-Эмина. Иван III решил отправить в Казань Абдул-Латыфа (Гадель-Латыфа) — единоутробного младшего брата Мухаммед-Эмина, младшего сына хана Ибрагима и Нурсултан.

Абдул-Латыф родился в Казани около 1475 г. Когда его мать в 1480 г. вышла замуж за Менгли Гирея, царевич уехал вместе с ней в Бахчисарай, где и провел свое детство и юность. Дружественные отношения, в которых находилось Крымское ханство с Россией, побудили хана Менгли Гирея отправить Абдул-Латыфа, как только тот достиг совершеннолетия, на службу к Ивану III. В Москве хорошо приняли Абдул-Латыфа и дали ему в удел город Звенигород.

Абдул-Латыф выехал из Москвы в конце апреля 1497 г. в сопровождении русского войска под командованием князей Семена Холмского и Федора Палицкого, которые и посадили Абдул-Латыфа на царство, и привели к присяге (шерти) «за великого князя всех князей казанских, уланов и земских людей по их вере». А Мухаммед-Эмину Иван III вместо Казани дал на кормление Каширу, Серпухов и Хотунь со всеми пошлинами. Но и здесь Мухаммед-Эмин не угомонился, по словам летописца, «жил с насильством и алчно ко многим».

В 1499 г. сибирский царевич Агалак, брат Мамука, и князь Урак устроили поход на Казань. Узнав об этом, хан Абдул-Латыф обратился за помощью к Ивану III. Из Нижнего Новгорода срочно прибыли войска: пехота на судах под командованием воеводы Ивана Суздальского и конница посуху под началом Федора Бельского. Агалак и Урак не рискнули принять бой с объединенными русско-казанскими войсками и повернули назад.

В 1500 г. эмир Юсуф предпринял очередную попытку овладеть Казанью. В поход он отправил наемных ногайцев ак-мангытов под командованием мурз Мусы и Ямгурчи. Ногайцы ворвались в посад Кураиш, и князь Утяш с остатками своего отряда укрепился в районе мечети «Отуз» (на месте современной казанской мечети «Нурулла» на ул. Кирова). Вскоре ему на помощь пришли русские войска под командованием князей Михаила Курбского^[240] и Петра Лобана, размещенные в Ташаякском ураме. Русские ратники приставили лестницы и бревна к частоколу, отделявшему урам от посада, и перелезли через него. Оказавшись с двух сторон зажатыми русскими войсками и отрядом Утяша, ногайцы в панике бежали из посада и убрались восвояси.

В 1501 г. Абдул-Латыфу надоела опека со стороны эмира Бураша, и он вступил в контакт с эмиром Юсуфом. Вскоре Бурашу стало известно об этих переговорах, и он отправил кляузу в Москву.

В январе 1502 г. Иван III отправил в Казань князя Василия

Ноздреватого и Ивана Телешова с приказом схватить Абдул-Латыфа «за его неправду». С помощью сеида Бураша и князя Кул-Мамета воеводы быстро справились с заданием и доставили Абдул-Латыфа в Москву. Через некоторое время его сослали в Белозерск.

Московский посол в Крымском ханстве объявил Менгли Гирею о вине Абдул-Латыфа очень расплывчато: «Великий князь его пожаловал, посадил на Казани, а он ему начал лгать, ни в каких делах управы не чинил, да и до земли Казанской стал быть лих».

На казанский престол был возведен московский «подручник» хан Мухаммед-Эмин. До этого, как мы знаем, он «кормился» в Кашире и Серпухове. В 1500 г., во время Литовской войны, Мухаммед-Эмин был назначен, в силу своего высокого титула, номинальным главнокомандующим всей русской армией. В 1502 г., когда хан возвратился в Казань, ему было чуть больше тридцати лет.

Мухаммед-Эмину не понравилось вмешательство в дела управления ханством со стороны эмира Бураша. Поэтому он вступил в союз с давним соперником Бураша Юсуфом. Чтобы наказать Бураша, Мухаммед-Эмин приказал казнить его видного сторонника Кул-Мамета. Эта казнь действительно устрасила Бураша, и он поклялся быть верным Мухаммеду-Эмину.

В июне 1505 г. в Казань пришла грамота Ивана III, в которой он требовал пропустить через Казань караван русских торговых судов, идущих в Астрахань и Персию. По казанским законам такой транзит был категорически запрещен, но казанский хан иногда делал исключение.

Но на сей раз Мухаммед-Эмин исключение делать не пожелал. Как писал З.З. Мифтахов: «24 июня к Казани подплыл многочисленный караван русских судов. Великокняжеский посол дьяк Михаил Кляпик (Еропкин), не сходя с судна, потребовал беспрепятственно пропустить их в Астрахань. На это требование хан ответил по-своему: он велел командующему речным флотом Сунгилю преградить путь русским судам и схватить посла Кляпика. Так и было сделано. Арестованного посла Сунгиль передал князю Агишу, стоящему на берегу с отрядом казаков. «Посол стал звать своих на помощь, и 13 тысяч русских воинов, притворявшихся купцами, высадились и напали на казаков». Под напором превосходящих сил казаки отступили в Ташаякский урам. Вскоре русские войска ворвались туда. Князь Агиш успел переправиться через Булак со связанным послом Кляпиком. Тем временем собралось городское ополчение численностью 15 тысяч человек. Ополченцы пошли в Ташаякский урам и окружили русские войска, укрепившиеся в «Урус Йорты» («Русский Дом»). Окруженным

предложили сдаться. Они ответили отказом. После этого «толпа пришла в полное неистовство и подожгла дом». Из огненного кольца выпустили только настоящих купцов, а остальные «купцы» сгорели. По велению хана Мухаммеда-Эмина посла Кляпика и его людей приковали «к колесу водоподъемного устройства в «Су-Манара»». И они стали вращать колесо водоподъемного устройства в водонапорной башне вместо слепой лошади». ^[241]

Мухаммед-Эмин этим не ограничился, собрал войско и в сентябре 1505 г. отправился в поход на Нижний Новгород. В составе его войска было 40 тысяч казанцев и иштяков, а также 20 тысяч ногайцев.

Татары подошли к Нижнему Новгороду и осадили его. Посады были сожжены, а население укрылось в Кремле. Там было много пушек и боеприпасов, но опытных ратников не доставало, особенно пушкарей. Тогда местный воевода Иван Васильевич Хабар Симский приказал вооружить три тысячи пленных литовских ^[242] стрельцов, взятых 17 июля 1500 г. в битве на речке Ведроше близ Дорогобужа. После битвы их сослали в Нижний Новгород.

Литовские стрельцы умело обращались и с пушками, и с ручными пищалями. Когда татары пошли на штурм, их встретил огненный смерч. Среди убитых оказался и знатный ногайский мурза. Его смерть привела к конфликту между ногайскими феодалами, закончившемуся резней. В результате татарское войско ушло от Нижнего Новгорода.

27 октября 1505 г. умер великий князь московский Иван III. Его старший сын Иван Молодой скончался на 15 лет раньше отца, тем не менее он официально считался великим князем московским и соправителем отца. Его сын Дмитрий в 1497 г. в возрасте 14 лет был торжественно помазан на великое княжение. «Февраля 4, в неделю, князь великий Иван Васильевич гвсея Руси благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское всея Руси внука своего князя Дмитрия Ивановича».

Но в результате боярских интриг на престол взошел не Дмитрий, а младший сын Ивана III Василий. Сразу же после восшествия на престол он посадил своего племянника «в па-[лату тесну] в железа. Дмитрий Иванович умер 14 февраля 1509 г., в возрасте 25 лет. Умер он «в нужди и в тюрьме».

Заметим, что о гибели законного наследника трона великого князя Дмитрия Ивановича у нас помнят лишь несколько десятков историков, а вот про смерть незаконнорожденного (сына от седьмой жены, то есть наложницы согласно канонам православной церкви) Дмитрия Угличского

нам твердят уже 200 лет, не переставая.

Первой внешнеполитической акцией Василия III стал поход на Казань. Вначале апреля 1506 г. сотысячное русское войско двинулось на татар. Формальным командующим был шестнадцатилетний брат великого князя Дмитрий Иванович Углицкий. Тридцатью тысячами пехотинцев командовал князь Федор Иванович Бельский. Пехота и артиллерия были посажены на речные суда. Семидесятитысячной конницей командовали татарский царевич Джан-Ай (русские называли его Зеденай) и князь Александр Владимирович Ростовский. Конница шла посуху вдоль Волги.

22 мая 1506 г. судовая рать прибыла под Казань, конное же войско отстало. По плану пехота должна была оставаться на судах и ждать подхода конницы, и лишь тогда начать вылазку. Однако князь Дмитрий Углицкий решил сам расправиться с казанцами. Десять тысяч пехоты под командованием воеводы Дмитрия Шеина высадились на берег и пошли на Казань. Сам же Дмитрий Углицкий с двадцатью тысячами ратников остался на судах.

Когда войска Дмитрия Шеина приблизились к внешнему посаду Казани Бил-Балта, их атаковала тысяча всадников князя Урака. Завязался быстротечный бой. Через несколько минут князь Урак развернул свой отряд и поскакал в напран лении города. Русские войска устремились за ним. Когда они вышли на Козий луг, Урак остановил свой отряд и поскакал им навстречу. В это время из засады в Ягодном лесу выехал отряд князя Утяша. На помощь Ураку и Утяшу прибыли ил Казани отряды Агиша и Шехид-Улана.

В ожесточенном сражении татарская конница разгромила пехоту Шеина. Часть русских была зарублена, часть утонула в Поганом озере, остальные попали в плен. Сам Шеин сдался татарам и был брошен в зиндан — тюремную яму.

Узнав об исходе боя, князь Дмитрий Иванович отплыл от Казани к Бурату (современный г. Зеленодольск) и стал дожидаться там прихода русской конницы.

Русское конное войско подошло лишь через месяц, 22 июня, и Дмитрий Углицкий вновь решил идти на Казань. А тем вре менем казанский хан Мухаммед-Эмин решил отметить татарский праздник «джиенного увеселения» на Арском поле под Казанью. Там «установили тысячу шатров, в них разложили товары. На телегах подвезли большое количество огромных кувшинов с вином. В самый разгар подготовки к джиенному увеселению по городу поползли слухи о приближении к Казани русской конницы. Горожане стали говорить: противник близок от города, а

хан собирается провести джиенное увеселение. Промосковски настроенный эмир Бураш попытался выведать у хана его истинные намерения. Он сказал Мухаммед-Эмину, что неразумно праздновать джиен под угрозой нападения русских войск. На что хан ответил: «Джиен дороже победы». Об истинных намерениях Мухаммед-Эмина знали только пять человек: сам хан, инал Яр Чаллов (Набережных Челнов) Фазыл, князя Урак, Утяш и Агиш».^[243]

Когда русские войска подошли к внешнему посаду Казани Биш-Балта, их встретил Булат Ширин с отрядом наемных тюрок. У него была всего тысяча всадников. Поэтому после короткого боя отряд Ширина помчался в направлении к Арскому полю. Вслед за ним к лагерю подошли русские войска. Лагерь охраняли «2 тысячи кукджакских и батликских аров-чиримы-шей, а также 5 тысяч служилых кыпчаков во главе с Агишем». Все они погибли, а Булат Ширин потерял половину своего отряда. Он и Агиш с остатками отряда укрылись в городе. После этого на Арском поле хозяевами стали русские войска.

Хитрый Мухаммед-Эмин все правильно рассчитал. Русские рати, побив неприятеля, не могли пройти мимо кувшинов с отменным вином. Более расчетливые ратники кинулись грабить татарские шатры.^[244]

Лишь небольшая часть войска дошла до стен Казани и там была встречена сильным артиллерийским огнем. Штурмовавшие повернули обратно. И тут Мухаммед-Эмин велел поднять над Арской башней зеленое знамя с серебряным полумесяцем — священное знамя ислама. Это был условный сигнал для инала Яр Чаллов Фазыла, а также для князей Урака и Утя-ша. По этому сигналу из лесной засады за Арским полем выехал Фазыл, а из города — Урак и Утяш со своими отрядами. Они одновременно атаковали русских на Арском поле. В русском войске поднялась страшная паника. Как пишет болгарский летописец, пьяные ратники «с ужасными воплями бросились бежать в разные стороны, не разбирая дороги».

И когда паника достигла апогея, над башней Ельбаген подняли знамя Казанского иля. Это был сигнал для князя Садира, который со своим трехтысячным отрядом находился в засаде в Царском лесу. Всадники Садира выехали на Козий луг и принялись уничтожать тех русских воинов, которым удалось переправиться через речку Казанку.

По данным болгарских летописей, во время боя на Арском поле и при бегстве русские войска потеряли убитыми и утонувшими в озере Кабан (Поганое) 60 тысяч человек, а 20 тысяч попали в плен.

Воевода передового полка князь Михаил Федорович Курбский был разрублен князем Утяшем на две части. Кроме Михаила в сражении участвовали еще два сына Федора Семеновича Курбского: Роман, тоже убитый, и Семен, который защищал перевоз на Каме и позже спасся. Еще один потомок ярославских князей, Андрей Пенков, был насмерть затоптан своими ратниками после того, как под ним ядром была убита лошадь.

Только две тысячи русских воинов добрались до своих судов, а три тысячи укрепились в Ташаякском ураме, наспех соорудив ограду из возов и бревен разобранных домов. Хан Мухаммед-Эмин велел не штурмовать урам, а попытаться уговорить русских сдаться, пообещав сохранить им жизнь в случае добровольной сдачи оружия. Хан велел взятому в плен князю Дмитрию Шеину уговорить воинов сдаться, тот отказался и тотчас был казнен.

Князь Дмитрий Углицкий, судя по всему, вообще не участвовавший в сражении, бежал с семитысячным войском на судах к Нижнему Новгороду.

Удалось уйти и конному отряду царевича Джан-Ай (Зеденая) и воеводы Киселева. Им удалось отбиться от преследовавших их татар и дойти до Мурома.

В марте 1507 г. в Москву прибыл Абдулла, посол Мухаммед-Эмина, с предложением заключить мир. Василий III согласился, поскольку в Москве опасались татарского вторжения и даже готовились к осаде, но потребовал в качестве предварительного условия для начала мирных переговоров освободить посла — дьяка Михаила Андреевича Кляпика-Еропкина. Татары пообещали освободить всех членов русского посольства сразу после заключения мира. На этих условиях и начались мирные переговоры, которые шли с 17 марта 1507 г. до середины декабря 1507 г. попеременно в Москве и в Казани. Посредническую миссию на себя приняла и мать Мухаммеда-Эмина Нурсултан. С этой целью она прибыла из Бахчисарая в Москву и прожила там три месяца. Затем Нурсултан поехала в Казань и жила там в течение года.

8 сентября 1507 г. в Москве был подписан мирный договор, по условиям которого восстанавливался status quo — «мир по старине и дружбе, как было с великим князем Иваном Васильевичем», а также все русские пленники подлежали возврату. Как уже говорилось, в 1507 г. крымские татары совершили набег на юг Московского государства. Крымский хан Мен-гли Гирей писал Василию III: «Брат мой, князь великий Иван Ямгурчей-Салтану, кроме десяти (подарков), портище соболье да 2000 белки, да 300 горностаев, не убавляя, посылавал, а нынче от тебя так не привезено. Из моих мурз и князей двадцати человекам поминка не

досталось: так ты бы им прислал по сукну; а если им не пришлешь, то они скажут: шерть (присягу) с нас долой! И сильно нам станут об этом докучать: так бы нам докуки не было».

Менгли Гирей требовал беспошлинной торговли для своих купцов и писал великому князю: «Послал я своего торговца, и если товар, какой ему нужно купить, будет дорог, то я ему велел за хорошею белкою и в Казань идти. В каком месте он начнет товар мой продавать или в какой город пойдет, то ты своего доброго человека с ним пошли, чтоб на нем тамги не брали, чтоб силы и наступания ему никакого не было, потому что мои деньги все равно, что твои деньги; так вели постеречь и поберечь. От наших отцов и дедов наших ордобазарцы в Москву и в другие города хаживали, и нигде с них тамги не брали, потому что их деньги — наши деньги и брать с них тамгу значит надо мною насмехаться. Изначала наши ордобазарцы в кермосараях (гостиных дворах) не ставятся, ставятся, где хотят; и никто им о том слова не говорит».

Еще хан требовал присылки одоевской дани, как это было при Иване III. Кроме того, хан требовал и освобождения своего пасынка, бывшего казанского царя Абдул-Латыфа, находившегося в заточении, и хотел вовлечь Василия III в войну с Астраханью, с которой у Москвы ранее конфликтов не было. Несколько позже Василий III дал Абдул-Латыфу Каширу.

Однако дипломатические уступки и выплаты дани Крыму не спасли Московские земли от набегов. В марте 1515 г. хан Мухаммед Гирей^[245] выступил в поход против северских городов. Вместе с татарами шло и литовское войско под командованием Андрея Немировича и Остафия Дашковича. Поход, в общем-то, был удачным, союзники увели много пленных, хотя и не смогли захватить ни Чернигов, ни Стародуб, ни Новгород-Северский. В июне 1516 г. царевич Богатырь «пришел на великого князя украину на Рязанскую и на Мещерскую», взял много добычи и пленных. Осенью того же года на Мещеру совершил набег Айдешка мурза. Расположенные у самой границы Мещерские земли постоянно привлекали внимание крымских татар.

20 июля 1517 г. сын Ахмата царевич Али, Геммет Гирей и царевич Озибяк выступили из Крыма. В этом походе принял участие и калга Богатырь-царевич, и Ахмат Гирей. Последний пытался направить поход на Великое княжество Литовское, но встретил сопротивление Богатыря, который хотел идти на Русь. Богатырь силой принудил («иных князей, которые не послушали, начал стрелять») принять свое предложение. В результате этих разногласий часть войска под предводительством царевича

Али вернулась в Крым. Но четыре мурзы во главе двадцатитысячного войска «без царева ведома» двинулись на Русь в районе Тулы. Их постигла неудача, а крымский хан Мухаммед Гирей позднее подчеркивал свою непричастность к набегу 1517 г.

Лазутчики заранее оповестили Москву о походе крымцев, и навстречу им вышло войско во главе с большими воеводами князьями Василием Одоевским и Иваном Воротынским и другими. Русские войска перешли Оку и ушли далеко на юг. Передовые отряды Ивана Тутьихина и князей Волконских неожиданно нападали на татар, отбивали у них захваченное имущество и освобождали пленных.

Узнав о приближении основного московского войска, крым-цы повернули восвояси, но до родных кочевий из 20 тысяч добралось только 5, «да и те пешие и нагие». Случилось так потому, что «пешие люди украинные» зашли «наперед им» и «им дороги засекли, и многих татар побили». Совместные действия великокняжеских войск и местных крестьян дали результаты. «А спереди люди от воевод, подоспев, конные начали татар топтать, и по бродам и по дорогам их бить, а пешие люди украинные по лесам их били». Полностью отбили пленных, «много татар побили на Глутне, и по селам, и по крепостям, и на бродах... а иные многие татары в реках потонули, а иных живых поймали».

В феврале 1512 г. в Москве был подписан «вечный мир» («доколе бог даст») между Москвой и Казанью. От имени казанского правительства договор подписал Шах-Хусейн Ссит. Василий III обязывался: возобновить выплату «джирской дани»; вернуть исконно болгарские земли, захваченные Московским государством с помощью Золотой Орды: от рек Суры и Ветлуги до Нижнего Новгорода, то есть восточную часть Мещерской земли.

В ходе переговоров по этим проблемам большую роль сыграли боярин Иван Андреевич Челядин и мать Мухаммед-Эмина Нурсултан, которая в 1510–1512 гг. совершала длительные поездки из Крыма в Москву, где прожила 7 месяцев, и в Казань, прожив там 9 месяцев.

Казанское правительство обязалось не сажать на ханский престол никого без согласия великого князя, а также освободить всех русских пленных.

В 1516 г. казанский хан Мухаммед-Эмин тяжело заболел, и вопрос о его преемнике встал особо остро. У Мухаммеда-Эмина был четырнадцатилетний сын Мухаммедьяр (Мохам-медьяр), но в 1515 г. хан был вынужден отправить его в Персию. Возможность перехода власти от отца к сыну не устраивала эмира Юсуфа. Он надеялся вернуть на престол

Абдул-Латыфа и для решения этой задачи направил в Москву посольство в составе Шах-Хусейн Сеита, князя Шах-Юсуфа и бахши Бузека. Посланники просили Василия III вернуть Абдул-Латыфа из ссылки и дать согласие на то, чтобы он стал казанским ханом. В ответ на это великий князь потребовал от казанцев, чтобы они «дали письменную присягу в избрании никого на престол без ведома великого князя». На самом же деле Василий III не желал видеть Абдул-Латыфа на казанском троне и просто тянул время.

Осенью 1517 г. в Каширу отправляется с секретным поручением окольничий Михаил Юрьевич Захарьин. О дальнейшем в официальной летописи сказано глухо: «Тое же осени, ноября 19, Абдыл Летыфа царя в живых не стало». Он был отравлен Захарьиным. Заметим, что 42-летний Латыф был полон сил и энергии.

Хан Мухаммед-Эмин протянул до декабря 1518 г. Так пресеклась династия первого казанского хана Улу-Мухаммеда.

Крымское ханство немедленно выдвинуло своего кандидата на казанский престол. Им стал брат Мухаммед-Эмина по матери Сагиб Гирей. Напомню, что после смерти хана Ибрагима его жена Нурсултан вышла замуж за крымского хана Менгли Гирея. С точки зрения тогдашнего феодального права Сагиб Гирей приходился «седьмой водой на киселе» почившему хану и не имел никаких прав на престол.

Василий III, естественно, тоже нашел кандидата на казанский престол — касимовского царевича Шах-Али. Царевич имел хорошую родословную, его род происходил от хана Ти-мура-Кутлюя. Но, к сожалению, его потомки постоянно враждовали с казанской династией Улу-Мухаммеда, и к Шах-Али казанская знать заранее была настроена враждебно.

Однако промосковская партия победила в Казани. И 8 марта 1519 г. Шах-Али торжественно выезжает из Москвы в Казань. Фактически же Михаил Юрьевич Захарьин везет на ханство 13-летнего мальчишку. Их сопровождает десятитысячная конная рать.

Шах-Али родился в России и с шестилетнего возраста безвыездно жил в Касимове. Русский летописец описывает его так: «Онний Шеяль зело был взору страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши долгие, на плечах висящие, лице женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени долгие, скотское седалище». Летописец с сарказмом заметил: «Такого им, татарам, нарочно избраша царя в поругание и в посмеяние им».

Тем не менее Захарьину удалось усадить Шаха-Али на престол. После этого Михаил Юрьевич отправился в Москву, а в Казани от имени подростка стал править русский посол Федор Андреевич Карпов.

Но вот в марте 1521 г. у стен Казани появляется конкурент — крымский царевич Сагиб Гирей с тремя сотнями крымских татар. Явление Сагиба было подобно искре в пороховом погребе. В Казани начался грандиозный погром. Дома и лавки русских и касимовских купцов были разграблены. Было перебито пять тысяч касимовских татар из ханской гвардии и тысяча русских стрельцов. Однако Шах-Али удалось бежать с тремя сотнями уцелевших в резне касимовских татар. Сагиб Гирей стал Казанским ханом.

Немедленно Сагиб Гирей и его родной брат крымский хан Мухаммед Гирей начали подготовку к большому походу на Русь. В этом походе приняло участие почти все мужское население Крыма и причерноморских степей.

Стотысячное войско Мухаммеда Гирея подошло к Оке 28 июля 1521 г. Русские войска попытались помешать переправе татар, но были разбиты. В бою погибли воеводы Иван Шереметев, Владимир Курбский, Яков и Юрий Замятины, а Федор Лопата попал в плен.

С востока на Русь напал Сагиб Гирей с казанским войском. Он разорил Нижний Новгород и Владимир. Войска братьев соединились у Коломны и двинулись на Москву. Василий III срочно уехал по делам в Волоколамск, поручив оборону столицы своему зятю, татарскому царевичу Петру-Худай-Кулу. В Москве началась паника.

29 июля братцы подошли к самой Москве и расположились в селе Воробьеве (на Воробьевых Горах). Василий III вынужден был подписать унижительный договор, по которому он формально признавал свою зависимость от крымского хана и должен был платить ему дань «по уставу древних времен», то есть так, как платили ханам Саранским. Согласно договору татары могли беспрепятственно везти все награбленное и всех пленных.

По дороге домой Мухаммед Гирей решил ограбить Рязань. Татары предъявили рязанскому воеводе Хабару Симскому мирный договор с Василием III и попросили разрешения остановиться у стен города. Татары спровоцировали побег нескольких десятков русских пленников в Рязань и погнались якобы за ними, а на самом деле, чтобы завладеть городом. Московские начальники замешкались — вроде бы с татарами мир. Но тут ведавший городским нарядом (артиллерией) немец Иоган Иордан приказал дать залп из многочисленных крепостных пушек. Татары «в ужасе бежали». Самое забавное, что в руках Хабару Симского оказалась грамота Василия III, содержащая обязательства платить дань Гиреям.

По людским потерям и разрушениям на Руси поход Гиреев в 1521 г.

соизмерим с Батыевым нашествием. Братцы похвалялись, что они вывели из Московского государства 800 тысяч пленников.

В 1523 г. хан Мухаммед Гирей двинулся на Астрахань. Войско астраханского хана Хуссейна было разбито, а город взят штурмом. Однако астраханские татары позвали на помощь ногайцев, внезапно напали на крымцев и убили Мухаммеда Гирея. Затем астраханско-ногайское войско вторглось в Крым и опустошило его.

Василий III имел «договор о взаимопомощи» с астраханским ханом и, воспользовавшись случаем, собрал большое войско и сам лично отправился с ним в Нижний Новгород. Далее Василий не пошел, а отправил на Казань хана Шах-Али с судовой ратью по Волге, а других воевод с конной ратью сухим путем, велел повоевать казанские места. Воеводы вернулись с большим количеством черемисских пленников, но поход на этом не закончился. На устье Суры, на Казанской земле, срубили город и назвали его Васильсурск. В Москве митрополит Даниил очень хвалил за это великого князя, го- *ворил, что* «новопостроенным: городом он всю землю Казанскую возьмет».

Чтобы навсегда закрепить власть Гиреев в Казани, Сагиб обратился за помощью к турецкому султану Сулейману II Законодателю. В итоге был заключен договор, согласно которому Казанское ханство признавало над собой верховную власть турецкого султана, и впредь казанские ханы должны были назначаться султаном. Попросту говоря, Казанское ханство получило статус Крымского ханства. В связи с этим турецкий посол в Москве князь Искандер Мангупский официально заявил русскому правительству, что Казань отныне является турецким владением. Русское правительство отказалось признать этот факт и заявило со своей стороны, что Казань была, есть и будет подвластна русскому государю, и что хан Сагиб Гирей — мятежник и не имеет права дарить Казань султану. Летом следующего, 1524 года из Нижнего Новгорода на Казань двинулось большое московское войско (летописец называл цифру 50 тыс. человек) под начальством князя Ивана Бельского. Часть казанской верхушки, включая сеид-эмира Юсуфа, тайно отправила гонца к Василию III, обещая помощь против «крымского наглеца».

Еще до начала войны Сагиб Гирей вызвал из Бахчисарая своего тринадцатилетнего племянника Сафа Гирея, сына покойного царевича Фатых Гирея. По весенней полой воде Сафа Гирей приехал в Казань. Сагиб Гирей оставил его за себя, а сам уехал в Константинополь. Герберштейн говорит, что Сагиб поехал к султану, «намереваясь просить его о помощи и заступничестве». На самом деле он уехал в Константинополь, чтобы

получить престол в Бахчисарае, освободившийся со смертью брата.

Однако Сагиб Гирею не повезло — крымским ханом стал его брат Саадет Гирей, живший перед этим в Константинополе и пользовавшийся расположением турецкого султана.

Сагиб остался в Константинополе и стал выжидать благоприятного момента, и дождался. В 1532 г., после отречения хана Саадет Гирея от престола, Сагиб Гирей был посажен султаном Сулейманом II на крымский престол.

Но вернемся к московскому войску, шедшему на Казань.

Сам Бельский плыл по Волне вместе с судовой ратью, в составе которой были довольно большие отряды наемных немцев и поляков. Конная рать во главе с воеводой Хабаром Симским традиционно шла сухим путем.

7 июля 1524 г. судовая рать достигла Казани. Русские высадились на Гостином острове и устроили там лагерь.

Казанская конница пыталась преградить дорогу русской коннице на реке Свияге и уничтожила конный отряд в 500 человек. Герберштейн писал: «Он был побит встретившими его черемисами, и едва 9 человек спаслось в смятении бегством. Воевода, тяжело раненный, умер на третий день в руках врагов».^[246] Тем не менее основная часть московской конницы благополучно прошла к Казани.

Куда хуже пришлось отряду судов под началом князя Ивана Федоровича Палецкого. Суда эти везли сторожевой полк, артиллерию и боеприпасы. Всего у Палецкого было от 10 до 15 тысяч человек (по разным источникам). На одной из ночных стоянок у села Малый Сундырь, в 15 верстах ниже Козмодемьянска, русские суда, приткнувшиеся к берегу, подверглись нападению князя Мамыш-Бирде. В узком месте между островами татары загородили Волгу камнями и бревнами. Разгром был полный. Около 90 судов удалось потопить, а остальные стали добычей казанского войска. По сообщению «Казанского летописца», «Много пушек великих и малых погрязе, много людей истопоша и метахуся сами в воду от страха. После же тоя вешние воды лета того весь наряд огненный, и ядра, и зелие, и пушки черемиса поизвлече, и все в Казань отпроводиша, и воинских вещей много себе понаизбраша».^[247] Лишь один корабль, на котором находился сам И.Ф. Палецкий, сумел прорваться и прийти под Казань к лагерю русских на Гостином острове.

15 августа 1524 г. у Гостиного острова показалась и русская конница Хабар Симского. После этого князь Бельский приказал русским

штурмовать Казань. Однако штурм был отбит с большими потерями. Без осадной артиллерии, которая столь бездарно была потеряна Палицыным, взять Казань было невозможно. А в русском войске начался голод. И когда казанцы начали переговоры и пообещали отправить в Москву больших послов, Бельский снял осаду и увел войска обратно в Нижний Новгород.

Казанские послы действительно явились в Москву бить челом от всей Казанской земли за свою вину и просить, чтобы великий князь утвердил царем Сафа Гирея. Василий был вынужден согласиться на это. Однако мир заключен не был.

Четыре последующих года в отношениях между Москвой и Казанью не было ни мира, ни войны. В обе стороны ежегодно ездили послы. Не имея сил напасть на Казань, Василий III решил ударить ее по карману и запретил русским купцам посещать в Казани традиционную Волжскую ярмарку. Затем, развивая план экономической блокады ханства, Василий приказал русским купцам перенести свои сборы под Нижний Новгород, к селу Макарьеву. Этот пункт, расположенный в 97 км ниже Нижнего Новгорода, был обозначен как место, ниже которого по Волге ни один русский купеческий корабль не имел права спускаться. За этим следила специальная застава. Сейчас уже трудно сказать, чьим купцам сия мера принесла больше убытку — русским или татарским.

И вот в январе 1529 г. в Москву приехали большие ханские послы князя Табай, Данай и бахши Ибрагим. Ими был подписан мирный договор. По его условиям Василий III признавал Сафа Гирея на казанском престоле и соглашался с фактом перехода Казанского ханства под турецкий протекторат. Москва вернула казанцам Сэбэр-Калу (Василь-город) и область Наратлык (Сосновый бор) возле Нижнего Новгорода и возобновила выплату «джирской дани». Великий князь пообещал вернуть казанцам западную часть Мещеры (Моджа-ра), примыкающую к реке Суре с запада. Начался обмен захваченных у русских пушек и пищалей на арских чирмышей, угнанных в плен.

Однако великий князь московский не собирался выполнять условия договора. Весной 1530 г. большое московское войско двинулось на Казань. Командовал войском тот же князь Иван Бельский и касимовский царь Шах-Али. По традиции пехота плыла на судах по Волге, а конница шла посуху.

10 июля 1530 г. русские подошли к Казани. Им удалось штурмом взять казанский посад Кураиш на реке Булак и убить татарского князя Аталыка. Затем по приказу Бельского к Арской стене Казани придвинули всю русскую осадную артиллерию — 80 пушек. Началась бомбардировка, но вдруг поднялась страшная буря. По словам московского летописца: «В те

поры туча пришла грозна и дождь был необычен велик, и который был наряд пищали... привезен на телегах на обозных к городу, а из них было стреляти по городу, и посошные и стрельцы те пищали в тот дождь пометали, и казанцы, вышед из города, и поймали тот весь наряд». То есть прислуга орудий и прикрывавшие их стрельцы, бросив осадные батареи, побежали прятаться от бури в уцелевшие строения посада Кураиш. Татарам удалось захватить 70 пушек из 80. При этом был убит воевода передового полка князь Федор Васильевич Оболенский-Лопата.

Через несколько дней 8 тысяч всадников сардара Гали атаковали русских с тыла и нанесли им существенные потери, к тому же угнали несколько табунов лошадей, принадлежавших русским. После этого было заключено перемирие, и русская рать отправилась обратно. Согласно «Своду болгарских летописей», из 170-тысячной московской рати, пришедшей под Казань, домой вернулось 75 тысяч, а 25 тысяч были взяты в плен татарами. Видимо, здесь имеет место большая натяжка, но, без сомнения, потери войск Бельского были весьма велики.

После поражения 1530 г. Василий III вновь начал переговоры с Казанью. Теперь Москва делала ставку не на силу, а на нестабильность в правящей верхушке Казани. Великий князь велел большими подарками подкупить ханских послов мурзу Кичи-Али и князя Булата Ширина, приехавших в Москву. А в Казани русские послы дьяки Федор Карпов и Путята Меньшой вступили в переговоры с противниками хана Сафа Гирея, которые группировались вокруг имени царевны Ков-горшад, сестры хана Мухаммеда-Эмина, единственной оставшейся в живых представительницы старой династии Улу-Му-хаммеда. Имя царевны Ковгоршад в глазах казанцев могло быть с успехом противопоставлено иностранной, то есть крымской династии.

В мае 1531 г. казанское правительство раскрыло заговор, и хан Сафа Гирей решил казнить русских послов. Тогда заговорщики подняли восстание в Казани, к которому охотно присоединилась городская беднота. Восставшие начали штурмовать цитадель Казани, и тогда хан Сафа Гирей и его родня покинули ее через ворота Мир-Гали. На пристани у ворот их поджидала флотилия из 12 судов. Сафе Гирею удалось увезти с собой и почти всю ханскую казну. Флотилия по реке Казанке выплыла в Волгу, а затем спустилась до заставы Сарату (современный г. Саратов). Там их поджидал конный отряд крымских татар. Вскоре Сафа Гирей с родственниками и казной прибыл в Бахчисарай.

А тем временем в Казани было образовано временное правительство во главе с князем Чура Нары-ковым и сеидом Маметом. А руководители

«крымской партии» — сибирский князь Раст, аталык хана Сафа Гирея Али Шахкул и другие — были казнены

Временное правительство отправило в Москву посольство, которое категорически возражало против кандидатуры Шах-Али. В результате переговоров нашли компромиссного кандидата в казанские ханы — касимовского царевича Джан-Али, или, как его называли русские — Еналая. Хан Джан-Али, сын царевича Шейх-Аулиара, родился в Касимове в 1516 г. С воцарением его брата Шах-Али в Казани, в 1519 г. Джан-Али был назначен владетельным государем касимовским и удержал свой удел после низложения брата с престола Казанского ханства.

Пятнадцатилетнему царевичу нравилось править в тихом Касимове, и он категорически отказался ехать в далекую и беспокойную Казань. Тогда Василий III, не мудрствуя лукаво, велел наложить на Джан-Али оковы и везти на царствование под конвоем. Лишь на границе Казанского ханства Джан-Али был встречен людьми сеида Мамета, которые сняли с царевича оковы и отвезли в Казань. Вместе с Джан-Али в Казань прибыл и большой отряд касимовских татар.

Обиженному Шах-Али великий князь московский пожаловал Каширу и Серпухов. Но он по-прежнему мечтал о казанском престоле и завел переписку с татарской знатью. Это не понравилось Василию III, и по его приказу Шах-Али «свели с Кашины и Серпухова и послали в заточенье на Белоозеро». [\[248\]](#)

Юный хан Джан-Али не особенно вникал в государственные дела. Ими ведали царевна Ковгоршад, сеид Мамет и другие. Любопытно, что Василий III адресовывал грамоты не только хану, но и царевне и князьям. Казанское правительство также писало от имени царевны, князей и всех людей Казанской земли. В 1533 г. сеид Мамет женил Джан-Али на тринадцатилетней Сююнбике, дочери ногайского князя Юсуфа.

Перемирие на Казанском фронте позволило Москве бросить все силы на Крымский фронт. Еще осенью 1527 г., когда послы Саадет Гирея были в Москве, его племянник Ислам Гирей явился на берегах Оки. Но здесь его уже поджидали московские воеводы и не дали татарскому войску переправиться на другой берег. Ислам спешно повернул обратно, но все равно потерял много людей, убитых преследовавшими его русскими ратниками.

Василий III, узнав о нападении племянника Саадет Гирея, велел утопить крымских послов. Саадет Гирей был изгнан, а его место занял Сагиб Гирей, бывший прежде в Казани.

В августе 1533 г. Василий III получил весть, что двое племянников

крымского хана Ислам Гирей и Сафа Гирей собираются в поход. Тогда великий князь послал за своими братьями Юрием и Андреем, воевод с войском отправил к Коломне на Оку, а сам, отслушав обедню в Успенском соборе, выступил 15 августа в село Коломенское. В Кремле же Василий велел расставлять пушки и пищали, а посадским людям перевозить свое имущество под защиту крепостных стен.

В тот же день, 15 августа, татары подошли к Рязани, выжгли посады, а потом рассеялись по волости пограбить. Василий III велел воеводам отправить за Оку отряды для добычи «языка». Начальник одного такого отряда князь Дмитрий Палецкий разбил группу татар в 10 верстах от Николы Зараз-ского, начальник другого отряда князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский разбил группу татар и, преследуя ее, наткнулся на большое татарское войско. Татары разогнали отряд Оболенского, некоторых ратников взяли в плен, но более ничего не предприняли и вышли из московских пределов, не желая сталкиваться с основным великокняжеским войском. Московские воеводы двинулись было за татарами, но не могли за ними угнаться.

Сафа Гирей, став в 1535 г. ханом, требовал с Москвы все больше и больше дани. И не только денег и мехов, но и кречетов, хороших поваров и т. д. Мотивировка требований дани от Василия III была проста и неотразима: «Ведь ты нашу землю хорошо знаешь, наша земля войною живет».^[249]

Платила Крыму и Литва. Так, король Сигизмунд I обязался платить крымскому хану ежегодно по 7500 золотых монет и на такую же сумму сукон, выговорив, что эти деньги и сукна будут посылаться только в те годы, когда крымцы не будут нападать на литовские земли. Хан Сагиб Гирей был этим недоволен и писал королю: «Значит, ты не хочешь со мной вечного мира? Если бы ты хотел вечного мира, то прислал бы нам 15 000 червонных, как прежде брату моему, Магмет Гирею, посылавал».

Между 1517 и 1533 годами Василий III отправил несколько посольств в Турцию. Одной из задач их было уговорить турецкого султана запретить Гиреям набеги на Русь, хотя бы на несколько лет. И действительно, во время войны Оттоманской империи с Персией султан Сулейман III приказал Сафа Гирею временно воздержаться от нападений на Московские земли. На что хан ответил: «Не велишь мне идти ни на московского, ни на волошского, так чем же мне быть сыту и оде-ту?» и тут же наябедничал: «А московский князь стоит на тебя заодно с Кизылбашем (персидским ханом)».

В полночь на 3 декабря 1533 г. умер великий князь московский

Василий III. Смерть Василия сказалась на казанских делах. 25 сентября 1535 г. в окрестностях Казани люди сардара Янчура схватили хана Джан-Али. По приказу Янчура казы (судья-нотариус) Булат Ширин повесил хана на одиноком дереве на берегу реки Казанки.

В ночь на 26 сентября 1535 г. арские феодалы ворвались в Казань и устроили резню. Ими было убито 1200 мурз, 500 служилых воинов казанских казанчиев и 300 касимовских служилых татар.

Три тысячи русских стрельцов, находившиеся в Казани для поддержки Джан-Али, держали нейтралитет, запершись в посаде Кара-Муслим. Расправившись со своими татарскими противниками, сардар Янчур осадил русский отряд и предложил сдаться, обещая разрешить русским или отправиться домой, или получить земли в Казанском ханстве.

Согласно «Своду болгарских летописей» 100 человек решили ехать в Россию, а 2900 остались в Казани. Из последних около 2000 приняли ислам и со временем их потомки отатарились.

Сардар Янчур настоял на приглашении ханом Сафа Гирея. Вдова Джан-Али Сююнбике была любима народом и, по-видимому, не особенно горевала о повешенном муже. По прибытии Сафа Гирея она вышла за него замуж.

А как реагировала на переворот Москва? Да никак. Там было не до татар. Василий III долго не имел детей. Представим, каково было властолюбивому князю, ненавидевшему родных братьев, да и вообще всех родственников мужского пола. 23 ноября 1525 г. по приказу Василия III московские бояре начали «розыск о колдовстве» великой княгини Соломонии. Действительно, несчастная женщина обращалась к знахарям за помощью от бесплодия. Бояре заставили рынду^[250] Ивана Юрьевича Сабурова дать показания против сестры. Иван показал, что Соломония выписала из Рязани ворожею Степаниду и часто с ней общалась.

Соломония и Степанида вместе прыскали волшебной заговорной водой «сорочку, и порты, и чехол, и иное которое платье белое» великого князя, очевидно, чтобы вернуть его любовь.

Теперь Василий III имел основания предать жену церковному суду как ведьму. Но вместо этого он 29 ноября приказал увезти ее в девичий Рождественский монастырь на Трубе (на Рву), где ее принудительно постригли в монахини под именем София.

А тем временем московские бояре подыскивали и невесту Василию — Елену Глинскую. Глинские вели свой род от безродного татарина, поступившего на службу к литовскому князю Витовту. Со временем Глинские стали довольно крупными литовскими магнатами. Михаил

Львович Глинский был лучшим воеводой польского короля Александра. Но после смерти Александра Михаил Глинский поссорился с новым королем Сигизмундом I и летом 1508 г. бежал в Москву вместе с братьями Иваном Мамаем и Василием Слепым.

Василий III дал во владение Михаилу Львовичу города Боровск и Ярославль. Но Глинский претендовал на Смоленск, а Василий отказал. Осенью 1514 г. обиженный Глинский решил бежать обратно в Польшу, но был пойман и отправлен в заточение. Братья Михаила Иван Мамай и Василий Слепой к 1525 г. умерли своей смертью в Москве.

Боярам Захарьиным и князьям Шуйским идеалом была невеста-сирота: отец в могиле, дядя в тюрьме, братья почти дети. Все были уверены, что брак Василия с красавицей Еленой сохранит «статус-кво» при дворе.

Юная красавица Елена пришлась по душе 47-летнему великому князю. Ради молодой жены Василий III отступил от старых русских обычаев и первым из московских князей сбрил бороду. Летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразна возраста, наипаче ж целомудрия ради». А что касается ее «целомудрия», то тут вопрос остается открытым.

Прошел год, второй после свадьбы, а у Елены признаков беременности не появлялось. Великокняжеская чета зачастила по монастырям. Василий III не скупился на богатые вклады в монастырскую казну.

И вот 25 августа 1530 г., то есть спустя четыре с лишним года после замужества, Елена родила сына Ивана. Появление долгожданного наследника престола было встречено Василием III с огромной радостью. Не иначе как помогли молитвы монахов о чадородии княгини. Однако у многих современников на этот счет были серьезные сомнения. Уже тогда начались разговоры о молодом воеводе Иване Федоровиче Овчине-Телепнёве-Оболенском. Ивана с Еленой свела его родная сестра Аграфена Челядина, приближенная великой княгини. Что же касается отцовства Василия III, то, увы, оно достаточно сомнительно.

Однако точно доказать или опровергнуть такое предположение может лишь анализ останков Василия III и Ивана IV, аналогичный исследованиям, проведенным с предполагаемыми останками Николая II и его семьи.

Великая княгиня не присутствовала при агонии мужа. Но, увидев митрополита с боярами, идущих в ее покои, Елена «упала замертво и часа с два лежала без чувств».

Увы, длительный обморок Елены был всего лишь данью этикету. Не прошло и 40 дней со смерти мужа, как ее фаворит Иван Овчина получает

боярство. С этого времени Овчина фактически становится соправителем Елены. Положение любовников было незавидное. Ведь Елена не имела никакого официального статуса. Формально великим князем московским был трехлетний Иван, а Василий III в духовной грамоте никак не определил положение Елены. Согласно традиции, вдовы московских великих князей «по достоянию» получали вдовый прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами. Понятно, что «сладкая парочка» могла удержать власть только с помощью кровавых репрессий.

11 декабря, то есть спустя 8 дней после смерти Василия III, его брат Юрий Дмитриевский был взят под стражу вместе с его боярами. Князь Юрий был заключен в ту же камеру, где уморили несчастного внука Ивана III — Дмитрия. Нетрудно догадаться, что и Юрий вскоре там тихо почил.

Наглость Овчины вывела из себя даже дядю великой княгини Михаила Львовича Глинского, который, был назначен Василием III главным опекуном при младенце Иване. Однако Елена предпочла фаворита дяде. По ее повелению в августе 1534 г. Михаил Глинский был схвачен, ослеплен, закован в цепи и заключен в темницу, где и умер через несколько недель. Сразу же после ареста Глинского, опасаясь за свою жизнь, князь Семен Бельский и Иван Ляцкий бежали в Литву.

В 1537 г. Елена повелела схватить и заключить в темницу и младшего брата мужа — князя Андрея Стародубского. На него надели не только цепи, но и подобие железной маски — «тяжелую шляпу железную». Как видим, у нас был приоритет даже с железными масками. И русская «шляпа железная» оказалась более эффективной, чем знаменитая французская железная маска времен Людовика XIV. В ней узник прожил менее полугода.

Совершив серию политических убийств, Елена объявила себя правительницей. Она, не стесняясь, заявляла послам:

«Сын наш и мы жалуем...» На приемах послов за ее спиной (в прямом и переносном смысле) стоял Овчина.

Надо ли говорить, что первые месяцы правления Елены с Овчиной Москве было не до Казани. Между тем крымские татары почти ежегодно нападали на московские земли. Елена и Овчина по всей стране вели собирать деньги на выкуп пленных, понятно, в первую очередь дворян и детей боярских. Вот, к примеру, 22 ноября 1534 г. архиепископ новгородский Макарий послал в Москву на выкуп пленных 700 рублей московских серебром.

Узнав о «Варфоломеевской ночи» в Казани 26 сентября 1535 г., Елена и Овчина решили освободить Шах-Али из заточения на Белом озере. 9

января 1536 г. Шах-Али привезли на прием к Елене Глинской. У саней его встретили бояре князь Василий Васильевич Шуйский и князь Иван Федорович Те-лепнев-Овчина с двумя дьяками, а в сенях его встретил сам великий князь Иван с боярами. Елена сидела в окружении боярынь, а бояре сидели по обе стороны, как это было принято при посольских представлениях.

Шах-Али, войдя, поклонился и сказал: «Государыня, великая княгиня Елена! Взял меня государь мой, князь Василий Иванович, молодого, пожаловал меня, вскормил, как щенка, и жалованьем своим великим жаловал меня, как отец сына, и на Казани меня царем посадил. По грехам моим, казанские люди меня с Казани сослали, и я опять к государю своему пришел: государь меня пожаловал, города дал в своей земле, а я ему изменил и во всех своих делах перед государем виноват. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мне отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государские дали мне видеть. А я, холоп ваш, как вам теперь клятву дал, так по этой своей присяге, до смерти своей хочу крепко стоять и умереть за ваше государское жалованье; так же хочу умереть, как брат мой умер, чтоб вину свою загладить».

Елена приказала ему ответить: «Царь Шиг-Алей! Великий князь Василий Иванович опалу свою на тебя положил, а сын наш и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебе видеть. Так ты теперь прежнее свое забывай и вис-ред делай так, как обещался, а мы будем великое жалованье и бережение к тебе держать».

А пока в Москве чествовали Шах-Али, войско Сафа Гирея вторглось в русские земли.

В.В. Похлебкин писал: «Казанские военачальники определили три главных направления, по которым предпринимались эти разорительные налеты:

Первое направление (центральное): Нижний Новгород и Балахна. Эта зона подверглась нападению и разгрому, сожжению поселений и складов в самом начале войны, в январе 1536 г.

Второе направление (северное): Кострома. Эта зона подверглась нападению летом 1536 г. (июнь). При этом был убит князь Петр Васильевич Засекин-Пестрый, воевода Костромы, перебита большая часть ее гарнизона.

Третье направление (южное): Муром. Эта зона непрерывно подвергалась налетам, как самая богатая, в период с весны по лето 1536 г., а затем ранней осенью 1536 г.

Русское войско фактически не приняло участия в этой войне. Она

успешно велась Казанской стороной как односторонняя, безответная со стороны противника акция.

Выйдя впервые в поле после удара татар по Нижнему и Балахне лишь поздним летом 1536 г., русское войско, встретив Казанскую армию близ с. Исады, в 3 км ниже Макарьева, при впадении р. Сундавика в Волгу (на правом, горном берегу), не решилось на сражение и стало отступать на виду у противника.

Начавшееся с наступлением ночи паническое дезертирство из русской армии в связи с погоней за ней татар привело к пленению части армии без всякого боя. Ратники сотнями сдавались татарам за обещание не убивать их. Невероятная деморализация русского войска потрясла даже татар». [\[251\]](#)

Крымский хан Сагиб Гирей официально заявил о своем союзе с Казанью. Сагиб Гирей писал Ивану IV: «Я готов жить с тобою в любви, если ты... примиришься с моею Казанью и не будешь требовать дани с ее народа. Но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих. Мы неприятели. Вступим в землю русскую, и все будет в ней прахом».

3 апреля 1538 г. умерла великая княгиня Елена Глинская. Немецкий барон Герберштейн, живший в Москве и оставивший подробные описания России, утверждал, что ее отравили. В самом деле, Елена не дожила до 25 лет, никакого мора в том году в Москве не было, так что вероятность естественной смерти была мала.

На седьмой день после смерти Елены в Москве произошел государственный переворот, во главе которого стал князь Василий Васильевич Шуйский. Иван Овчина и его сестра Агра-фена были арестованы. На Овчину наложили «тяжелые железа», те самые, в которых в 1534 г. умер Михаил Глинский. Через несколько недель Овчину уморили голодом.

Набеги казанских татар следовали почти ежегодно. К примеру, весной 1542 г. старший сын Сафа Гирея Имин Гирей напал на Северскую область, а в августе того же года — на Рязанскую область. В декабре 1544 г. Имин Гирей напал на Белев и Одоев. Его поход был весьма удачным. Татары ушли с большим полоном, потому что трое московских воевод — князья Щенятев, Шкурлятев и Воротынский — рассорились из-за мест и не пошли на татар.

Хан писал великому князю Ивану: «Король (Польши) дает мне по 15 000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше того; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, захочешь заратиться — и то в твоих же руках; до сих пор был ты молод, а теперь уже в разум вошел,

можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее».

Глава 18

Падение Казани

Весной 1545 г. московские бояре получили сведения о том, что в Казани созрел заговор против хана Сафа Гирея. Бояре решили помочь заговорщикам и устроили большой поход на

Казань. В отличие от предшествующих походов, решили не отправлять конницу сухим путем. Удар должны были нанести три судовые рати с трех мест сбора войск.

Самое большое войско было сосредоточено в Нижнем Новгороде, им командовали князь Семен Пунков и боярин Иван Шереметев. В Хлынове на реке Вятке князь Василий Серебряный собрал уцелевших от московских погромов ушкуйников. В Чердыне судовой ратью командовал князь Львов.

Судовые рати Пункова и Серебряного сошлись под Казанью, по словам московского летописца, «в один день и час, как будто пошли из одного двора». Утром 24 июня 1545 г. обе судовые рати скрытно подошли к Казани.

В этот день казанцы вместе со своим ханом Сафа Гиреем на Козьем лугу отмечали праздник Джиен. Появление семитысячного русского десанта вызвало панику у собравшихся казанцев, на Козьем лугу погибло на месте три тысячи татар. Хан Сафа Гирей едва успел укрыться за стенами Казани. Яства и напитки, приготовленные к празднику, стали добычей победителей. Московский летописец заметил: «воеводы побили много казанцев и пожгли ханские кабаки».

Именно вино в очередной раз помешало успеху москвичей. Напившись, ратники не стали развивать успех и штурмовать город. А на следующий день Казань была готова к обороне.

Казанский Кремль в первой половине XVI в.

Реконструкция по материалам Н. Ф. Калинина. 1 — р. Булак;

2 — р. Казанка; 3 — Ворота Нур-Али; 4 — Ханский дворец; 5

—

Северо-восточная башня; 6 — Соборная мечеть; 7 — Тезицкий овраг;

8 — Кладбище; 9 — Большие въездные ворота; 10 — Ров; 11

— Посад;

12 — Аталыковы ворота; 13 — Тюменские ворота; 14 —
Диарова баня

Постояв немного у Казани, воеводы двинулись по домам. Пермскому же отряду князя Львова совсем не повезло. Он здорово опоздал. По пути отряд был окружен казанцами и полностью истреблен, погиб и воевода Львов.

А тем временем Сафа Гирей устроил разборку татарской верхушке. Выяснилось, к примеру, что князь Исхан, через владения которого прошла судовая рать из Нижнего Новгорода, умышленно не сообщил об этом в Казань. Исхан и несколько других князей были казнены.

Однако казни лишь разозлили оппозицию. В начале января 1546 г. какой-то князь Чура подошел к Казани с полутора тысячами всадников. Одновременно в городе началось восстание. Хан Сафа Гирей уже проторенным путем бежал через те же ворота Мир-Гали, сел на корабль и отплыл в Астрахань.

Из Москвы в Казань был послан тот же Шах-Али. С ним двинулось три тысячи касимовских татар и тысяча русских конников. 13 июля 1546 г. Шах-Али был вновь возведен на казанский престол. Но Али не процарствовал и месяца. К Казани подошел Сафа Гирей с ногайским войском, и казанцы без боя открыли ему ворота. Шах-Али бежал на струге по Волге и поселился в Касимове. В Казани начались массовые казни. 76 знатных татар бежали в Москву. Новое правительство было составлено исключительно из крымских татар.

В конце 1547 г. царь Иван IV решил лично возглавить поход против казанских татар. В декабре он выехал во Владимир, приказав везти туда за собой пушки. Они были отправлены туда уже в начале января 1548 г., несмотря на большие трудности, так как зима в тот год выдалась теплая, снега не было, все время шли дожди, и лед, по которому двигались войска и везли пушки, был очень слабым. В феврале Иван IV выступил из Нижнего Новгорода и остановился на острове Роботке. Наступила сильная оттепель, лед на Волге покрылся водой, много пушек и пищалей провалилось под лед, потонуло много людей. Три дня царь Иван простоял на Роботке в ожидании заморозков, но их не было. Иван Васильевич вынужден был возвратиться в Москву, сильно расстроенный сорвавшимся походом. Осенью 1548 г. казанцы под начальством Арака-Богатыря напали на Галицкую волость. Тут отличился костромской наместник Захарий Петрович Захарьин-Яковлев, внук Якова Захарьевича Кошкина, разбивший татар

наголову и лично убивший Арака.

В марте 1549 г. хан Сафа Гирей, которому было всего 42 года, скоропостижно скончался. Видимо, он был отравлен приближенными. Со смертью хана возникли серьезные проблемы с престолонаследием. У Сафа Гирея осталось несколько сыновей. Два взрослых царевича, Мубарек и Булюк, находились в Крыму при дворе хана Сагиб Гирея. Еще один взрослый царевич Гази был сыном русской наложницы и поэтому не имел права на ханский престол. Младший, Утямыш, был еще слишком мал, он родился в 1546 г.

Казанцы предложили престол царевичу Булюку, но хан Сагиб Гирей не согласился его отпустить и даже заключил под стражу. Сагиб Гирей сообщил в Стамбул о предложении казанцев и просил султана Сулеймана назначить ханом в Казань жившего тогда при дворе султана Девлет Гирея, сына Мубарека Гирея и внука Менгли Гирея. Сагиб Гирей боялся Девлета и хотел убить его, когда тот будет проезжать через Крым в Казань. Эта хитрость Сагиба стала одной из причин его собственной гибели. Султан Сулейман уже давно «имел зуб» на хана Сагиба и хотел его свергнуть. Он для виду назначил Девлета казанским ханом, а на самом деле определил его на крымский престол. Девлет прибыл в Крым, сверг и убил хана Сагиба Гирея. Но все это произойдет только в 1551 г.

В Казани же, в том же 1549 г., как только выяснилось, что царевич Булюк не приедет, ханом был провозглашен сын царицы Сююнбике трехлетний Утямыш. Царицу объявили регентшей. Новое правительство по-прежнему состояло из крымских татар. Главой правительства стал оглан Кучак (Кондак) — начальник крымского гарнизона, составлявшего ханскую гвардию при хане Сафа Гирее.

В июле 1549 г. казанцы прислали царю Ивану грамоту, где писали от имени хана Утямыш Гирея о мире. Царь ответил казанцам, чтобы прислали для переговоров «добрых людей». Но «добрые люди» так и не прибыли, и тогда 24 ноября царь Иван с братом Юрием выступил в поход на Казань, а в Москве за себя оставил двоюродного брата Владимира Андреевича.

В Нижнем Новгороде к московскому войску присоединились касимовские татары царя Шах-Али. Общая численность войска, по татарским источникам, достигала 130 тысяч человек.

23 января 1550 г. войско двинулось к Казани двумя колоннами: одна — по льду Волги, вторая — по ее правому берегу. По льду шла и осадная артиллерия. На специальных санях везли огромные пушки. Бул-гарская летопись утверждает, что орудия могли стрелять ядрами диаметром по колено и по пояс взрослому человеку.

Когда первая колонна добралась до Казанского иля,^[252] на нее напал четырехтысячный отряд казанского сотника Мамыш-Бирде, который прикрывал подходы к Казани с севера, со стороны Нижнего Новгорода. В ходе ожесточенного сражения русские войска понесли большие потери. Часть пушек ушла под лед. Несмотря на это, колонна продолжала путь.

Между 12 и 14 февраля 1550 г. эта колонна русских войск подошла к Казани. Походный шатер царя Ивана Васильевича установили на берегу озера Кабан (Поганого). Войска под командованием князя Бельского и царя Шах-Али расположились на Арском поле. Состоявший на русской службе астраханский царевич Ядгар (в русских летописях Едигер) со своими отрядами занял позиции на правом берегу реки Казанки на Козьем лугу. Одну из больших пушек установили недалеко от места впадения реки Булак в Казанку, а другую — напротив Арской стены посада. И в тот же день начался сильный обстрел города.

После артиллерийской подготовки русские войска пошли на штурм посада. Почти одновременно сто тысяч воинов полезли на Булакскую (западную) и Арскую (восточную) стены.

Самые кровопролитные и ожесточенные бои развернулись у Больших тарас Булакской стены и у Арских ворот. Защищая Большие тарасы, погибли сын Сафа Гирея Гази и крымский посол Арслан Челеби. Часть стены у Арских ворот была разрушена, и в образовавшуюся брешь устремились русские воины. Не выдержав напора штурмующих, крымские татары оставили часть Арской стены, что привело к панике в городе.

В этот критический момент из цитадели Казани вышли двое воинов в тяжелых доспехах и направились к Арской стене. Это были царица Сююнбике и казанский сеид Мухаммедьяр. Сю-юнбике держала в руке саблю, а Мухаммедьяр — знамя Казанского иля. Это был красный стяг, прикрепленный к древку копыя, а на наконечнике — серебряный полумесяц.

Когда царица и сеид подошли к Арской стене, на стене были уже русские. Увидев регентшу и главу мусульман в боевых доспехах, с оружием и знаменем в руках, защитники Казани воспряли духом и скинули русских со стены. Затем Сююнбике и Мухаммедьяр поднялись на Арскую стену и стояли там, по свидетельству болгарского летописца, «даже тогда, когда урусы вновь полезли на стену». Мужество царицы воодушевило воинов и пришедших им на помощь горожан, среди которых было немало женщин.

Внезапно у Арской стены на русских напало большое войско князя Атны. Около пяти тысяч татар, служивших в московском войске (касимовских?), перешли на сторону казанцев.

Русские воеводы прекратили штурм.

Между 21 и 25 февраля 1550 г. русские войска отправились назад. Внезапно погода ухудшилась, наступила оттепель, пошел сильный дождь, и вскрылась река. На обратном пути погибло не менее 20 тысяч русских ратников.

После второго неудачного похода Иван не отказался от мысли овладеть Казанью. По примеру своего отца, заложившего крепость Васильсурск, он повелел заложить в устье реки Сви-яги крепость Свияжск.

Любопытно, как строился Свияжск. Дьяк Иван Выроднов отправился с войском и крестьянами в Углицкий уезд в село Мышкино, отчину князей Ушатых. Там был срублен лес для городских стен, домов и церквей. Все деревянные постройки были собраны, бревна помечены, а затем вновь разобраны. Эти «полуфабрикаты» погрузили на речные суда и весной отправили вниз по Волге.

Командовать постройкой Свияжска формально было поручено хану Шах-Али, а фактически — русским воеводам князю Юрию Булгакову и боярину Даниле Романовичу Юрьеву (брату царицы).

24 мая 1550 г. воеводы с войском прибыли на Свиягу и стали расчищать от леса место для постройки города. На месте будущего города отслужили молебен, освятили воду, обошли с крестами по месту будущей крепостной стены. Потом собрали стену и заложили церковь во имя Рождества Богородицы и чудотворца Сергия. В итоге город Свияжск был построен за четыре недели.

Крепость стояла на территории Казанского ханства, и хан Шах-Али с некоторой натяжкой мог считаться законным казанским ханом. Первыми приехали к Шах-Али черемисы «с челобитьем, чтоб государь их пожаловал, простил, велел им быть у Свияжского города, а воевать бы их не велел, а пожаловал бы их государь, облегчил в ясаке и дал им свою грамоту жалованную, как им вперед быть». Государь их пожаловал, дал грамоту с золотою печатью и ясак им отдал на три года.

Царь Иван послал приказ Шах-Али и воеводам привести всю горную (правую) сторону к присяге и послать отряды черемисов на казанские земли, а с ними отправить детей боярских и казанских князей следить, верно ли черемисы служат государю. Воеводы привели к присяге черемисов, чувашей, мордовцев и сказали им: «Вы государю присягнули, так ступайте, покажите свою правду государю, воюйте его недруга». В конце концов вся горная сторона, то есть черемисы, чуваша и другие племена, приняла русское подданство.

Отделение от казанского ханства горной стороны и засилье крымцев

вызвали сильное раздражение в Казани. В воздухе запахло новым переворотом. Но, не дожидаясь его, ог-лан Кучак, крымские мурзы и князья решили бежать из города, бросив там жен и детей. Всего бежало свыше 300 человек.! На переправе через Каму их перехватил вятский воевода Зю-зин. Часть крымцев была перебита на месте, а 46 наиболее знатных пленных, в том числе Кучак, были отосланы в Москву, где, по словам летописца, «казнены смертью за их жестокосердие».

После бегства крымской правящей верхушки из Казани тут же были отправлены послы в Москву с челобитной к государю, чтобы он их пожаловал, пленить не велел, дал бы им на ханство царя Шаха-Али, а царя Утямыша с матерью Сююн бике взял бы к себе. На это Иван IV ответил, что пожалует Казанскую землю, если казанцы выдадут ему Утямыша с матерью, всех крымцев и их детей, а также освободят всех русских пленников.

Алексей Адашев отправился в Свияжск объявить Шах-Али, что государь жалует ему Казанское царство, луговую (левую) сторону и Арску, но горная сторона отойдет к Свияжску, потому что «государь саблею взял ее до челобитья казанцев».

Требование раздела Казанского царства сильно оскорбило Шах-Али, но бояре прямо объявили ему, что решение ни под каким видом изменено не будет. То же было сказано и казанским вельможам, когда они начали было говорить, что землю разделить нельзя.

Утром 11 августа 1551 г. к Казани подошла флотилия русских кораблей, на борту которых находились князь Серебряный и четырехтысячная судовая рать. В тот же день казанские власти выдали русским хана Утямыша, царицу Сююнбике, двух детей оглана Кучака и сына оглана Ак-Мухаммеда. Пленников отправили в Москву в сопровождении князей Серебряного и Кострова, хаджи Али-Мердена, боярских детей и отряда стрельцов. 5 сентября пленники прибыли в Москву.

13 августа 1551 г. хан Шах-Али и русские воеводы высадились в устье реки Казанки, что в семи верстах от Казани. Хан послал в Казань своего дворецкого с имуществом, чтобы приготовить ему дворец. На следующий день в устье реки Казанки состоялся курултай, на котором решался вопрос о горной стороне. Русские бояре зачитали собранию договорные условия, предложенные московским правительством. Казанцы «все стали о горной стороне говорить, что того им учинити не можно, что земля разделите». «Много о том спорных слов было», но русские упорно стояли на своем, что «бог государю то учинил», что «тому уже иначе не бывать, как его бог

учинил», и добились того, что казанцы согласились на предложенные русскими условия. Договор был подписан. Горная сторона отошла к русскому государству. Было отменено рабство для христиан, и все русские пленники должны были быть освобождены. В первую очередь должны были получить свободу невольники, которыми владели в Казани князья. Остальных же рабов казанцы дали обязательство также освободить, «а уведает государь полон христианской в работе бусурманской, и у кого вымут, того казнити смертию». Если казанцы освободят не всех русских невольников, то московское правительство пойдет на них войной. Таким образом, согласно условиям договора, казанским татарам запрещалось под страхом смертной казни иметь русских рабов. Это стало важнейшей экономической реформой.

16 августа хан Шах-Али прибыл в Казань. С ним прибыл гарнизон (300 касимовских татар и 200 русских стрельцов), который расположился вокруг дворца. На следующий день хан приказал собрать всех пленных у своего дворца и объявил им свободу. В первый день было освобождено 2700 человек. А всего в Свияжске было зарегистрировано 60 тысяч освобожденных невольников. Пленные являлись в Свияжск, а оттуда уже «все по своим местам, кому куда ближе, туды пошли».

Хан Шах-Али решил потребовать у Ивана IV возвращения горной стороны Казанскому ханству. То ли ему надоело быть московской марионеткой, то ли он понял, что без горной стороны ему не долго придется царствовать.

В октябре 1551 г. в Москву было отправлено посольство, и составе которого находилось много знатных казанцев — князь Нур-Али, ханский дворецкий князь Шах-Абас Шалов, бакши Абдулла и другие. Посольство просило Ивана IV уступить горную сторону, на что последовал категорический отказ царя. Тогда послы попросили хотя бы разрешить собирать подати на горной стороне в пользу Казани, то есть ввести там совместное правление. И на это последовал отказ. Мало того, бояре заявили послам, что те останутся в Москве в качестве заложников до полного освобождения всех русских невольников.

Естественно, эта акция вызвала недовольство в Казани. Князь Бибарс Растов с братьями возглавил заговор против Шаха-Али и вступил в переписку с ногайским ханом. О заговоре стало известно хану. Шах-Али поступил в лучших восточных традициях — пригласил заговорщиков на пир во дворец и велел верным мурзам перебить их всех за столом. Части заговорщиков удалось вырваться из дворца, но их уже поджидали сабли и бердыши русских стрельцов. Всего было убито 70 знатных татар.

Несколько десятков заговорщиков бежало в Ногайскую орду.

Хан избавился от заговорщиков, но возбудил ненависть большинства жителей Казани. В Москве были хорошо осведомлены о ситуации в ханстве. Царь с боярами долго думали, как помочь хану, но в конце концов пришли к заключению, что его положение безнадежно. Было принято решение низложить Шаха-Али и назначить в Казань царского наместника.

В феврале 1552 г. в Казань прибыл царский посол Алексей Федорович Адашев с предложением Шаха-Али впустить в Казань русского наместника и сдать ему крепость. Хан категорически отказался, «и много о том речей спорных было». Шах-Али сказал: «Я мусульманин и не хочу восстать на свою веру», но дал согласие на отречение от престола.

5 марта Шах-Али объявил, что на следующий день он отправится на Дальний Кабан, где находилась крепость Касим, на подледный лов рыбы. На рыбалку были приглашены те князья и мурзы, которых Шах-Али подозревал во враждебном отношении к нему.

6 марта Шах-Али выехал из Казани в сопровождении 84 князей и мурз, а также 500 русских стрельцов. От Царских ворот кортеж двинулся к внешнему посаду Кураиш, а не повернул к Дальнему Кабану, как было объявлено. Недалеко от посада Кураиш кортеж остановился, князья и мурзы были окружены и разоружены русскими стрельцами. После этого Шах-Али обратился к ним со следующими словами: «Хотели вы меня убить, и просили великого князя низложить меня с престола, жаловались, что я вас притесняю, просили, чтобы вам дали наместника. Великий князь повелел мне выехать из Казани, и я еду к нему. Вас с собой повезу, чтобы там расправиться с вами». И увез их в Свияжск в качестве заложников. В тот же день в Казани была оглашена царская грамота, в которой говорилось, что «по казанских князей челобитью» государь низложил хана с престола и дал им своего наместника свияжского воеводу князя Семена Ивановича Микулинс-кого. Все казанские «лучшие люди» должны явиться в Свияжск и принести присягу наместнику. Таким образом, Казанское ханство присоединялось к Московскому государству. Известие это было встречено казанцами довольно спокойно.

На следующий день, 7 марта, Чапкун Отучев, Бурнаш и стрелецкий голова Иван Черемисинов прибыли в Казань и привели казанцев к присяге.

Царский наместник С.И. Микулинский должен был торжественно въехать в Казань 9 марта 1552 г. Вечером 8 марта в Казань прибыл его багаж с 70 русскими казаками.

Рано утром 9 марта наместник вместе с воеводами Иваном Васильевичем Шереметевым и князем Петром Серебряным и с довольно

солидным войском двинулись к воротам Казани. Уже в черте нынешнего города Казани трое татар, сопровождавших наместника, — князь Ислам, князь Кебек и мурза Алике Нарыков — попросили у него разрешения ехать вперед. Микулинский разрешил, и татары уехали в город.

Достигнув Казани, Ислам, Кебек и Нарыков заперли крепостные ворота и распространили слух, будто русские едут с намерением устроить резню и перебить всех жителей. Горожан это встревожило, и многие кинулись вооружаться.

Когда наместник с боярами подъехал к воротам, их встретили выехавшие навстречу князь Кул-Али и И. Черемисинов. Последний доложил: «Лиха есмя по сесь час не видали; а те, перво как прибежали от вас князи, так лихие слова почали говорить, и люди замешались, иные на себя доспех кладут». Бояре подъехали к Царевым воротам, они оказались запертыми. Наместник и сопровождавшие его два дня стояли у ворот и пытались уговорить казанцев впустить их в город. Однако антирусски настроенная знать не только отказалась впустить князя Никулинского, но и не выпустила из города ранее прибывших туда русских стрельцов.

Видя безнадежность своего положения, князь Микулинский решил возвратиться в Свияжск, так как брать крепость приступом у него не было сил. Русские ушли, «ни одному человеку лихого не учинили», посада не сожгли, никого не убили и ничего не разграбили, так как все еще надеялись на мирное соглашение, «чаяли сделки».

Так рухнул проект унии — присоединить Казанское ханство к русскому государству мирным путем не удалось. В Казани образовалось временное правительство, во главе которого стал князь Чапкун Отучев. В состав правительства вошли кади (судья) Кул-Шериф, князя Алике Нарыков, Дервиш, ногайский князь Зейнеш и сибирский князь Кебек.

Первым делом были перебиты находившиеся в Казани стрельцы (около 180 человек) и несколько десятков русских купцов. Затем в Ногайскую орду послали гонцов, чтобы предложить престол астраханскому царевичу Ядыгер-Мухаммеду, потомку хана Тимура Кутлу. Царевич не заставил себя долго ждать и поспешил в Казань. На переправе через Каму Ядыгер-Мухаммеда чуть было не схватили русские, но ему удалось прорваться.

Вскоре против русских восстала вся горная сторона, и новопостроенный город Свияжск оказался в осаде. На выручку Свияжска царь направил войско под началом своего шурина Даниила Романовича Захарьина-Юрьева.

Иван IV вновь решил лично возглавить поход на Казань. Русские

полки собирались очень медленно. Однако как раз медлительность воевод и спасла Москву. Узнав о подготовке похода на Казань, крымский хан Девлет Гирей двинулся на Москву. Татары судили по себе, и по их расчетам русское войско к середине июня 1552 г. должно было быть где-то у Свияжска. Но, как известно, русские долго собираются, а потом быстро едут. И к 19 июня русские войска еще находились под Москвой. Узнав о походе крымцев, царь Иван приказал двинуться против них всем полкам. Дев-лет Гирей был отброшен у Коломны, а затем наголову разбит у Тулы.

Лишь 3 июля Иван IV с двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем выехал из Коломны под Казань. По пути царь несколько раз получал донесения о победах Данилы Романовича над «горными людьми». 13 августа Иван IV достиг Свияжска. К этому времени край был полностью усмирен боярином Данилой Романовичем. Иван позвал на обед посланцев от горных людей и объявил, что прощает их народу прежнюю измену.

20 августа 1552 г. царь Иван Васильевич со 150-тысячным войском и 150 осадными орудиями обложил Казань. В городе же находилось 30 тысяч воинов-казанцев и 3 тысячи ногайцев. Царский шатер установили недалеко от мечети Отучева («Отуз», ныне мечеть «Нурулла») в посаде Кураиш. Изнутри царский шатер был покрыт златотканой парчой и усыпан драгоценными камнями. Пространство вокруг шатра обнесли высокой стеной из дубовых бревен.

С 21 по 23 августа 1552 г. Казань была полностью обложена. По данным З.З. Мифтахова под Казанью находились следующие полки:

«1. Царский полк. Он состоял из 20 тысяч отборных конников. Полк находился в непосредственном распоряжении самого царя. Сначала полк располагался поблизости от посада Кураиш, на территории Сенного базара. 23 августа его разделили на две части. Одна часть под командованием двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича Старицкого заняла позиции в районе посада Бишбалта. Другая часть полка переместилась в район Армянской слободы.

2. Большой полк. В составе полка, кроме русских, были 30 тысяч касимовских татар, 10 тысяч мордвы, 10 тысяч поляков, немцев, литовцев, а также отряды черемисов и чувашей, перешедших на сторону московского государя.

Полком командовали Шах-Али, воеводы Михаил Иванович Воротынский и Иван Федорович Мстиславский.

23 августа на рассвете Большой полк перешел на правый берег Булака. Переход был осуществлен на линии современных улиц Галиаскара Камала и Астрономической. Здесь на дне Булака был настил из дубовых бревен.

Когда русские войска стали переправляться, внезапно открылись Черемисские ворота, расположенные напротив переправы. Из ворот выехала пятитысячная конница. Конники были вооружены копьями. Затем из соседних ворот вышли пехотинцы: 10 тысяч воинов, вооруженных луками и стрелами. Завязался жестокий бой. Казанцы сражались мужественно, но стрельцы, вооруженные огнестрельным оружием, вынудили их войти в город. Поэтому Большому полку удалось переправиться через Булак и подняться на Арское поле. Он занял позицию, расположенную между современными улицами К. Маркса и Бутлерова, перекрыв тем самым Арскую дорогу.

3. Передовой полк. В его составе, кроме русских, были 5 тысяч крымских татар под командованием царевича Тактамыша, 5 тысяч ногайцев под командованием Кудайта, а также 5 тысяч черкесов. Здесь же находилась удельная дружина князя В.А. Старицкого.

Полком командовали боярин Иван Иванович Пронский, воевода Дмитрий Иванович Хилков.

Передовой полк занял позицию в северной части Арского поля, в районе современной улицы Большая Красная.

4. Полк правой руки. Полком командовали боярин Петр Михайлович Щенятов и князь Андрей Михайлович Курбский.^[253] Полк занял позицию на правом берегу р. Казанки, напротив северной стены крепости. Тем самым он перекрыв Галичскую дорогу.

5. Полк левой руки. В его составе, кроме русских, были 10 тысяч астраханских татар под предводительством царевича Кайбулы. Полк занял позицию на левом берегу Булака, между зданием главного корпуса современного педагогического университета и улицей Чернышевского.

6. Сторожевой полк. В его составе, кроме русских, были 10 тысяч астраханских татар под командованием царевича Дервиш-Али. Полком командовали боярин Василий Серебряный и воевода Семен Васильевич Шереметов. Полк занял позицию недалеко от устья Булака.

7. Ертоульский полк. Это был полк конной разведки. В его составе, кроме русских, были 5 тысяч черкесов. Полком командовали князя Юрий Иванович Шемякин-Пронский и Федор Иванович Троекуров. Первоначально полк располагался на левом берегу Булака, недалеко от озера Кабан.

В конце августа полк разделился: одна часть осталась на прежних позициях, а другая была перемещена в район современной улицы Поддужной, т. е. на левый берег р. Казанки.

8. Отдельный отряд Головина. Отряд Михаила Петровича Головина

расположился на Федоровском бугре (Старое городище)».^[254]

Вокруг Казани были построены многочисленные редуты (А.М. Курбский^[255] пишет о шанцах). Там было установлено не менее 150 осадных орудий, среди которых огромные пушки «Змей», «Лев», «Дракон», «Гриф», «Свистун», «Сокол» и др., а также мортиры. Курбский писал, что расстояние между пушками по фронту составляло полторы сажени (3,2 м) — так их было много. Наряду с русскими поляков — Войчек, Ганус, Клаус, Станислав, Ян, Кристоп и др. Пушки стреляли железными, а чаще каменными ядрами, а мортиры — бомбами или тоже каменными ядрами.

По словам Курбского, русская осадная артиллерия в основном подавила огонь крепостных орудий, но татары продолжали вести интенсивный огонь из ручного оружия и мортир.

31 августа русская артиллерия разбила башню у Арских ворот. Русские воеводы решили рядом с разбитой башней построить высокую деревянную башню для поражения внутренней части крепости. Всего за одну ночь русские построили эту башню, высота ее достигала 13 метров. На башне в три яруса разместили 10 пушек и 50 затынных пищалей.

Пока русские воеводы и «немчины» инженеры занимались осадными работами, царь надумал чисто азиатским способом устроить людей. Как писал А.М. Курбский: «Когда же к царю привели связанных пленников, то он повелел вывести их перед шанцами, привязать к кольям и заставить их умолять оставшихся в городе о том, чтобы они сдали Казань христианскому царю, а кроме того, и наши ездили и обещали казанцам в случае сдачи города жизнь и свободу, как этим привязанным пленникам, так и всем остальным от имени нашего царя. Казанцы, тихо выслушав эти слова, начали стрелять со стен города, причем не столько по нашему войску, сколько по своим пленникам».^[256]

Замечу, что в XX веке советские «киношники» исказили этот эпизод, приписав эту затею Андрею Курбскому. Профессор же Мифтахов пишет: «Царь приказал всех пленных привязать к кольям перед укреплениями, чтобы они умоляли казанцев сдаться. Одновременно к посадской стене со стороны Арского поля подъехали мурза Камай и приближенные царя. От имени царя они предъявили казанцам ультиматум: или они без боя сдают город, или он, царь, велит казнить всех пленных. Защитники Казани молча их выслушали и ничего не ответили. Желая подчеркнуть серьезность своих намерений, русские воины стали сажать на колья женщин и детей, вешать их за ноги, расстреливать. Тогда защитники города, стоящие на стене, пустили тучи стрел как в истязателей, так и в пленных. В своих пленных

соплеменников пустили стрелы, чтобы освободить их от страшных страданий». [\[257\]](#)

Иван IV приказал лишить казанцев воды. Ему доложили, что воду берут из ключа у Муралевых ворот, внутри крепости. Царь приказал английскому инженеру Бутлеру сделать подкоп и взорвать мину у источника. 4 сентября мина была взорвана, и казанцы лишились этого источника воды. Хотя полностью лишить Казань водоснабжения не удалось (в городе было несколько водоемов), взрыв произвел угнетающее действие на осажденных.

30 сентября было взорвано еще несколько мин под стенами крепости, и русские пошли на штурм. Однако казанцам удалось его отбить.

В 7 часов утра 2 октября с интервалом в одну минуту русские взорвали два сверхмощных фугаса под стенами крепости. В каждом из фугасов было по 240 пудов (то есть по 4 тонны) пороха. В результате взрыва образовалось два больших пролома в стене у Арской башни у Исельской Нижней башни. В пролом с криком «С нами Бог!» полезли толпы русских ратников. Им удалось войти в крепость, но там начался упорный бой.

Пользуясь численным превосходством, русские оттеснили татар в глубь города, но те бились за каждый дом. По пути многие ратники, решив, что город уже взят, занялись грабежом. А.М. Курбский писал: «Мародеры, узрев, что наши под напором татар вынуждены отступать, ударились в такое бегство, что многие и в ворота не проходили, а другие со своей добычей пытались через стену перелезть, а иные добычу побросали и с воплями: «Секут! Секут!» бежали». [\[258\]](#)

Русские начали покидать крепость. Тогда воеводы, в том числе сам Курбский, несколько раз посылали за царем, который все это время молился в лагере. Как писал Курбский, Ивана IV насильно выволокли, посадили на коня и, взяв коня под уздцы, повели к стенам города. Вид царя должен был остановить бегущих. В этот критический момент не растерялся двоюродный брат царя Владимир Андреевич Старицкий. Он от имени Ивана приказал двадцатитысячному царскому полку, то есть последнему резерву, прекратить охрану царской ставки и войти в город через арский пролом.

Царский полк и решил исход сражения в Казани. В городе остались лишь отдельные очаги сопротивления, но еще держался замок — Ханский двор, где находился Ядыгер. Окруженные татары закричали русским: «Пока стоял юрт и место главное, где престол царский был, до тех пор мы бились до смерти за царя и за юрт. Теперь отдаем вам царя живого и

здорового. Ведите его к своему царю! А мы выйдем на широкое поле испить с вами последнюю чашу».

Выдав царя вместе с тремя приближенными вельможами, татары, около 600 человек, бросились прямо со стены к берегу Казанки, пытаясь пробиться к реке, но были встречены залпом из русских пушек. Тогда татары повернули налево вниз, скинули доспехи, разулись и перешли речку. Князья Андрей и Роман Курбские обскакали татар, врезались в их ряды, но были смяты. Оба князя Курбских были серьезно ранены. И лишь подход новых сил под командованием князей Никулинского, Глинского и Шереметева помог нанести прорвавшимся татарам окончательное поражение. Уйти в лес удалось лишь немногим во главе с сардаром Мохаммед-Бахадиром.

Узнав, что Казань в руках русских, Иван IV велел служить молебен под своим знаменем. После молебна все бояре и воеводы поздравили царя, а князь Владимир Андреевич сказал: «Радуйся, царь православный, божиею благодатию победивший супостатов! Будь здоров на многие лета на богом дарованном тебе царстве Казанском!» Иван ответил на это: «Бог это совершил твоим, князь Владимир Андреевич, попечением, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою. Буди воля господня!»

Тут подъехал и Шах-Али с поздравлениями. Татарскому царю, поздравляющему с разрушением Татарского царства, Иван счел приличным ответить оправданием: «Царь господин! Тебе, брату нашему, ведомо: много я к ним посылал, чтоб захотели покою. Тебе упорство их ведомо, каким злым ухищрением много лет лгали. Теперь милосердый бог праведный суд свой показал, отомстил им за кровь христианскую».

Царь приказал очистить от трупов одну улицу от Мурале-евых ворот до царева двора и въехал по ней в город. Впереди ехали воеводы и дворяне, сзади — князь Владимир Андреевич и Шах-Али.

До начала осады население Казани превышало 65 тысяч человек. После захвата и учиненного русскими погрома из мужчин в живых осталось 500 кара-муслимов (то есть русских, принявших ислам) и мусульман, и то лишь потому, что за них попросил Шах-Али.

Вечером 2 октября около мечети «Мохаммед-Алам» запылали огромные костры: русские вытаскивали из мечети «тысячу связок книг» и сжигали. Булгары из Восточной Мещеры, вошедшие в Казань уже после ее взятия, увидев такое варварство, остолбенели. Опомнившись, они стали бросаться в костры и, обжигаясь, выхватывать из них священные книги. Это были книги, привезенные из Ирана и Ближнего Востока Мухамедьяром и подаренные им Сююнбике, а та подарила их мечети

«Мохаммед-Алам».

11 октября Иван IV двинулся в обратный путь. Царь с пехотой плыл на судах, а конница шла берегом. Править Казанским краем Иван оставил князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского с 14 тысячами ратников.

1 ноября 1552 г. состоялся торжественный въезд Ивана IV в Москву. Царь решил устроить себе триумф по типу римских императоров. Перед ним по Москве провели пленных: бывшего хана Ядыгера, огланов, князей, мурз, их жен и детей. Чтобы привлечь как можно больше внимания москвичей к торжественному въезду царя-триумфатора, по улицам водили не только знатных казанских вельмож, но и верблюдов, конфискованных у азиатских купцов, приехавших по своим торговым делам в Казань. Вслед за этой экзотической процессией въехал сам царь Иван Васильевич.

С 8 по 10 ноября в честь победы в Москве закатили трехдневный пир. К царскому столу были приглашены высшее духовенство, князья и отличившиеся в боях дворяне. Все три дня раздавались подарки митрополитам и владыкам, а также награды воеводам и воинам, начиная с князя Владимира Андреевича и до последнего сына боярского. Кроме вотчин, поместий и кормлений было роздано денег, платьев, драгоценных сосудов, доспехов, лошадей и др. на 48 тысяч рублей, то есть на небывалую по тем временам сумму. Награбленного в Казани хватило всем.

Любопытно, что Иван IV, столь свирепо расправившийся с защитниками Казани, довольно либерально обошелся с их ханами. Юный хан Утямыш Гирей 8 января 1553 г. был крещен в Чудовом монастыре и получил имя Александр. Иван Грозный повелел ему жить в царском дворце. Однако Александр умер 11 июня 1566 г. в возрасте 20 лет. Причем умер своей смертью и не в опале, ибо был похоронен в месте погребения государей московских — в Архангельском соборе Кремля. Хан Ядыгер 26 февраля 1553 г. тоже принял крещение и получил имя Симеон. Иван Грозный дал ему богатый двор в Москве, в документах он числился «царем Симеоном». Умер он своей смертью 26 августа 1565 г. и был погребен в Благовещенской церкви Чудова монастыря. Из казанских ханов Шах-Али оказался единственным, кто сохранил свою веру. Он длительное время был ханом касимовским и умер там 20 апреля 1567 г.

Увы, торжества в Москве не означали окончания войны в Казанском крае. В Москве еще не закончились пиры победителей, а чуваша и черемисы на дороге из Свияжска в Василь-сурск убили много русских гонцов, купцов и людей, сопровождавших обозы с казенными грузами. Иван IV приказал сыскать участников нападения и всех повесить. В

Свияжск доставили 74 гражданских чуваша, всех повесили, а имущество их раздали доносчикам. Возле Казани действовал отряд «Ту-гаевы дети с товарищи». Мурза Камай, перебежавший к русским перед самой осадой Казани, поймал 38 человек «тургае-вых детей», доставил в Свияжск, где их и повесили.

Ни Иван, ни его бояре не понимали сложности ситуации. Они были уверены, что Казанский край окончательно присоединен к России. В разные волости Казанского края были посланы сборщики податей. В окрестностях Казани «ясаки собрали сполна», но в феврале 1553 г. выяснилось, что «казанские люди луговые ясаки не дали» и сборщиков убили.

Отряд казанских татар укрепил засеку на Высокой горе в 15 верстах от Казани. Видимо, это были остатки конников князя Япанчи. Они-то и послужили ядром организовавшейся армии. Казанцы разгромили и уничтожили два посланных из Казани русских отряда в 800 человек. По словам летописца: «Пришли на них люди арские и луговые, да их побили на голову и убили 350 стрельцов да 450 казаков». В верхнем течении реки Меши, в 70 верстах на восток от Казани, казанцы построили крепость.

Горная сторона Волги также была охвачена восстаниями против русских. Здесь действовали отряды казанцев под предводительством Зейзейта и богатыря Сары, пришедшие с луговой стороны. Они разбили посланный против них из Свияжска отряд под командованием Б.И. Салтыкова. Было убито 36 детей боярских, 170 чувашей, в плен попало 200 человек, а сам Салтыков был убит.

Ожесточенные боевые действия в Казанском крае прекратились лишь в конце 1556 г., после того как большая часть волостей края была опустошена карательными походами русских воевод.

Уже весной 1555 г. Иван IV принял решительные меры для русификации Казанского края. В Казань был отправлен первый архиепископ Гурий. Следует заметить, что в Казанский край были посланы наиболее ортодоксальные и жесткие иерархи церкви. Вместе с Гурием в Казань прибыл Герман Полев, архимандрит Свияжского монастыря, который после смерти Гурия занял его место. Видимо, вместе с Гурием в качестве попа в Казань прибыл и молодой Гермоген, который позже станет казанским архиепископом.

Из Пскова срочно доставили мастеров для сооружения в Казани каменного кремля. Главным строителем кремля был Постник Яковлев, более известный как строитель храма Василия Блаженного в Москве, сооруженного в память взятия Казани.

Казань стала русским городом в полном значении этого слова. Татарам было запрещено не только селиться внутри крепостной стены, но и входить внутрь города. За нарушение запрета была положена смертная казнь. Если до взятия Казани в ней с посадами проживало 65 тысяч жителей, то в 1557 г. внутри города жило около 7 тысяч русских, а в посадах — 6 тысяч татар.

На землях черемисов, чувашей и других народностей на правом берегу Волги были воздвигнуты города Чебоксары, Цивильск и Козьмодемьянск, а на левых притоках Волги Большой и Малый Кокшагах — города Кокшайск и Сан-чурек. На правом берегу нижней Камы был построен город Ланшев, а на правой стороне Волги в 40 верстах ниже Казани — город Тетюши. С конца 50-х — начала 60-х гг. XVI века начинается массовое переселение русских людей на «Казанскую землю». С началом опричнины князя и дворяне целых районов России выселяются в Казанский край. Особенно это коснулось потомков ростовских, ярославских и стародубских князей.

Как часто бывало в нашей истории, второстепенные и третьестепенные герои одного акта драмы становились главными героями в следующем акте. Так, с историей взятия Казани неразрывно связана судьба удельных князей Стародубских^[259] и Пожарских. Первым независимым стародубским князем стал Иван (1198–1247), сын великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Он стал родоначальником династии независимых стародубских князей. Один из них, Андрей Федорович Стародубский, отличился в Куликовской битве. Второй сын Андрея Федоровича, Василий, получил в удел волость с городом Пожар (Погара)^[260] в составе Стародубского княжества. По названию этого города князь Василий Андреевич и его потомки получили прозвище князей Пожарских. В начале XV века стародубские князья становятся вассалами Москвы, но сохраняют свой удел.

Князья Пожарские верой и правдой служили московским правителям. Согласно записи в «Тысячной книге» за 1550 г., на царской службе состояли тринадцать стародубских князей. При взятии Казани отличился отец будущего полководца стольник Михаил Федорович Пожарский. Еще один князь Пожарский, Иван Федорович, был убит под Казанью.

В марте 1566 г. Иван Грозный согнал со своих уделов всех потомков стародубских князей. Причем беда эта приключилась не по их вине, а из-за «хитрых» интриг психически нездорового царя. Решив расправиться со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Старицким, царь поменял ему удел, чтобы оторвать его от родных корней, лишить его

верного дворянства и т. д. Взамен Владимиру было дано Стародубское княжество. Стародубских же князей скопом отправили в Казань и Свияжск. Среди них оказались Андрей Иванович Ря-половский, Никита Михайлович Сорока Стародубский, Федор Иванович Пожарский (дед героя) и другие.

Высылка стародубских князей была не только частью интриги Грозного против брата, но и элементом колонизации Казанского края. Стародубские князья приехали не одни, а со своими дружинами и дворней. Они получили довольно приличные вотчины и второстепенные должности в администрации Казанского края. К примеру, Михаил Борисович Пожарский был назначен воеводой в Свияжск. Стародубские князья беспощадно подавляли восстания татар и внесли большой вклад в колонизацию края.

С 80-х годов XVI века часть вотчин в бывшем Стародубском княжестве постепенно была возвращена законным владельцам. Но «казанское сидение» нанесло серьезный урон князьям Пожарским в служебно-местническом отношении. Их оттеснили другие княжеские роды и новое «боярство», выдвинувшееся в царствование Грозного. Таким образом, Пожарские, бывшие в XIV — начале XVI века одним из знатных родов Рюриковичей, были оттеснены на периферию, что дало повод советским именитым историкам называть их «захудалым родом».

Дмитрий Михайлович Пожарский родился 1 ноября 1578 г. в Казанском крае.

Начиная с 1990 г., татарские националисты начали раздувать русофобские настроения, поминая зверства Ивана Грозного. Никто не спорит, расправа царя над жителями Казани была ужасной. Но при чем тут жители современных Москвы и Казани? Среди жителей обоих городов мы не найдем и десятой доли процента прямых потомков тех, кто защищал или брал Казань.

Да и не стоит забывать, что Иван Грозный (татары его называли Алаша, то есть Душегуб) убил куда больше своих русских подданных, нежели татар. Один поход 1572 г. на Новгород чего стоил. С.М. Соловьев сравнивал поход на Новгород с Батыевым нашествием. Это слишком мягкое сравнение. Батый был завоевателем и перед штурмом города всегда предлагал жителям покориться и платить умеренную дань. И действительно, города, покорившиеся Батю, оставались целыми, а жители — живыми. Грозный же действовал как обыкновенный разбойник и отличался от крымских ханов Гиреев лишь тем, что те грабили чужие страны, а Иван — свою собственную.

Грозный казнил всех русских воевод, бравших Казань. При этом они и

другие потомки удельных князей Рюриковичей шли под нож царя-палача, не пытаясь ни бежать, ни сопротивляться. Бежал лишь один Андрей Курбский. В Литве он получил во владение большое княжество. Там он и вступил в знаменитую переписку с Иваном Грозным.

Наполеон учил своего брата Луи, назначив его королем: «Если про монарха говорят, что он добр, то его царствование не удалось». Однако подавляющее большинство злодеяний Ивана Грозного пошло не во благо Русского государства, а во вред ему. Оправдать Грозного невозможно. Но и нельзя вырывать его царствование из контекста мировой истории. Во второй половине XVI века вся Европа была залита кровью. Вспомним расправы английских королей над своими подданными. А религиозные войны во Франции, включая Варфоломеевскую ночь? А разгул инквизиции в Испании и Нидерландах? На этом фоне наш кровавый Иван выглядит не очень-то и Грозным.

Изучение исторических фактов и их обнародование — дело благое, но одностороннее выпячивание их и раздутие национальной розни — нечто совсем иное.

Глава 19

Борьба за Астрахань

После взятия Казани Иван Грозный решил захватить Астрахань и таким образом обезопасить южные границы Казанского края. Главной же целью Москвы было обеспечение свободного судоходства по всей Волге.

Астраханское ханство стало независимым после смерти в 1481 г. золотоордынского хана Ахмата. Территория Астраханского ханства простиралась на западе до реки Кубань и нижнего течения Дона, на востоке доходила до реки Бузан, гранича с Ногайской Ордой, на юге — до реки Терек, а на севере не достигала немного широты Переволоки — самого узкого места между Волгой и Доном.

Астраханское ханство было самым маленьким государством из тех, на которые распалась Золотая Орда. В нем было много бесплодных солончаковых степей. Его население, сосредоточенное в основном в дельте Волги, составляло примерно 15–20 тысяч человек.

В 1533 г. Москва и Астрахань заключили договор о военном союзе и покровительстве волжской торговле. Но, как уже говорилось, ситуация резко изменилась после падения Казани.

В октябре 1553 г. к Ивану Грозному прибыли послы от ногайцев, от мурзы Измаила и других мурз с челобитьем, «чтобы царь пожаловал их, оборонил от астраханского хана Ям-гурчея, послал бы рать свою него... а Измаил и другие мурзы будут исполнять государеву волю».

Весной 1554 г., как сошел лед, 30-тысячное русское войско под начальством князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина поплыло по Волге под Астрахань. Туда же отправились вятские служилые люди под начальством князя Александра Вяземского.

У Черного острова, вблизи нынешнего Волгограда, князь Вяземский встретился с головным отрядом астраханцев. Татары были быстро разбиты. Пленные показали, что основные силы Ямгурчея стоят в пяти верстах ниже Астрахани.

Князь Пронский на судах быстро двинулся на Астрахань, а Вяземскому приказал атаковать войско Ямгурчея. Но татары не стали оборонять город и бежали. Пронский вступил в пустой город, Вяземский также не нашел никого в татарском стане. Сам Ямчургей ускакал с небольшим отрядом в Азов. Своих жен и детей хан отправил на судах вниз,

к Каспию. Однако русские гребные суда перехватили царский караван и захватили многочисленное ханское семейство.

В своем обозе русские воеводы привезли татарам и нового хана Дербыш-Алея. Ранее Дербыш-Алей самостоятельно правил Астраханью, но затем был свергнут и бежал на Русь, где несколько лет безбедно прожил в Звенигороде.

Воеводы наловили по окрестностям прятавшихся там астраханцев около трех тысяч (считались только мужчины), привели их в Астрахань и велели быть подданными Дербыш-Алея. Всем окрестным татарам под страхом смерти было приказано выдать русских рабов. Так было освобождено несколько тысяч русских людей.

Князь Пронский обязал нового хана давать московскому государю каждый год по 40 тысяч алтын да по 3 тысячи рыб; рыболовам русским царским ловить рыбу в Волге от Казани до Астрахани и до самого моря «безданно и безъявочно, астраханским же рыболовам ловить с ними вместе безобидно». Если умрет царь Дербыш-Алей, то астраханцы не должны тогда искать себе другого царя, а должны бить челом государю и его детям. Кого им государь на Астрахань пожалует, тот и будет им люб. По утверждении этих условий шертной грамотой воеводы отправились в Москву. Всех астраханских пленников отпустили, взяли с собой только царя с детьми и освобожденных русских невольников.

Занятие русскими Астрахани происходило на фоне междоусобиц в соседних ногайских Ордах, где мурза Измаил воевал со своим братом Юсуфом и племянниками. Вскоре Измаил убил брата Юсуфа и начал подкапываться под астраханского хана Дербыша. Измаил отправил несколько посланий Ивану IV, где просил его ввести непосредственное царское правление в Астрахани и убрать оттуда нелюбимого Дербыша.

Доносы Измаила вскоре подтвердились: весной 1556 г. Дербыш соединился с отрядом крымских татар и выбил небольшой русский отряд Мансурова из Астрахани. Мансуров отступил к Переволоке. Из 500 человек у него осталось 308. Иван IV срочно послал по Волге Мансурову 50 казаков, и 500 конных казаков пришло с Дона под командой Ляпуна Филимо-новича. Казаки Ляпуна двинулись к Астрахани, Дербыш и компания бежали в Азов к туркам, а русские во второй раз мирно вошли в Астрахань. Ногайцы после очередной усобицы помирились без участия русских. Сыновья Юсуфа помирились с дядей Измаилом, убийцей их отца, и заявили о принятии русского подданства. Так устье Волги окончательно закрепилось за Московским государством.

Первоначально в Стамбуле не придали особого значения

присоединению Астрахани к Москве. У султана Сулеймана II хватало забот и в других частях своей обширной империи, и он понадеялся, что крымские татары и ногайцы вытеснят русских из низовий Волги. Лишь в сентябре 1563 г. султан Сулейман II послал гауша (чиновника высокого ранга) к крымскому хану с приказом готовиться в 1564 г. к походу на Астрахань. Намерение султана очень напугало... хана Девлет Гирея. Крымские ханы меньше всего хотели военного присутствия Турции на Дону и Волге, что неизбежно сделало бы их из полунезависимых правителей бесправными подданными султана. Занятие же отдаленной Астрахани русскими не представляло, по мнению Гиреев, непосредственной угрозы Крыму. Кстати, в этом они были недалеко от истины. Действительно, Астрахань никогда не использовалась как база для похода в Крым.

В Стамбул из Крыма полетели отписки: этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимой к Астрахани идти — турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя.

На следующий год Девлет Гирей постарался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, — писал он, — верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украины: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним».

Параллельно Девлет Гирей бомбардировал посланиями царя Ивана, в которых он подробно рассказывал о намерениях султана, и усиленно шантажировал царя. Хан предлагал отдать ему Казань и Астрахань, мотивируя тем, что иначе их заберут турки. Вряд ли хан всерьез надеялся получить их, во всяком случае, с царя можно было содрать огромные поминки (то есть единовременную дань). О Казани и Астрахани царь Иван резонно ответил: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их».

Весной 1569 г. в Кафу морем прибыло 17-тысячное турецкое войско. Султан отдал приказ кафинскому паше Касиму возглавить войско, идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгой, а затем взять Астрахань. Вместе с турками в поход двинулся и хан Девлет Гирей с 50 тысячами всадников. Турецкие суда, везшие тяжелые пушки, плыли по Дону от Азова до Переволоки.

На одном из судов в числе других пленных, служивших гребцами, находился Семен Мальцев, отправленный из Москвы послом к ногайцам и

захваченный турками у Азова. «Каких бед и скорбей не потерпел я от Кафы до Переволоки! — писал Мальцев. — Жизнь свою на каторге мучил, я государ-ское имя возносил выше великого царя Константина. Шли каторги (суда) до Переволоки пять недель, шли турки с великим страхом и живот свой отчаяли; которые были янычары из христиан, греки и волохи дивились, что государевых людей и Козаков на Дону не было; если бы такими реками турки ходили по Фряжской и Венгерской земле, то все были бы побиты, хотя бы Козаков было 2000, и они бы нас руками побрали: такие на Дону крепости (природные укрепления, удобные для засад) и мели».

В первой половине августа турки достигли Переволоки и начали рыть канал. Естественно, прорыть его за 2–3 месяца было нереально. В конце концов паша Касим отдал приказ тащить суда волоком. При этом Девлет Гирей и его татары вели пораженческую пропаганду среди турок, стращали их суровой зимой и бескормицей, что, в общем-то, было вполне справедливо. Но тут турок выручили астраханские татары, пригнавшие по Волге необходимое число гребных судов. Используя их, Касим в первой половине сентября подошел к Астрахани, но штурмовать ее не решился. Вместо этого он остановился ниже Астрахани на старом городище, решив там построить крепость и зимовать.

Но 50-тысячная татарская орда не могла зимовать в Астрахани. Как уже говорилось, крымские татары никогда не вели длительных осад. Поэтому Касим был вынужден отпустить татар на зимовку в Крым. Но тут взбунтовались янычары. Мальцев писал: «Пришли турки на пашу с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий запас дал нам на три года. А ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем».

Одновременно из Астрахани русские через пленного подбросили Касиму дезинформацию. Мол, вниз по Волге на помощь Астрахани идет князь Петр Серебряный с 30 тысячами судовой рати, а полевому государю под Астрахань отпустил князя Ивана Бельского со 100 тысячами войска. К ним собираются примкнуть ногайцы, а персидский шах, давний враг султана, воспринял поход турок к Астрахани как попытку создания базы для операций против Персии и шлет к Астрахани свои войска.

Как видим, «деза» была весьма убедительна и правдоподобна. Нервы у Касима сдали, и 20 сентября турки зажгли свою деревянную крепость и побежали от Астрахани. В 60 верстах выше Астрахани Касиму встретился

гонiec от султана Селима II, который требовал, чтобы Касим зимовал под Астраханью, а весной туда прибудет сильное турецкое войско. Увы, остановить бегущее войско грамотой султана не удалось. Мало того, хитрый Девлет Гирей повел турок в Азов не прежней дорогой вверх по Волге, а там не через Переволоку на Дон и вниз по реке, а через пустынные степи, так называемой Кабардинской дорогой. Из-за отсутствия воды и пищи погибло много турок. Многие говорили, что новый султан Селим несчастлив, раз так неудачно закончили первый поход его войска.

В 1570 г. Иван Грозный направил дьяка Новосильцева в Стамбул под предлогом поздравления Селима II с восшествием на престол. Дьяк изложил султану русскую версию покорения Казани и Астрахани: «Государь наш за такие их неправды ходил на них ратью, и за их неправды бог над ними так и учинил. А которые казанские люди государю нашему правдою служат, те и теперь в государском жалованьи по своим местам живут, а от веры государь их не отводит, мольбищ их не рушит: вот теперь государь наш посадил в Касимове городке царевича Саип-Булата, мизги-ти (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурмаском законе, и ни в чем у него воли государь наш не отнял: а если б государь наш бусурманский закон разорял, то не велел бы Саип-Булат среди своей земли в бусурмаском законе устраивать».

Солидную взятку, «жалованье», русские послы отвалили султанову фавориту Мах-мету-паше. Русским дипломатам не удалось добиться признания захвата Астрахани и заключения мира, но от намерения посылать турецкие войска как против Астрахани, так и против России вообще, Селим отказался.

Зато Девлет Гирей, избавившись от турецких войска, счел себя достаточно сильным, чтобы потребовать у Ивана IV Казань и Астрахань. Весной 1571 г. хан собрал 120-тысячную орду и двинулся на Русь.

Иван Грозный поспешил уехать «по делам» в Александровскую слободу, а оттуда — в Ростов. При этом в походе хана он обвинил «изменников бояр», назвавших татар.

24 мая хан подошел к Москве. В предместьях города завязался бой, и татары сумели поджечь окраины Москвы. Был сильный ветер и жара, и за три часа пожар истребил громаду сухих деревянных строений. Уцелел только Кремль. По сведениям иностранцев, в огне погибло до 800 тысяч человек. Данные эти, видимо, преувеличены, но не следует забывать, что в Москву, спасаясь от татар, сбежало много народу из окрестностей. По русским данным, людей погорело бесчисленное множество. Митрополит с духовенством просидели в со- борной церкви Успения. Первый боярин,

князь Иван Дмитриевич Бельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребке. «Других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: специально были поставлены люди спускать трупы вниз по реке. Хоронили только тех, у кого были родственники или знакомые».

Пожар мешал татарам грабить в предместьях. Осаждать Кремль хан не решился и ушел с множеством пленных, по некоторым данным, до 150 тысяч, услышав о приближении большого русского войска. Когда Иван возвращался в Москву, то в селе Братовщине, на Троицкой дороге его встретили послы Девлет Гирея, подавшие ему ханскую грамоту. Там было сказано: «Жгу и постошу все из-за Казани и Астрахани, а всего света богатство применяю к праху, надеясь на величество божие. Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы; но ты не пришел и против нас не стал, а еще хвалишься, что-де я московский государь! Были бы в тебе стыд и дородство, так ты б пришел против нас и стоял. Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наши юрты — Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать — ненадобно; желание наше — Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видел и опознал».

Иван ответил хану льстивой грамотой: «Ты в грамоте пишешь о войне, и если я об этом же стану писать, то к доброму делу не придем. Если ты сердишься за отказ к Казани и Астрахани, то мы Астрахань хотим тебе уступить, только теперь скоро этому делу стать нельзя: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал сроки, и земли наши не воевал». Одни историки уверяют, что царь трусил, а другие, что это была военная хитрость и он тянул время. Я думаю, что имело место и то, и другое. Иван был столь же хитер, сколь и труслив.

В ответном письме Девлет Гирей писал царю: «Что нам Астрахань даешь, а Казани не даешь, и нам то непригоже кажется: одной и той же реки верховье у тебя будет, а устью у меня как быть!»

Летом 1572 г. хан со 120-тысячной ордой опять двинулся к Москве. В 50 км от Москвы на берегу реки Лопасни Девлет Гирей был перехвачен князем Михаилом Ивановичем Воротынским. В кровопролитном бою татары потерпели поражение и бежали в Крым с большими потерями. После этого хан переменял тон и прислал сказать Ивану: «Мне ведомо, что у царя и великого князя земля велика и людей много: в длину земли его ход девять месяцев, поперек — шесть месяцев, а мне не дает Казани и Астрахани! Если он мне эти города отдаст, то у него, и кроме них, еще

много городов останется. Не даст Казани и Астрахани, то хотя бы дал одну Астрахань, потому что мне срам от турецкого: с царем и великим князем воюет, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет и ничего с ним не сделает! Только царь даст мне Астрахань, и я до смерти на его земли ходить не стану; а голоден я не буду: с левой стороны у меня литовский, а с правой — черкесы, стану их воевать и от них еще сытей буду: ходу мне в те земли только два месяца взад и вперед».

Я умышленно привожу длинные, возможно, скучные для части читателей цитаты из писем крымских ханов, дабы не вызывать упреков в предвзятости к крымским татарам. Сам хан открыто признается, что его народ — банды разбойников и без грабежа они помрут с голоду, но поскольку есть возможность грабить слева и справа, они могут дать Руси и несколько лет пожить спокойно.

Иван в ответной грамоте также переменял тон: он отвечал хану, что не надеется на его обещание довольствоваться только Литовской и Черкесской землей. «Теперь, — писал он, — против нас одна сабля — Крым; а тогда Казань будет вторая сабля, Астрахань — третья, ногаи — четвертая»». Грозный обожал в письмах подкалывать своих оппонентов. Не удержался и тут, напомнил о хвастливых словах хана о Казани и Астрахани: «Поминки я тебе послал легкие, добрых поминков не послал: ты писал, что тебе ненадобны деньги, что богатство для тебя с прахом равно».

На этом, собственно, и закончилась борьба за Казань и Астрахань. Более никто не пытался оспаривать у России этих городов. По крайней мере до времен Ельцина.

Глава 20

Борьба русского народа с татаро-турецкой агрессией

Название главы наверняка ассоциируется у читателя с учебником истории 40 — 60-х гг. XX века. Тем не менее именно такой заголовок больше всего соответствует событиям XVI–XVII веков. Борьбу с татарами и турками параллельно вели Московское государство и вольные русские люди — запорожские и донские казаки.

Вольные казаки и государство в XVI–XVII веках в большинстве случаев действовали независимо друг от друга. Причем стратегия Московского государства в борьбе с Крымом сводилась к пассивной обороне (за редкими исключениями), а казаки предпочитали молниеносные войны.

Уже при великом князе Василии III в 1512 г. была составлена первая «ропись» русских полков для обороны «крымской украины». Воеводы с полками размещались вдоль Оки — в Кашире, Серпухове, Тарусе, Рязани, «на Осетре»; и по берегу Угры. В 1513 г. пять полков были направлены в Тулу.

Охрана «берега» от татарских набегов стала общегосударственной повинностью. На Оку прибывали отряды из самых отдаленных областей Руси. Например, отряд из Великого Устюга стоял «на перевозе на Кашире», а потом «стояла сила устюжская заставою на стороже на Оке, на устьи реки Угры от Орды». Отряды, оборонявшие «берег», формировались из «детей боярских», «посошных» и «пищальников».

В начале XVI века оборона Московского государства от татар включала в себя укрепленные линии по берегам рек Оки и Угры, где стояли русские полки, и действия «легких воевод» «за рекой».

Первый набег крымских татар на Московское государство состоялся где-то между 1500 и 1503 гг. Во всяком случае, осенью 1503 г. московские послы жаловались хану Менгли Гирею на нападения татар на Чернигов. В 1511 г. крымские татары дошли до Оки. В дальнейшем в каждое десятилетие происходило по несколько походов татар. Вот некоторые примеры. В 1527 г. крымцы дошли до Оки, а затем разорили Рязанщину. В среднем один татарин привел из похода по 5–6 пленников. Крымский хан получил только в виде «тамги» (налога) с продажи русских пленных 100

тысяч золотых.

В XVI–XVII веках считалось успехом, если московские воеводы останавливали крымцев на Оке, а это сделать удавалось, увы, не всегда.

С 1580 по 1590 г. русские строят южную линию городов-крепостей — Белгород, Воронеж, Валуйки, Елец, Кромы, Курск, Лебедянь, Ливны, Оскол, Царев-Борисов. Города-крепости соединялись между собой малыми укреплениями и «засечными чертами». «Засечные черты» представляли собой в 100 метров шириной полосы поваленных верхушками на юг деревьев, укрепленные валами. Вдоль всей черты располагались дозорные вышки и укрепленные пункты — остроги. Эти меры в известной степени ослабили набеги татар, прорывы крымцев к Оке стали редкостью.

Тульский участок Большой засечной черты

Смута на Руси в начале XVII века существенно ослабила обороноспособность государства. С 1607 по 1618 г. татары разрушили города Волхов, Данков, Дедилов, Елец, Епифань, Калугу, Карачев, Козельск, Крапивну, Кромы, Лебедянь, Мещерск, Михайлов, Ливны, Лихвин, Перемышль, Путивль, Орел, Оскол, Рязск, Серпухов, Серпейск, Царев-Борисов, Чернь, Шацк.

В июле 1632 г. 20-тысячное татарское войско разграбило Елецкий, Карачевский, Ливенский, Мценский, Новосильский и Орловский уезды. Только в октябре татары ушли домой. В июне 1633 г. 20-тысячное татарское войско во главе с Мубарек Гиреем razорило приокские уезды — Алексинский, Калужский, Каширский, Коломенский, Серпуховской, Тарусский и даже Московский за Окой.

В ответ Московское правительство в 1635 г. начало грандиозные по своим масштабам строительные работы на новой линии — «Белгородской черте», протянувшейся на 800 км от реки Ворсклы (приток Днепра) до реки Челновой (приток Цны). Это была сплошная укрепленная линия с вновь построенными десятками крепостей, с валами и рвами. «Белгородская черта» проходила от Ахтырки через Вольный, Хотмышск, Карпов, Белгород, Корочу, Яблонов, Новый Оскол, Уверд, Ольшанск, Воронеж, Орел, Усмань, Сокольск, Добрый, Козлов до Тамбова. Строительство ее было в основном завершено к 1646 г., а доделки продолжались еще 10 лишним лет.

При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче были построены еще две засечные черты — Симбирская (1648–1654 гг.) и Сызранская (1683–1684 гг.). Строительство защитных линий продолжалось вплоть до присоединения Крыма к России.

Однако, несмотря на мужество русских воевод и простых ратников,

несмотря на огромные средства, вложенные в строительство защитных линий, татарские набеги не прекращались. Только в первой половине XVII века татары увели в плен 150–200 тысяч человек.

Огромные суммы ежегодно выплачивала Русь крымским ханам и мурзам в качестве «поминок». Московское государство брало на себя все расходы на содержание татарских послов. За первую половину XVII века на эти цели было израсходовано из московской казны около миллиона рублей, то есть в среднем по 26 тысяч рублей в год. Деньги по тем временам огромные — на них можно было построить четыре новых города.

Причина была в неверной стратегии русских царей. Оборона хороша только тогда, когда она непроницаема для противника или по крайней мере наносит неприемлемый уровень потерь ему. Причем последнее справедливо только для цивилизованного противника. Для войны с татарами эффективной могла быть только наступательная тактика. Причем все нормы так называемого военного или международного права тут неприемлемы. Они годятся только для Европы, и дело тут не в расизме, а в здравом смысле.

Возьмем для примера деревушку Артаньян на юге Франции. Из ее жителей в течение многих столетий воевало только одно семейство — дворяне д'Артаньяны, а прочие обитатели деревни только кормили их. Когда деревню занимали испанцы, жители кормили испанцев, и т. д. Поэтому убийство мирных жителей противоречило здравому смыслу, и, соответственно, сформировались нормы морали и права.

Жители же селения, живущие столетиями разбоем, все являются разбойниками. Пресечь бандитизм временно можно, поставив рядом крепкий гарнизон, но как только гарнизон уйдет, разбои возобновятся. Навсегда же покончить с разбоем можно, только уничтожив все население или, изолировав муж чин, ассимилировать женщин и детей с мирным населением.

Поэтому наступательные действия казаков против татар и турок в XVI–XVII веках по критерию «эффективность — стоимость» на порядок или два порядка превосходили оборонительные мероприятия русских царей в конце XV — начале XVI веков.

Почти одновременно на Днепре и Дону появились вольные русские — казаки. Сейчас украинские националисты пытаются отделить запорожских казаков от донских и считают их представителями украинского народа. В XV–XVI веках не было украинского народа. Запорожские казаки сами считали себя русскими, говорили и писали по-русски с небольшими вкраплениями местных выражений, то есть можно говорить о диалекте

запорожцев, а точнее — «сленге». Запорожские казаки часто уходили на Дон и наоборот, донские — на Днепр, и никто никого не считал иностранцами.

Запорожцы совершали конные и морские походы на татар. Объектом конных походов были татарские орды, кочующие в Северном Причерноморье, турецкие крепости между Днепром и Дунаем, а также Крым. Казацкие же суда — чайки — ходили по всему Черному морю.

В 1516 г. казаки осадили турецкий город Аккерман, а в 1524 г. отмечен первый поход запорожцев на Крым. В 1545 г. казаки спустились на чайках к Очакову и разграбили его окрестности, а также захватили турецких послов к польскому королю Сигизмунду-Августу.

С середины второй половины XVI века казаки все более активно действуют на Черном море. Флотилия запорожских чаек с кошевым атаманом Фокой Покатило в 1574 г. прошла Черным морем до Днестровского залива, где казаки сожгли город Аккерман.

В октябре 1575 г. в отместку за набег татар на Украину атаман Богданко с конным отрядом прорвался через Перекоп и опустошил Северный Крым. Затем Богданко совершил несколько морских походов на Козлов (Гезлев, современная Евпатория), Трапезунд и Синоп.

В 1589 г. казаки опять напали с моря на город Козлов и разорили его, а на обратном пути разрушили город Аккерман.

Турки пытались закрыть для казаков устья Днепра и Дона. На Дону они построили крепость Азов, а в Днепро-Бугском лимане — Очаков. Кроме того, выше по Днепру и Дону были построены малые крепости Кызы-Кермен, Тавань и Аслан. Однако это не остановило казаков. Часто они прорывались мимо крепостей, часто перетаскивали чайки по суше в обход. Кроме того, запорожцы поднимались вверх по левому притоку Днепра реке Самаре, потом шли по одному из ее притоков, от которого начинался волок. Отсюда чайки попадали в одну из рек, впадающих в Азовское море. Скорее всего, это была река Кальмиус, впадающая в Азовское море у современного Мариуполя. А донские казаки использовали реку Миус. Они поднимались вверх по Дону, перетаскивали струги в Миус и выходили в море, минуя Азов.

В 1605–1606 гг. казаки захватили города Аккерман и Ки-лию, а также взяли штурмом самую сильную турецкую крепость на западном побережье Черного моря Варну.

В 1615 г. запорожцы разорили окрестности Стамбула. Близ устья Дуная казаков нагнала турецкая эскадра. Однако нападение турок было отбито, причем казаки захватили несколько галер. На трофейных галерах

казаки дошли до устья Днепра, где их и сожгли.

В 1616 г. в сражении в Днепро-Бугском лимане казаки захватили 15 турецких галер, а затем на чайках и галерах отправились к Анатолийскому побережью, где разрушили Трапезунд и Синоп.

В 1620 г. запорожцы на 150 чайках погуляли у берегов Болгарии, в очередной раз была взята и сожжена Варна.

В 1621 г. 1300 донских казаков и 400 запорожцев вышли ранней весной в Азовское море. Атаманы Суляно, Шило и Яцек избрали целью похода город Ризе на юго-западном берегу Черного моря. Казаки взяли штурмом дворец паши, понеся большие потери. На обратном пути казаков застал сильный шторм, во время которого затонуло много стругов. Тут на них напала турецкая эскадра из 27 галер. Только 300 донцов и 30 запорожцев на восьми стругах прорвались в Дон и вернулись домой.

В июне 1621 г. 16 чаек появились у Стамбула, в городе началась паника. Казаки прошли вдоль берега Босфора, разоряя и сжигая все села на своем пути. На обратном пути в районе устья Дуная произошло сражение казаков с эскадрой капуда-на-паши Халиля. Несколько чаек туркам удалось захватить. Пленных казаков публично казнили в городе Исакчи на Дунае в присутствии самого султана: давили слонами, разрывали галерами на части, закапывали живьем, сжигали в чайках, сажали на кол. Осман II с удовольствием смотрел на казни и даже принимал в них активное участие. Разъезжая на коне возле истязаемых казаков, он стрелял в них из лука почти без промахов, так как был искусным стрелком, а головы убитых казаков султан приказывал солить и отправлять в Константинополь.

В том же году произошел и «дебют» молодого атамана Богдана Хмельницкого, который вывел в Черное море флотилию чаек. В августе 1621 г. в морском бою запорожцы утопили 12 турецких галер, а остальные преследовали до Босфора.

Весной 1622 г. на Дон прибыл отряд запорожцев с атаманом Шило. Вместе с донцами они двинулись на стругах вниз по Дону. В устье реки казаки атаковали турецкий караван и захватили три судна. Затем казаки пограбили татар в районе Балыклеи (Балаклавы), погуляли у Трапезунда и, не дойдя 40 км до Стамбула, повернули назад. На обратном пути их перехватила турецкая эскадра из 16 галер. В бою погибло 400 казаков, а остальные благополучно вернулись на Дон.

В июне 1624 г. около 350 чаек опять прорвались в Черное море. Через три недели чайки вошли в Босфор и двинулись к Константинополю. Турки срочно отремонтировали большую железную цепь, сделанную еще византийцами, и заперли ею залив Золотой Рог. Казаки сожгли Буюк-Дере,

Зенике и Сдег-ну, а затем уплыли обратно.

В следующем 1625 г. 15 тысяч донских и запорожских казаков на 300 чайках из Азовского моря вышли в Черное море и двинулись к Синопу. С ними в сражение вступили 43 турецкие галеры под командованием Редшида-паши. Вначале казаки брали верх, но затем ветер подул в лицо казакам. В результате они потерпели неудачу. Было потоплено 270 чаек, а 780 казаков попало в плен. Часть из них была казнена, а часть отправлена навечно на галеры.

Монах-доминиканец Э. д'Асколи, побывавший в Крыму в 1634 г., писал, что казаки в 20 —30-х гг. XVII века неоднократно штурмовали турецкую крепость в Керчи, но взять ее не смогли. Зато Судакская долина стала необитаемой от казачьих набегов. Д'Асколи посетил город Инкерман (район нынешнего Севастополя), до основания разрушенный казаками.

Походы казаков происходили почти каждый год, и обо всех просто нет возможности упомянуть.

В 1628 г. донские казаки захватили Балаклаву, затем поднялись в горы и напали на город Карасубазар. Не имея возможности унять донцов, крымский хан написал кляузу в Москву: «Казаки их крымские улусы повоевали и деревни пожгли и лутчей город Карасов (Карасубазар — А.Ш.) выжгли, и ныне-де казаки стоят в крымских улусах и шкоды людям их чинят».

В 1631 г. 1500 донцов и запорожцев высадились в Крыму в Ахтиарской бухте, то есть в будущем Севастополе, и двинулись в глубь полуострова. 8 августа казаки взяли «большой город» в Козлове, а татары отсиделись в «малом городе». Затем казаки ушли в море и высадились в Сары-Кермене, то есть в давно заброшенном и разрушенном Херсонесе. Здесь они устроили свою базу, из которой опустошали окрестности.

16 августа у Мангупа казаки встретились с войском Джа-нибек Гирея. Татары были разбиты, казаки захватили две пушки. Хан бежал из Бахчисарая. Но казаки по неясным причинам ушли назад, разграбив на прощание Инкерман.

Казачьи походы серьезно ослабили военный и экономический потенциал крымских ханов, да и самой Турции. Поэтому Москва со времен Ивана Грозного помогала донским и запорожским казакам, посылая им деньги, оружие и продовольствие. Особенно казаки ценили порох и пушки. Другой вопрос, что делалось это с перебоями и не удовлетворяло нужды казаков.

Серьезный ущерб взаимоотношениям казаков и Московского государства наносило непонимание русскими царями, начиная с Ивана

Грозного, сути Крымского ханства. Цари путали Крым с Австрией, Швецией или там Данией, посылали посольства, пытались заключать договоры в надежде получить мир на южных рубежах. Все эти планы проваливались, татары вопреки всем договорам вновь и вновь нападали на Русь. По пословице «на колу мочало, начинай сначала», после очередного набега в Крым с «поминками» тащились московские послы. При этом в качестве разменной монеты на «Бахчисарайском аукционе» царские дипломаты использовали казаков. Казаки собрались в поход, и вдруг из Москвы грамота — сидеть смирно, даже если татары нападут, ответных набегов не делать. В отдельных случаях казаки терпели, слушались Москву, а в большинстве случаев — нет. В ответ Москва прекращала поставки денег и оружия и запрещала купцам торговать с Сечью или Доном, то есть попросту вводила блокаду. Доходило до вооруженных конфликтов казаков и царских войск на радость басурманам. Хорошим примером непоследовательной политики Москвы стало знаменитое «Азовское сидение». В начале 30-х годов XVII века из Москвы на Дон пришло немало грамот с требованием «не задирать» турок, на море не ходить, городам Азову и Кафе «дурного не чинить». Донцы ворчали и терпели. Запорожцы же к этому времени не имели почти никаких связей с Москвой, и в 1634 г. гетман Войска Запорожского Сулима вышел по Днепру в Черное море, а далее через Керченский пролив прошел в Азовское море и осадил Азов. К запорожцам в инициативном порядке подошло несколько сотен донцов с пушками. Осада крепости длилась две недели и была снята из-за внезапного нападения ногайских татар на донские станицы.

В марте 1637 г. 4 тысячи запорожцев под началом Михаила Татаринова прибежали на Дон. К ним присоединилось 3 тысячи донцов, и они вместе двинулись к Азову. Часть казаков плыла на стругах, а конница шла берегом. 24 апреля казаки осадили Азов.

Азов представлял собой сильную крепость, а у казаков не было осадной артиллерии. Но среди казаков оказался хорошо знающий осадное дело немец, при переходе в православие принявший имя Иван. Кстати, среди запорожцев и донцов встречались немцы, французы и представители других европейских стран. Правда, чтобы вступить в товарищество, им приходилось принимать православие. Немец Иван подвел подкоп под стены Азова. В «Повести о взятии Азова» говорилось: «Вдень воскресенья, в четвертом часу дни (примерно в пять часов утра) месяца июня по 18 день тот мастер Иван по повелению атаманов и казаков в подкопе порох запалил. И ту град-ную стену вырвало и многих бусурманов за град с камением метало. И бысть аки молния великая от того порохового дыму».

Донцы и запорожцы пошли на штурм. Азов был взят. Все мусульмане, включая мирных жителей, перебиты, русские невольники освобождены, а греки, жившие в Азове, отпущены восвояси. В Азове казаки захватили 200 турецких орудий. Донские казаки остались в Азове, а запорожцы с добычей удалились в Сечь.

Узнав о взятии Азова, царь Михаил очень напугался и отправил грамоту турецкому султану, где утверждалось, что казаки взяли Азов «воровством», донские-де казаки издавна воры, беглые холопы и царских приказаний не слушают, а войско посылать на них нельзя, потому что живут они в дальних местах: «И вам бы, брату нашему, на нас досады и нелю-бья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азов взяли: это они сделали без нашего повеленья, самовольством, и мы за таких воров никак не стоим, и ссоры за них никакой не хотим, хотя их, воров, всех в один час велите побить; мы с вашим султановым величеством в крепкой братской дружбе и любви быть хотим».

Тем не менее «воровское» взятие Азова существенно изменило обстановку в регионе. Прекратились набеги крымцев на русские земли. Крымского хана начали покидать ногайские мурзы и откочевывать обратно к Волге, «под руку» русского государя. Всего на русскую сторону Дона перешло 30 тысяч «черных улусных людей». Ногайский мурза Янмамет с семьей и отрядом в 1200 всадников бежал из Крыма прямо в Азов. Часть ногайцев расположилась кочевьями вблизи Азова, принеся «шерть» (клятву на верность) русскому царю, остальные пошли дальше, к Астрахани.

Первоначально гарнизон Азова составлял 4 тысячи донских казаков, многие из которых перевезли в город свои семьи. Вскоре прибыло на «житьё» 700 запорожцев. Появились купцы, открылись лавки. Турецкий же султан увяз в войне с Персией и не мог отправить против казаков больших сил.

Персидская война закончилась в 1639 г., и султан Мурад IV начал готовиться к походу на Азов, но в 1640 г. он умер. Новый султан Ибрагим сумел начать поход лишь в мае 1641 г. По разным сведениям, султан отправил к Азову от 100 до 240 тысяч турок и татар. В городе же было 5367 казаков и 800 женщин.

В июне 1641 г. началась осада города. Турки доставили под Азов 120 осадных («ломовых») пушек и 32 мортиры. Туркам удалось захватить земляной город, но осажденные укрылись в цитадели, взять которую турки так и не смогли. Между тем наступила осень. Зимой Азовское море замерзает, и турки могли лишиться подвоза продовольствия. Кроме того, неизвестно откуда в турецком лагере возник слух, что к Азову идет царь

Михаил с большим войском. В итоге 26 сентября 1641 г. турки сняли осаду и уплыли обратно, а татарская конница ушла в Крым. Потери турок и татар под Азовом превысили 20 тысяч человек. Султан Ибрагим был взбешен. Командующий осадной армией Гуссейн-паша скончался на обратном пути, зато другие начальствующие лица турецкой армии были казнены в Стамбуле.

Победа нелегко досталась казакам. Судьба Азова буквально висела на волоске. Теперь казакам стало ясно, что в следующий раз без помощи царских войск им город не удержать.

Приход же на Дон московских воевод мог положить конец казацкой вольности. Тем не менее казацкий круг решил отправить послов к царю с просьбой «взять Азов под свою руку». Казацье посольство возглавили атаман Наум Васильев и есаул Федор Порошин. С ними было 24 человека «лучших казаков». 28 октября 1641 г. казаки приехали в Москву.

Донские послы доложили государю московскому о том, что казаки «от турских и крымских и многих людей город Азов отсидели», но понесли большие потери, и гарнизон Азова находится теперь в крайне плачевном состоянии. Казаки попросили царя: «Чтоб велел государь, у нас принять с рук наших свою государеву вотчину Азов город».

Царь Михаил и его бояре долго колебались. В конце концов Михаил собрал 3 января 1642 г. Земской Собор, которому поручил решить вопрос об Азове. Мера эта формально была демократической, а на самом деле — глупейшей. Почти никто из делегатов Собора ранее не слышал вообще об Азове. Просто Михаилу не хотелось, чтобы инициатива отказа от Азова принадлежала царю, а с Земского Собора какой спрос — «партия никогда не ошибается». Дьяки насчитали фантастическую сумму — 221 тысячу рублей, которая бы понадобилась на занятие Азова. И никому не пришло в голову спросить, как это казаки удерживали Азов несколько лет «своим коштом», то есть на средства Войска Донского?

30 апреля 1642 г. в Азов была отправлена царская грамота, окончательно поставившая точку в азовском сидении. В грамоте говорилось: «...вам, атаманам и казакам, Азова города держать некем; а только принять не велим, а вам его покинуть и идти по старым своим куреням».

Делать было нечего, казаки вывезли из Азова все пушки и припасы, крепость была разрушена до основания.

Летом 1642 г. турецкие войска вновь подошли к Азову и немедленно приступили к строительству новой крепости. Крепость построили из камня, придав ей форму правильного четырехугольника. Крепость имела

бастионы и внутренний замок-цитадель. Стены окружали земляной вал и глубокий ров. Выше по реке на обоих берегах турки выстроили две башни, так называемые «каланчи», между которыми протянули железную цепь, чтобы перекрыть дорогу казачьим судам. В «каланчах» были установлены пушки, и постоянно находилось 20–50 янычар. На одном из рукавов Дона, Мертвом Донце, в 10 км к северу от Азова был построен каменный замок-форт Лютик, он прикрывал дальние подступы к крепости.

Расчеты московских бояр и царя на замирение с султаном не оправдались. 22 апреля 1643 г. большое турецкое войско внезапно напало на казачий городок Маныч, разорило и сожгло его. Всех оставшихся в живых казаков увели в плен в Азов. Через неделю турецкое войско напало на городки Черкасск и Монастырский Яр, разорило и разрушило их. В июне большое турецкое войско осадило Раздоры. Однако донцам удалось отстоять Раздоры, а в апреле 1644 г. они вернули Черкасск. В мае 4,5 тысячи казаков приходили под Азов. Зато летом турки перешли в контрнаступление.

В октябре 1643 г. донские атаманы жаловались царю, что турки «взяли и выжгли городок Кагальник и казаков многих порубили, а иных поймали». Но и теперь Михаил побоялся послать войска на Дон. Вместо этого казачьим атаманам было разрешено вербовать в Московском государстве «вольных людей». К 1645 г. на Дон отправилось не менее 10 тысяч «вольных людей». Но для отражения турецкой экспансии и этого было мало.

В мае 1646 г. в Черкасск пришел из Астрахани воевода Семен Романович Пожарский с отрядом из 1700 стрельцов и 2500 ногайцев. Туда же из Воронежа пришел воевода Конды-рев с тремя тысячами «вольных людей», набранных на Украине. Московские воеводы и казаки в 1646 г. ходили под Азов, но взять его не смогли. Раньше думать надо было!

Теперь турки сделали Азов неприступной крепостью. Однако азовский гарнизон не мог помешать морским походам донских казаков. В кампании 1646 и 1647 гг. казакам пришлось вернуться обратно из-за сильных штормов на Азовском море. Зато в 1651 г. донцы вновь пограбили окрестности Синопа, взяв 600 пленных, а на обратном пути захватили три торговых турецких судна.

В 1652 г. тысяча донских казаков под предводительством атамана Ивана Богатого подошла к окрестностям Стамбула.

Возвращались донцы домой с большой добычей и на обратном пути выиграли бой с десятью турецкими галерами.

В 1653 г. донцы в течение трех месяцев опустошали южный берег

Крыма от Судака до Балаклавы, а затем спалили Трапезу нд.

В 1655 г. 2 тысячи донских и 700 запорожских казаков взяли штурмом Тамань и два месяца держали в страхе весь Крым. В том же году другой отряд казаков захватил Судак и Кафу. Казаки также пытались занять окрестности Батума, но неудачно. Турецкий путешественник XVII века Эвлия-Эффенди писал, что казаки взяли крепость Гунию вблизи Батума. Но туда пришел Гази-Сиди-Ахмед-паша с большим войском и внезапно напал на казаков. Турки захватили казацкие чайки и 200 пленных. Остальным казакам удалось укрыться в крепости. Паша осадил крепость и целый день безуспешно пытался взять ее штурмом. К вечеру на помощь туркам подошло несколько тысяч местных горцев. Имея многократное превосходство в силах, нападающие завалили ров и стены фашинами, под прикрытием огня своей артиллерии ворвались в крепость и перебили казаков.

В 60 —70-х гг. XVII века несколько походов на басурман предпринял запорожский атаман Иван Дмитриевич Сирко. В 1660 г. он совершает морские походы на Очаков и Крым. Зимой и осенью 1663 г. казаки под его началом напали на Перекоп и разрушили крепость.

В октябре 1667 г. Сирко с двумя тысячами конных запорожцев ворвался в Крым через Перекоп. Взяв большую добычу и освободив 2 тысячи пленных, казаки благополучно вернулись домой.

В 1673 г. Сирко громил турок в районе Очакова, а затем с моря вторгся в Крым. Три летние кампании 1672–1674 гг. запорожцы гуляли по Черному морю, наводя ужас на турок.

В 1675 г. Сирко с большим войском, где вместе с запорожцами были донцы, русские и даже калмыки, двинулся в Крым. У Перекопа Сирко разделил свое войско. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов, Карасубазар и Бахчисарай и, обремененные добычей, отправились назад. Хан Эльхадж-Селим Гирей решил напасть на возвращавшихся казаков у Перекопа, но был атакован с двух сторон обеими частями запорожского войска и наголову разбит.

Казаки скоро двинулись домой. Вместе с ними шло 6 тысяч пленных татар и 7 тысяч русских рабов, освобожденных в Крыму. Однако около 3 тысяч рабов решило остаться в Крыму, причем многие из них были «тумы», то есть дети русских пленников, родившиеся в Крыму. Сирко отпустил их, а затем велел молодым казакам догнать их и всех перебить. После Сирко сам подъехал к месту бойни и сказал: «Простите нас, братья, а сами спите тут до страшного суда господня, вместо того, чтобы размножаться вам в Крыму, между бусурманами, на наши христианские

молодецкие головы и на свою вечную без прощения погибель».

В 1675 г. султан Мехмед IV прислал в Сечь письмо, в котором предлагал запорожским казакам признать свою зависимость от Турции и покориться ему как «непобедимому лица-рю». На что последовал знаменитый ответ запорожцев: «Ты — шайтан турецкий, проклятого черта брат и товарищ и самого Люцифера секретарь! Какой ты с черту лицарь?» Заметим, что письмо, опубликованное в конце XIX века русской прессой, было сильно искажено цензурой, поскольку казаки не стеснялись в выражениях. Кончалось подлинное письмо так: «Вот как тебе казаки ответили, плюгавче! Числа ж не знаем, ибо календаря не имеем, а день у нас який и у вас, так поцелуй же в сраку нас! Кошевой атаман Иван Сирко со всем кошем запорожским».

12 июня 1678 г. запорожские чайки под командованием Сирко напали в Днепро-Бугском лимане на турецкую флотилию, везшую припасы в Очаков. Уйти удалось лишь одному турецкому судну.

О подвигах донских и запорожских казаков можно написать не одну сотню страниц. Я же закончу рассказ письмом Сирко крымскому хану Мурад Гирею (1679 г.): «Нейди вторично на нас войною, не то опять и мы к тебе придем... Мы брали Синоп и Трапезунд, мы разоряли берега азиатские, мы Белграду крылья прижигали; Варну, Измаил и многие крепости Дунайские мы обращали в ничто... Наследники давних запорожцев, мы идем по их следам; не хотим с вами ссориться, но ежели видим опять вас зачинщиками, то не побоимся опять к вам прийти».

Глава 21

Голицынские походы

В 1683 г. турецкий султан Мехмед IV предпринял большой поход на Австрию. В июле 1683 г. его войска осадили Вену. Город был на грани гибели, но его спасло появление армии польского короля Яна Собесского. 1 сентября 1683 г. турки были наголову разбиты под Веной.

В 1684 г. в войну с Турцией вступила Венеция. В том же году австрийские войска заняли большую часть Хорватии, которая вскоре стала австрийской провинцией. В 1686 г., после полутора веков турецкого господства, город Буда был взят австрийцами и вновь стал венгерским городом. Венецианцы с помощью мальтийских рыцарей захватили остров Хиос.

Московское государство не могло упустить столь благоприятную возможность наказать крымского хана. По приказу царевны Софьи (формально — от имени малолетнего Петра и его брата слабоумного Ивана) осенью 1686 г. была начата подготовка похода в Крым.

Еще в 1682 г. царский посланник Тараканов дал знать из Крыма, что хан Мурад Гирей для получения подарков велел схватить его, привести к себе на конюшню, «бить обухом, приводить к огню и стращать всякими муками». Тараканов заявил, что ничего лишнего сверх прежней дани не даст. Его отпустили в стан на реку Альму, предварительно дочиста ограбив. Поэтому правительница Софья велела объявить хану, что московских посланников он уже не увидит больше в Крыму, что нужны переговоры, и прием даров будет производиться теперь за границей.

Осенью 1686 г. московское правительство обратилось к войскам с грамотой, где говорилось, что поход предпринимается для избавления Русской земли от нестерпимых обид и унижения. Ниоткуда татары не уводят столько пленных, как из нее; продают христиан как скот; ругаются над верой православной. Но и этого мало. Русское царство платит татарам ежегодную дань, за что терпит стыд и укоризны от соседних государств, а границ своих этой данью все ж не охраняет. Хан берет деньги и бесчестит русских гонцов, разоряет русские города. От турецкого султана управы на него нет никакой.

Во главе 100-тысячного войска выступил в поход «большого полка дворовый воевода, царственныя большия печати и государственных

великих посольских дел сберегатель» и наместник Новгородский князь Василий Васильевич Голицын.

Крымскому походу царевна Софья придавала большое значение. Василий Васильевич Голицын был ее любовником, и его успех в Крыму существенно увеличивал потенциал Софьи в борьбе за власть со сторонниками Петра. Вместе с русскими войсками в походе должны были принять участие и украинские казаки под начальством гетмана Ивана Самойловича.

Лишь в начале 1687 г. голицынская армия двинулась на юг мимо Полтавы, через Коломак, реки Орел и Самару к Конским Водам. Двигалось войско крайне медленно, с большими предосторожностями, хотя о татарах не было и слуха.

Во время похода все войска сосредотачивались в одну громадную массу, имевшую форму четырехугольника, больше версты по фронту и 2 версты в глубину. В середине шла пехота, по бокам — обоз (20 тысяч повозок), рядом с обозом — артиллерия, прикрытая конницей, на которую возлагалась разведка и охранение. Вперед был выдвинут авангард из пяти стрелецких и двух солдатских (Гордона и Шепелева) полков.

На реке Самаре к армии присоединились 50 тысяч малороссийских казаков гетмана Самойловича.

Только через пять недель войско достигло реки Конские воды, преодолев за это время 300 верст. Но Голицын доносил в Москву, что он идет «на Крым с великим поспешанием».

13 июня армия переправилась через Конские воды, за которыми уже начиналась степь, и расположилась лагерем в урочище Большой Луг, недалеко от Днепра. Здесь вдруг выяснилось, что степь горит на огромной площади — с юга неслись тучи черного дыма, отравляя воздух нестерпимым смрадом. Тогда Голицын собрал старших военачальников на совет. После долгих рассуждений поход решили продолжить.

14 июня войско выступило из Большого Луга, но за двое суток преодолело не более 12 верст: степь дымилась, травы и воды не было. Люди и лошади едва двигались. В армии появилось много больных. В таком состоянии войска добрались до пересохшей речки Янчокрак.

К счастью, 16 июня пошел проливной дождь, Янчокрак наполнилась водой и выступила из берегов. Воеводы, приказав выстроить мосты, перевели армию на другой берег в надежде, что ливень оживил степь. Но ожидания эти не оправдались, вместо травы степь была покрыта грудами золы.

Совершив еще один переход, Голицын вновь, 17 июня, собрал совет.

До Крыма оставалось не менее 200 верст пути. Армия, правда, не встретила еще ни одного татарина, но обессиленные бескормицей лошади не могли тащить пушки, а люди рисковали умереть с голода. На совете было решено возвращаться в пределы России и ожидать там царского указа, а для прикрытия отступления от нападения татар отрядить к низовьям Днепра 20 тысяч московских войск и столько же малороссийских казаков.

18 июня главные силы поспешно двинулись назад той же дорогой, оставив далеко позади себя обозы. 19 июня Голицын послал в Москву донесение, где главной причиной неудачи назвал пожар в степи и нехватку конского корма.

Татары и ранее постоянно поджигали степь при подходе неприятеля. Но тут малороссийские недруги Самойловича подали донос Голицыну, что поджог степи был совершен казаками по приказу Самойловича. Князю и его воеводам тоже надо было найти виноватого. Князь наябедничал Софье, и через две недели Самойлович был лишен гетманской булавы.

25 июля 1687 г. на реке Коломаке состоялась Рада, на которой «вольными голосами малороссийских казаков и генеральской старшины» был выбран гетман Иван Степанович Мазепа. Его избранию гетманом сильно способствовал князь В.В. Голицын.

Второй поход в Крым князь Голицын начал в феврале 1689 г. Голицын предполагал прийти в Крым ранней весной, чтобы избежать степных пожаров и летнего зноя. Войска собирались в Сумах, Рыльске, на Обояни, в Межеречах и в Чугуеве. Всего собралось 112 тысяч человек, не считая малороссийских казаков, которые, как и в первом походе, должны были присоединиться на реке Самаре. В состав армии входило 80 тысяч войск «немецкого строя» (рейтар и солдат) и 32 тысячи «русского строя», при 350 орудиях. Почти всеми полками командовали иноземцы, среди них Гордон и Лефорт.

В начале марта к Большому полку в Сумах прибыл В.В. Голицын. Гордон предложил главнокомандующему двигаться ближе к Днепру и через каждые 4 перехода устраивать небольшие укрепления, что должно было навести страху на татар и обеспечить тыл. Еще Гордон рекомендовал взять с собой стенобитные орудия и штурмовые лестницы, а также построить на Днепре лодки для захвата Кизикермена и других татарских укреплений.

Но Голицын оставил предложения Гордона без внимания и поспешил выступить в поход, чтобы успеть избежать степных пожаров. Войска выступили 17 марта. Первые дни стояла жуткая стужа, а потом внезапно наступила оттепель. Все это затрудняло движение армии. Реки разлились, и войска с большими сложностями переправились через реки Ворсклу,

Мерло и Дрель.

На реке Орел к Большому полку присоединилась остальная часть армии, а на Самаре — Мазепа со своими казаками. 24 апреля армия с двухмесячным запасом продовольствия потянулась левым берегом Днепра через Конские Воды, Янчок-рак, Московку и Белозерку к Коирке.

От Самары войска шли с большой осторожностью, высылая вперед конные отряды для разведки. Порядок движения, в общем, был тот же, что и в 1687 г., то есть крайне громоздкий и способствующий чрезвычайной медлительности.

Достигнув речки Коирки, Голицын отрядил двухтысячный отряд к Аслан-Кирменю, а сам двинулся на восток в степь, по направлению к Перекопу. 14 мая отряд, высланный к Аслан-Кирменю, вернулся, так и не дойдя до крепости.

15 мая во время перехода армии в Черную Долину по Ки-зикерменской дороге появились значительные силы татар. Это было войско Нуреддин-Калги, сына хана. В авангарде завязалась перестрелка, в ходе которой обе стороны понесли незначительные потери. После этого татары отошли, а русское войско вошло в Черную Долину.

На следующий день татары напали снова, стремительно обрушившись на тыл армии. Задние полки замялись, конные и пешие бросились в вагенбург, ^[261] но сильный огонь артиллерии остановил татар. Понесся здесь большие потери, татары бросились на левый фланг и сильно потрепали Сумской и Ахтырс-кий полки украинских казаков. Но и тут артиллерия остановила татар. Видя бессилие своей конницы против татар, воеводы поместили ее за пехотой и артиллерией, внутри вагенбурга.

Утром 17 мая татары показались снова, но, видя повсюду пехотные полки, не решились на них напасть и скрылись. Общее число потерь в русской армии за эти дни составило около 1220 человек. Донесение Голицына о трехдневном бое, о жестоких нападениях неприятеля и о блистательных победах было спешно отправлено в Москву.

Армия сделала еще два перехода и 20 мая подошла к Перекопу — слабо укрепленному городку. Впереди Перекопа стоял сам хан с 50-тысячным войском. Соединясь с сыном, он окружил и атаковал Голицына со всех сторон. Отогнав татар огнем артиллерии, Голицын приблизился к Перекопу на пушечный выстрел и хотел было ночью его атаковать.

Но тут-то и обнаружилась нерешительность неспособного Голицына. Решись он сразу, как и сам наметил, атаковать, победа еще могла бы ему достаться. Войско уже двое суток было без воды, в частях обнаружился недостаток хлеба, лошади дохли; еще несколько дней, и пушки и обоз

пришлось бы бросить. Готовясь к штурму, все воеводы на вопрос, как быть, дали ответ: «Служить и кровь свою пролить готовы. Только от безводья и от безхлебья изнужились, промышлять под Перекопом нельзя, и отступить бы прочь».

В результате слабовольный Голицын не рискнул штурмовать перекопские укрепления, а взамен этого вступил в переговоры с татарами. Он льстил себя надеждой, что хан, боясь нашествия на Крым, согласится на выгодные для России условия: на ук-райные города и Польшу войной не ходить; дани не брать и всех русских пленников освободить без размена. Хан же нарочно затягивал переговоры, зная, что русская армия не сможет долго стоять под Перекопом. Наконец 21 мая пришел ответ от хана. Он соглашался на мир лишь на прежних основаниях и требовал 200 тысяч рублей недополученной дани. Голицыну ничего не оставалось, как начать отступление.

Отступала русская армия в очень тяжелых условиях, по всей степи бушевали пожары. Гордон, командовавший арьергардом, впоследствии писал: «Армия наша находилась в большой опасности. Положение ее было бы еще затруднительней, если бы хан вздумал преследовать всеми силами. К счастью, у него было менее войска, чем мы воображали». Впрочем, это не помешало татарам преследовать русских целых 8 суток, не давая покоя ни днем, ни ночью.

29 июня на берег реки Мерло прибыл к войску окольный Нарбеков «с царским милостивым словом» и с повелением распустить людей по домам. «За столь славные во всем свете победы мы тебя жалуем милостиво и премилостиво и паки премилостиво похваляем», — так заканчивала Софья собственноручное письмо Голицыну. По возвращении из похода она осыпала богатыми наградами своего фаворита, воевод, офицеров и нижних чинов.

В Москве Софья заявила о большой победе московского войска и назвала Голицына вторым Моисеем, «проведшим людей своих по дну морскому». Но ей уже мало кто верил.

Неудача крымских походов сыграла свою роль в падении Софьи. В августе — сентябре 1689 г. сторонники семнадцатилетнего

Петра произвели государственный переворот и взяли всю власть в свои руки. Несколько сторонников Софьи были казнены, князь В.В. Голицын с семьей был отправлен в пожизненную ссылку. Этот очень «мягкий» для Петра приговор был вынесен под влиянием двоюродного брата фаворита — Алексея Борисовича Голицына, который с младенчества Петра служил у него «дядькой». Сама Софья была объявлена «ззорным

лицом» и заточена в Новодевичий монастырь, где и умерла в 1704 г.

Азовские же походы Петра автор относит к русско-турецким войнам, хотя крымские татары и принимали в них участие.^[262] В истории царствования Петра нам стоит отметить лишь один малоизвестный эпизод — разгром Запорожской Сечи. Благо, забывать было что.

31 октября 1708 г. Александр Данилович Меншиков осадил тогдашнюю украинскую (гетманскую) столицу город Батурин. Петр писал своему любимцу: «Батурин в знак изменникам (понеже боронились) другим на приклад сжечь весь». Письмо запоздало. Когда Алексашка его получил, город уже был разрушен до основания, причем не только казаки, но и все до единого мирные жители (6 тысяч человек, включая женщин и детей) были вырезаны. С остальными городами, где откажутся впустить русские войска, Петр приказал поступать, как с Батуриным. Петру и Меншикову удалось запугать большинство малороссийских казаков. Но, устроив батуринскую бойню, Петр оказал России поистине медвежьей услугу, вбив огромный клин в отношения с населением Украины, где Батурин помнят и по сей день.

В советских учебниках истории не упоминалось, что кроме небольшого числа реестровых казаков^[263] Мазепы к шведам с некоторым запозданием, в 4–5 месяцев, присоединились и запорожские казаки.

Петр, с одной стороны, пытался задобрить запорожцев, посылая им деньги, а с другой, двинул к Сечи войска. В марте 1709 г. 800 запорожцев столкнулись с тремя драгунскими полками бригадира Кампеля (всего 3 тысячи человек). Запорожцы изрубили 100 драгун и 90 взяли в плен, остальные разбежались. Потери запорожцев составили всего 30 человек.

27 марта кошевой атаман К. Гордиенко был принят шведским королем Карлом XII в местечке Великие Будища. А 1 апреля отряд запорожцев прибыл под Полтаву. У стен города казаки были обстреляны крепостной артиллерией русских. Тут Гордиенко решил похвастаться шведским офицерам мастерством казаков. По его приказу 100 казаков приблизились на 500 шагов (355 м) к валу и дали залп. На валу упало не менее 40 солдат. На башню выскочил офицер в ярком мундире. Один из запорожцев выстрелил, и тот упал. Заметим, что в русской армии в Крымскую войну предельная дальность стрельбы их пехотных ружей была 300 шагов.

Петр воспользовался пассивностью шведских войск и направил из Киева к Сечи на речных судах несколько тысяч солдат под командованием полковника Петра Яковлева. Берегом шли конные драгуны под командованием полковника Игната Галагана. 14 мая 1709 г. русские начали

штурм Сечи.

Казаков в Сечи было мало, так как до 15 тысяч их ушло с Гордиенко к шведам. В ходе штурма Игнат Галаган закричал казакам: «Кладите оружие! Сдавайтесь, то всем будет помилование!» Затем Галаган поклялся на кресте. Запорожцы поверили и сдались. И тут по приказу Яковлева и Галагана солдаты учинили побоище над безоружными. После резни уцелело 278 казаков, 2 монаха и 160 женщин и детей (последние, видимо, укрылись в Сечи из близлежащих зимовников). Из оставшихся в живых 5 человек умерло под пытками, 156 человек казнено — кому рубили головы, а кого вешали на плотах, а затем пускали вниз по Днепру. Надругательствам подвергли могилы казаков и чернецов. Солдаты вытаскивали мертвых из гробов, вешали их, сдирали кожу и т. п.

В Сечи русские захватили 36 медных и чугунных пушек, 4 мортиры и 12 гановниц (гаубиц). При штурме Сечи русские потеряли 294 человека убитыми и 142 ранеными.

28 июня 1709 г. в сражении под Полтавой русские войска разгромили армию Карла XII. Часть запорожцев, бывших в шведском войске, бежала вместе с королем в Бендеры, а часть была поймана русскими и казнена по приказу Петра.

Царь повелел «вооруженною рукой препятствовать селиться запорожцам вновь в Сечи или в другом каком-либо месте». Русские войска уничтожали городки и зимовники казаков и убивали всех, не разбирая ни пола, ни возраста.

Запорожцы были вынуждены уйти в турецкие владения. Там, в урочище Алешки на Днепре, казаки построили новую Сечь, где и жили 19 лет. Затем казаки жили два года у речки Чортомлык, потом опять спустились вниз по Днепру к устью реки Каменки, откуда в 1734 г. с разрешения императрицы Анны Иоанновны вернулись в Россию.

Тем не менее из песни слова не выкинешь, в 1710–1712 гг. запорожцы вместе с крымскими татарами совершили несколько походов на русские и украинские земли.

Глава 22

Походы Миниха и Ласси

15 мая 1735 г. в Петербурге было получено известие, что 70 тысяч крымских татар прошли по русской территории в поход на Персию. Это было достаточным «казус белли». В 1730–1733 гг. состоялось несколько нападений татар на Украину. Татары и Орлик^[264] продолжали будоражить запорожских и украинских казаков, посылали письма и эмиссаров.

В это время значительная часть русской армии находилась в Польше. В начале 30-х годов XVIII века в Польше выборы нового короля традиционно перерастали в гражданскую войну. Сторонникам Станислава Лещинского удалось захватить Варшаву. Тогда его оппоненты, сторонники саксонского курфюрста Августа, обратились за помощью к России.

Анна Иоанновна направила в Польшу армию фельдмаршала Бурхарда Кристофа Миниха (1683–1767), который быстро навел в стране порядок. Август воцарился в Варшаве, Лещинский бежал из Польши и отказался от притязаний на корону.

Французский флот, пришедший в порт Данциг с десантом помогать Станиславу, отправился восвояси несолоно хлебавши.

23 июля 1735 г. Миних получил грамоту от кабинет-министров, в которой говорилось, что императрица желает предупредить турок, которые намерены будущей весной напасть на Россию со всеми своими силами. Миниху приказано этой осенью предпринять осаду Азова. Для этого он должен прямо из Польши идти к Дону, а в Польше оставить 40-тысячное войско, чтоб его отсутствие не могло принести делам никакого вреда. Кабинет-министры требовали от Миниха соблюдения строжайшей секретности, от которой особенно зависел успех. «Повеление об азовской осаде, — писал Миних императрице, — принимаю я с тем большею радостью, что уже давно, как вашему величеству известно, я усердно желал покорения этой крепости, и потому жду только высокого указа, чтоб немедленно туда двинуться; при этом я надеюсь, что сделаны уже все приготовления к осаде, о которых предложено несколько лет тому назад и для которых генерал-квартирмейстер Дебриньи отправлен на Дон».

В августе 1735 г. Миних переправился через Дон и остановился в Новопавловске. Здесь 29 августа он получил высочайший указ. Ему предлагалось на месте решить — начать ли осаду Азова этой же осенью

или отложить до весны, а зимой держать крепость в тесной блокаде. Миних ответил, что выбирает последнее, но, чтоб не терять времени, немедленно отправится к украинской линии (пограничным укреплениям) в местечко Кишенки к тамошней армии, чтоб с ней предпринять поход на Крым, так как время для этого самое благоприятное, потому что татары перебрались на кубанскую сторону для персидского похода. В это время Миних избавился от неприятного для него человека: умер командовавший Украинской армией генерал Вейсбах, на которого была возложена крымская экспедиция. Вейсбах считал себя старше фельдмаршала и потому не хотел подчиняться ему. Жалуясь на Вейсбаха, Миних писал, что генерал Ласси, который также старше его, никогда не предъявлял подобных претензий.

В сентябре 1735 г., находясь в Полтаве, Миних и вся его свита заболели местной лихорадкой, но болезнь не помешала фельдмаршалу отправить в Крым генерал-лейтенанта Леонтьева.

Дело в том, что осадная артиллерия еще не прибыла, и вообще осадить Азов Миних готов не был. Чтобы создать видимость деятельности, Миних решил произвести диверсию против Крыма.

Генерал-лейтенант Леонтьев выступил в поход 1 октября, имея 39 795 человек, из которых большинство было «нерегулярного войска», и 46 орудий. Первоначально он двинулся от реки Орели по направлению к реке Самаре. От постоянной засухи вода в степных реках была очень низка, и войско свободно переправлялось через них.

6 октября Леонтьев стоял на речке Вороне, а на другой день достиг речки Осакаровки, где местами степь летом была выжжена татарами, но уже поднялась молодая трава, и армия в дровах, воде и корме для лошадей недостатка не имела. У реки Конские воды русские напали на аулы ногайских татар, убили более тысячи человек, захватили более 2000 голов рогатого скота, 95 лошадей, 47 верблюдов. Миних писал: «Причем наше войско со всякою бодростию поступило, и никому пощады не было».

Но этим успехи Леонтьева и ограничились. 13 октября начались затяжные дожди, ночи стали холодными. В войсках начались болезни людей и падеж лошадей. Больных приходилось возить с собой, так как в степях не было городов, где бы можно было устроить госпитали и оставить людей там. Армия начала терпеть различные лишения, а ей предстояло сделать еще десять переходов до крымских оборонительных линий.

16 октября в урочище Горькие Воды Леонтьев собрал военный совет, на котором поставил вопрос: идти ли далее или возвращаться? Ответ был, что надо возвращаться, потому что уже пало около трех тысяч лошадей,

захваченные татары и возвратившийся из Крыма посол сообщили, что далее леса и воды нет, до Перекопа еще десять дней пути, и в это время при такой погоде все лошади перемрут.

Леонтьев решил повернуть назад. Войска возвратились на Украину и к концу ноября разместились по зимним квартирам. Полки находились в очень плохом состоянии. В походе было потеряно около 9 тысяч человек и столько же лошадей. Подавляющее большинство потерь было небоевыми — болезнями, голод и т. п. Генерал-лейтенант Леонтьев был предан военному суду, но сумел оправдаться. В принципе, Леонтьев был прав, поскольку идея похода в Крым осенью принадлежала самому Миниху, а Леонтьев лишь выполнял приказ.

Наученный горьким опытом, Миних, планируя кампанию 1736 г., первым делом вызвал к себе в ставку Царицынку запорожского кошевого атамана Милашевича и других «знатных казаков». Фельдмаршал спрашивал их о численности войска. Запорожцы отвечали, что войско их ежедневно прибывает и убывает и поэтому о числе его подлинно показать никак нельзя, надеются, однако, собрать до 7 тысяч человек, хорошо вооруженных, но не все будут на конях. На вопрос, когда, по их мнению, удобнее идти в крымский поход, запорожцы отвечали: армия должна выступить в поход 10 апреля от реки Орели, потому что в это время в степи от недавних снегов и дождей воды достаточно, трава везде в полном росте и неприятелем сожжена быть не может. В Крыму нынешним летом был урожай, значит, и там армия в хлебе нуждаться не будет. Ногайцы против регулярного войска не устоят, и русская армия беспрепятственно войдет в Крым, перекопские укрепления остановить ее не смогут.

Еще до войны была создана база для действий против Азова. В 30 верстах от Азова на турецкой границе была выстроена крепость Святой Анны. Со второй половины 1735 г. в этой крепости началось сосредоточение русских войск и осадной артиллерии. В конце марта 1736 г. в крепость Святой Анны прибыл Миних.

17 марта Миних с войсками переправился через Дон и двинулся к Азову. О сосредоточении русских войск на границе и готовящемся нападении на Азов турки знали, но начало операции «прошляпили». Генерал-майор Спарейтер с 600 пехотинцами и отрядом казаков внезапно для турок атаковал и захватил каланчи — два укрепления на обеих сторонах Дона выше Азова. Русские не потеряли ни одного человека. Видимо, турки просто бежали при виде противника.

Только после взятия каланчей в Азове поднялась тревога. Турки начали беспрерывно палить из пушек, оповещая окрестных жителей о

начале боевых действий. Любопытно, что турецкое и татарское население не надеялось на стены Азова и предпочло бежать в степь.

24 марта тот же генерал Спарейтер штурмом взял форт Лютик недалеко от Азова. Русские потеряли одного офицера, трех солдат убитыми и 12 ранеными. В форте взято 20 чугунных и железных пушек, в плен попали командир форта и 50 янычар. Приблизительно столько же янычар было убито.

Крепость Азов была обложена со всех сторон. 27 марта Миних покинул осаждающих, временно оставив командовать русскими войсками генерала Левашова.

25 и 27 марта и 17 апреля осажденные предпринимали вылазки, успешно отраженные русскими. В этих боях особенно отличились донские казаки под командой атамана Крас-нощекова.

26 апреля под Азов прибыл граф Петр Петрович Ласси (1678–1751 гг.), произведенный в феврале того же года в фельдмаршалы. Торопясь прибыть в армию, граф отправился почти налегке, взяв с собой небольшой казацкий конвой, который шел на небольшом расстоянии от его почтовой кареты. От украинских линий до Изюма дорога идет по степи около 12 км. Тут на конвой напал отряд татар, бродивших по окрестности. Все казаки были рассеяны или взяты в плен. Фельдмаршал едва успел ускакать верхом, и его спасла жадность татар, которые бросились грабить его карету, иначе графу не избежать бы плена.

10 мая контр-адмирал П.П. Бредаль спустился по Дону под Азов с пятнадцатью галерами, двумя однопалубными судами и большим количеством других судов, везя с собой тяжелую артиллерию, которую сразу же стали выгружать. В тот же день в лагерь прибыли четыре пехотных и два драгунских полка.

Когда артиллерия была выгружена, фельдмаршал граф Ласси приказал Бредалю встать с флотом таким образом, чтобы он мог обстреливать город с моря, отрезать ему всякое сообщение и не допускать с этой стороны помощи. Это приказание было исполнено. Четыре бомбардирских судна круглосуточно забрасывали крепость бомбами.

На помощь Азову пришел с моря турецкий флот под командованием капудан-паши Джианума-Кодиа, но он никак не мог подойти к крепости, так как из-за наносов песка и отмелей в устье Дона глубина была не более 1–1,2 метра. Позиция же русского флота была такова, что капудан-паша не в состоянии был послать помощь в Азов в шлюпках или других плоскодонных судах и поэтому был вынужден отойти, не сделав ничего. Это же обмеление устья Дона помешало русскому флоту действовать

сильнее на Азовском море, куда могли пройти только большие лодки и мелкие плоскодонные суда.

С суши по Азову вели огонь 46 осадных орудий. 8 мая в большой турецкий склад пороха попала бомба. От взрыва в крепости было разрушено пять мечетей, более 100 домов, погибло 300 человек.

Крепость Азов находилась в кольце внешних укреплений — палисадов. Палисады имели деревянные стены и ров глубиной 3,5 метра, заполненный водой.

18 июня 1736 г. Ласси приказал полковнику Ломану с 300 гренадерами, 700 мушкетерами и 600 казаками взять палисад. После мощной артподготовки палисад был взят, и атакующие вышли к городским стенам.

Русские непосредственно перед стенами Азова начали строить «бреш батарею». Но до штурма дело не дошло. 19 июня азовский паша предложил Ласси сдать город.

По условиям капитуляции все мусульманское население Азова было отпущено в Турцию. Из Азова ушли 43 463 мужчины и 2233 женщин и детей. В городе был освобожден 221 православный невольник. В виде трофея русским досталось 137 медных и 46 чугунных пушек, а также 11 медных и 4 чугунных мортиры. Осмотр Азова показал, что в стенах русские пушки так и не сделали ни одного пролома, зато мортиры поработали хорошо. По словам Манштейна, «внутренность города представляла одни груды камня вследствие сильного бомбардирования».

Крепость Азов была взята с ничтожными для русских потерями — убито около 200 человек, ранено 1500, в числе легко раненных был и сам Ласси.

После сдачи крепости фельдмаршал Ласси приказал при вести ее в порядок, а сам стоял с армией поблизости до начала августа. Генерал Левашов был назначен губернатором, а генерал Бриньи-старший — комендантом Азова. Для гарнизона оставили 4 тысячи человек, а город был снабжен всем необходимым.

После всех этих распоряжений фельдмаршал Ласси получил от двора приказ идти со своими войсками в Крым для соединения с Минихом. Ласси мог вести с собой только 7 тысяч человек, с которыми и отправился в поход.

Подойдя к реке Кальмиусу, авангард встретил трех казаков, объяснивших, что они принадлежат корпусу генерала Шпигеля, который шел на Бахмут, но казаки сбились с пути и теперь ищут, как бы соединиться с ним. Фельдмаршал не поверил казакам, велел их задержать и продолжать идти. На другой день привели других казаков, которые

повторили сказанное первыми и прибавили, что фельдмаршал Миних со своим корпусом выступил из Крыма и направился на Украину. Это известие заставило Ласси повернуть назад. В начале октября 1736 г. корпус Ласси прибыл в Изюм.

20 апреля 1736 г. Миних выступил из Царицынки с армией численностью около 54 тысяч человек. Войска были разделены на пять колонн. Генерал-майор Шпигель командовал первой колонной, составлявшей авангард. Принц Гессен-Гом-бургский вел вторую колонну, генерал-лейтенант Измайлов — третью, генерал-лейтенант Леонтьев — четвертую и генерал-майор Тараканов — пятую.

Полкам раздали запас хлеба на два месяца, и офицерам приказано было взять с собой по крайней мере столько же. Фельдмаршал хотел бы снабдить войско и большим запасом провизии, так как ее было достаточно припасено за зиму, но не хватало подвод. Все-таки он не решался откладывать поход, а поручил генерал-майору князю Трубецкому позаботиться о доставке провизии в армию. Но, увы, князь Трубецкой действовал очень медленно, вполне возможно, что со злым умыслом. Отправленные им обозы не составляли и одной десятой от запланированного.

В армии Миниха были как запорожские, так и украинские (гетманские) казаки. О них Миних писал императрице: «В прежние времена гетманские казаки могли выставять в поле до 100 000 человек; в 1733 году число служащих убавлено до 30 000 и в нынешнем году до 20 000, из которых теперь 16 000 человек наряжены в крымский поход; им велено в начале апреля быть у Царицынки в полном числе, но мы уже прошли 300 верст от Царицынки, а Козаков гетманских при армии только 12730 человек, и половина их на телегах едут, и отчасти плохолоудны, отчасти худоконны, большую часть их мы принуждены возить с собою, как мышей, которые напрасно только хлеб едят. Напротив того, запорожцы из того же народа, беглые из той же Украины, на каждого человека по 2 и по 3 хороших лошади имеют, сами люди добрые и бодрые, хорошо вооруженные; с 3 или 4 тысячами таких людей можно было бы разбить весь гетманский корпус».

Армия Миниха шла в Крым по пути Леонтьева, по правому берегу Днепра, на расстоянии 5 — 50 км от реки.

7 мая русские войска впервые увидели татар. Их было около ста. Казаки кинулись им навстречу, но никого не захватили. На другое утро более значительный неприятельский отряд подошел к правому крылу армии и удалился, даже не связываясь с казаками.

9 мая фельдмаршал велел выступить пяти отрядам, каждый из которых состоял из 400 драгун и 500 казаков. Так как местность представляла собой обширную равнину, то отрядам велено было идти интервалами, имея друг друга в виду, и присоединиться к тому отряду, который будет ближе к неприятелю. Всеми отрядами командовал генерал Шпигель.

Не прошли они и восьми километров, как встретили отряд из 200 ногайских татар, которые, заметив русских, немедленно бежали. Казаки нагнали их, нескольких побили, двоих взяли в плен. Имея приказание придвинуться на самое близкое расстояние к неприятелю, Шпигель не успел пройти еще 8 км, как должен был быстро собрать все отряды. Навстречу ему шел корпус в 20 тысяч человек. Генерал только что успел образовать из драгун каре и спешить переднюю шеренгу, как неприятель окружил его со всех сторон. Татары с гиком напали на русских и засыпали их стрелами. Драгуны не смешались, стреляли не торопясь, только когда были уверены, что не промахнутся. Такой отпор так подействовал на татар, что они не смели подойти к каре ближе, чем на сто шагов. Окружив отряд, они сделали несколько ружейных выстрелов и пустили много стрел.

Узнав об опасности, которой подвергнулся генерал Шпигель, Миних во главе трех тысяч драгун и двух тысяч казаков отправился с генералом Леонтьевым выручать его. За ним следовал полковник Девиц с 10 гренадерскими ротами и пикет от всей пехоты. Татары, завидев их, поспешно удалились, оставив на месте 200 убитых. В этой атаке, продолжавшейся более шести часов, Шпигель потерял 50 человек убитыми и ранеными. Сам он и полковник Вейсбах были ранены стрелами.

Первое сражение сильно подняло боевой дух русского войска и, соответственно, вызвало страх у татар перед регулярными войсками. Во время сражения крымский хан со всей ордой численностью около 100 тысяч всадников стоял в 80 км. Узнав об исходе боя, хан ушел за Перекоп.

18 мая русская армия подошла к семикилометровой линии Перекопских укреплений. Миних был неприятно удивлен: казаки ему сообщили, что «валы везде осыпались, так что местами верхом и в телегах переехать можно». А на самом деле ров оказался очень глубок, склон крут, как каменная стена, бруствер по всему валу сделан новый и построены башни.

Тем не менее фельдмаршал решил штурмовать Перекоп. Но для начала Миних написал хану, что он послан императрицей для наказания татар за их частые набеги на Украину и намерен во исполнение данного ему приказания предать весь Крым разорению. Но если хан и его подданные намерены отдать себя под покровительство ее величества императрицы,

впустить в Перекоп русский гарнизон и признать над собой владычество России, то он, фельдмаршал, немедленно вступит в переговоры и прекратит враждебные действия. Первым же условием Миних требовал сдачи Перекопа.

В ответ на это письмо 20 мая хан поручил мурзе объяснить графу Миниху, что война не была объявлена, и поэтому его удивляет это нападение в его собственном государстве, что крымские татары не вторгались насильственным образом в Россию, вероятно, то были ногайцы, народ хотя и пользующийся покровительством крымских татар, однако до того необузданный, что с ним и справиться никогда не могли. Россия могла бы ограничиться взысканием с них и наказать по своему усмотрению всех, кого бы только удалось захватить, как это и было сделано в прошлом году. А что он, сам хан, так связан константинопольским договором, что не может решиться на разрыв. Что же касается Перекопа, то он не волен над ним, потому что гарнизон, состоящий из турецкого войска, не согласится на сдачу. Впрочем, хан просил прекратить военные действия, предлагая вступить в переговоры, а закончил объявлением, что если на него нападут, то он будет защищаться всеми силами.

Миних понял, что против татар остается только употребить оружие. Он отпустил мурзу с ответом хану, что после его отказа от милости императрицы и от предлагаемых мер покорности он увидит опустошение страны и пылающие города, что, зная вероломство татар, он не может им верить, когда они предлагают переговоры. После отъезда мурзы армии было велено готовиться к наступлению.

С восходом солнца полки встали под ружье. В лагере оставлены были больные и по десять человек из каждой роты для охраны обозов. Армия, взяв направление направо, шла шестью колоннами.

Тысяче солдат было приказано провести демонстративную атаку перекопских позиций на правом фланге. Турки поддались на уловку Миниха и сосредоточили на этом участке значительные силы.

Наступление же основных сил стало для турок неожиданностью. На счастье русских ров оказался сухим. Солдаты, спустившись туда, с помощью пик и штыков, помогая друг другу, стали взбираться наверх. Между тем артиллерия не переставала громить бруствер. Увидев, что дело принимает серьезный оборот, татары не дождались появления русских наверху бруствера и обратились в бегство, бросив свой лагерь.

Русские быстро форсировали ров и бруствер, но башни Перекопской линии продолжали стрельбу. Одну из башен штурмом взял капитан Петербургского гренадерского полка Крис-тоф Манштейн с 60 солдатами

своей роты. Несмотря на огонь противника, гренадеры топорами прорубили дверь в башню и ворвались туда. Капитан предложил сдаться противнику. Турки согласились и стали быстро складывать оружие. Внезапно один из гренадеров ударил штыком янычара. Взбешенные этим поступком, турки снова взяли за сабли и стали защищаться. Они убили шестерых гренадеров и ранили 16, в том числе и капитана. За это все 160 янычар, охранявших башню, были заколоты. Гарнизоны остальных башен поступили умнее: все вовремя бежали вслед за татарами.

Штурм перекопских укреплений обошелся русским в одного убитого офицера и 30 солдат, ранены 1 офицер и 176 солдат.

Сама же перекопская крепость держалась до 22 мая, когда паша согласился сдаться с тем, чтобы туркам было позволено свободно покинуть крепость и уйти к крымскому хану. Первоначально Миних хотел, чтобы паша сдался, но после его отказа и еще нескольких переговоров ему дали обещание, что его проводят до первой приморской пристани, откуда он со своими людьми сможет отплыть в Турцию.

С паши взяли слово, что он в течение двух лет не будет участвовать в войне против России. Однако русские нарушили условия. По выходе коменданта с гарнизоном в 2554 человека из крепости с ним поступили как с военнопленным. На его претензии отвечали, что Порты и хан, в противоположность условию последнего трактата, задержали 200 человек русских купцов и поэтому, пока их не выпустят, пашу не освободят.

В крепости и башнях насчитали до 60 пушек, в том числе несколько с русским гербом, захваченных турками во время неудачного похода князя Голицына.

Миних приказал занять крепость 800 солдатам Белозерс-кого полка, а их полковника Девица назначил комендантом крепости. Кроме того, Девицу было придано 600 казаков.

25 мая генерал-лейтенант Леонтьев с 10 тысячами солдат и 3 тысячами казаков был отправлен к турецкой крепости Кин-бурн. 29 мая Кинбурн был захвачен без боя. Леонтьев подошел к Кинбурну и послал своего адъютанта Зоммера к коменданту с требованием сдаться. Комендант немедленно вступил в переговоры и сдал крепость при условии, что ему позволят выйти с гарнизоном, состоящим из двух тысяч янычар, в Очаков. Таким образом, взятие города Кинбурн не стоило России ни одного человека, да и в продолжение всей этой экспедиции только 3 или 4 человека были убиты в стычке. В городе содержались в неволе 250 русских, которых освободили. Там же было захвачено 49 орудий и 3 тысячи лошадей.

Казаки отняли у неприятеля 30 тысяч баранов и от 4 до 5 сотен

рогатого скота, которые были скрыты в лесу.

После взятия Кинбурна генерал Леонтьев спокойно стоял с войском в лагере под крепостью. Дела у него не было, потому что ни турки, ни татары не покушались перейти Днепр.

25 мая Миних созвал военный совет — что делать дальше. По мнению всех генералов, армии следовало стоять у Перекопа до самого конца похода и высылать отдельные отряды в неприятельский край для его опустошения. Но Миних, мечтавший не более и не менее, как о завоевании Крыма, не согласился с этим мнением. Он доказывал, что предлагаемые действия ни к чему не приведут, а самое взятие Перекопа бесполезно, если из победы не будут извлечены выгоды. А отряжать людей небольшими партиями внутрь страны слишком опасно, так как если они зайдут далеко, то их легко будет разбить.

Тогда генералы стали предлагать графу Миниху дожидаться, по крайней мере, первых обозов с припасами, так как в наличии оставалось на армию хлеба только на 12 дней. На это Миних возразил, что армия, находясь на неприятельской земле, должна стараться снабжаться продовольствием за счет татар: «...цель похода, по мыслям двора, состоит именно в том, чтобы не давать вздохнуть этим разбойникам и разорять их край, если не удастся утвердиться в нем более прочным образом». А затем фельдмаршал приказал, чтобы армия готовилась в поход на другой день.

26 мая армия выступила из окрестностей Перекопа, направляясь к центру Крыма. Татары окружили армию, которая по стоянно шла в каре. Они не переставали беспокоить ее, но только издали, а как только приближались на расстояние пушечного выстрела, то достаточно было нескольких ядер, чтобы их разогнать.

29 мая татары могли бы сильно потрепать русских, если бы сумели воспользоваться случаем. Направляясь по дороге к Козлову, армия подошла к морскому проливу, называемому Балчик, через который надо было переправиться, а моста не было.

Казаки отыскивали несколько мелких мест, и армия прошла их вброд. При этом в каре образовался интервал в полторы тысячи шагов. Человек двести татар ринулись в образовавшийся промежуток, и вместо того чтобы схватиться с войском, принялись расхищать обоз, а стоявшая на расстоянии пушечного выстрела татарская армия только поглядывала на них. Русские успели тем временем сомкнуться. Много татар было побито, оставшимся удалось бежать, саблями расчищая себе дорогу.

30 мая армия стояла на месте. Узнав, что неприятель стоит в 12 верстах, Миних под вечер отправил всех гренадеров армии, 1500 драгун и

200 донских казаков и, поручив их начальству генерал-майора Гейна, приказал им идти всю ночь со всевозможными предосторожностями и стараться напасть на неприятеля на рассвете врасплох.

Однако по трусости или по глупости генерал-майор Гейн двигался очень медленно. Донские казаки, выступив вперед, на рассвете попали на татарский лагерь, где почти все еще спали, и принялись колоть и рубить все, что попадалось под руку. Поднялась тревога, татары вскочили на лошадей и, увидев, что имеют дело только с казаками, в свою очередь ударили на них и принудили с большой потерей ретироваться. Они могли бы совсем уничтожить казачий отряд, если бы, завидев приближавшийся отряд генерала Гейна, сами не обратились в бегство, бросив свой лагерь. В татарском лагере русские нашли много фуража и несколько палаток.

Рано утром Миних выступил в поход. В оставленной неприятелем местности расположились лагерем. Потери были почти равные с обеих сторон — около 300 человек. У неприятеля было убито несколько знатных начальников.

По приказанию графа Миниха Гейн, за неисполнение данных приказаний был арестован и отдан под военный суд, который приговорил его к лишению чинов и дворянства и к пожизненной службе рядовым в драгунах милиции.

5 июня русская армия подошла к городу Козлову (современная Евпатория). На следующий день все гренадеры армии, донские казаки и запорожцы под началом генерала Магнуса Бирона (брата фаворита) двинулись на город. Но до штурма дело не дошло. Ворота Козлова (или, как татары называли его, Гезлева) оказались открытыми. Город был подожжен противником. Население бежало по направлению к Бахчисараю, а турецкий гарнизон на тридцати судах был эвакуирован в Стамбул. В Козлове осталось лишь 40 армянских купцов.

Из военных трофеев в городе было захвачено 21 пушка и большие запасы свинца. Хлебом армия запаслась на 24 дня. Казаки в городе и окрестностях захватили до 10 тысяч баранов. Солдаты награбили в городе много медной и серебряной посуды, жемчуга, парчи и прочего добра.

Миних мыслил категориями европейской войны, где нормальным явлением было длительное снабжение армии за счет покоренной страны. Взятие Козлова еще более укрепило Миниха в своем мнении. Он хвастливо писал Анне Иоановне: «Ныне армия ни в чем недостатка не имеет и вся на коште неприятельском содержаться будет, что во время военных операций великим авантажем служит; по пословице, мы успели свою лошадь к неприятельским яслям привязать».

Из Козлова 11 июня Миних двинулся к Бахчисараю. При этом он постарался дезинформировать татар, пустив слух, будто он возвращается к Перекопу. Татары поверили, тем более что это вполне соответствовало их тактике — «набег — отход». Татары, верные своим традициям, начали осуществлять тактику выжженной земли, но совсем не в том направлении, куда шел Миних.

12 июня фельдмаршал отправил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Лесли с двумя драгунскими полками, четырьмя пехотными и с несколькими казаками для следования влево от армии, чтобы выбить неприятеля из нескольких селений. Однако татары довольно упорно отбивались, чего никак нельзя было ожидать. Наконец они были вынуждены бежать. Русские забрали много скота, который был отведен в армию и роздан солдатам. В этой схватке русские потеряли одного офицера и двух казаков, а ранеными одного майора и двадцать человек солдат. От военнопленных узнали, что хан поджидает прибытия от 6 до 7 тысяч турок, которых капудан-паша вышлет ему с флота, вошедшего в Кафскую гавань из-за того, что он не мог ничего предпринять против русских под Азовом.

17 июня армия подошла к ущельям холмов, которые ограждали равнину под Бахчисараем. Неприятель расположился на высотах в очень выгодной позиции. Так как дорога, по которой надо было идти на Бахчисарай, была труднопроходима, к тому же поход этот надо было совершать скрытно от неприятеля, то Миних решился идти туда только с отборным войском, а обозы и больных оставить позади, под охраной четвертой части армии, вверив ее генерал-майору Шпигелю.

Он выступил вечером. Выступление было совершено в таком порядке и в такой тишине, что неприятель не слышал, как русские обошли его лагерь, и очень удивился, когда на рассвете увидел их под Бахчисараем. Довольно большой отряд татар с некоторым числом янычар с яростью бросился на донских казаков и на расположенный поблизости Владимирский пехотный полк. Нападение было настолько сильным, что казаки подались назад, а у пехотного полка была отбита пушка. Когда же фельдмаршал выдвинул вперед пять других пехотных полков и несколько орудий под начальством генерал-майора Лесли, то неприятель недолго мог выдержать огонь и бежал, бросив захваченную им пушку.

17 июня под Бахчисараем русские потеряли убитыми и пленными 284 человека.

Татары бежали из Бахчисарая. Город почти полностью выгорел. По одним сведениям, его подожгли солдаты Миниха, а по другим — сами татары. Во всяком случае, красивейший ханский дворец сожгли русские.

19 июня армия удалилась от окрестностей Бахчисарая и расположилась лагерем на берегу реки Альмы, где к ней присоединился обоз.

23 июня фельдмаршал отправил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Магнуса Бирона с регулярным войском в 8 тысяч человек, 2 тысячи казаков и 10 орудиями для атаки города Акмечети, или Султансарая, ^[265] местопребывания Калги-султана и знатнейших мурз. Они не нашли там почти никого, потому что за два дня перед тем жители бежали. Найденные припасы были свезены в лагерь, а город с его домами, которых насчитывалось до 1800, большей частью деревянными, сожжен. На обратном пути отряд был атакован неприятелем. С ним обошлись по обыкновению. У русских было убито 4 солдата и 8 казаков и ранено несколько человек.

Турецкие войска сосредоточились в Кафе, а основные татарские силы ушли в горы. Небольшие же конные отряды татар по-прежнему окружали русскую армию.

Миних отдал приказ двигаться на Кафу, но выполнить его армия уже не могла. Треть армии была больна, а большинство оставшихся едва волочило ноги. К тому же установилась нестерпимая жара. Миних был вынужден повернуть армию к Перекопу. Это вызвало бешенство татар, поскольку они по приказу хана весь предполагаемый район движения русских на Кафу сделали выжженной землей.

7 июля 1736 г. русская армия вышла к Перекопу. Но у Перекопа армии делать было нечего. Запасы продовольствия и фуража таяли с каждым днем. Вокруг шныряла татарская конница, постоянно совершая нападения на фуражистов, угоня лошадей и скот.

Запорожские и украинские казаки были отправлены домой сразу. А основная часть войска двинулась на Украину 18 июля. Укрепления Перекопа были в нескольких местах скрыты, а башни взорваны.

23 августа к Миниху присоединился генерал-лейтенант Ле-онтьев, покинувший разрушенный Кинбурн.

По приходе войска на Украину Миних сделал смотр войск. Выяснилось, что в походе была потеряна половина регулярных войск. Причем основная часть людей погибла из-за болезней и физической усталости.

Миних воевал по-европейски, например, совершал марши в самое жаркое время суток, выступая в поход через 2–3 часа после восхода солнца, вместо того чтобы делать это за 3–4 часа до рассвета. Манштейн писал, что «зной до того изнурял людей, что многие из них падали мертвыми на ходу.

В эту кампанию даже несколько офицеров умерли от голоду и лишений». Во всех же боях было убито и взято в плен не более двух тысяч человек, включая казаков.

Один только корпус генерал-поручика Леонтьева сохранился в целости, так как он спокойно простоял под Кинбурном по взятии этой крепости.

Всего кампания 1736 г. стоила России около 30 тысяч человек. На этом она была закончена, и в конце года Миних уехал в Петербург оправдываться перед императрицей.

В начале 1737 г. в Вене было подписано соглашение о совместных действиях австрийцев и русских против турок.

План, разработанный Минихом, предусматривал нанесение главного удара по Очакову и отвлекающего — по Крыму.

Но прежде чем переходить к походам Миниха и Ласси, следует сказать о походе на кубанских татар.

В ноябре 1736 г. татарская орда Фетис-кули напала на орду калмыцкого хана Дундук-Омбо. Атаманы Краснощека и Ефремов с четырьмя тысячами донцов двинулись на помощь Дундук-Омбо. Казаки вместе с 20 тысячами калмыков широкой лавой прошли вдоль северного берега Кубани вплоть до Азовского моря. С 1 по 15 декабря 1736 г. вся степь, занятая татарскими кочевьями, была разорена. Дундук-Омбо занял главный город татарского хана Бахти Гирея, обнесенный стенами, Копыл, и за две недели разорил весь край. Все, что казаки не могли взять с собой, они жгли. Степь, покрытая сухой травой, была подожжена, и земля, по которой прошли калмыки и казаки, стала черной от пожаров. Все было разграблено и разорено. Казаками и калмыками было захвачено десять тысяч женщин и детей, двадцать тысяч лошадей и огромное количество рогатого скота. Татары в ужасе бежали за Кубань. Многие утонули, переплывая в зимнюю стужу реку. Край был совершенно razoren, и сделано это было конным отрядом всего за 14 дней! 70-тысячная армия Миниха зимой 1736–1737 гг. была сосредоточена в районе Киева. В феврале в Киев из Петербурга прибыл и сам Миних. В начале апреля 1737 г. армия двинулась в поход. 30 июня русская армия подошла к Очакову, а уже 3 июля Миних штурмом овладел городом.

Пока армия под командованием фельдмаршала Миниха находилась в походе к Очакову, фельдмаршал Ласси с другой армией шел в Крым. Эта армия состояла из 13 драгунских полков, 20 пехотных и от 10 до 12 тысяч казаков и калмыков, что в итоге составляло до 40 тысяч человек.

3 мая 1737 г. армия Ласси выступила из Азова. Войска шли вдоль

берега Азовского моря. Флотилия адмирала Бредаля шла параллельно с сухопутными силами. По пути Ласси приказал устроить несколько редутов для охраны коммуникации его армии с Азовом.

Крымский хан Фатих Гирей заранее узнал о походе Ласси и с 60 тысячами всадников встал южнее Перекопа, ожидая, что Ласси пойдет по пути Миниха. Хан был крайне удивлен, увидев, что русские на сей раз двинулись по Арабатской стрелке, то есть по пути, по которому еще никто никогда не входил в Крым. Фатих Гирей обрадовался, что Аллах лишил гяуров разума. Ведь на узкой косе даже небольшой отряд может остановить всю русскую армию. Немедленно на косу отправились значительные силы татар.

Но Ласси не думал входить в Крым по косе. К Арабату был отправлен лишь отвлекающий отряд в две тысячи человек с четырьмя пушками. Фельдмаршал приказал исследовать глубину залива, отделяющего эту косу от остального Крыма. Там, где оказалось место, пригодное для его намерения, он велел сколотить плоты из всех порожних бочек армии и бревен-рогатов и таким образом переправился через залив с пехотой и обозом. Драгуны же, казаки и калмыки пустились кто вброд, кто вплавь.

Не только хан считал рискованным делом со стороны фельдмаршала пробираться по косе к Арабату, даже генералы русской армии были того же мнения. Все они, за исключением генерала Шпигеля, заявили к Ласси и сказали, что он слишком рискует войском, и что все они могут погибнуть. Фельдмаршал возразил, что все военные предприятия сопряжены с опасностями, а настоящее, по его мнению, не представляет большего риска, чем другие. Впрочем, он просил их дать ему совет, как лучше поступить. Они отвечали, что надо вернуться. Ласси возразил: «Когда так, если господа генералы желают возвратиться, то я велю им выдать их паспорта». Призвав своего секретаря, Ласси велел ему изготовить паспорта и немедленно вручить их генералам. Он приказал уже направить 200 драгун для конвоирования их на Украину, где они должны были дожидаться его возвращения. Только через три дня генералы смогли настолько смягчить фельдмаршала, что он простил им их дерзкое предложение отступить.

Хан, предполагавший ударить на русских на крайнем конце косы, против Арабата, сильно удивился, когда русская армия переправилась через морской залив и направлялась теперь прямо навстречу ему. Не став дожидаться русских, он удалился к горам, преследуемый по пятам казаками и калмыками. Известие об отступлении неприятеля заставило и фельдмаршала свернуть к горам с целью встретиться с ханом и, если представится удобным, дать ему сражение.

13 июля армия расположилась лагерем в 28 км от одного из лучших крымских городов, Карасубазара. Здесь ее атаковали отборные войска, которыми командовал лично хан. Первый натиск неприятеля был сначала очень сильным, но спустя час татары были отбиты и отогнаны в горы казаками и калмыками, которые преследовали их на протяжении 16 км. Армия осталась в прежнем лагере. Однако казаки и калмыки сделали набег по направлению к Карасубазару для разорения татарских жилищ. Они возвратились в тот же день с 600 пленными, хорошей добычей и большим количеством скота.

14 июля генерал-поручик Дуглас, командовавший авангардом в 6 тысяч человек, двинулся на город Карасубазар. Фельдмаршал следовал за ним с армией, оставив больных в лагере с прикрытием в 5 тысяч человек под командой бригадира Ко-локольцева.

Непосредственно перед Карасубазаром Дуглас встретился с 15-тысячным турецким отрядом. Ласси послал на помощь авангарду два полка драгун. После часового боя турки бежали.

Русские вошли в пустой Карасубазар. Все татарское население города бежало, осталось лишь несколько греческих и татарских семейств. Город, насчитывавший до 6 тысяч домов, из которых половина была каменными, был по приказу Ласси «разграблен и обращен в пепел».

Фельдмаршал приказал войскам разбить лагерь в двух километрах от Карасубазара. Дальше идти было некуда: впереди начинались горы с узкими тропами, а через 20–30 км — Черное море. В горы были отправлены мелкие отряды казаков и калмыков. Около тысячи селений они обратили в пепел, около тридцати тысяч быков и до ста тысяч баранов сделались добычей победителей.

16 июля Ласси собрал военный совет, на котором решено было идти назад из Крыма. Ласси мотивировал это тем, что план операции, состоявший в наказании татар за набеги их на Россию, был выполнен. Ласси явно лукавил. Предпринять такой поход, чтобы сжечь один захудалый городишко, было, по меньшей мере, глупо. В 50 км от Карасубазара находилась Кафа, а в 130 км — Керчь. Захват этих городов имел бы важное политическое значение. Не говоря о том, что обладание Керчью сделало бы Азовское море русским озером. Видимо, Ласси думал не о турецких городах, а о том, как бы быстрее унести ноги.

16 августа русская армия начала отступление. В этот же день генерал Дуглас на реке Карасу был атакован значительными силами татар. Дело решили калмыки, которые ударили татар с тылу. После боя калмыки исчезли. Фельдмаршал встревожился, полагая, что калмыки, преследуя

татар, зашли слишком далеко в горы, что они отрезаны от армии и, может быть, все перебиты. Спустя два дня калмыки возвратились в лагерь, ведя с собой более тысячи пленных, в том числе несколько мурз, которых они захватили во время самовольного набега в горы до самого Бахчисарая.

Тем временем казаки и калмыки разъезжали по окрестностям и жгли татарские села и деревни. Было сожжено около тысячи сел, так как в этой части Крыма население жило очень густо. Казаки и калмыки привели в лагерь до 30 тысяч волов и свыше 100 тысяч баранов. Неприятель, со своей стороны, тревожил армию во время ее похода, захватывал в плен фуражиров, которые отваживались выходить из ограды аванпостов, и сверх того отбил несколько сотен обозных лошадей.

По прибытии армии к реке Шунгар было велено построить мост. Он был готов на другой день, 23 июля, и в этот же день переправилась часть войска. Едва переправившиеся войска успели занять берег, как подошли татары. На сей раз вместе с ними было несколько тысяч турецких солдат, прибывших из Кафы. Атака татар и турок была отражена артиллерийским огнем. На месте боя насчитали более ста неприятельских трупов.

25 июля русские войска достигли Геничи, таким образом покинув Крым тем же путем, что и вошли. Затем около месяца войска отдыхали у реки Молочные Воды, где имелись обильные пастбища для лошадей.

Фатих Гирей и на сей раз попытался перехватить русских у Перекопа, куда он привел 40-тысячную орду. Узнав об уходе Ласси из Крыма, хан перешел Перекоп. Несколько дней Фатих Гирей стоял в степи и размышлял, стоит ли напасть на русских... Хан решил не рисковать и вернуться в Крым. Но это здравое решение не было оценено турецким султаном, который приказал свергнуть Фатих Гирея.

В июне 1738 г. армия Ласси, сосредоточенная в районе реки Берда, двинулась вдоль берега Азовского моря к Перекопу. Татары решили, что Ласси будет штурмовать перекопские позиции. Но по суше к Перекопу фельдмаршал послал «липа» отряд казаков и калмыков. Главные же силы русских 26 июня перешли Сиваш вброд, воспользовавшись тем, что ветер нагнал воду из Сиваша в Азовское море. Потонуло только несколько повозок в арьергарде, не успевших за остальными, так как вскоре после перехода армии море снова нахлынуло.

27 июня Ласси подошел с тыла к Перекопской крепости и потребовал у ее коменданта сдачи. Двухбунчужный паша заносчиво ответил, что он назначен комендантом для обороны крепости, а не для ее сдачи. В ответ русские начали бомбардировку крепости из пушек и мортир. Особенно удачно действовали последние, как сказано в журнале военных действий:

«посещали крепость бомбами». От этих «посещений» гарнизон на следующий день капитулировал. Из крепости вышли паша и две тысячи янычар. После этого Ласси двинулся внутрь Крыма.

Генерал-майор Бриньи-младший вступил в крепость с двумя пехотными полками и принял над ней начальство. Он нашел тут до ста орудий, большей частью чугунных, достаточный запас пороха, но очень мало хлеба.

9 июля 20-тысячная конница татар внезапно атаковала шедшие в арьергарде отряды. Татары смяли казаков и обратили в бегство Азовский драгунский полк. Генерал-поручик Шпигель прибыл на место с четырьмя драгунскими полками и донскими казаками, чтобы удержать бегущих. Не успели они оправиться, как неприятель снова ударил на них с яростью. Бой был продолжительный и горячий. Фельдмаршал велел нескольким пехотным полкам, пришедшим уже в лагерь, выступить на помощь. Татары вынуждены были удалиться, оставив на поле боя более тысячи трупов. Со стороны русских было потеряно от шестисот до семисот человек, включая и казаков. Генерал Шпигель был ранен ударом сабли в лицо.

Согласно данным ему инструкциям, граф Ласси должен был овладеть Кафой, самым укрепленным пунктом в Крыму, и морской гаванью, в которой турки держали часть своих кораблей. Однако татары по традиции придерживались тактики выжженной земли, и у русских возникли серьезные проблемы с продовольствием. Кроме того, шедший из Азова флот с провизией ей под командованием вице-адмирала Бредаля был встречен на пути такой сильной бурей, что одна половина судов разбилась, а другая — рассеялась.

В итоге Ласси решил вернуться. По пути он приказал взорвать укрепления Перекопской крепости. В районе Перекопа Ласси оставался до конца августа, а затем ушел на зимнюю квартиру на Украину.

29 сентября 1739 г. Россия и Турция подписали в Белграде мирный договор. Согласно его условиям Азов остался за Россией, но укрепления его нужно было срыть. Окрестности его должны были остаться пустыми и служить разделением между обеими империями, но Россия получила право построить крепость на Кубани. Таганрог не мог быть восстановлен, и Россия не могла иметь кораблей на Черном море, могла торговать на нем только посредством турецких судов. Большая и Малая Кабарды остались свободны и должны были отделять обе империи друг от друга.

Таким образом, Россия практически ничего не получила от войны, потратив огромные средства и потеряв свыше 100 тысяч человек.

Глава 23

Крым в русско-турецкой войне 1768–1774 гг

В 1740–1768 гг. татары продолжали разбойничьи набеги на южные районы Российской империи. Как-то даже упоминать об этом глуповато, как если бы написать, что в 1740–1768 гг. волки продолжали ловить зайцев и задира́ть скот у крестьян. У волков в этом была физическая потребность, а у татар — способ производства. Масштабы набегов были обратно пропорциональны отпору русских войск. Так, во время войны России с Пруссией, воспользовавшись малочисленностью русских войск на юге страны, хан Крым Гирей (по прозвищу «Дели-хан» — «Шальной хан») совершил несколько больших набегов и увел в Крым многотысячный полон.

Турецкое правительство, с одной стороны, отмежевывалось от крымских разбоев и даже заявило, что не будет вмешиваться, если русские побьют татар. Но, с другой стороны, как доходило до дела, Турция начинала угрожать России. России не позволялось даже строить крепости на своей собственной территории.

В 1750–1752 гг. из Австрии с разрешения императрицы Марии Терезии в Россию выезжает несколько тысяч сербов. 29 января 1752 г. Российский сенат постановил поселить их южнее Днепровских порогов, эти поселения называть Новой Сербией. Там же построить крепость Святой Екатерины. Крепость была построена в верховьях реки Ингул, которая впадает в Днепро-Бугский лиман. Турки потребовали срытия крепости, утверждая, что ее постройка нарушает существующие договоры. Туркам резонно отвечали, что постройка крепости не на границе, а внутри Российской империи не может нарушать ни один договор. Споры тянулись до 1755 г., когда в России начали подумывать о войне с Пруссией. Посему султану обещали приостановить все работы по расширению крепости Святой Екатерины. Турки тем и удовлетворились.

В 1763 г. русские начали строить крепость Святого Дмитрия Ростовского (впоследствии город Ростов-на-Дону). Крымский хан Селим Гирей III пожаловался турецкому султану, который потребовал объяснений у русского посла Обрезкова. С большим трудом русским дипломатам удалось спустить это дело на тормозах.

Русские и турецкие интересы постоянно сталкивались на вечно бурлящем Северном Кавказе. Но и тут все конфликты худо-бедно разрешались дипломатическим путем. Куда более серьезной проблемой стали польские дела.

Короли в Польше с XVI века были выборными. 5 октября 1763 г. умер польский король Август III, который по совместительству являлся и саксонским курфюрстом. Чистокровный немец, Август предпочитал большую часть времени проводить в родной Саксонии и лишь изредка наведывался в Польшу.

Австрия предложила выбрать королем принца из саксонского дома. Екатерина II вместе с прусским королем Фридрихом II предложила кандидатуру Станислава Понятовского. Русский кандидат был получившим хорошее образование аристократом, неплохим дипломатом, являлся потомком боковой ветви Пястов — древнейшей польской королевской династии, и, наконец, в бытность свою послом в России Станислав несколько месяцев был любовником цесаревны Екатерины.

Россия не жалела огромных денег на подкуп магнатов. Кроме того, в Польшу без лишнего шума вошли русские войска. Когда австрийский посланник Лобкович начал было говорить о русских войсках, вступивших в Польшу, и требовать объяснений о поводах к таким действиям России, Екатерина II на докладе об этом написала: «При сочинении ответа князю Лобковичу не худо дать им приметить, что здесь весьма странным кажется, что при всяком случае нас в допрос ведут».

7 сентября 1764 г. Станислав Август Понятовский был официально выбран королем. Но с его избранием, а тем более с рядом нововведений, не согласилась большая часть польских магнатов, составившая 29 февраля 1768 г. в местечке Бар Ка-менецкий конфедерацию, то есть союз против решений сейма. (Устройство подобных конфедераций и ранее было нормой политической жизни Польши.) Конфедераты начали собирать войска и чинить расправы над православным духовенством и мирянами.

Ответом магнатам было народное восстание, во главе которого стали запорожец Максим Железняк и польский сотник Иван Гонта. Восстание охватило значительную часть правобережной (польской) Украины.

Восстание гайдамаков было подавлено, но оно имело неожиданные последствия. Отряд гайдамаков под началом сотника Шило захватил местечко Балта на турецко-польской границе. Границей была мелкая речка Кодыма, которая отделяла Балту от турецкой деревни Галта. Шило погостил 4 дня в Балте, вырезал всех поляков и евреев и отправился восвояси. Однако евреи и турки из Галты ворвались в Балту и в отместку

начали громить православное население. Услышав об этом, Шило вернулся и начал громить Галту. После двухдневной стычки турки и гайдамаки помирились и даже договорились вернуть все, что казаки награбили в Галте, а турки — в Балте. И самое интересное, что большую часть вернули. Все это могло остаться историческим анекдотом, если бы турецкое правительство не объявило бы гайдамаков регулярными русскими войсками и не потребовало бы очистить от русских войск Подолию, где они воевали с конфедератами.

В сентябре 1768 г. Турция объявила войну России. Несмотря на объявление войны, боевых действий в 1768 г. не было. Кампанию 1769 г. начал хан Крым Гирей. 15 января 70 тысяч всадников перешли русскую границу и двинулись по Ели-заветградской провинции. Далее хан собирался идти в Польшу, где его ожидали конфедераты. Несколько польских ксендзов служили проводниками татар. Орда, подошедшая к Елизаветграду (с 1924 г. — Кировоград), была встречена огнем крепостных орудий. Крым Гирей не решился штурмовать крепость, а распустил орду на мелкие отряды. Татарские отряды рассеялись по русской и польской территории. Опустошив значительную часть территории и захватив много пленных (только под Елизаветградом увели свыше 1000 человек^[266]), татары отошли за Днестр. Сам же хан отправился к султану, взяв с собой несколько десятков наиболее красивых пленниц.

Основные боевые действия велись между русскими и турками. Татары же эпизодически участвовали в сражениях на стороне турок. Так, 22 июля 1769 г. на армию генерал-аншефа А.М. Голицына, осаждавшую Хотин, напал хан Крым Гирей с 40-тысячной ордой. По донесению Голицына он был «отброшен с большим уроном и поспешно отступил».

До Крыма у Екатерины II «дошли руки» лишь весной 1771 г., когда она приказала занять его князю Василию Михайловичу Долгорукову.

Василий Михайлович происходил из знаменитого рода Рюриковичей, попавшего в опалу при Анне Иоанновне. В 1735 г. 13-летний Василий был записан капралом в драгунский полк под именем Василия Михайлова — ему было строгойше запрещено именоваться князем Долгоруковым. В 1736 г. он первым оказался на валу Перекопа, за что был произведен Минихом в прапорщики. В 1740 г. он участвовал в войне со шведами и отличился при Виланоках. С воцарением Елизаветы Петровны опала с Долгоруковых была снята, и в течение шести лет Василий Михайлович получил шесть чинов. Василий Михайлович участвовал практически во всех сражениях семилетней войны и несколько раз был ранен. Императрица Екатерина II в день своей коронации 22 сентября 1762 г.

произвела Василия Михайловича в генерал-аншефы.

Сейчас Василию Михайловичу во второй раз было приказано брать Перекоп. Вначале 1771 г. Вторая армия была разделена на главный корпус Долгорукова (23 950 человек), Сивашский отряд князя Щербатова (3395 человек) и мелкие отряды для прикрытия коммуникаций (более 21 тысячи человек).

Сосредоточение войск на Днепровской линии закончилось к концу мая. 27 мая Сивашский отряд двинулся к Геническу, а главный корпус 9 июня начал движение к Перекопу. 12 июня он вышел к крепости Орь, а в это время Сивашский отряд начал погрузку на корабли Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Сенявина.

Укрепления Перекопа защищало 50 тысяч татар и 7 тысяч турок под начальством крымского хана Селима Гирея.

Разделив свой корпус на семь колонн, Долгоруков в ночь с 13 на 14 июня начал штурм Перекопской линии. Две колонны действовали в центре, одна — против левого фланга, а четыре — против правого фланга перекопских укреплений. Главные удары наносились по слабым участкам, в то время как на сильно укрепленных участках производились только демонстрации, отвлекающие противника от направления главного удара. К 15 июня Перекопская линия пала, а гарнизон крепости Орь капитулировал. Так же успешно действовал Сивашский отряд, который высадился на косе 17 июня, а в ночь на 18 июня штурмом овладел крепостью Арабат. Действия войск прикрывалась с моря эскадрой Сенявина.

После разгрома татарских войск на Перекопе Селим Гирей бежал в Румелию, поручив защиту Крыма Ибрагиму-паше. Последний предлагал сначала защищаться в Карасубазаре, но затем отошел к Кафе, надеясь на прибытие подкреплений из Константинополя.

29 июня основные силы Долгорукова подошли к Кафе и начали бомбардировку ее укреплений. Стоявшие на рейде турецкие корабли после обстрела русской артиллерией ушли в море.

Русские войска стремительно атаковали Кафу, и комендант отдал приказ сдать крепость. Турки под Кафой потеряли около 3500 человек. Считается, что турок и татар там было 95 тысяч, но, по мнению автора, эта цифра явно преувеличена. Тем не менее численность неприятеля существенно превышала число русских.

Узнав о взятии Кафы, турки, находившиеся в Керчи, поспешили отплыть на кораблях в Стамбул. Русские войска без боя заняли Керчь и Еникале.

22 июня отдельным отрядом генерала Брауна был взят Козлов. Вскоре

русские войска заняли восточный и южный берега Крыма, включая Судак, Ялту, Балаклаву и Ахтиар.

Быстрое продвижение русских войск в Крыму в известной степени было обусловлено раздорами среди татар. Так, еще до начала похода Долгорукова, едисанцы, бубжаки и джамбулу-ки (орды, кочевавшие в северном Причерноморье) объявили себя сторонниками России. В худшем случае они держали нейтралитет. Естественно, что тут не обошлось без подкупа. Только едисанской орде Екатерина отстегнула 14 тысяч рублей, якобы за обиды чинимые орде запорожцами.

В самом Крыму после бегства Селим Гирея царило безвластие. Несмотря на продолжение боевых действий, с конца июня крымская верхушка находилась в переписке со штабом Долгорукова. Фактически с конца июля большая часть крымских татар согласилась на перемирие.

Успехи Долгорукова, особенно на фоне бездействия Румянцева, крайне обрадовали Екатерину. В письме Долгорукову было сказано: «Вчерашний день (17 июля) обрадована я была Вашими вестниками, кои приехали друг за другом следующим порядком: на рассвете — конной гвардии секунд-ротмистр кн. Иван Одоевский со взятием Кафы, в полдень — гвардии подпоручик Щербинин с занятием Керчи и Еникале и перед захождением солнца — артиллерии поручик Семенов с ключами всех сих мест и с Вашими письмами. Признаюсь, что хотя Кафа и велик город, и путь морской, но Еникале и Керчь открывают вход г. Синявину водой в тот порт, и для того они много меня обрадовали. Благодарствую Вам и за то, что Вы не оставили мне дать знать, что уже подняли русский флаг на Черном море, где давно не казался, а ныне веет на тех судах, кои противу нас неприятель употребить хотел и трудами Вашими от рук его исторгнуты».

Долгоруков получил Георгиевский орден первой степени, 60 тысяч рублей денег, табакерку с портретом императрицы, сына его произвели в полковники.

28 июля к Долгорукову прибыли два знатных татарина с вестью об избрании в Карасубазаре нового хана — Сагиба Гирея. Посланные от имени всего общества ручались за верность избранных как не имеющих никакой привязанности к Порте, от которой вовсе отторглись, что подтвердили клятвой перед целым обществом, с Русскою же империей вступили в вечную дружбу и неразрывный союз под высочайшую протекцию и ручательство императрицы.

Долгоруков потребовал от нового хана немедленного освобождения русских и вообще христианских рабов. «Чтобы не возбудить негодования черни», татарские мурзы и духовенство решили платить владельцам за

отпущенных рабов-христиан: за мужчину — ЮОлевков, за женщину — 150левков. Как видим, даже «чернь» в Крыму была рабовладельцами. Вот еще одно доказательство неприменимости марксистских теорий к крымским татарам. Посредством такого выкупа в армию приведено было мужчин и женщин 1200 человек. Многие солдаты, особенно из поселенных гусарских и пикинерских полков, нашли среди них своих жен и детей. Но как только между рабами пронеслась весть, что их освобождают, те не стали дожидаться определенного для выкупа срока и бросились бежать к войску. Таких беглецов в августе при армии было уже до 9 тысяч душ. По уговору с крымцами русский главнокомандующий велел поднять кресты на 12 греческих церквях в Кафе и снабдить их колоколами. Также по всем городам и селам начали восстанавливать греческие церкви.

Нетрудно догадаться, насколько «приятными» оказались сии «новшества» для татар. Немедленно же начались столкновения с новым ханом. Князь Долгоруков уведомил Сагиба Гирея, что в крымских крепостях останутся русские гарнизоны для защиты от турок, и что крымцы должны доставлять этим гарнизонам топливо. Хан отвечал, что Крым от Порты стал независим и, следовательно, должен сам себя защищать, да и в конце 1771 г. никакой опасности от турок нет, так как в это время навигация на Черном море закончилась. А на будущий год, если будет грозить опасность, хан даст знать о ней главнокомандующему. Крымский народ и без того разорен и бесплатно не может давать русскому войску топливо. Долгоруков отвечал: «Хотя до апреля месяца никакой опасности с турецкой стороны ожидать нельзя, однако я гарнизоны вывести власти не имею, ибо оные введены в силу повеления моей государыни, а вашей великодушнейшей покровительницы и щедрейшей благодетельницы». Относительно отопления главнокомандующий распорядился, чтоб солдаты были размещены в христианских домах, где будут пользоваться теплом сообща с хозяевами. Где же нет христианских домов, то в пустых магометанских, и только в этом случае татары должны доставлять им топливо.

Русским поверенным в делах при хане был назначен канцелярии советник Веселицкий. Он должен был вручить Сагибу Гирею акт, в котором говорилось, что Крымская область учреждается вольною и ни от кого независимой, а так как это «сокровище получено единственно от человеколюбия и милосердия ее императорского величества Великой Екатерины», то Крымская область вступала в вечную дружбу и неразрывный союз с Русской империей под сильным покровительством и ручательством ее самодержицы.

Хан обязывался не вступать с Портой ни в какие соглашения. Веселицкий должен был требовать подписания этого акта и также требовать просительного письма к императрице, чтоб она приняла под свою власть города Керчь, Еникале и Кафу.

Назначенные для переговоров с Веселицким мурзы отвечали на последнее требование: «Какая же будет свобода и независимость, когда в трех главных местах будет находиться русское войско? Народ наш всегда будет беспокоиться насчет следствий этой уступки, опасаясь такого же угнетения, какое мы терпели во время турецкого владычества в этих городах». Веселицкий объяснил, что это делается для их благоденствия, что от Порты надо всегда и всех опасаться, и они будут подвержены гибели из-за своей отдаленности от русских пределов. Спросил, могут ли они защищаться собственным войском. Татары все это выслушивали без возражений, но отвечали просьбой, нельзя ли их избавить от этой новости, как они выражались. Тогда Веселицкий объявил им, что если они этого требования не исполнят, то он не приступит ни к чему другому. Хан созвал всех старшин для совета об уступке Керчи, Еникале и Кафы. Совет продолжался пять дней подряд, и 7 ноября присланы были знатные люди к Веселицкому с объявлением, что духовенство находит эту уступку противной их вере, и так как русское правительство объявило, что оно не будет требовать ничего противного мусульманской религии, то они на отдачу городов согласиться не могут. Веселицкий отвечал, что русским хорошо известно содержание Корана, и там не указано о невозможности уступки городов.

Препирательства о трех городах продолжались, и формальная сторона дела так и не была решена в 1771 г. Фактически же эти города уже принадлежали России.

10 июля 1774 г. Россия и Турция подписали Кючук-Кай-нарджийский мир, который стал следствием истощения сил обеих сторон. Хотя, разумеется, положение воюющих сторон было неравным. Передовые русские отряды находились в 250 км от Константинополя. Ресурсы Османской империи были истощены, а в России, как справедливо писала Екатерина, были области, где и не слышали о войне.

Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула).

Крымское ханство становилось полностью политически независимым. В артикуле 3 говорилось: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едиганцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от

всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порты не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом».

Однако турецкий султан оставался духовным главой крымских татар.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кин-бурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бугом и Днестром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии».

Россия получила возможность держать военный флот на Черном море. До марта 1774 г. Екатерина требовала права свободного прохода русским военным судам через Проливы, но турки решительно возражали, и в договоре проход через Проливы был разрешен лишь невооруженным торговым судам небольшого тоннажа.

Султан признал императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей.

Глава 24

Присоединение Крыма к России

Кайнарджийский договор 1774 г. привел Крым в метастабильное положение. Формально Крымское ханство было объявлено независимым. Но турецкий султан по-прежнему был духовным главой татар. Крымский хан, вступающий на престол, должен был быть утвержден султаном. Профиль султана по-прежнему чеканился на крымских монетах. За него продолжали молиться во всех мечетях.

С другой стороны, в нескольких районах Крыма остались русские войска, а из Петербурга в Крым не пересыхал золотой ручеек, заканчивавшийся в бездонных кошельках татарских мурз. Естественно, что в Крыму образовались две враждующие между собой партии: русская, стоявшая за дружбу с Петербургом, и турецкая, призывавшая татар вернуться в подданство Турции.

В начале 1774 г. хан Сагиб Гирей был низложен сторонниками турецкой партии. Его брат Девлет Гирей, утвержденный султаном новым крымским ханом, в июле 1774 г. высадился с турецким десантом в Алуште. Однако продвинуться туркам в глубь полуострова не удалось.

23 июля 1774 г. трехтысячный русский отряд выбил турецкий десант, укрепившийся в Алуште и у деревни Шумы. В этом бою получил ранение в глаз командир гренадерского батальона Михаил Илларионович Кутузов. Главнокомандующий Крымской армией генерал-аншеф Василий Михайлович Долгоруков докладывал Екатерине II 28 июля: «Вследствие донесения моего Вашему императорскому величеству от 18 числа настоящего месяца о предпринятом мною походе на отражение неприятеля, выгрузившего флот и поставившего лагерь свой при местечке Алуште, поспешил я туда... с всевозможною скоростью, присовокупя еще к себе пять баталионов пехоты от войск, расположенных на речке Булзыке. 22 числа прибыл я... к деревне Янисаль, в самую внутренность гор, откуда лежащая к морю страшною ущелиною дорога окружена горами и лесом, а в иных местах такими пропастьми, что с трудом два только человека в ряд пройти и по крайней мере трехфунтовые орудия везены быть могут...» (Только русские солдаты на руках сумели протащить 12-фунтовые единороги). «23 числа, — писал далее Долгоруков, — отрядил я... к поискам над неприятелем генерал-поручика... графа Мусина-Пушкина с

семью баталионами пехоты...сам же я остался с двумя бата-лионами пехоты и двумя конными полками прикрывать тыл его, чтоб не быть ему отрезану. Между тем турки, отделясь от главного своего при Алуште лагеря, по уверению пленных, тысячах в семи или осьми, заняли весьма твердую позицию в четырех верстах от моря, перед деревней Шумою, на весьма выгодном месте, с обеих сторон которого были крутые каменные стремнины укреплены ретраншементами. Как скоро вой-ски Вашего императорского величества повели на оные свою атаку двумя каре, то встречены были жесточайшим из пушек и ружей огнем... По приближении к обоим ретраншементам, генерал-поручик граф Мусин-Пушкин... приказал, приняв неприятеля в штыки, пробиться в ретраншемент, что и было исполнено с левой стороны...Турки, возчувствовав о поражении от ударивших в них войск Вашего императорского величества, бросились стремглав к Алуште, оставя свои батареи и будучи гонимы к обширному лагерю своему, на берегу стоящему... Числа побитого неприятеля наверное знать не можно, поелику и в пропастях и между камнями повержены тела их, но на месте осталось более трех сотен трупов; взятых же в плен: один байрактар и два рядовых турков, четыре пушки и несколько знамен. Из числа же всего войска Вашего императорского величества убитых: унтер-офицеров, капралов и разного звания рядовых тридцать два. Ранены: Московского легиона подполковник Голенищев-Кутузов, приведший гренадерский свой баталион, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат. Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая, ударивши между глазу и виска, вышла на пролет в том же месте на другой стороне лица...».

Тем не менее Девлет Гирею удалось еще несколько месяцев удержаться на ханском престоле. В ответ на проiski турок с ноября 1776 г. в Крым постепенно стал втягиваться корпус генерал-поручика А.А. Прозоровского. Среди прочих войск в декабре в Крым вступила Московская дивизия под началом генерал-поручика Суворова, специально вызванного Потемкиным из Москвы. 17 января 1777 г. Прозоровский заболел, и командование 20-тысячным корпусом в Крыму принял Суворов.

Тем временем Румянцев вызвал из Абхазии Шагин Гирея (брата крымского хана Девлет Гирея). С помощью русских Шагин Гирей стал ханом кубанских татар и объявил себя независимым от власти крымского хана.

Татары Шагин Гирея заняли город Ачуев на берегу Азовского моря, а 30 января 1777 г. овладели крепостью Темрюк и двинулись к Тамани. Успехам войск Шагин Гирея немало способствовало присутствие рядом

русского корпуса генерала Бринка. Подкупленный Бринком турецкий комендант очистил Тамань без сопротивления и должен был по договоренности отойти в Очаков, через Крым, конвоируемый русскими войсками. Таким образом, к началу февраля 1777 г. весь Таманский полуостров оказался в руках Шагин Гирея, и ничто уже не мешало ему войти в Крым через Еникале, где его ожидал генерал-майор Борзов.

Услышав об успехах брата, Девлет Гирей собрал в Бахчисарае войска своих приверженцев и начал движение на север. Навстречу татарам двинулся Суворов со своим корпусом. При виде грозных каре русской пехоты и несущихся лав кавалерии татарская орда попросту разбежалась. Суворов всегда преследовал и старался уничтожить или пленить отступающего противника, но тут ради большой политики запретил это делать. Лишь кой-где казаки вздули татар нагайками.

Шагин Гирей высадился в Еникале. Большинство мурз признало его ханом. 3 апреля турецкие войска покинули Кафу и отправились в Константинополь. Вместе с ними удрал и незадачливый хан Девлет. В Кафу без боя вступил Рязский пехотный полк.

Хан Шагин Гирей был незаурядной личностью. Образование он получил в Венеции, хорошо знал итальянский, греческий, арабский и русский языки. Писал стихи на арабском и татарском. Но среди местного населения вел себя грубо и высокомерно. Не уважая национальные обычаи и традиции, он жестко проводил европейские реформы. В глазах народа он стал выглядеть изменником и вероотступником. Противники Шагин Гирея распустили слухи, что он принял православие под именем Ивана Павловича.

Почти независимые от хана владения татарской знати он преобразовал в шесть наместничеств-каймаканств — Бахчисарайское, Акмечетское, Карасубазарское, Гезлевское, или Евпаторийское, Кафинское, или Феодосийское, и Перекопское. Кай-маканства состояли из 44 кадылыков — округов, в которых насчитывалось 1474 деревни с 13 323 дворами. Ханом были конфискованы вакуфы — земли крымского духовенства. При попытке Шагин Гирея создать армию европейского типа в ноябре 1777 г. начался бунт. Разъяренные мятежники разграбили дворец Шагина и изнасиловали всех жен из его гарема. После высадки в Крыму в декабре 1777 г. назначенного в Стамбуле ханом Селим Гирея III, восстание охватило весь Крымский полуостров. Началась гражданская война. Восставшие против Шагин Гирея татары были разбиты русскими войсками.

Выздоровевшему Прозоровскому удалось убедить Румянцева убрать из Крыма Суворова. 29 ноября 1777 г. фельдмаршал назначил Суворова

командовать Кубанским корпусом.

Но, увы, дела у Прозоровского без Суворова шли плохо. 23 марта 1778 г. Прозоровский был смещен, и вместо него командующим войсками Крыма и Кубани стал Суворов. 27 апреля Александр Васильевич прибыл в Бахчисарай. Он разделил Крым на четыре территориальных округа, организовал по побережью линию постов на расстоянии по 3–4 км между ними. Русские гарнизоны размещались в крепостях и сорока укреплениях — ретраншементах, фельдшанцах, редутах, вооруженных 90 орудиями.

16 мая 1778 г. Суворов обратился к своим войскам со специальным приказом, по которому русские должны были «соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиян и разных званий обывателей».

В мае 1778 г. 10 турецких судов под командованием Гаджи-Мегмета бросили якоря в Ахтиарской бухте (на месте будущего Севастополя). 7 июня высадившиеся на берег турки атаковали русский дозор и убили казака. Туда немедленно поскакал Суворов. Суворов первым делом потребовал у турецкого адмирала найти и наказать убийцу. В ожидании ответа генерал-поручик поехал осматривать Ахтиарскую бухту. Его внимание привлек сравнительно узкий вход в бухту. Там он приказал построить земляные укрепления для «приличной артиллерии».

Как и следовало ожидать, Гаджи-Мегмет прислал письмо с уверениями в дружбе, но наказывать виновных не собирался. Суворов не стал вступать в полемику с турком. А в ночь на 15 июня по обеим сторонам бухты шесть пехотных батальонов приступили к постройке укреплений. Поутру разъяренный Гаджи-Мегмет разглядывал в трубу укрепления русских, закрывавшие ему выход в море. Немедленно к Суворову был отправлен посыльный с письмом, где запрашивалось, зачем русским понадобилось строить столь мощные укрепления.

Ответ Суворова не замедлил себя ждать: «Дружески получа ваше письмо, удивляюсь нечаянному вопросу, не разрушили ли мы обосторонней дружбы... к нарушению взаимного мира никаких намерений у нас нет, а напротив, все наше старание к тому одному устремлено, чтобы отвратить всякие на то неприязненные поползновения и чтоб запечатленное торжественными великих в свете государей обещаниями содружество сохранить свято. Итак, мой приятель, из сего ясно можете видеть мою искреннюю откровенность и что сомнение ваше выходит из действий вашей внутренности...».

Мало того, по всей бухте были расставлены многочисленные конные и пешие посты русских, которые под угрозой оружия не разрешали туркам

высаживаться на берег. Офицерам это Суворов объяснил карантином против чумы, свирепствовавшей в Турции. Оставшись без воды, Гаджи-Мегмет приказал уходить в Синоп. Больше турецкие корабли здесь не появлялись до 1918 г.

Дважды, в июле и августе 1778 г., турецкий флот численностью до 170 вымпелов появлялся в Феодосийском заливе с целью высадки десанта. Но в обоих случаях турки видели на берегу скопления русских войск, а с моря подходили суда Азовской флотилии. Турки надеялись повторить то, что сделали Прозоровский с Суворовым, — тихо, без большой баталии влезть в Крым и поставить ханом своего человека. Но времена изменились. Крым, формально еще независимый, фактически уже был русским. Изменить же ситуацию могла лишь большая война с Россией. А ее на тот момент султан не хотел, а главное, не были готовы турецкие армия и флот. В итоге турецкий флот вынужден был удалиться из Феодосийского залива в Константинополь.

Не сумев добиться своего силой, турки решили взять реванш на дипломатическом поприще. Кстати, переговоры с турками в Стамбуле шли почти непрерывно с 1775 г. Их начал князь Н.В. Репнин, затем продолжили А.С. Стахиев и А.В. Марков. Переговоры закончились подписанием 10 марта 1779 г. Айналы-Кавакской изъяснительной конвенции. Все основные статьи Кючук-Кайнарджийского договора были подтверждены. Главные артикулы конвенции подтверждали полную административную независимость Крыма от Порты. Россия должна была вывести свои войска с Крымского полуострова и, как и Турция, не вмешиваться во внутренние дела ханства. Турция признала Шагин Гирея крымским ханом. Турция подтвердила независимость Крыма и право свободного прохода Босфора и Дарданелл для русских торговых судов. Российские войска, оставив шеститысячный гарнизон в Керчи и Еникале, в середине июня 1779 г. ушли из Крыма и Кубани.

Как видим, туркам удалось добиться на бумаге значительных успехов. Но время работало на Россию.

Осенью 1781 г. старший брат крымского хана Батырь Гирей, приверженец старинных обычаев, живший в Тамани, начал открыто призывать к свержению Шагин Гирея. В начале 1782 г. его публично поддержал крымский муфтий (главный богослов у мусульман и толкователь Корана). Шагин Гирей жестоко расправился с оппозицией — муфтий и еще двое знатных мурз были повешены. Это вызвало всеобщее недовольство татар. Родственник Шагин Гирея Махмут Гирей поднял восстание. Восставшие захватили Бахчисарай. Шагин Гирею снова

пришлось бежать под защиту русских войск в Керчь. А Батырь Гирей переехал в Кафу и при поддержке Порты был провозглашен ханом Крыма. В это время в Никополе был сформирован новый корпус русских войск, который и направился к Карасубазару. Отряд Алим Гирей, насчитывающий несколько тысяч мятежных сторонников Батырь Гирей, пробовал остановить продвижение русских войск. Но в первом же бою татары были рассеяны, а Батырь Гирей попал в плен. Шагин Гирей снова был восстановлен в звании крымского хана.

Вернувшись в Бахчисарай, Шагин Гирей немедленно начал массовые казни своих противников. Махмут Гирей был публично побит камнями. Узнав об этом, Екатерина повелела Потемкину «объявить хану в самых сильных выражениях», чтобы он прекратил казни и отдал «на руки нашего военного начальника родных своих братьев и племянника, также и прочих, под стражею содержащихся». Так, вмешательство императрицы спасло жизнь Батырь, Арслан и Алим Гиреям.

Потемкин отправил Екатерине секретную «записку», где говорилось: «Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской — во всех сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего хан нынешний туркам приятен: для того, что он не допустит их через Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите же теперь, что Крым Ваш и что нет уже сей бородавки на носу, — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубанской сверх частых крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна, мореплавание по Черному морю свободное... Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, только покой доставит».

Шагин Гирей оказался в безвыходном положении: с одной стороны он был ненавидим большинством татарского населения, с другой — русские отказали ему в поддержке. Единственным выходом было отречение, и в феврале 1783 г. Шагин Гирей отрекся от ханского престола.

В апреле 1783 г. Екатерина издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». В нем говорилось: «В прошедшую с Портой Оттоманскою войну, когда силы и победы оружия Нашего давали Нам полное право оставить в пользу Нашу Крым, в руках Наших бывший, Мы сим и другими пространными завоеваниями жертвовали тогда возобновлению доброго

согласия и дружбы с Портою Оттоманскую, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую, чтобы удалить навсегда случаи и способы к распрям и остуде, происходившим часто между Россиею и Портою в прежнем татар состоянии... Но ныне... по долгу подлежащего Нам попечения о благе и величии Отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством, навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между империями Российской и Оттоманской заключенный, который Мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших, решились Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону».

Этот манифест окончательно покончил с татарскими набегами на Русь. Екатерина Великая блестяще закончила дело Дмитрия Донского, Ивана III и Ивана Грозного. Екатерина писала, что по приобретении Крыма «исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украина и Елисаветград поныне еще помнят».

Тем не менее еще в начале XX века старики на юге Украины ругались: «Чтоб тебя крымская сабля посекла».

Весной 1783 г. по приказу Григория Потемкина началось укрепление Кинбурна, войска Суворова заняли Таманский полуостров и Кубань. В Крым был введен корпус генерала де Бальмена. У южного побережья полуострова крейсировали корабли Азовской флотилии.

В апреле 1783 г. капитан 2-го ранга И.М. Берсенов на фрегате «Осторожный» осмотрел Ахтиарскую бухту и предложил создать там военно-морскую базу. 2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошли пять фрегатов и восемь малых судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Клокачева.

Сразу же на берегах Ахтиарской бухты началось строительство офицерских домов, казарм для матросов и солдат. В августе была освящена первая небольшая каменная церковь.

Было создано несколько новых береговых батарей, а построенные в 1778 г. Суворовым редуты были значительно усилены.

10 февраля 1784 г. последовал рескрипт Екатерины II: «Нашему Генерал-фельдмаршалу, военной коллегии президенту, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину... с распространением границ Империи Всероссийской необходимо... и обеспечение оных, назнача по удобствам новые крепости... Крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное

селение...»

За прошедшие 200 лет нашлось немало историков, как за рубежом, так и у нас, осуждавших Екатерину Великую за «захват Крыма и лишение татар независимости». Не будем напоминать, как в XVIII и XIX веках Англия и Франция захватывали территории в Африке и Азии, не будем вспоминать истребление индейцев в Америке. Скажем лишь, что даже по меркам современной морали и права Екатерина поступила вполне лояльно с татарами, принесшими столько горя Руси. Григорий Потемкин в ордере командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 г. указал: «Воля Ее Императорского Величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Потемкин пригласил на полуостров иностранцев — специалистов по садоводству, шелководству, лесному хозяйству, виноградарству. Увеличилась добыча соли. За 1784 г. ее было продано более двух миллионов пудов.

В Крыму Потемкин создал «свободную экономическую зону». По указу Екатерины II от 13 августа 1785 г. все крымские порты были освобождены от уплаты таможенных пошлин сроком на пять лет, а таможенная стража была переведена на Перекоп.

Екатерина запретила обращать простых татар в крепостных крестьян. Русские не вытесняли татар с их земель, а просто селились рядом на пустовавших землях. Все рабы-христиане были освобождены, а земли, возделанные самими татарами, занимали ничтожную часть Крыма. На конец 1783 г. в Крыму имелось 1474 поселения. Население обоего пола составляло всего 60 тысяч человек.

Итак, татары в Крыму получили те же права, что и остальные жители империи, но были избавлены от рекрутских наборов и ряда других тягот. Никто не покушался на их веру, на их скот, на их земли. Но у них отняли самое главное их право — грабить соседей и торговать рабами. Этого они не могли простить русским.

Екатерина понимала, что присоединение Крыма к России может привести к войне с Турцией, и была готова к этому, но, тем не менее, постаралась сделать все, чтобы избежать конфликта. На несколько недель Крым был отрезан от всего мира, и ни Турция, ни Европа не знали, что там происходит.

А затем Порта была поставлена перед свершившимся фактом. Султан и его окружение были поражены тем, что присоединение Крыма и Кубани

прошло не только быстро, но и мирно. Да и все формальности были соблюдены — хан добровольно отрекся в пользу России, а население добровольно присягнуло Екатерине. Турецкая армия не была готова к войне. Сыграли свою роль и огромные взятки, розданные пашам послом в Турции Я. Н. Булгаковым. Результатом вышесказанного стал акт о Крыме, подписанный в Константинополе в конце декабря 1783 г., о котором Булгаков писал Екатерине: «артикулы о татарах навеки уничтожены, и последние наши распри с Портою кончены». А в январе 1784 г. в Константинополе был обнародован сенед — султанский указ, гласивший, что Османская империя принимает и признает вхождение Крыма в состав Российской империи.

Указом Екатерины от 22 февраля 1784 г. все татарские мурзы, улемы, а попросту каждый, кто носил саблю и орал, что он «балшой человек», были приравнены к русскому потомственному дворянству. 18 сентября 1796 г. крымские татары были освобождены от рекрутской повинности и военного постоя. Им предоставлялось право разбирать взаимные тяжбы у улемов. Мусульманское духовенство навсегда освобождалось от уплаты податей. В начале XIX века была подтверждена личная свобода крымскотатарского крестьянства. Согласно постановлению 1827 г., крымскотатарское население имело по закону право собственности на движимое и недвижимое имущество. Тем не менее значительная часть крымских татар в конце XVIII — начале XIX века эмигрировала в Турцию. В связи с этим русское правительство предприняло ряд мер для заселения Крыма. Туда отправляли отставных солдат, русских и украинских крестьян, молдаван, поляков, чухонцев, греков, прижившихся в Новороссийской губернии, болгар, немецких колонистов и др. Большую роль в изменении этнического состава Крыма сыграло поселение там государственных крестьян из внутренних губерний России. Из 92 242 переселенцев, прибывших в Таврическую губернию с 1783 по 1854 г., 45 702 (то есть 50,55 %) составляли государственные крестьяне.

По данным А.Р. Андреева,^[267] «с приходом в Крым русских на полуострове стало развиваться виноделие. В 1804 г. в Судаке, а в 1828 г. в Магараче под Ялтой открылись казенные учебные заведения виноделия и виноградарства. Было издано несколько указов, предоставлявших льготы лицам, занимавшимся садоводством и виноградарством, им бесплатно передавались в потомственное владение казенные земли. В 1848 г. в Крыму было произведено 716000 ведер вина».

Крымские татары в начале XIX века в основном занимались скотоводством — разводили лошадей, коров, волов, коз и овец. К середине

XIX века в Крыму было уже 12 суконных фабрик, значительно возросло производство зерна и табака. В первой половине XIX века на полуострове добывалось от 5 до 15 млн. пудов соли, которая вывозилась как во внутреннюю Россию, так и за границу. Ежегодно вывозилось до 12 млн. пудов осетровой рыбы.

В 1828 г. в Крыму было открыто 64 предприятия обрабатывающей промышленности, а к 1849 г. их стало 114.

В 1826 г. была построена дорога от Симферополя до Алушты, в 1837 г. она была продолжена до Ялты, а в 1848 г. — до Севастополя. В 1848 г. на границе Южного берега Крыма и северного склона Крымских гор были сооружены Байдарские ворота, благодаря которым открылся короткий путь от Севастополя до Ялты.

В 1811 г. был открыт Феодосийский исторический музей, в 1825 г. — Керченский исторический музей. В 1812 г. в Симферополе открылась мужская гимназия. В том же году ботаник Христиан Христианович Стевен на Южном берегу Крыма, у деревни Никита, основал Никитский ботанический сад.

Глава 25

Татары в крымской войне

Почему Россия проиграла Крымскую войну? Советский энциклопедический словарь дает четкий ответ: «Военная и экономическая отсталость феодальной России обусловила ее поражение». [\[268\]](#)

В самом деле, нарезные ружья союзников били в 3–4 раза дальше, чем гладкие ружья русских солдат. Союзная пехота из винтовок расстреливала прислугу и лошадей русских полевых батарей, прежде чем они могли приблизиться на картечный выстрел. Парусные русские корабли были бессильны против пароходов союзников, так же как русские береговые пушки против французских броненосцев под Кинбурном в 1855 г.

Главной же причиной поражения было то, что снабжение русских войск в Крыму шло по ужасным гужевым дорогам, по которым, как и тысячу лет назад, медленно тащились волы с арбами, груженными оружием и продовольствием. Снабжение же союзников осуществлялось по европейским железным дорогам в порты, а оттуда пароходы доставляли все необходимое в Балаклавскую и Камышовую бухты.

Николай I проиграл Крымскую войну в декабре 1825 г. на Сенатской площади. И дело не в том, что он повесил пятерых и сослал в Сибирь несколько сотен дворян, являвшихся мыслящей частью общества. Хуже было то, что царь встал на пути развития человечества. И ему удалось затормозить прогресс в политике, экономике, науке и военном деле в России на целых 30 лет. Результатом и стало позорное поражение в Крымской войне.

Забавно, что сейчас либералы (а не реакционеры) болтают об ужасах революций и объявляют, что в России навечно исчерпан лимит на революции. Странно, что их оппоненты не задают им простой вопрос: А что изменилось во Франции с 1768 г. по 1788 г.? Сами либеральные политики на это не ответят и позовут профессоров-историков, которые, нахмутив лбы, начнут лепетать, мол, был Людовик XV, а стал Людовик XVI, первый завел Олений парк с десятками малолетних девочек, а второй не мог удовлетворить и собственной жены; был в моде один стиль архитектуры и одни художники, а стали другие. Но, кроме узких специалистов, никто не определит по кадрам исторического фильма, какой год на дворе — 1768-й или 1788-й?

А вот за 20 лет, с 1789 по 1809 г., во Франции все кардинально изменилось: резкий скачок в экономике, в банковской системе, введена метрическая система мер, новая стратегия и тактика ведения войны, изменились прически, одежда, рухнули сословные предрассудки и т. д., и т. п. А главное, Франция из конгломерата провинций с собственными законами, единицами мер, языками — бретонским, гасконским, провансальским и др., превратилась в единое государство, где не было ни нормандцев, ни пикардийцев, ни бургундцев, ни гасконцев, а были одни французы.

Сейчас во Франции мы видим куда больше элементов, введенных в 1789–1809 гг., чем за тысячу лет правления королей. Это флаг, гимн, французский банк, орден Почетного легиона, территориальное деление на департаменты вместо громоздких провинций и т. д. и т. п.

История дает нам десятки примеров, когда застой и разложение страны неизбежно приводили к революции, альтернативой которой являлась гибель государства и исчезновение его населения.

Но вернемся к Крымской войне. Помимо отсталости России, причиной поражения стала косность мышления русских генералов, которые забыли собственную военную историю. Почему Карл XII в 1708 г. не дошел до Смоленска 14 верст и повернул на юг? Убоялся петровских войск? Да нет, он жаждал сражения, а русские, наоборот, бежали перед шведами. Карл испугался генерала Голода, который через сто лет погубит Великую армию Наполеона.

Дело в том, что по приказу Петра русские разоряли собственную страну так же, как и Польшу. Чтобы не быть голословным, приведем цитату из указа Петра: «Ежели же неприятель пойдет на Украину, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов)... польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «...сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба». Генерал-поручик Боур получил аналогичный приказ Петра: «...главное войско обжиганием и разорением утомлять».

Поэтому-то Карл и не пошел на Москву, а повернул на Украину, где

надеялся найти большие запасы продовольствия и союзные войска гетмана Мазепы.

Высадка союзников в Крыму вовсе не была неожиданностью для русского командования. Еще 5 марта 1854 г. военный министр писал командующему русским флотом в Крыму князю А.С. Меншикову: «По полученным здесь сведениям подтверждается, что соединенный англо-французский флот намеревается сделать высадку на Крымских берегах, чтобы атаковать Севастополь с сухопутной стороны... Государь император поручил мне сообщить о сем Вашей светлости с нарочным фельдъегерем и покорнейше просить Вас принять все зависящие от Вас меры, дабы быть готовым встретить и отразить угрожающие Крыму и в особенности Севастополю неприятельские покушения».

Неужели за 6 месяцев светлейший князь не мог подготовиться к защите Крыма? Неужели русские генералы и адмиралы не понимали, где могли высадиться союзники? Может, князь Меншиков думал, что они полезут по горным дорогам и тропинкам в Балаклаве, Алушке, Ялте или Судак? Было только два удобных места высадки столь крупного десанта — район Евпатории и район Феодосии. Но Феодосия слишком удале на от Севастополя. Поэтому был лишь один десантоопасный район, и именно там нужно было строить укрепления и там попытаться задержать врага. Ну а если бы союзники прорвали оборону наших войск? Вопрос первый — куда бы они пошли? К Северной стороне Севастополя, чтобы взять город с ходу? Это надо быть сумасшедшим. Северная сторона еще до войны была относительно хорошо укреплена, взять ее с ходу было нереально.

Замечу, что в 1854 г. на Северной стороне Севастополя почти не было военных объектов и жилых домов, а начать переправу через Севастопольские бухты под огнем кораблей Черноморского флота мог только самоубийца.

Нужна длительная осада, а как прикажете в этом случае снабжать огромную армию? Из Евпатории? Так она слишком далека от Севастополя, а главное, там нет защищенной от бурь стоянки кораблей, тем более для огромного флота. У союзников был единственный путь — пройти вдоль побережья к Инкерману, а затем расположиться южнее Севастополя, получив таким образом вполне приемлемые места базирования для флота — Балаклаву и Камышовую бухту.

И тут-то у Меншикова оказалось меньше ума, чем у неграмотных татарских беев во времена Миниха. Вспомним, почему тогда русская армия без сражений была вынуждена покинуть Крым с большими потерями? Правильно! Потому что татары оставляли русским выжженную землю.

Неужто Меншиков за 6 месяцев не мог подготовить к взрыву мосты и крупные каменные здания? Все жители в районе Балаклавы подлежали выселению, домашний скот следовало забить и бросить в водоемы. Особых сложностей это не представляло, так как южный берег Крыма был очень мало заселен. К примеру, в Ялте насчитывалось всего 86 душ обоого пола! На «выжженной земле» союзников неминуемо ждала бы судьба наполеоновской армии в 1812 г.

Но, увы, светлейший князь Меншиков был слишком галантным кавалером. Он дал возможность союзникам захватить в Евпатории 12 тысяч кубометров зерна, которые еще до войны были собраны для вывоза за рубеж. Этого зерна хватило союзникам на 4 месяца.

В XIX веке не существовало специальных десантных судов, и союзники высадили сравнительно большую армию, но практически без обоза, то есть они могли провести успешное сражение у места высадки, что, кстати, и сделали 8 сентября 1854 г. на реке Альме, но наступать они не могли, не имея достаточного количества лошадей и телег.

И тут на помощь союзникам пришли крымские татары. Сразу после высадки первого небольшого отряда в Евпатории английские офицеры увидели с пристани 350 татарских телег и несколько сотен лошадей. Видимо, кто-то заранее организовал сбор транспортных средств. Затем татары стали ежедневно пригонять в район Евпатории десятки, а то и сотни лошадей и телег.

После неудачного сражения на реке Альме князь Меншиков растерялся: то он хотел прикрыть своей армией Севастополь, то Бахчисарай. Предотвратить же единственно возможный, я бы сказал спасительный марш союзников к Балаклаве русские даже не пытались. А ведь дело происходило в горной местности. Завалы на дорогах, засады, фугасы, наскоки кавалерии могли надолго задержать союзников. Но светлейший князь предпочел «потерять» противника.

Итак, союзная армия с помощью татар сумела обогнуть с юга Севастополь и получила отличные места стоянки для боевых кораблей и транспортов почти рядом с Севастополем.

В ходе всей Крымской войны вооруженные татарские отряды, точнее банды, не представляли непосредственной угрозы для наших регулярных войск. Однако татары вместе с десантными отрядами союзников сильно нервировали русское командование, которое чувствовало себя в Крыму, как в осажденной со всех сторон крепости.

Татары терроризировали русское население почти во всех частях Крыма, вне расположения наших войск. Уже 5 сентября 1854 г. к имению

помещика Ракова у деревни Майрык приехали татары из деревни Тузлы и заявили, что «посланы англичанами забирать у русских помещиков весь скот; но когда им ответили, что скота не дадут, то они сказали, что скоро придут другие, подобные им, и разделяются иначе».^[269]

Из отчета губернатору евпаторийского исправника графа Мамуна: «Некоторые из татар в угождение неприятелю приняли на себя обязанность за условное вознаграждение выдавать чиновников в руки неприятеля, разыскивая их по уезду... 3 сентября Евпаторийский уездный судья Стойкович с делами уездного суда отправился в Перекоп. Ночью с 4 на 5 сентября в д. Бейбулат госпожи Фесенковой, где он остановился с семейством, произошло нападение взбунтовавшихся татар, причем дела и книги уездного суда были разбиты и почти уничтожены. Сам Стойкович был избит, взят в плен и увезен в Евпаторию...

2 сентября татары задержали в Кара-Чора-Молда дворянского заседателя Комаровского и не пустили в Перекоп под угрозой смерти. Вооруженные ружьями, они разъезжали в большом числе по всем дорогам и говорили, что поступили на службу к своему султану».^[270]

Комаровского татары отвезли в Евпаторию, занятую союзниками. Там он узнал, что «уездный судья Стойкович взят татарами в плен и отвезен в Евпаторию, что имение его разграблено, постройки разрушены, и находившиеся там дела уездного суда уничтожены».

Комаровскому удалось спрятать от татар часть денег, и в Евпатории он дал взятку в 60 рублей какому-то турецкому чиновнику, представлявшему «новую власть». Турок велел освободить Комаровского, и через несколько часов тот оказался под защитой эскадрона русских улан.

В губернаторском отчете за сентябрь — октябрь 1854 г. говорится о грабежах «имений русских помещиков и нападениях буйными толпами на проезжающих до самого Армянского Базара... Большое имение генеральши Поповой Караджа в Евпаторийском уезде было совершенно разграблено татарами. Они отняли весь рогатый скот, овец, лошадей, забрали весь хлеб урожая двух лет, смолоченный в амбарах и немолоченный в скирдах, разорили виноградный и фруктовый сад, рыбный завод, разграбили имущество, мебель, серебро. Убытку было сделано свыше чем на 17000 р. 4 сентября было разграблено татарами имение Аджи-Байчи, а владелец Весинский с братом отведены в Евпаторию».^[271]

Обратим внимание, данных о нападениях на военных нет, татары нападали лишь на мирных граждан.

«Исполняющий должность ялтинского уездного стряпчего Щербак 17

сентября доносил прокурору, что производство дел в ялтинских присутственных местах приостановилось, в присутствии никто не бывает и многие чиновники выехали из города после того, как неприятель взял Балаклаву и Байдары. «Слухи носят, что тамошние татары начали заниматься грабежом, а 16 сентября доставлен в Ялту из Байдарского поста раненный татарами донской казак». Прокурор, со своей стороны, доносил министру юстиции, что, «как видно из поступающих сведений, некоторые из крымских татар в местах, занятых неприятелем, поступают предательски, доставляя во враждебный стан на своих подводах фураж, пригоняя туда для продовольствия стада овец и рогатого скота, похищаемые насильственно в помещичьих экономиях, указывают неприятелю местности, предаются грабежу и вооруженной рукой противоборствуют нашим казакам»». ^[272]

Замечу, что осенью 1854 г. в Крыму массовый грабеж творили не только татары, но и «просвещенные европейцы». Так, 22 сентября в Ялте высадилось около тысячи англичан, «до 1000 человек неприятелей пошли по домам и преимущественно по присутственным местам, следуя указанию татар, и начали грабить казенное и частное имущество, а затем 23 числа ушли. Стряпчий доносил прокурору, что у него сожжено было много дел, но дела, как оказалось, были почти все целы, а сожжена белая бумага, которой неприятели поджигали дрова посреди двора, чтобы жарить кур и уток, взятых у стряпчего и его соседей». ^[273]

Те же бесчинства продолжались и в следующем, 1855 г. Вот, к примеру, «25 июня целый эскадрон французской кавалерии был в Мшатке, 2 июля снова. Отсюда французы, числом в 140 человек, с двумя пушками под начальством генерала отправились в имение графа Перовского Мелас. Провожатыми были татары. Там они обедали, пили кофе и экономическое вино, взяли из экономии два плана и одну картину и ушли в Байдары». ^[274]

«6 июня французы пытались высадиться в Мухалатской бухте, но казаки вовремя открыли огонь. В то же время французы постоянно съезжали на берег за вином, обобрали имения князя Голицына (Форос), Перовского, графа Кушелева-Безбородко и др. Проводниками везде были татары...

18 июля имение графа Перовского Мелас, Сабурова — Ай-Юри и Кушелева-Безбородко — Мшатка были разграблены неприятелем. Мухалатские татары имения Шатилова держали в это время цепь и следили за казаками». ^[275]

Русские гражданские и военные власти на действия татар реагировали

довольно вяло, хотя еще до десанта союзников из Петербурга пришло указание «всех подозрительных жителей края, в том числе и татар... выселять на жительство в Курскую и другие губернии». [\[276\]](#)

По приказу губернатора Н.В. Адлербега были арестованы некоторые татары высшего звания, например Осман бей Кекуатский и Султан Гирей Чалбашев. Над Джан-Гиреем и Ос-ман-Гиреем (жителями д. Камышлык) был установлен надзор, Мурзу Метирша Бораганского за возмущение татар выслали в Екатеринбург.

Однако в целом репрессии были очень слабыми. Всего в Курск выслали чуть более ста человек, в Екатеринославском тюремном замке содержалось 49 татар, обвиненных в ограблении церквей, имений и т. д. и возмущении татар против России, и 29 татар без предъявления обвинений.

Справедливости ради надо сказать, что имела место и помощь крымских татар русским войскам. Так, в феврале 1855 г. при транспортировке раненых с позиций близ Евпатории в Симферополь татары деревень Котур и Камбар «оказывали скорое и неусыпное содействие в отводе квартир и предоставлении удобств», охотно оказывали помощь раненым, в особенности в деревне Камбар мурза Ислям Джаминский, а в деревне Котур поселянин Сеит Мамут Бекир-оглу. Они добровольно отдавали лучшие помещения в своих домах, постели и одеяла, помогали переносить больных и раздавать им пищу.

Впоследствии некоторые татары Евпаторийского и других уездов были представлены к получению медали за усердие. Агаджан мурза Караманов из деревни Шули получил золотую медаль на Владимирской ленте.

Самое большое усердие и сознание гражданского долга показал помещик князь Мемет-бей Балатуков, который так описывал свою деятельность во время войны: «В апреле 1855 г. пожертвовал камень для устройства Чонгарского моста. После занятия Евпатории неприятелем, при возникших в уезде беспорядках, был требуем неприятелем в Евпаторию для оказания услуг ему посредством влияния на татар, но, не обращая внимания на эти требования, жил в своем имении в д. Мамай, в 10 верстах от Евпатории, и всеми мерами старался удержать татар от беспорядков». За все это князь Балатуков был награжден орденом святой Анны 3-й степени.

«Весьма симпатичной представляется и деятельность во все время войны Симферопольского городского головы татарина Мемет Абдул Умер-оглу, а также Карасубазарского городского головы Джелала, который в начале войны успокоил русских обывателей города, заявив, что отвечает своей жизнью и состоянием, если кто из них потерпит малейшую обиду».

[\[277\]](#)

После окончания Крымской войны император Александр II объявил амнистию крымским татарам, пособничавшим союзникам. Тем не менее некоторая часть крымских татар, опасаясь репрессий и по религиозным соображениям, уехала в Турцию.

По данным переписи 1897 г. в Крыму жило 186 тысяч крымских татар. Общее население полуострова достигало полумиллиона человек, проживавших в двенадцати городах и 2500 населенных пунктах.

Глава 26

Крымские татары в Гражданской и Великой Отечественной Войнах

С февраля по октябрь 1917 г. (по старому стилю) в Петрограде было двоевластие — Временное правительство и Петроградский Совет. А в Крыму имело место многовластие, точнее, к власти лез каждый, кому не лень. На власть в Крыму и Севастополе, естественно, претендовали Временное правительство, Ставка верховного главнокомандующего и Севастопольский Совет.

В апреле 1917 г. в Киеве при попустительстве Временного правительства было создано сепаратистское правительство Украины, так называемая Центральная рада. Приехавший в Киев в середине июля А.Ф. Керенский фактически признал власть Центральной рады над рядом малороссийских губерний.

В октябре 1917 г. в Севастополь прибыл «украинский» комиссар флота капитан 2-го ранга Акимов, вывесивший над своей резиденцией флаг Центральной рады. Украинский войсковой комитет прямо агитировал за полную «украинизацию» Черноморского флота и передачу его Украине на правах собственности.

Этой пропаганде в ноябре поддались экипажи крейсера «Память Меркурия» и миноносца «Заветный». В ответ на решение большинства команды крейсера вместо андреевского поднять 12 ноября флаг Украины «великороссы и несочувствующие подъему украинского флага» решили покинуть корабль. Судовой комитет просил Исполком Совета назначить на крейсер матросов-украинцев взамен ушедших, но Совет и Центрофлот отвергли эти домогательства. В конце концов «желто-блукитный» флаг на «Памяти Меркурия» был спущен.

Татарские националисты тоже не терялись. 10 декабря 1917 г. в Бахчисарае был созван татарский курултай. Курултай сформировал «Крымско-татарское национальное правительство» под руководством муфтия Челебиджана Челебиева, которого позже сменил Джафр Сейдамет. Самозванное правительство сформировало «армию» из нескольких тысяч националистов. 21 декабря банда татар разоружила солдат береговой батареи в Евпатории. А 24 января 1918 г. татарская конница ворвалась в Севастополь. В ходе двух дней ожесточенных боев матросы Черноморского

флота и солдаты Севастопольской крепости разгромили татар и выбросили их из города. Начальник штаба татарских формирований Ч. Челебиев был взят в плен и расстрелян матросами.

В Ялту, Феодосию и Евпаторию были отправлены боевые корабли, пушки которых отрезвили новоявленных претендентов на ханский престол. По железной дороге в Симферополь были отправлены отряды матросов, которые совместно с представителями русского населения Симферополя очистили город от банд националистов. Джафер Сейдамет бежал в Турцию.

3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир. Однако ни немцы, ни турки не прекратили боевых действий. 13 марта германские войска заняли Одессу. 17 марта германо-австрийские войска заняли Николаев. После небольших стычек германские войска прорвались через Перекопский перешеек и 25 апреля заняли Симферополь. Здесь под охраной германских войск образовалось новое крымское правительство.

Премьер-министром «Крымского краевого правительства», а также министром внутренних и военных дел немцами был назначен татарский националист М.А. Сулькевич, а министром иностранных дел уже знакомый нам Джафер Сейдамет.

В июле 1918 г. «правительственная» делегация посетила Берлин. Татары просили признать независимость суверенного «Крымского ханства» и, разумеется, денег. Но пока суд да дело, у немцев началась революция, и им стало не до ханов.

Через год после бегства врангелевских войск из Крыма, 18 октября 1921 г., ВЦИК и Совнарком издали декрет об образовании Крымской АССР. Государственными языками Крымской АССР являлись русский и татарский. В основу административного деления автономной республики был положен национальный принцип: в 1930 г. были созданы национальные сельсоветы: русских — 207, татарских — 144, немецких — 37, еврейских — 14, болгарских — 9, греческих — 8, украинских — 3, армянских и эстонских — по 2. Кроме того, были организованы национальные районы. В 1930 г. было 7 таких районов: 5 татарских (Судакский, Алуштинский, Бахчисарайский, Ялтинский и Балаклавский), 1 немецкий (Биюк-Онларский, позже Тельманский) и 1 еврейский (Фрайдорфский). Во всех школах дети национальностей учились на своем родном языке.

Накануне Великой Отечественной войны крымские татары составляли менее одной пятой населения полуострова. Из 1 млн. 126 тыс. жителей татар было 218 тысяч (19,4 %), русских 558 тысяч (50 %), украинцев 154 тысячи (13,7 %), евреев 65 тысяч (5,8 %), немцев 51 тысяча (4,6 %) и т. д.

С началом войны германские войска устремились к Перекопу. В директиве от 21 августа 1941 г. главному командованию сухопутными войсками Гитлер потребовал: «Важнейшей задачей до наступления зимы является не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа... Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии. Всеми средствами, вплоть до ввода в бой моторизованных соединений, необходимо стремиться к быстрому форсированию Днепра и наступлению наших войск на Крым, прежде чем противнику удастся подтянуть свежие силы».^[278]

По поводу послевоенной судьбы Крыма в германском руководстве не было споров. Крыму надлежало стать неотъемлемой частью так называемой третьей империи. «Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами», — объявил Гитлер на совещании в фашистской ставке еще 19 июля 1941 г.^[279] Из документов же секретного архива Гимmlера стало известно, что для Крыма — будущей «немецкой Ривьеры» — Гитлер предложил новое название — Гитенланд. Симферополь предполагалось переименовать в Гитенбург, Севастополь — в Теодорихсхафен.

Но раскрывать свои планы Гитлер не торопился. На Крым претендовали Италия, Турция и крымские татары. Итальянцы не забыли о своих колониях в Крыму в XIII–XV веках, и совсем не случайно пятнадцатитысячный итальянский корпус высадился на полуострове в ходе Крымской войны.

Гитлер уже в июне 1941 г. всерьез был озабочен, как ограничить захватнические планы Муссолини. По этой причине немцы не дали Италии оккупационной зоны во Франции и категорически отказались передать ей хотя бы часть французского средиземноморского флота.

Дуче несколько раз затевал с фюрером разговор о Крыме и каждый раз получал резкий отказ. Гитлера приводила в бешенство сама мысль, что кто-то посягает на «зону отдыха арийцев». 24 июня 1941 г. фюрер истерично кричал собравшимся генералам: «Я никогда не допущу в Крым итальянцев!» Вечером начальник генштаба Гальдер занес его слова в дневник.

Чтобы привлечь крымских татар и Турцию к борьбе с «большевиками», руководство рейха с лета 1941 г. начало использовать Крым в качестве приманки. В конце лета 1941 г. сотрудники германского посольства в Турции встретились с лидерами крымско-татарской

эмиграции. Способствовал положительному решению вопроса о вовлечении крымско-татарской эмиграции в активную германскую политику визит в Берлин в октябре 1941 г. турецких генералов Али Фуад Эр-дена (начальник военной академии) и Хусню Эмир Эркиле-та. В ходе переговоров Али Фуад высказал надежду, что после окончания военных действий в Крыму будет сформирована администрация, в которой бы в значительной степени участвовали крымские татары. Это, в свою очередь, могло сильно повлиять на турецкое правительство в пользу решения о вступлении Турции в войну на стороне Германии.

Красноречиво заявление активного члена прогерманской группы в Турции Нури Паши (брата Энвер Паши): «Предоставление свободы такой небольшой области, как Крым, явилось бы для Германской империи не жертвой, а политически мудрым мероприятием. Это была бы пропаганда в действии. В Турции она нашла бы тем больший отклик».^[280]

Необходимо отметить имевшую место двойственность в германской пропаганде по «восточному вопросу». С одной стороны, вторжение в СССР началось под лозунгом «уничтожения большевистско-азиатской бестии», и в этом направлении строилась пропаганда. Среди германских солдат в огромном количестве распространялись листовки и брошюры с фотографиями советских солдат различных азиатских национальностей и следующим текстом: «Вот каковы татаро-монгольские твари! От них тебя защищает солдат фюрера!» Органами пропаганды СС в качестве справочного пособия для немецких войск были изданы брошюра «Недочеловек» («Der Untermensch»). Солдат призывали смотреть на местное население как на вредных микробов, которых нужно уничтожить. Народы Востока именовались в брошюре «грязными монголоидами, скотскими ублюдками».

Но, с другой стороны, именно по отношению к так называемым «восточным» народам германское командование требовало на местах проявлять максимум уважения. Так, к Крыму командующий 11-й армией Э. фон Манштейн 20 и 29 ноября 1941 г. издал два приказа, в которых требовал уважительного отношения к религиозным обычаям татар-мусульман и призывал не допускать каких-либо неоправданных действий против мирного населения.

Важным элементом в координации работ верховного командования вермахта, Министерства иностранных дел и репрессивных структур по вовлечению крымских татар в антисоветскую борьбу стало создание представительства Министерства иностранных дел при штабе 11-й армии в Крыму. Обязанности представителя исполнял ведущий сотрудник МИДа

майор Вернер Отто фон Хентин.

Немецкая пропаганда принесла свои плоды. Из мобилизованных в Красную Армию в июле — августе 1941 г. 90 тысяч жителей Крыма 20 тысяч были татары. Все они вошли в состав 51-й армии, действовавшей в Крыму, и при отступлении почти все дезертировали.

После оккупации Крыма немцы организовали пункты вербовки крымских татар в германскую армию и местные военизированные формирования. Работа вербовочных комиссий завершилась в феврале 1942 г. В итоге в 203 населенных пунктах было зачислено в татарские добровольческие формирования около 6 тысяч человек и в пяти лагерях для военнопленных около 4 тысяч человек (в Николаеве 2800 чел.), всего около 10 тысяч добровольцев. К 29 января 1942 г. в германскую армию рекрутировано 8684 крымских татарина, а остальные были разведены по маленьким группам по 3—10 человек и распределены между ротами, батареями и другими войсковыми частями, дислоцировавшимися под Севастополем и на Керченском полуострове.

По данным Симферопольского Мусульманского комитета, старосты деревень организовали еще около четырех тысяч человек для борьбы с партизанами. Кроме того, около пяти тысяч добровольцев должны были позже отправиться для пополнения воинских частей. Согласно германским документам, при численности населения Крыма около 200 тысяч человек крымские татары дали германской армии 20 тысяч. Если учесть, что около 10 тысяч человек были призваны в Красную Армию, то, можно считать, все боеспособные татары в 1942 г. были полностью учтены.^[281]

Было сформировано 14 татарских рот для самозащиты общей численностью 1632 человека, вскоре эти роты были преобразованы в десять батальонов по 200–250 человек каждый. Батальоны эти использовались для несения караульной службы, охраны тюрем, объектов СД, в операциях против партизан. 147-й и 154-й татарские батальоны дислоцировались в Симферополе, 148-й — в Карасубазаре (ныне Белогорск), 149-й — в Бахчисарае, 150-й — в Старом Крыму, 151-й — в Алуште, 152-й — в совхозе «Красный» (лагерь СД), 153-й — в Джан-кое, 155-й — в Евпатории, 156-й — в Ялте.

С началом оккупации Крыма нацистская служба безопасности (СД) сразу же создала Мусульманский комитет, а затем на его базе Татарский комитет с центром в Симферополе. Председателем был назначен Джелял Абдураимдов. Комитет имел шесть отделов: по комплектованию добровольцев для немецкой армии; по оказанию помощи семьям добровольцев; культуры; религии; пропаганды и агитации;

административно-хозяйственный и канцелярия. В некоторых городах и населенных пунктах были созданы также местные комитеты.

Для организации прогерманского самоуправления и Крыму немецкие власти привезли из Турции престарелого Джафера Сейдамета — министра иностранных дел в Крымском краевом правительстве 1918 г. В дальнейшем для образования более солидной администрации германское руководство намечало последнего хана крымских татар Султан-Гирея.^[282]

У Татарского комитета имелся ряд печатных органов, в том числе газета «Азат Крым» («Освобожденный Крым», редактор Мустафа Крутыев) и журнал «Ана-Юрт» («Родина-мать»), которые агитировали за создание татарского государства под протекторатом Германии.

Что же писал «Освобожденный Крым»? Вот, например, 3 марта 1942 г.: «После того как наши братья-немцы перешли исторический ров у ворот Перекопа, для народов Крыма взошло великое солнце свободы и счастья».

10 марта 1942 г. Алушта. На собрании, устроенном Мусульманским комитетом, «мусульмане выразили свою благодарность Великому Фюреру Адольфу Гитлеру — эфенди за дарованную им мусульманскому народу свободную жизнь. Затем устроили богослужение за сохранение жизни и здоровья на многие лета Адольфу Гитлеру — эфенди».

В этом же номере: «Великому Гитлеру — освободителю всех народов и религий!» 2 тысячи татар деревни Коккозы (ныне с. Соколиное Бахчисарайского района) и окрестностей «собрались для молебна... в честь германских воинов. Немецким мученикам войны мы сотворили молитву... Весь татарский народ ежеминутно молится и просит Аллаха о даровании немцам победы над всем миром. О, великий вождь, мы говорим Вам от всей души, от всего нашего существа, верьте нам! Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков вместе с германскими воинами в одном ряду!.. Да благодарит тебя Господь, наш великий господин Гитлер!»

20 марта 1942 г. «Совместно со славными братьями-немцами, подоспевшими, чтобы освободить мир Востока, мы, крымские татары, заявляем всему миру, что мы не забыли торжественных обещаний Черчилля в Вашингтоне, его стремления возродить жидовскую власть в Палестине, его желания уничтожить Турцию, захватить Стамбул и Дарданеллы, поднять восстание в Турции и Афганистане и т. д. и т. п. Восток ждет своего освободителя не от солгавшихся демократов и аферистов, а от национал-социалистической партии и от освободителя Адольфа Гитлера. Мы дали клятву идти на жертвы за такую священную и блестящую задачу».

А вот перл от 10 апреля 1942 г.: «Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами великие общечеловеческие идеи — уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до конца и без остатка.

Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце — Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом. Президиум Мусульманского Комитета». [\[283\]](#)

Просвещенные арийцы в апреле 1942 г. вдруг серьезно озаботились состоянием сельского хозяйства и животноводства татарского населения. Под Евпаторией с этой целью были созданы курсы овцеводов, а под Ялтой — курсы виноградарей. На этих курсах молодые татары учились стричь овец, выращивать виноград, водить все типы автомобилей, прыгать с парашютом, стрелять из всех видов стрелкового оружия, а также шифровальному делу и многому другому, видимо, столь необходимому в крестьянской жизни. Но, увы, когда эти просвещенные юноши появлялись за линией фронта, их хватили злодеи из НКВД. Думаю, что сейчас все эти невинно репрессированные овцеводы и виноградары посмертно реабилитированы.

Крымские татары активно участвовали в штурме Севастополя в июне — июле 1942 г. Вот что пишет по этому поводу

севастопольский историк капитан 2-го ранга И.О. Манюшин: «2 июля катер, на котором находились старший лейтенант В.К. Квариани и сержант П. Судак, получил пробоины в корпусе, стал оседать от принятой воды. Заглох один мотор, и катер пришлось поворачивать к берегу, занятому фашистами. Все это произошло в районе берега неподалеку от Алушты. На берегу произошел бой между десантниками и вооруженной группой татар. В результате неравного боя, все, кто остался в живых, были пленены. Раненых татары расстреливали в упор. Подоспевшие итальянские солдаты часть пленных отправили на машине, а часть на катере в Ялту». [\[284\]](#)

«В. Мищенко, шедший в одной из колонн пленных, свидетельствует, что из трех тысяч их колонны до лагеря в Симферополе «картофельное поле» дошла только половина пленных. Остальные были расстреляны в

пути конвоем из немцев и предателей из крымских татар».^[285]

«В Судакском районе группа самообороны привлекалась для ликвидации десанта. При этом 12 парашютистов были сожжены заживо. Одна из карательных экспедиций завершилась длительной блокадой партизан, в результате которой 90 человек умерли от голода».^[286]

Хватит. Думаю, и сказанного вполне достаточно.

Летом 1942 г. взятие Севастополя и выход Паулюса к Сталинграду вскружили головы заправилам рейха, и многие из них стали предлагать избавиться от татарских союзников: «Мавр сделал свое дело...»

В июне 1942 г. крупный чиновник Альфред Фрауенфельд направил на имя Гитлера обширный меморандум о будущем устройстве Крыма, в котором предлагал переселить в Крым немцев из Южного Тироля. 2 июля Гитлер заявил, что считает это предложение весьма полезным. Также предполагалось разместить на полуострове 140 тыс. немцев из Транснистрии и 2 тыс. немецких переселенцев из Палестины, однако затем было решено использовать заднепровских немцев.

В предложениях о преобразовании Крыма в 1942–1943 гг. недостатка не было. Так, руководитель Трудового фронта и шеф организации «Kraft durch Freude» Роберт Лей предлагал переоборудовать Крым в гигантский курорт для немецкой молодежи.

Для обоснования исконной принадлежности Крыма Германии А. Фрауенфельд в июле 1942 г. организовал археологическую экспедицию под руководством бригаден-фюрера СС фон Альвенслебена и армейских офицеров полковника Калька и капитана Вернера Баумельбурга. Они провели обследование окрестностей Бахчисарая и средневековой крепости Магнул-Кале.

5 июля 1942 г. состоялось совещание командования вермахта и полиции, где обсуждался вопрос о методах выселения из Крыма расово «неполноценных» жителей. Решено было создать специальные лагеря для проведения «расового обследования» населения.^[287]

К июлю 1942 г. германское руководство окончательно отказалось от своих планов предоставления крымским татарам самоуправления. 27 июля в ставке «Вервольф» за ужином Гитлер заявил о своем желании «очистить» Крым.

Нежелание турецкого руководства вступить в войну на стороне Германии стало основанием для прекращения обсуждения вопросов о будущем статусе тюркских народов, проживавших на оккупированных территориях Советского Союза. И на крымских татар перестали смотреть

как на связующее звено в германо-турецких отношениях.

В 1970 — 1980-х гг. ряд русских «диссидентов», разоблачая «сталинские преступления», доказывали нам, что, дескать, не все татары служили немцам, а лишь «отдельные группы», а другие в это время партизанили. Однако в Германии тоже существовало антигитлеровское подполье, так что, теперь немцев записывать в наши союзники во Второй мировой? Давайте посмотрим конкретные цифры.

Обратимся к данным «демократического» историка Н.Ф. Бугая: «В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар».^[288] То есть, практически все крымско-татарское население призывного возраста. Показательно, что это неблагоприятное обстоятельство фактически признается в весьма характерном издании («Книга составляет документальную историческую основу проводимых в Российской Федерации мер по реабилитации поруганных и наказанных народов»)^[289]

А сколько же крымских татар находилось среди партизан? На 1 июня 1943 г. в крымских партизанских отрядах было 262 человека, из них 145 русских, 67 украинцев и... 6 татар.^[290]

На 15 января 1944 г., по данным партийного архива Крымского обкома Компартии Украины, в Крыму насчитывалось 3733 партизана, из них русских — 1944, украинцев — 348, татар — 598.^[291] Наконец, согласно справке о партийном, национальном и возрастном составе партизан Крыма на апрель 1944 г., среди партизан было: русских — 2075, татар — 391, украинцев — 356, белорусов — 71, прочих — 754.^[292]

Итак, даже если взять максимальную из приведенных цифр — 598, то соотношение татар в немецкой армии и в партизанах будет больше чем 30 к 1.

В связи с наступлением Красной Армии с октября 1943 г. лидеры татарских националистов начинают покидать Крым. В ходе эвакуации с полуострова вместе с немецкими частями в марте — апреле 1944 г. выехало не менее трех тысяч крымских татар. Большая часть из них, как и беженцы 1943 г., осела в Румынии, некоторым разрешено было перебраться в Германию.

Вывезенные из Крыма в Румынию, татарские подразделения в июне 1944 г. были сведены в Татарский конно-егерский полк СС трехбатальонного состава. Но позже, на территории Венгрии, полк был переформирован в Первую татарскую горно-егерскую бригаду СС (около 2500 человек) под командованием штандартенфюрера Фортенбаха. 31

декабря 1944 г. бригада была расформирована и вошла в состав Восточно-тюркского соединения СС (боевая группа «Крым» в составе двух пехотных батальонов и одной конной сотни). Эти соединения постоянно несли потери, и остатки татар в марте 1945 г. влились в Азербайджанскую боевую группу в качестве отдельных подразделений.

Часть крымских татар была перевезена во Францию и вошла в запасной батальон Волжско-татарского легиона, который дислоцировался у города Ле-Пюи. В конце войны несколько сотен татар вошли в 35-ю полицейскую дивизию СС и в состав вспомогательной службы ПВО во Франции.

После освобождения Крыма органы госбезопасности провели переселение крымских татар в Узбекскую ССР. Вопрос этот сейчас весьма деликатный, и я полностью процитирую следующий документ:

«Государственный Комитет Оборона товарищу Сталину
И.В.

10 мая 1944 г.

Органами НКВД и НКГБ проводится в Крыму работа по выявлению и изъятию агентуры противника, изменников Родины, пособников немецко-фашистских оккупантов и другого антисоветского элемента.

По состоянию на 7 мая с. г. арестовано таких лиц 5381 человек.

Изъято незаконно хранящегося населением оружия 5995 винтовок, 337 пулеметов, 250 автоматов, 31 миномет и большое количество гранат и винтовочных патронов...

Из частей Красной Армии к 1944 г. дезертировали свыше 20 тыс. татар, которые изменили Родине, перешли на службу к немцам и с оружием в руках боролись против Красной Армии...

Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения Государственного Комитета Оборона о выселении всех татар с территории Крыма.

Считаем целесообразным расселить крымских татар в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР для использования на работах как в сельском хозяйстве — колхозах, совхозах, так и в промышленности и на строительстве.

Вопрос о расселении татар в Узбекской ССР согласован с секретарем ЦК КП(б) Узбекистана т. Юсуповым.

По предварительным данным, в настоящее время в Крыму насчитывается 140–160 тыс. татарского населения. Операция по выселению будет начата 20–21 мая и закончена 1 июня. Представляю при этом проект постановления Государственного Комитета Обороны, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. Берия».
[\[293\]](#)

Согласно постановлению Комитета Обороны было предложено:

«Всех татар выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР. Выселение возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР (тов. Берия) выселение крымских татар закончить до 1 июня 1944 г.

Установить следующий порядок и условия выселения:

Разрешить спецпоселенцам взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие в количестве до 500 кг на семью.

Обязать НКПС (тов. Кагановича) организовать перевозку спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР специально сформированными эшелонами по графику, составленному совместно с НКВД СССР. Количество эшелонов, станции погрузки и станции назначения по заявке НКВД СССР. Расчеты за перевозки произвести по тарифу перевозок заключенных.

Наркомздраву СССР (тов. Митереву) выделить на каждый эшелон со спецпереселенцами, в сроки по согласованию с НКВД СССР, одного врача и двух медсестер с соответствующим запасом медикаментов и обеспечить медицинское и санитарное обслуживание спецпоселенцев в пути.

Наркомторгу СССР (тов. Любимову) обеспечить все эшелоны со спецпереселенцами ежедневно горячим питанием и кипятком. Для организации питания спецпереселенцев в пути выделить Наркомторгу продукты...

<...>

Обязать секретаря ЦК КП (б) Узбекистана тов. Юсупова... обеспечить наделение прибывающих спецпоселенцев

приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами.

<...>

Обязать Сельхозбанк (тов. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах их расселения ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет.

Обязать Наркомзаг СССР (тов. Субботина) выделить в распоряжение СНК Узбекской ССР муки, крупы и овощей для выдачи спецпереселенцам в течение июня — августа с. г. ежемесячно равными количествами... Выдачу спецпереселенцам муки, крупы и овощей в течение июня — августа с. г. производить бесплатно, в расчет за принятую у них в местах выселения сельхозпродукцию и скот». [\[294\]](#)

2 апреля и 11 мая 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановления № 5943сс и № 5859сс о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР.

Операция была проведена быстро и решительно. Выселение началось 18 мая, а уже 20 мая Серов и Кобулов докладывали:

«Телеграмма на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П. Берии

20 мая 1944 г.

Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с. г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 180 014 чел., погружено в 67 эшелонов, из которых 63 эшелона численностью 173 287 чел. отправлены к местам назначения, остальные 4 эшелона будут также отправлены сегодня.

Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6000 татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев.

Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста «Московуголь» 8000 человек спецконтингента 5000 чел. также составляют татары.

Таким образом, из Крымской АССР вывезено 191.044 лиц

татарской национальности.

В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 чел., а всего за время операции — 5989 чел.

Изъято оружия в ходе выселения: минометов — 10, пулеметов — 173, автоматов — 192, винтовок — 2650, боеприпасов — 46 603 шт.

Всего за время операции изъято: минометов — 49, пулеметов — 622, автоматов — 724, винтовок — 9888 и боепатронов — 326 887 шт.

При проведении операции никаких эксцессов не имело места.

Серов, Кобулов». [\[295\]](#)

Не следует забывать, что ни в мае 1944 г., ни в последующие два года никто не мог гарантировать, что война между СССР и союзниками, с одной стороны, и Германией — с другой не перерастет в войну между союзниками и СССР. Англия и США сосредоточили в мае 1944 г. огромный флот в Средиземном море, и нетрудно сообразить, что в случае начала войны с СССР он бы оказался в Черном море. Мог ли Сталин в такой ситуации оставлять крымских татар, столько раз наносивших удар в спину России? В мае 1944 г. у крымских татар было изъято оружие, достаточное для стрелковой дивизии военного времени (без артиллерийского полка). А сколько еще оружия было спрятано в разного типа схронах? Ведь только наивные люди могли хранить его дома. А войскам НКВД в ходе депортации было не до поисков оружия.

С 70-х годов XX века татарские националисты и их сторонники среди «либеральной интеллигенции» постоянно нагнетают вопрос о «депортации крымского татарского народа», «геноциде» одного народа и т. д. и т. п.

Спору нет, Сталин (а именно он несет ответственность за переселение татар, Берия, Серов и др. были лишь исполнителями его воли), безусловно, очень сурово поступил с крымскими татарами.

Но к чему нагнетать истерию и заниматься словоблудием? Начнем с того, что такое депортация. Ни в одном русском (до 1917 г.) и советском (до 1991 г.) официальном документе такого слова просто нет. Раскроем «Словарь иностранных слов», изданный в Москве в 1979 г. Там говорится: «Депортация — высылка из государства как уголовное или административное наказание». Вопрос: из какого в какое государство выселяли крымских татар? Из СССР в СССР. Как любил говаривать кот Бегемот: «Поздравляю вас совравши».

Теперь, что такое геноцид? Это истребление или существенное уменьшение числа людей данной национальности. Давайте считать: выселено, арестовано и мобилизовано в Красную Армию в мае 1944 г. менее 200 тысяч крымских татар. А вот в 1991 г. хотело вернуться в Крым по разным данным от 2 до 5 миллионов (!) людей, считающих себя крымскими татарами. Замечу при этом, что с XV века по 1941 г. численность татарского населения в Крыму была относительно стабильной. Так что, если говорить о численности татарского населения, то Сталин учинил не геноцид, а демографический взрыв, невозможный, если бы татары остались в Крыму.

Нелишне отметить, что совсем не все крымские татары были выселены в Узбекистан. Так, по данным Влады Селиной, «От статуса спецпоселенец освобождались и участники крымского подполья, действовавшие в тылу врага, члены их семей. Так, была освобождена семья С.С. Усеинова, который в период оккупации Крыма находился в Симферополе, состоял с декабря 1942 г. по март 1943 г. членом подпольной патриотической группы, затем был арестован гитлеровцами и расстрелян. Членам семьи было разрешено проживание в Симферополе».

Крымские татары-фронтовики сразу же обращались с просьбой освободить от спецпоселений их родственником. Такие обращения направляли зам. командира 2-й авиационной эскадрильи 1-го истребительного авиационного полка Высшей офицерской школы воздушного боя капитан Э.У. Чалбаш, майор бронетанковых войск Х. Чалбаш и многие другие... Зачастую просьбы такого характера удовлетворялись, в частности семье Э. Чалбаша разрешили проживание в Херсонской области.

Освобождались от выселения и татарские женщины, вышедшие замуж за русских».

История не любит сослагательного наклонения, но попробуем представить себе, что произошло бы в случае победы Гитлера. Боюсь, что тогда татарам пришлось бы поехать не на восток, на свою историческую родину, а на запад, в культурные европейские города Освенцим, Бухенвальд, Дахау и т. д.

Наконец, нелишне вспомнить, как во Франции, почти не воевавшей, в 1944–1945 гг. патриоты без суда и следствия расправлялись с коллаборационистами, то есть со всеми, кто хоть немного сотрудничал с немцами. Весь мир обошло фото расправы над француженкой, которая родила ребенка от германского солдата. И французская интеллигенция предпочла обо всем этом напрочь забыть.

А те же поляки и чехи разве не депортировали миллионы ни в чем неповинных германских граждан в 1945–1946 гг.? Ну и что? Стенает там туземная интеллигенция о геноциде и депортации? Предлагает вернуть депортированных и их потомков и ставить памятники депортируемому народу?

Понятно, что вся эта истерия — дело рук политиков и бизнесменов, разжигающих в корыстных целях межнациональные конфликты.

Возвращение татар в Крым, серьезное укрепление их политических и экономических позиций на полуострове, а также вмешательство Турции создали фактор нестабильности в Крыму. И сейчас вопрос не в том, начнется или нет этнический конфликт в Крыму, а в том — когда он начнется.

Формально Крым принадлежит Украине, но власть киевских незалежников слаба даже в чисто украинских областях. Кучма и К° не понимают, что Украина — это не страна с веками устанавливавшимися границами, как та же Франция, а административное территориальное объединение, созданное большевиками. Характерен пример Грузии, которая могла существовать в определенных большевиками границах только при советской власти. Сейчас на Украине происходят те же процессы, но на порядок медленнее.

Заканчивать пессимистическим прогнозом не хочется. Ну что ж, как говорится, поживем — увидим.

Заключение

*Кто прячет прошлое ревниво,
Тот и с грядущим не в ладу.*

Александр Твардовский

Эта книга во многом принципиально отличается от трудов царских и советских историков. При этом автор не видел своей главной целью опровержение или критику мэтров отечественной истории, а пытался дать читателю по возможности объективную картину русско-татарских отношений. Умолчание же каких-то негативных моментов нашей истории на руку лишь тем, кто пытается дестабилизировать Российскую Федерацию. Запретный плод сладок, и замалчиваемый факт становится взрывчатым материалом.

В своей книге автор пытался показать, что «история — не тротуар Невского проспекта», что москвичам и казанцам бессмысленно делить на «наших» и «ваших» стороны в битве на Калке, при взятии Рязани и на Куликовом поле.

Позднее возникают два принципиально разных государства — Казанское и Крымское ханства. Их население сформировалось из разных этнических групп, а главное, они имели разный способ производства. В Казанском ханстве основной валовой продукт производило местное население, а Крым жил разбоем, о чем, не стесняясь, говорили сами Гирей. Поэтому следует дифференцированно относиться к взаимоотношениям этих ханств с Москвой.

Кто виноват в том, что соединение Москвы и Казани в одном государстве не произошло мирным путем, — вопрос крайне запутанный и сложный, и ответить на него должны будущие историки. Но сейчас оба народа — русский и татарский (бул-гарский) — обречены жить в мире и согласии, и альтернативы этому нет, о чем свидетельствуют кровавые примеры Карабаха и Чечни. Да и не плохо бы знать любым сепаратистам, что при попытке отделения у них могут возникнуть куда более серьезные проблемы с окружающими нациями, нежели с русскими. Пример — та же Грузия.

Пусть каждый житель Москвы и Казани задумается, кто угрожает его культуре, вере и языку — русские (татары) или так называемая

американская культура, католическая церковь и различные западные секты? Ведь за 450 лет совместного существования обоих народов в едином государстве они сумели сохранить свою веру и свою культуру, во многом обогатив друг друга.

Приложение

Ханы Золотой Орды

I. Династия Джучидов рода Батыя (Бату)

1. Батый (Бату). 2-й сын Джучи 1236–1255
2. Сартак, сын Батыя 1255 (неск. недель)
3. Улагджан (Улагчи), сын Сартака 1255 (неск. дней)
4. Берке (Беркай), 3-й сын Джучи 1256–1266
5. Менгу-Тимур (Темир), племянник Берке 1266–1282
6. Туда-Менгу (Тудай), внук Батыя 1282–1287
7. Талабуга (Телебуга) 1287–1291
8. Тохта (Токтай, Токтагу), сын Менгу-Тимура 1291–1312/13
9. Узбек, сын Тохты 1312/13—1342. 7 апреля
10. Танибек (Исанбек), сын Узбека 1342
11. Джанибек, сын Узбека 1342 — 1357
12. Бердибек, сын Джанибека 1357 — 1359

Синяя Орда

- 1 (13) Мубарек-Ходжа 1345–1352
- 2 (14) Чамтай (Чимтай) 1353–1372

II. Прекращение рода Батыя, начало 20-летней смуты

15. Кулпа (Аскулпа) 1359 (6 месяцев)
16. Неврузбек (Невруз), хан Западной Орды 1359—1360
17. Хидербек (Хидыр, Хидрбек) 1360
18. Тимур-Хаджа (Темир-Ходжа), сын Хидербека 1361, 1 месяц
19. Орду-Мелек (Орда-Шейх) 1361
20. Кильдибек (Гильдебек) 1361
21. Мир-Пулат (Темир-Булат) 1361, неск. недель

II а. Удельные ханы, обосновавшиеся в разных частях Золотой Орды и не вступавшие в борьбу за престол в Сарае

22. Булат-Тимур (Булак-Темир) — в Булгарах 1361 — 1367
23. Сеит-Бей (Сигизбей) — в Мордовии 1361
24. Хаджи-Черкес — в Астрахани; 1-й раз 1361 — 1369
25. Алибек (Айбек, Аталюк) — в Заяицком юрте 1362 — 1374
26. Урус-хан — в Хорезме; 1-й раз 1361 — 1376
27. Мурат (Мурид, Амурат) 1361 — 1363

28. Булат-Ходжа 1364
29. Азиз, сын Тимур-Хаджи (18)1364 — 1367
30. Абдаллах1367 — 1368
31. Хасан (Асан), 1368–1369 — в Булгарах1369 — 1376
32. Хаджи-Черкес, 1369–1374 — в Астрахани, 2-й раз (24)1374 — 1375

Синяя Орда:

33. Урус-хан, сын Чамтая, 2-й раз 1372–1376^[297]
34. Алибек (Айбек, Ильбек, Али-Ходжа) (25), 2-й раз1374 — 1375
35. Карихан (Гиясэддин, Коанбек-хан), сын Алибека1375 — 1377
36. Араб-шах (Арапша) из Синей Орды1375 — 1377
- 36а. Араб-шах (Арапша) в Мордовию1377 — 1378
37. Урус-хан, сын Чамтая, 3-й раз1377 — 1378
38. Тактога, сын Урус-хана1378, 2 месяца
39. Тимур-Мелек (Темир-Мелик)

II б. Ставленники Мамаю — ханы в Прикубанье, на Нижнем Дону и Северном Кавказе

40. Мухаммед-Булак (с 1369 г. фактически)1378 — 1380
41. Тулук-бек (Тулунбек)апрель — сентябрь 1380

III. Восстановление единства Орды

42. Тохтамыш, 1-й раз1379 — 1391
43. Бек-Булатиюнь — август 1391
44. Тимур-Кутлу (Тимур-Кутлуй), 1-й разсентябрь — октябрь 1391
45. Тохтамыш, 2-й раз1392 — 1395
46. Таш-Тимур-оглан (хан)1395 — 1396
47. Кайрыджак (Куюрчак), сын Урус-хана1396
48. Бердибек II1396
49. Тимур-Кутлу, 2-й раз1396 — 1399
50. Шадибек (Чанибек), брат Тимур-Кутлу1399 — 1406
51. Пулат (Пулад, Булат-хан), сын Тимур-Кутлу, 1-й раз1406 — 1407
52. Джелал-эддин, сын Тохтамыша, 1-й раз1407
53. Пулат, 2-й раз1407 — 1411
54. Тимур, сын Тимур-Кутлу1411 — 1412
55. Джелал-эддин, 2-й раз1412 — [1415?]
56. Керим-Берды1412 — 1413
57. Кепек1414
58. Чекри (Чегре, Чингиз-оглан)1414 — 1416
59. Джаббар-Берды (Еримберды, Яримфердеи)1416 — 1417
60. Дервиш (Дариуш), хан Восточной части Орды 1417 — 1419
61. Улу-Мухаммед, хан всей Орды, 1-й раз1419 — 1423

62. Кадир-Берды, сын Тохтамыш, хан Западной Орды 1419 — 1420

IV. Разделение Орды на Западную и Восточную части

IV а. Западные ханы

63. Улу-Мухаммед 1421 -1422

65. Худайдат 1422-1423

66. Барак 1422-1423

67. Улу-Мухаммед 1425

68. Джумадух-хан 1425-1428

69. Девлет-Берды 1426-1427

70. Улу-Мухаммед, 4-й раз 1427-1429

IV б. Восточные ханы

64. Хаджи-Мухаммед (Хаджи-Махмуд-хан) 1421 — 1423

66а. Барак 1423–1428

71. Хаджи-Мухаммед, 2-й раз 1428–1430

72. Абдулхаир-хан 1430 — 1451

73. Улу-Мухаммед в Сарае, 5-й раз 1429–1431 (36)

74. Кичи-Мухаммед, внук Тимур-Кутлу, 1-й раз Хан всей Орды.

Ведет борьбу с претендентами на престол, которые изгоняются 1431–1443

75. Гиас-эддин в 1430 г. в Литву

76. Хаджи-Гирей в 1432 г. в Крым

77. Улу-Мухаммед в 1437 г. в Казань

78. Сеид-Ахмет в 1442 г. в Западной части Орды

79. Сеид-Азмет, внук Урус-хана, в Западной части Орды 1442–1445

V. Ханы Большой Орды

80. Кичи-Мухаммед, 2-й раз 1443–1459

81. Мухмуд, сын Кичи-Мухаммеда 1459–1465

82. Ахмат (Ахмед), сын Кичи-Мухаммеда 1465 — 1481

Конец Золотой Орды

Начало ряда региональных Орд, осколков Золотой Орды: Ногайская Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Касимовское царство.

Казанские ханы

Ханы Годы правления

Улу-Мухаммед (Мухаммед Великий) 1437–1446

Махмуд, сын Улу-Мухаммеда 1446–1463

Халиль, внук Улу-Мухаммеда 1463–1467
Ибрагим, брат Халиля 1467–1479
Али, сын Ибрагима 1479–1484
Мухаммед-Эмин, сын Ибрагима 1484–1485
Али 1485–1487
Мухаммед-Эмин 1487–1496
Мамук (Тюменский) 1496–1497
Абдул-Латыф (Касимовский) 1497–1502
Мухаммед-Эмин 1502 — декабрь 1518
Шах-Али 1519–1521
Сагиб Гирей 1521–1524
Сафа Гирей 1524–1531
Джан-Али 1531–1535
Сафа Гирей 1535–1546
Шах-Али 1546 (июль)
Сафа Гирей 1546–1549
Утямыш Гирей 1549–1551
Шах-Али 1551–1552
Ядигер-Мухаммед 1552 (март — сентябрь)
Али-Акрам 1553–1556

Крымские ханы Гирей

Имена Годы правления
Хаджи- Девлет Гирей 1443–1466
Менгли Гирей 1466 — 1513
Мухаммед Гирей I 1513 — 1523
Саадет Гирей I 1523–1532
Сагиб Гирей I 1532 — 1551
Девлет Гирей I 1551–1577
Семин Гирей 1577 — 1584
Ислам Гирей 1584 — 1588
Бора-Газы Гирей 1588–1608
Селямет Гирей I 1608–1610
Джанибек Гирей 1610–1623
Мухаммед Гирей II 1623–1628
Джанибек Гирей 1628–1635
Инайет Гирей 1635–1637

Резмий-Бахадур Гирей 1637–1641
Камиль-Мухаммед Гирей 1641 — 1644
Ислам Гирей II 1644–1654
Камиль-Мухаммед Гирей 1654–1666
Адилъ Гирей 1666 — 1671
Эльхадж- Селим Гирей 1671 — 1677
Мурад Гирей 1677-1682
Хаджи Гирей II 1682-1684
Эльхадж-Селим Гирей 1684-1691
Саадет Гирей II 1691-1692
Сафа Гирей 1692-1693
Эльхадж-Селим Гирей 1693-1699
Девлет Гирей II 1699-1703
Эльхадж-Селим Гирей 1703-1704
Газы Гирей II 1704-1706
Каплан Гирей 1706-1708
Девлет Гирей II 1708-1713
Саадет Гирей III 1713-1723
Менгли Гирей II 1723-1730
Каплан Гирей 1730-1736
Фатих Гирей 1736-1737
Менгли Гирей II 1737-1740
Селямет Гирей II 1740-1744
Селим Гирей 1744-1749
Арслан Гирей 1749-1756
Крым Гирей 1756-1764
Селим Гирей III 1764-1766
Арслан Гирей 1766
Максуд Гирей 1766-1768
Крым Гирей 1768-1769
Селим Гирей III 1769-1771
Сагиб Гирей II 1771-1774
Девлет Гирей IV 1774-1776
Шагин Гирей II 1776-1783

Список использованной литературы

Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. Материалы научной конференции, г. Казань, 25 апреля 2000 г. Казань. Матбугат йорты, 2000.

Александр Невский. Сборник /Составитель Т.А. Соколова. М.: Новатор, 1998.

Андреев А.Р. История Крыма. М. Издательство Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997.

Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Культура, 1991.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 1987.

Бизертский Морской сборник 1921–1923 / Под ред. В.В. Лобыцына. М.: Согласие, 2003.

Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М.: Издательство Московского университета, 1999.

Брикнер А. История Екатерины Второй. СПб., 1885.

Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М.: АИРО — XX, 1995.

Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки Древней Руси. М.: Вече, 2000.

Валянский С.И., Калюжный Д.В. Другая история Руси. М.: Вече, 2001.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Книга I. Киев. Украина, 1995.

Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 года, Казань. Мастер-Лайн, 2001.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915.

Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Понырко. Л.: Лениздат, 1985.

Гафаров И.А. От истоков к истине. Казань. Дом печати, 2002.
Герберштейн С. Записки о Московии. М.: 1988.

Гордиенко Н.С. Православные святые: кто они? Л.: Лениздат, 1979.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. /

Под ред. С. Хромова. М.: Советская Энциклопедия, 1983.

Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский Печатник, 1998.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской зетчли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экопрос, 1992.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Рязань. Новое время, 1993.

Дмитрий Донской. Сборник / Автор и составитель Ю.М. Лощиц. М.: Новатор, 1996.

Д-р Эренжен Хара-Давай. Чингис-хан как полководец и его наследие. М., 1996.

Древнерусская литература / Составитель О.В. Творогов. М.: Просвещение, 1995.

Дробязкл С.И. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М.: Астрель, 2001.

Дюличев В.П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь. Бизнес-Информ, 1998.

Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV— первой трети XVI в. М. Наука, 1988.

Известия таврической ученой архивной комиссии (год девятнадцатый) № 37 / Под редакцией правителя дел Арсения Маркевича. Симферополь. Типография Таврического Губернского Земства, 1905.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М.: Чарли, 1996.

Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: "Их надо депортировать...": Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992.

История стран Азии и Африки в средние века / Под ред. Л.В. Симоновской и Ф.М. Ацамба. М. Издательство Московского университета, 1968.

История Украинской ССР / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора. Киев. Наукова Думка, 1982.

Караев Г.Н., Потресов А.С. Загадка Чудского озера. М.: Молодая гвардия, 1966.

Каратеев М.Д. Русь и Орда. М.: Современник, 1991.

Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М.: Русская панорама, 1998.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Коган В.М. История дома Рюриковичей, СПб.: Издательский дом «Бельведер», 1993.

Костомаров Н.И. Русская республика. М.: Чарли, 1994.

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1. / Сост. Н.Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Издательство Московского университета, 1983.

Куликовская битва. Сборник статей / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Наука, 1980.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. М.: УРАО, 2001.

Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М.: Панорама, 1991.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984.

Лорд Кинросс. Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-пресс, 1999.

Любавский М. Обзор истории русской колонизации. М.: Издательство Московского университета, 1996.

Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV — начала XVIII веков. М.: Воениздат, 1990.

Манштейн К. Записки о России. Ростов-на-Дону. Феникс, 1998.

Манюшин И.С. Героическая трагедия. Симферополь. Таврида, 2001.

Мартынов А.И. Археология СССР. М.: Высшая школа, 1973.

Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г., М.: Индрик, 2002.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002.

На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй XVII в.). М.: ИНСАН, 1996.

Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Издательство политической литературы, 1983.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: 1950.

Повести о Куликовской битве. М.—Л., 1959. Полное собрание русских летописей. М., 1965.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2000.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М.:

Богородский Печатник, 1998.

Прочко И.С. История развития артиллерии. В 5 томах. М.: Артакадемия, 1945.

Ражнев Г.В. Герб Смоленска. Смоленск, Библиотека журнала "Край Смоленский", 1993.

Ростунов И. Генералиссимус А.В. Суворов. М.: Воениздат, 1989.

Русские святые воины. Жития. М.: Спасский собор — Дер жав, 2000.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия, М.: Вече, 1998.

Савелов Л.М. Лекции по генеалогии. М.: Археографический центр, 1994.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2002.

Скрынников Р.Г. История Российская, IX–XVII вв. М.: Весь мир, 1997.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990.

Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.

Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1982.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I, II, III. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959-1960

Татаро-монголы в Азии и Европе / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1977.

Татищев В.Н. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., 1966.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: 1884.

Ткаченко В.А. Московские великие и удельные князья и цари. М.: Поиск, 1992.

Троицкая летопись. М., Л., 1950.

Тунманн. Крымское ханство. Симферополь. Таврия, 1991.

Федотов Г.П. Святые древней Руси. Ростов-на-Дону, Феникс, 1999.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304, М.: Прогресс, 1989.

Халиков А.Х. Кто мы — болгары или татары? Казань, 1992.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, Фэн, 1994.

Хафизов Г. Г. Распад Монгольской империи и образование улуча Джучи. Казань, Татарское книжное издательство, 2000.

Хорошев А. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). Издательство Московского университета, 1986.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991.

Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIVвеке. Л.: Наука, 1987.

Широкоград А. Б. Северные войны России. М.: АСТ, Минск, Харвест, 2001.

Широкоград А.Б. Путь к трону. М.: Астрель, 2002.

Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны, М.: АСТ, Минск, Харвест, 2000.

Шмурло Е.Ф. Курс русской истории. Русь и Литва. СПб.: Алетейя, 2000.

Шумов С., Андреев А. История Запорожской Сечи. Киев. М.: Евролинц, 2003.

Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора М.: Наука, 1988.

Яровицкий Д.И. История запорожских казаков, Киев, Наукова Думка, 1990.

notes

Примечания

1

Речь идет о г. Галиче на Днестре, не путать с Галичем в Костромской области.

Тумен — около 10 тысяч всадников

Будущий король галицкий. Подробнее о нем будет рассказано в главе «Королевство Даниила Галицкого».

Шумск — город на Волыни; Несвиж — город Туровского уезда Минской губернии.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I, М.,
Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 664.

Текст повести приведен в переводе с древнерусского языка, сделанном Д.С. Лихачевым. Однако тут академик допустил грубую ошибку и именовал рязанского князя Юрия Игоревича Ингоревичем. На самом деле Юрий Игоревич был сыном рязанского князя Игоря Глебовича и братом князя Ингваря Игоревича, умершего около 1222 г.

Воинские повести древней Руси. Лениздат, 1985. С. 106–107.

Там же. С. 108.

Там же. С. 109

Дж. Феннел, З.З. Мифтахов и др.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. Рязань. Новое время, 1993. С. 245–246.

Воинские повести древней Руси. С. 111.

Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань. С. 247.

Воинские повести древней Руси. С. 115.

Там же. С. 110.

Там же. С. 110–111.

Интересно, что православная церковь придерживается версии "Повести...". Олег Ингваревич якобы был тяжело ранен и приведен к Батыю. "Удивляясь смелости и красоте его, Батый предлагал ему свою дружбу и убеждал отречься от веры Христианской. Но когда юный князь назвал его безбожным, варвар, разъярившись, велел разнять его по составам. Почитается как святой Переяславля Рязанского" (Русские святые воины. Жития. М., Спасский собор — Держава, 2000. С. 183).

Впервые Белгород Рязанский упомянут в Никоновской летописи под 1155 годом.

Впервые Воронеж упомянут в Ипатьевской летописи под 1177 годом.

Согласно З.З. Мифтахову, воевода Нянька на самом деле был Нанкай, правнуком болгарского князя Шамгуна и внуком Арбата Ос-Лоджа. С 1164 г. последний был воеводой Москны. У него было двое сыновей — Азан и Батыр. Азан был отцом Гази Бараджа, а Батыр отцом Нанкая.

Там же. С. 89–90

Гумилев Л.П. От Руси к России. М., Экоирос, 1992. С. 121.

Мифтахов **З.З.** Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань, 2002. С. 120.

Воинские повести древней Руси. С. 90–91.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 113.

Там же. С. 113–114.

Между тем семилетний Борис сразу после гибели отца стал ростовским князем. И это не в новинку на Руси и в других странах. Так, знаменитый киевский князь Святослав Владимирович впервые участвовал в битве в трехлетнем возрасте. В военной энциклопедии, изданной в Петербурге в 1911–1915 гг., приведены биографические сведения о лучших генералах, родившихся за границей и поступивших на русскую службу в XVIII веке. Все они начали службу и участвовали в боях в возрасте от 13 до 15 лет. А сколько юных принцесс в 12–14 лет были уже замужем и участвовали в заговорах и государственных переворотах!

Власть князя в Новгороде и Пскове была существенно ограничена по сравнению с другими русскими землями. Там князь ведал обороной и частично внешней политикой. Во внутренние дела города он не имел права вмешиваться. Князь со своей дружиной жил вне города (цитадели) в специальном укрепленном замке (крепости). В мирное время ему подчинялась лишь дружина, а в военное — и рати Пскова или Новгорода. Вече могло в любой момент прогнать ("показать путь") князя и позвать другого или вообще на какое-то время оставить землю без князя.

Воинские повести древней Руси. С. 91.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II, 1960. С. 142–143.

Историки так и не установили его отчество. По одной версии он был сыном Андрея Всеволодовича, а по другой — внуком черниговского князя Мстислава Свя-тославовича, убитого на Калке. У последнего-де был сын (неизвестный по имени), а у того — сын Василий.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 143.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия. М. Вече. 1998. С. 399.

Михаил Всеволодович был сыном польской королевы Марии Казимировны.

См. Мартынов А.И. Археология СССР. М., Высшая школа, 1973.

В XIX в. одноименное местечко Гайсинского уезда Подольской губернии.

Смоленским князем в 1241 г. был Всеволод Мстиславович, а войско мог вести его троюродный племянник молодой князь Михаил Ростиславович.

Замечу, что болгарский летописец приписывает решающую роль в успехе отрядам болгар и смолян, находившимся в центре татарского войска и принявшим на себя главный удар рыцарей.

По версии болгарской летописи, Орду был разжалован после ночного боя, но мне это кажется маловероятным.

Д-р Эренжен Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие.
М., 1996. С. 232.

Ярослав Гашек. Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. М., Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 660.

Пусть отчество не вводит читателя в заблуждение. Отцом Михаила был Всеволод Святославович Чермный, удельный князь черниговский, а Ярослав Всеволодович Михаилу приходился весьма отдаленным родственником.

Опять уточню для непосвященного читателя: 15 лет в XIII в. на Руси — это возраст взрослого мужчины и воина. В 1232 г. 14-летний князь Федор не только участвовал в походе на мордву, но и лично принимал участие в рукопашных схватках.

Предположительно ее отец Брячислав Василькович, сын полоцкого князя Василька Брячиславича, о жизни и деятельности которого историкам ничего не известно.

Мифтахов **3.3.** Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С.126.

Бан — гражданский и одновременно военный чин в Венгрии. Гражданский — наместник короля в провинции, а военный — подобие генерала.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. Петербург. 1911–1915.

Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М. Советская энциклопедия, 1982. С. 824.

Подробнее см. Широкопад А. Б. Северные войны России М., АСТ, Минск. Харвест, 2001.

Заичкин И., Почкаев И. Русская история. Популярный очерк. М., Мысль, 1992, С. 128.

Видимо, речь идет о Большой и Малой Неве.

Через 6 часов после восхода солнца (под древнерусскому времени), т. е. в 11 часов утра.

Ярослав Владимирович — удельный князь дорогобужский, сын Владимира Мстиславовича, в 1232 г., поссорившись князем Ярославом Всеволодовичем, бежал к немцам в Оденпе.

В исторической литературе принято называть рыцарей орденов Тевтонского и Меченосцев немцами, хотя в их числе было немало французских, итальянских и других западноевропейских рыцарей.

Село Копорье Ломоносовского р-на Ленинградском области

Точная дата рождения суздальского князя Андрея Ярославовича неизвестно. К этому времени ему могло быть от 14 до 18 лет. Однако, как уже говорилось, в таком возрасте князья Рюриковичи были воеводами, а не подростками.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. М., Прогресс, 1989, С. 145.

Матузова В.И., Назарова Е.А. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М., Индрик, 2002. С. 233.

О профессиональных воинах-новгородцах мы подробнее поговорим в главе "Уймите ушкуйников". А сейчас лишь замечу, что ушкуйники всегда не любили вставать под княжеские стяги. Соответственно, ни в "Житии Александра Невского", ни в летописи нет сведений об участии новгородской вольницы в Ледовом побоище.

Хафизов Г.Г. Распад Монгольской империи и образование улуса Джучи. Казань. Татарское книжное издательство, 2000. С. 41.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Современный Канев, город на Днепре в 100 км от Киева.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 157.

Александр Невский. Сборник /Составитель Т.А. Соколова. М., Новатор, 1998. С. 128.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 158.

Подробной информации о системе дани золотоордынским ханам, к сожалению, нет ни в русских, ни в восточных летописях. Предположительно, десятина — это десятая часть хлебного сбора, а тамга — пошлина с коммерческих сделок.

Костомаров Н.И. Русская республика. М., Чарли, 1994. С. 70.

Женитьба удельного князя на боярышне — явление довольно редкое для XIII века.

Костомаров Н.И. Русская республика. С. 70.

Видимо, среди этих баскаков были и этнические русские, находившиеся на службе у хана. Позже (в начале XIV в.) баскаками иногда называли и чиновников русских князей, собиравших дань с населения.

Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра (Александр Невский. Сборник /Составитель Т.А. Соколова. С. 17–18).

Тут же следует сноска редакторского коллектива сборника, состоящего из двух академиков и четырех профессоров: "Монголо-татары — это искусственное этническое наименование, появившееся в трудах историков спустя столетия после исчезновения средневековых монгольских государств. Словосочетание это механически соединило два названия одного и того же народа. Первая часть — монголы — хорошо известна по ряду древних источников, из которых следует, что этноним «монголы» применялся как самоназвание ряда центральноазиатских племен, объединенных Чингисханом в единое государство. Вторая часть — татары — представляет собой название тех же самых монголов, утвердившееся в XIII в. в Китае и довольно быстро распространившееся за его пределами".

Куликовская битва. Сборник статей/ Под ред. Л.Г. Бескровного. М., Наука, 1980. С. 175–178.

Актуальные проблемы истории государственности татарского народа.
Казань. Матбугат йорты, 2000. С. 63–64.

По современной терминологии темник во второй половине XIII века — должность, означающая одновременно генерала и губернатора провинции.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. М., Международные отношения, 2000.
С. 41.

Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., Панорама, 1991.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. С. 43.

Советская Россия, 1989, 5 августа. Перевод статьи эстонского профессора Т. Таде "Великорусский национализм" со ссылкой на шведскую газету "Свенска дагбладет".

Савелов Л.М., Лекции по генеалогии. М., Археографический центр, 1994. С. 87.

Па стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй XVII в.). М., ИНСАН, 1996. С. 263.

Там же.

Никольский Н.М. История русской церкви. М., Издательство политической литературы, 1983. С. 55.

Ростислав был сыном Мстислава Давыдовича, а Всеволод — сыном Мстислава Романовича Старого.

В брак русские княжны обычно вступали в возрасте 12–17 лет.

Михаил Белозерский — сын Глеба Васильковича и татарской княжны Феодоры Сартаковны.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 226.

Русские святые воины. Жития. С. 272.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 165.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. С. 167.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 163

Обратим внимание, что если сыновья Ярослава Всеволодовича придерживались горизонтальной системы наследования, то у его внуков преобладала уже вертикальная система, т. е. сын наследовал отцу.

Никоновская летопись.

Здесь и далее, говоря, что князь умер, не оставив наследников, я имею в виду сыновей, доживших до совершеннолетия.

Из-за разбойного характера русских князей Новгород был вынужден вообще отказаться от строительства крепостей на своих западных и северных границах. Так, оба берега р. Невы, Карельский перешеек и южный берег Финского залива в X–XIV вв. были новгородской территорией. Там поселения новгородцев перемешались с поселениями чухонцев и ижоры. Но крепостей в этом районе новгородцы принципиально не строили. В крепости должны быть гарнизон и князь. А князь, особенно из рода Ярославовичей, обязательно начнет грабить проезжих купцов. Шведы же считали земли, где не было ни крепостей, ни гарнизонов, ничейными, и постоянно пытались захватить устье Невы и строили там крепости. Новгородцы сами или с помощью нанятых «низовых» князей вышибали шведов и до основания разрушали построенные ими крепости. Новгородцы считали периодические зачистки Невы от шведов экономически более выгодными, чем наличие гарнизонов с князьями.

Историки называют его Ростовский. На самом деле ростовским князем он станет лишь в 1286 г., а тогда 26-летний Константин Борисович не имел удела, но зато тоже побывал в походе на Кавказ в 1277 г.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 гг. С. 191.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 194–195.

Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). М., Издательство московского университета, 1999.

Здесь и до конца абзаца в кавычках взяты выражения М.С. Грушевского (Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891).

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 563.

Там же. С. 564.

Борисов П.С. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). С. 120.

Отчество князя Василия неизвестно, предположительно
Александрович.

Симония — взятничество, в т. ч. торговля церковными должностями.

Подробнее см. Широкопад А.Б. Северные войны России.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. П. С. 221.

Свое прозвище Иван Данилович получил за привычку постоянно носить с собой большой кошель с деньгами — "калиту".

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 222–224.

Старшим сыном убитого Михаила был Дмитрий (1298–1326 гг.), далее следовали Александр (1300–1339), Константин (1306/07 -1346/47) и Василий (1318/19-1349/50 или 1368). То, что в Москву поехал не старший сын Дмитрий, а Александр, дало повод историку Н.С. Борисову предположить, что хан Узбек дал ярлык на Тверское княжество Александру, а не Дмитрию. Однако другие историки, а главное, летописи, считают тверским князем с 1318 г. Дмитрия.

Сначала XIV в. стало модно именоваться великий князь московский, тверском, рязанский, смоленский и т. д. Это было сделано, чтобы показать его верх над удельными князьями внутри княжества. Я же буду просто именовать князь тверской; подразумевая великий князь тверской, а исключение сделаю лишь для Великого княжества Литовского.

Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Столбец 41.

Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Столбец 43.

Татищев В.П. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1966. С. 83.

Борисов И.О. Политика московских князей (конец XIII — первая половина XIV века). С. 211.

Историк А.А. Горский считал, что "по вопросу великого княжения Узбек принял неординарное решение: оно было поделено между двумя князьями. Ивану Калите достался Новгород и Кострома, а суздальскому князю Александру Васильевичу — Владимир и Поволжье. Очевидно, имевшие место акты неповиновения великих князей владимирских (Юрия Даниловича и Александра Михайловича) привели хана к мысли о нежелательности того резкого усиления одного князя, которое неизбежно происходило при получении всего великого княжения... После смерти в 1331 г. Александра Васильевича Иван Калита вновь отправился в Орду. Здесь путем щедрых даров и обещания больших выплат ему удалось получить все великое княжение и вдобавок половину Ростова". (Москва и Орда. М., Паука, 2000. С. 61–62) Видимо, Горский прав, но попытка раздела Великого княжества Владимирского ханом Узбеком оказалась неудачной и не сыграла особой роли в дальнейших событиях.

Новгородская первая летопись. С. 343. Псковские летописи. Вып. 1. С. 17.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 232.

Командующий новгородским войском в мирное, а иногда и в военное время.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Лениздат, 1990. С. 6.

Там же. С. 8–9

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотом Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 460.

Тут автор просто вынужден дать длинный список ханов, поскольку ряд историков, в т. ч. В.В. Похлебкин, дают совсем иной порядок и хронологию правления золотоордынских ханов. (См. Приложение).

Точная дата рождения княжича Ивана Ивановича неизвестна, но в летописи сказано, что 23 октября 1364 г. "на Москве князь Ивашко дитя преставился".

' Дмитрии Донской. Сборник автор и составитель Ю.М. Лоциц. М., Новатор, 1996. С. 121 — 122.

Там же. С. 23–24.

Зимин А.А. Витязь на распутье. М., Мысль, 1991. С. 191–195.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 246.

Кажется, это первое упоминание Казани в русских летописях.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 282.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 246–248.

Синяя Орда кочевала между р. Яик и Аральским морем.

Шавырин В. Неделимое поле // Родина. 1997, № 3–4. С. 94.

Там же.

Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы к>би лейной научной конференции). М., Издательство Московского университета, НМ.Ч. С. 52–53.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 284.

Там же. С. 285

Там же. С. 286 287.

Куликовская битва. Сборник статей/ Под ред. Л.Г. Бескровного

Ему принадлежало село Куликовка и около 1400 гектаров в районе так называемого Куликова поля.

Бычков Л.А., Пмзовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки древней Руси, М., Вече, 2000. С. 370–372.

Повести о Куликовской битве. М., Л-д, 1959. С. 66, 72.

Гафаров И.А. От истоков к истине. Казань. Дом печати, 2002. С.11.

Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения. (Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. Материалы юбилейной научной конференции). М., Издательство Московского университета, 1983. С. 68).

Мифтахов **3.3.** Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.).С. 272.

Куликовская битва. Сборник статей. С. 211–212.

Дмитрий Донской. Сборник / Автор и составитель Ю.М. Лоциц. С. 238.

Мифтахов **3.3.** Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 261.

Там же. С. 269.

Там же. С. 270–271.

Там же. С. 274.

Кольчуги из плоских, рубленых из стального листа колец.

В 1781 г. императрица Екатерина II переименовала Хлынов в Вятку, а в 1934 г. большевики переименовали его в Киров.

Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., Вече, 2002. С. 261.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 582.

По другим источникам это произошло в конце 1253 г.

К этому времени на панском престоле уже сидел Александр IV.

Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 478–481.

Схизматиками католики называли православных

Современная речка Синюха, приток Южного Буга.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., Чарли, 1996. С. 167.

Видимо, Рюриковича, поскольку крещеные литовцы в летописях того времени фигурировали исключительно под языческими именами.

Соловьев С.М. Истории России с древнейших времен. Книга II. С. 182.

Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб. Издательский дом «Бельведер», 1993. С. 95.

Ражнев Г.В. Герб Смоленска. Смоленск, Библиотека журнала "Край Смоленский". 1993.

По одной (и довольно спорной) версии Андрей — основатель рода князей Вяземских.

Тогда Москва-река была гораздо полноводнее и речные суда средних размеров могли ходить от Можайска до Москвы.

Горский А.А. Москва и Орда. С. 18.

Борисов Н.С. Политика московских князей (коней XIII — первая половина XIV века). С. 324.

Полное собрание русские летописей. Т. 10. С. 206.

Видимо, какой-то родственник князей Святославовичей.

Первой женой Витовта была Анна, дочь Святослава Ивановича Смоленского.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. С. 163

Города Руса, Ладога, Орехов, Копорье, Торжок, Городец и другие.

Вся родня Дмитрия разбежалась. Двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать — в Торжок, Евдокия, жена Донского с детьми побежала за мужем в Кострому. Так же и духовное сословие — Герасим, владыка Коломенский убежал в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъялся великий князь.

Воинские повести древней Руси. С. 282.

Там же.

Там же. С. 282–285

Там же. С. 288.

Там же.

Там же.

Речь идет о ратниках Остея, которые в подавляющем большинстве своем были русскими, а этнических литовцев среди них могло вообще не быть.

Мифтахов **3.3.** Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 282–283.

См. Прочко И.С. История развития артиллерии. М., Артакадемия. Т. 1.
С. 24.

Иловайский Д.И. Собиратели Руси. С. 61.

Троицкая летопись, М., Л-д, 1950, С. 468 (6916 г.).

См. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.) С. 261.

Там же. С. 274.

Там же. С. 283.

Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV — начала XVIII веков. М., Воениздат, 1990.

Карач Мурза Оглан — личность довольно любопытная. Он был сыном кара-чет кого князя Василия Пантелеймоновича (Пантелевича). В 1339 г. Василий Пактелеймонович убил своего деда князя Андрея Мстиславовича, а затем бежал в Орду. Там он женился на Фейзуле, родной тетке хана Тохтамыша. Его сын Карач Мурза принял ислам и стал приближенным Тохтамыша. Жизнь этой ветви караченских князей изложена и довольно интересном, но далеком от исторической правды романе русского эмигранта Михаила Каратеева «Русь и Орда». (М., Современник, 1991).

Горский А.А. Москва и Орда. С. 119.

Полный свод русских летописей. Т. 15. Вып. 2. Столбец 157.

3-й сын великого князя нижегородского Константина Васильевича.

197 Для удобства читателя я буду впредь так именовать московских правителей.

198 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 357.

Мифтахов 3.3. Курс лекций по истории татарского народа (1225 — 1552 гг.) С. 286–287.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 370–371.

Петр Дмитриевский, пятый сын Дмитрия Донского. Родился в 1385 г., умер в 1428 г. К этому времени умерли и все его дети, так что потомства он не оставил.

Село Лысково в XIX веке относилось к Макарьевскому уезду Нижегородской губернии.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 292.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 355 — 356.

Там же. С. 356.

Софья Витовтовна родила 9 детей — 5 сыновей и 4 дочери. Но, увы, к 1423 г. из мужского потомства в живых остался только самый младший сын Василий, родившийся 10 марта 1415 г.

Горский А.А. Москва и Орда. С. 138–139.

К этому времени князю Юрию Дмитриевичу принадлежал Звенигородский удел (Звенигород — город на Москве-реке, около часа пути на электричке с Белорусского вокзала), а также Галичская земля (север Костромской области) и Вятская земля.

Горским А.А. Москва и Орда. С. 141.

Наши историки пишут "Василий II заключил соглашение, Василий II двинул войска... и т. д., но насколько нелепо это по отношению к 10-летнему ребенку.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 33.

Как не вспомнить фильм "Адмирал Ушаков", где английский посол в Петербурге спрашивает турецкого: "В вашем Трапезунде чума, а в Херсоне нет чумы?" «Нет». — "А ведь могла быть".

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С.315.

Улу- Мухаммед действительно владел лишь Западной частью Золотой Орды.

Зимин А.А. Витязь на распутье. С. 68.

Потомок святого Михаила Черниговского.

В 1439 г. Василий II за измену ослепит Григория Протасова.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 308.

' Там же. С. 312.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. С. 83.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 144.

Ходили слухи, что Тверь будет одной из первых передана татарам.

Из выживших к 1447 г. сыновей.

Так, Углич сдался войскам Василия Темного лишь после обстрела тверскими пушками.

Позже причислен к лику святых.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 417.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 69.

См. Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225-1552 гг.). С. 334-335.

Последний император Византии Константин Палеолог пал в бою в 1453 г. при штурме Константинополя турками. Его брат Фома бежал в Рим. После его смерти осталось двое сыновей и дочь София. Узнав о смерти в 1467 г. первой жены Ивана, Марии, римский папа Павел II через греческого митрополита Виссариона, подписывавшего Флорентийскую унию, предложил Софию в жены московскому князю. Иван согласился. 12 ноября 1472 г. София прибыла в Москву и в тот же день была обвенчана с Иваном. По свидетельству современников, София была женщиной хитрой и коварной. Она настраивала мужа против братьев, служилых князей и бояр. Женитьба на Софии дала повод Москве впервые заговорить о претензиях на Константинополь. Так, в ряде документов, датированных 1499 годом, София именovala себя "царевной царьградской великой княгиней московской Софьей великого князя московского". Старый московский герб с Георгием Победоносцем, введенный князем Юрием Дмитриевичем, был заменен на двуглавого орла. Что означает этот герб, до Ивана и его бояр просто не дошло. С VII века до н. э. орел был символом Римской империи, а в IV веке н. э. двуглавый орел стал символом разделения Римской империи на Западную со столицей в Риме и Восточную со столицей в Константинополе. Для России же двуглавый орел был пустым обезьянничеством. Возвращение его в 1991 г. произошло также без объяснения смысла, что вызвало у народа серию толкований — Чернобыльский мутант, курица, слишком быстро вертевшая башкой перед объективом, и т. д.

230 Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 68.

231 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 76–77.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 78–79.

См. Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1221 — 1552 гг.). С. 337.

Воинские повести древней Руси. С. 296.

Яровицкий Д.И. История запорожских казаков. Киев. Наукова Думка.
Т. 1. 1990. С. 322

' Для того, чтобы дать возможность своим лошадям помочиться (франц.).

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 83.

Василий Шемячич, внук Дмитрия Шемяки. После отравления Дмитрия Шемяки его единственный сын Иван уехал в Псков, а через год, в мае 1454 г., прибыл в Литву. Король Казимир IV дал ему в наследственное правление большое Повгород-Северское княжество, в которое входили Рыльск и, видимо, Путивль. Там Иван Дмитриевич, а после его смерти сын Василий были полунезависимыми монархами. Но в 1500 г. Василий Шемячич обратился к Ивану III с просьбой принять его в подданство вместе с Новгород-Северским княжеством. Видимо, причиной этого была экспансия католицизма в Великом княжестве Литовском. Иван III согласился, и Василий Шемячич несколько лет верой и правдой служил Ивану III, а затем Василию III. Он проявил себя талантливым полководцем и участвовал во многих походах на Литву и крымских татар. Но в 1522 г. Василий III вызвал Василия Шемячича в Москву. 18 апреля 1523 г. Шемячич прибыл в Москву, с почетом был принят Василием III, но вскоре был схвачен и брошен в тюрьму. По мнению С. Герберштейна, один Шемячич оставался на Руси крупным властителем, и "чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдуманно было обвинение в вероломстве, которое должно было устранить его". Сын Василия Шемячича Иван, жена и двое дочерей были насильно пострижены в монахи и сосланы в Каргополь, сам Василий умер в заточении 10 августа 1529 г.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 87.

Князья Курбские — потомки ярославских князей. Князь Федор Семенович Курбский был внуком Ивана Васильевича Большого, предпоследнего независимого ярославского князя. Сын Ивана Большого Семен получил в удел село Курбу в 25 верстах от Ярославля, оттуда и пошло фамильное прозвище этой княжеской ветви. Внук убитого в 1506 г. под Казанью Михаила Федоровича Курбского Андрей придет пол Казань в 1552 г.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 384.

Как мы уже знаем, подавляющее большинство ратников Великого княжества Литовского были этническими русскими, а официальным языком княжества был русский.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.) С. 387.

Дабы избежать обвинений в очернительстве, процитирую промосковского казанского летописца: «И ошашася на лузях стояща у града все царевы шатры и каторги вельмож его со многим ядением и со многим питием и со всяким рухлом, воя же русская от путного шествия нужного, уже аки взята град Казань, и оставя дело божие и приклонишася на дело дьявольское, от высокоумия, и богу того изволившу — и начала без страха ясти и пити, и упиватися без ведения скверным ядением и пиеем варварским, а шлумитися, играти и спати до полудня» (Полное собрание русских летописей. Т. 19. С. 26–28).

По одним источникам хан Менгли Гирей умер в 1513 г., а по другим — в апреле 1515 г., т. е. Мухаммед Гирей в марте 1515 г. был не ханом, а калгой — наследником Менгли Гирея.

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 147.

Полное собрание русских летописей. Т. 19. С. 35.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. С. 273.

Там же. С. 274.

Рында — оруженосец

Похлебкин В.В. Татары и Русь. С. 110–111.

Иль — административная единица Казанского ханства, нечто среднее между русским уездом и губернией.

Примечание автора: отец Андрея Курбского Михаил Михайлович был также воеводой полка правой руки в походах на Казань в 1526 и 1530 гг., а дед Михаил Федорович, воевода переднего полка, был убит под Казанью в апреле 1506 г.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 498–499.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. М., УРАО, 2001.
С. 49.

Там же, с. 52..

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 509–510.

Курбский А.М. История о великом князе Московском. С. 56.

Имеется ввиду город Стародуб на Клязьме. К началу XIX в. на его месте было село Клязьменский городок Ковровского уезда Владимирской губернии, в 12 верстах от Коврова.

Некоторые историки XIX века отождествляли его с селом Троицко-Ильинско Ковровского уезда Владимирской области.

Вагенбург — обычно обозный парк или городок: сосредоточение повозок обоза при расположении на ночлег или дневку, а также при вынужденной остановке в пути при угрозе нападения противника. Если местность позволяла, то вагенбург делался в форме каре (четырехугольника), повозки смыкались в один-два ряда задками в поле, а дышлами внутрь.

См. Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны. М., АСТ, Минск, Харвест, 2000.

263 Реестровые казаки — регулярные войска малороссийских гетманов.

Орлик — писарь Войска Запорожского, бежавший к туркам.

Султан-сарай — дворец с султаном.

Практические все пленные были не военнослужащими, а мирными жителями.

Андреев А.Р. История Крыма. М., Издательство Межрегиональный центр отраслевой информатики Госатомнадзора России, 1997. С. 197–198.

268 Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова.
М., Советская энциклопедия, 1982. С. 660.

Здесь и далее я привожу факты из аполитичной книги "Известия Таврической ученой архивной комиссии (год девятнадцатый). № 37" под редакцией правителя дел Арсения Маркевича, изданной в 1905 г. в Симферополе. Книга эта представляет собой просто изложение губернских архивных дел без всяких комментариев и тем более без выводов.

Там же. С. 17.

Там же. С. 18.

Там же. С. 21.

Там же

Там же. С. 26

Там же. С. 27.

Там же. С. 29

Там же. С. 33

Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Книга I Киев. Украина, 1995. С. 16–17.

Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы, М., 1967. С. 104.

Ефимов А.В. "Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг.". "Российская община Севастополя", май 2002 г.

По данным Ефимова А.В. См.: "Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг."

См. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945, М., Наука, 1987. С. 208.

По данным Влады Селиной. См.: "За что Сталин выселял народы".
16.3-231

Манюшин И.С. Героическая трагедия, Симферополь, Таврида, 2001.
С. 141–142.

Там же. С. 190.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 209.

По данным Ефимова А.В. См.: "Некоторые аспекты германской оккупационной политики в отношении крымских татар в 1941–1944 гг."

Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М., АИРО — XX, 1995. С. 146.

Там же. С. 2.

Крым многонациональный. Вопросы и ответы. Вып. 1./Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. С. 80.

Там же.

Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: Согласно Вашему указанию... С. 146.

Коммунист, 1991, № 3. С. 107

Иосиф Сталин — Лаврентию Бери: "Их надо депортировать....":
Документы, факты, комментарии / Сост. Н. Ф. Бугай. М., Дружба народов,
1992. С. 134–136.

Там же. С. 138–139.

Хронологическая таблица приводится по В.В. Похлебкину "Татары и Русь" М., Международные отношения, 2000.

В Синей Орде устанавливается временная преемственность ханской власти, своя династия.